

2 (33)

2016

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Электронный журнал

**№ 2 (33)
2016**

ISSN 2071-0437 (online)

Журнал основан в 1997 г.

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ИПОС СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН, зам. директора по науке; Бужилова А.П., чл.-кор. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова, директор; Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН, г.н.с.; Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин, проф. (Германия); Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки, проф. (Финляндия); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга, проф. (США); Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН, зав. отделом; Логвин В.Н., д.и.н., Сургутский госуниверситет, проф.; Миненко Н.А., д.и.н., Уральский госуниверситет, проф.; Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.; Томилев Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет, проф.; Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.; Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), директор; Яблонский Л.Т., д.и.н., Ин-т археологии РАН, зав. отделом

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ИПОС СО РАН, зав. сектором; Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта, проф. (Германия); Дегтярева А.Д. (зам. главного редактора), к.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Зах В.А., д.и.н., ИПОС СО РАН, зав. сектором; Ключева В.П., к.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония), проф.; Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция); Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН, ст.н.с.; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Московченко Д.В., д.г.н., ИПОС СО РАН, зав. сектором; Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка, проф. (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина, проф. (Ирландия); Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Ткачев А.А., д.и.н., ИПОС СО РАН, зав. сектором

Утвержден к печати ученым советом Института проблем освоения Севера СО РАН

Электронное периодическое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций Свидетельство Эл № ФС 77-32570 от 15 июля 2008 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 22-93-60, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2016

Тюмень
Издательство ИПОС СО РАН

INSTITUTE OF PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE NORTH
SIBERIAN BRANCH
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE JOURNAL

№ 2 (33)
2016

ISSN 2071-0437 (online)

Journal is founded in 1997
There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, IPDN SB RAS, director

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Buzhilova A.P., corresponding member of the RAS, Doctor of History, Institute and Museum Anthropology University of Moscow

Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History, Institute of History and Archeology UrB RAS

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA

Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Logvin V.N., Doctor of History, Professor, University of Surgut

Minenko N.A., Doctor of History, Professor, Ural federal university

Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk

Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera

Yablonsky L.T., Doctor of History, Institute of Archaeology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, IPDN SB RAS

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany

Degtyareva A.D. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, IPDN SB RAS

Zakh V.A., Doctor of History, IPDN SB RAS

Kluyeva V.P., Candidate of History, IPDN SB RAS

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS

Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, IPDN SB RAS

Moskovchenko D.V., Doctor of Geography, IPDN SB RAS

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA

Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, IPDN SB RAS

Tkachev A.A., Doctor of History, IPDN SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>

Tyumen
IPDN SB RAS Publishing House

Содержание

Археология

Житенев В.С. Костяная индустрия Каповой пещеры и пещерных памятников верхнего палеолита с настенными изображениями Франко-Кантабрии	5
Омельченко В.В. О законе циклического развития мира, действительности, бытия в знаковых образах Мальтинской пластины из бивня мамонта времен палеолита	16
Евдокимов В.В., Логвин А.В., Ткачев А.А. Поселение Семиозерное II	30
Бесетаев Б.Б. Случайные находки бронзовых вещей раннесакского времени из Восточного Казахстана	41
Матвеева Н.П., Долгих А.С. К реконструкции женского костюма периода раннего средневековья (по материалам могильника Ревда-5 в Притоболье)	53
Турова Н.П. Коллекция наременной гарнитуры рубежа I–II тыс. н.э. из некрополя юдинской культуры	63
Татауров С.Ф., Татауров Ф.С. Археологические коллекции с Искера: новый взгляд на памятник	77
Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Колбина Е.Ю., Петров Д.М. К вопросу о ритуально потревоженных захоронениях якутов (XVII–XVIII вв.)	86

Антропология

Комаров С.Г., Китов Е.П. Новые краниологические данные к вопросу об антропологическом составе тюркского населения степной полосы Среднего Прииртышья X–XII вв.	97
Кириченко Д.А. О случаях трепанации у сарматских племен Евразии	112

Этнология

Лискевич Н.А., Машарипова А.Х. Охранительные ритуалы в скотоводстве коми Нижнего Притоболья и Омского Прииртышья	120
Иванова Л.В., Гордиенко А.В. Поликультурные истоки и аналогии изобразительной системы деревянного зодчества Зауралья	131
Голубкова О.В. Русалка в народных верованиях восточных славян Западной Сибири (перспективы картографирования локальных аспектов образа)	144
Богордаева А.А. Особенности покроя и украшений шапок духов-покровителей северных манси	153
Первалова Е.В. Туземная элита Березовского края в рисунках и фотографиях	162
Информация для авторов	173
Список сокращений	175

На передней стороне обложки: метательный нож и фрагменты удил, Искер (Омский историко-краеведческий музей); хоровод на празднике Ивана Купалы в музейном комплексе «Малые Корелы», Архангельск, 2009 г. (фото Т.Н. Золотовой).

Contents

Archaeology

Zhitenev V.S. Bone industry from the Kapova Cave and Franco-Cantabrian Cave sites with Upper Paleolithic wall paintings	5
Omelchenko V.V. The law of cyclic evolution of the world, the reality and beingness according to the sign-images on the Malta plate, made from mammoth ivory in the times of Paleolithic Age.....	16
Evdokimov V.V., Logvin A.V., Tkachev A.A. Semiozernoe II settlement.....	30
Besetayev B.B. Occasional findings of Early Scythian Bronze items time of East Kazakhstan	41
Matveeva N.P., Dolgikh A.S. The reconstruction of woman costume of the yearly middle ages (on the materials of burial ground Revda-5 in the Tobol valley)	53
Turova N.P. Collection of the belt accessories dated back to I–II thousand A.D. found in the necropolis constructed in Yudinsky tribe culture.....	63
Tataurov S.P., Tataurov Ph.S. Archaeological collections from Isker: a new view on the significant site... ..	77
Bravina R.I., Dyakonov V.M., Kolbina E.Yu., Petrov D.M. The ritually disturbed burials of Yakuts (XVII–XVIII centuries).....	86

Anthropology

Komarov S.G., Kitov E.P. New craniological data on the anthropology of the Turkic population of the steppe-land in the Middle Irtysh territory in the X–XII centuries.....	97
Kirichenko D.A. About cases of trepanation among Sarmatian tribes of Eurasia	112

Ethnology

Liskevich N.A., Masharipova A.H. Protective rituals in the cattle breeding practiced by Komi people of Lower Pritobol'e and Omsk Priirtish'e.....	120
Ivanova L.V., Gordienko A.V. Multicultural sources and analogies of the visual system of wooden architecture of Zaural'e.....	131
Golubkova O.V. A mermaid in folk beliefs of East Slavic peoples in Western Siberia (prospects of mapping the local aspects of the image).....	144
Bogordayeva A.A. The specifics of cutting and decorations of the guardians spirit caps of the Northern Mansi.....	153
Perevalova E.V. Native elite of Berezovsky district through the paintings and photos	162
Memo to the Authors	173
Abbreviations	175

АРХЕОЛОГИЯ

В.С. Житенев

МГУ им. М.В.Ломоносова
Ломоносовский просп., 27, корп. 4, Москва, 119991
E-mail: macober@mail.ru

КОСТЯНАЯ ИНДУСТРИЯ КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ И ПЕЩЕРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА С НАСТЕННЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ФРАНКО-КАНТАБРИИ¹

Приведен обзор верхнепалеолитических изделий из твердых органических материалов, обнаруженных в Каповой пещере (Южный Урал) в разные годы исследований. Время образования культурных слоев, открытых в некоторых отделах пещеры, датируется промежутком от 13 900±190 л.н. до 16 710±800 л.н. Существенным моментом является практически полное отсутствие костных остатков животных крупного и среднего размерного класса на исследованных участках деятельности палеолитического человека в пещере. Костяная индустрия представлена такими категориями, как стрела, нож, шило, иглы, ложилообразное орудие, орнаментированные кости, украшения. Основным материалом для их изготовления служила кость, в том числе крупных грызунов и рыб; кроме того, представлены предметы из бивня и раковин моллюсков. Следует отметить и отсутствие каких-либо отходов производства костяного инвентаря (в отличие от каменной индустрии). Единственным исключением являются необработанные ископаемые поволжские раковины — сырье для изготовления украшений. Сравнение материалов показывает сходство в орудийном наборе из коллекций памятников с настенными изображениями и в Западной Европе, и на Южном Урале. Деятельность человека в таких пещерах была значительно разнообразнее, чем обычно предполагается. Археологическое изучение разных пунктов распространения культурных слоев в пещерах, как и находки на поверхности пола залов и галерей, не позволяет ответить на вопрос о синхронности накопления материала. Разные типы орудий, обнаруживаемые в разных отделах одной пещеры, дают основания говорить о неодинаковой специфической конкретной деятельности и мероприятиях в отдельных пунктах освоения подземных полостей, тогда как основной смысл всех видов деятельности остается, по всей видимости, единым и практически неизменным. В Каповой пещере, как и на других памятниках с настенными изображениями, весь археологический ансамбль, включая костяную индустрию, свидетельствует о сложных и разнообразных практиках, осуществлявшихся в подземных условиях. Вопрос о содержании и сути этих практик на сегодняшний день находится за пределами нашего понимания.

Ключевые слова: *верхний палеолит, костяная индустрия, Капова пещера, Альтамира, Ляско.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-005-015

Введение

Капова пещера находится в Бурзянском районе Республики Башкортостан, на правом берегу р. Белой, на территории государственного природного заповедника «Шульган-Таш». Вход в пещеру расположен в 150 м к северо-востоку от русла р. Белой. Пещера представляет собой систему залов, галерей и коридоров, расположенных минимум на трех гипсометрических уровнях, нижний из которых занят р. Подземный Шульган.

В 1959 г. А.В. Рюмин выявил в Каповой пещере настенные изображения палеолитического возраста. Первые археологические исследования в 1960–1978 гг. в пещере проводил О.Н. Бадер. В результате работ были обнаружены и расчищены от современных граффити и кальцитовых натечков настенные изображения в залах среднего (Купольный, Знаков, Хаоса) и верхнего (Рисунков) ярусов [Бадер, 1965]. В пещере, кроме единственного рисунка зооантропоморфа, представлены зооморфные образы (мамонты, лошади, носорог, бизон) и геометрические знаки. В шурфах и раскопах были зафиксированы единичные свидетельства деятельности человека в эпоху верхнего палеолита.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 13-06-00277.

В 1982–1991 гг. комплексное изучение Каповой пещеры возглавлял В.Е. Щелинский [Щелинский, 1997]. Одним из важнейших результатов работ стало открытие в зале Знаков рядом с настенными рисунками палеолитического культурного слоя. По древесному углю были получены даты от 13 900 до 16 710 л.н. [Scelinsky, Sirokov, 1999, p. 73].

В 2004–2005 гг. в зале Рисунков работала экспедиция под руководством Т.И. Щербаковой [Щербакова, Щелинский, 2005]. В 2003 г., а также с 2008 по 2011 гг. археологические исследования в Каповой пещере проводила экспедиция ИИЯЛ УНЦ РАН под руководством В.Г. Котова [Котов, 2014], а с 2008 г. и по настоящее время работает Южно-Уральская археологическая экспедиция МГУ [Житенев, 2012; Житенев и др., 2015; Пахунов и др., 2014].

Костяная индустрия верхнепалеолитического времени в Каповой пещере

Одной из характерных особенностей культурных остатков в пачке позднеплейстоценовых отложений Каповой пещеры является практически полное отсутствие фаунистических материалов представителей позднеледниковой мегафауны [Кузьмина, Абрамсон, 1997; Щелинский, 1997, с. 30]. На сегодняшний день в общей коллекции верхнепалеолитических изделий из кости, бивня и раковин моллюсков Каповой пещеры представлены следующие категории: стрела, нож, шило, иглы (2 экз.), ложилообразное орудие, орнаментированные кости, украшения (< 74 экз.).

Наконечник стрелы (рис. 1, 1). В зале Хаоса в «глубокой трещине... был обнаружен иглоподобный двухпазовый наконечник стрелы из кости с выгравированным косым крестом. Подобные наконечники известны на уральских памятниках — прямая аналогия — наконечник из верхнепалеолитической стоянки Сюнь II. По мнению П.Ю. Павлова, они являются одним из региональных маркеров уральской традиции в конце верхнего палеолита...» [Котов, 2010, с. 75].

Нож из фрагмента трубчатой кости (рис. 1, 2). Крупное изделие (длина 21 см) «с оббитым и ретушированным лезвием» [Щелинский, 1997, с. 30]. Обнаружен в культурном слое раскопа в зале Знаков.

Шило из фрагмента трубчатой кости «с ретушной подработкой острия» [Там же]. Обнаружен в культурном слое раскопа в зале Знаков, в основании кострища.

Иглы. Две проксимальные части костяных игл с отверстиями обнаружены в верхнепалеолитическом культурном слое шурфа около Западной ниши Купольного зала [В.Г. Котов, личное сообщение].

Ложилообразное орудие (рис. 1, 3) обнаружено в зале Хаоса в пределах незаконного нарушения поверхности пола рядом с композицией «Лошади и Знаки» (кв. Ъ-43). Неизвестные разобрали небольшой участок (около 0,20×0,20 м), оставив древесный уголь и кости плейстоценовых животных, найденные на глубине 0,03 м. Расширение площади незаконных попок не выявило продолжение участка сосредоточения культурных остатков.

Среди костных остатков, собранных на кв. Ъ-43 в зале Хаоса, и был найден фрагмент ложилообразного орудия из ребра животного крупного размерного класса. Сохранность фрагмента орудия удовлетворительная. Изделие хрупкое, покрытое сетью мелких трещин. Следы погрызов, как и других видов биогенной коррозии, отсутствуют. Длина сохранившейся части изделия 829 мм, максимальная ширина 379 мм, максимальная толщина 135 мм. Наблюдается незначительное сужение к рабочему (дистальному) концу. Проксимальный конец орудия и медиальная часть обломаны в древности.

Предмет изготовлен на пластине из продольно расщепленного ребра. Свидетельств членения ребра нет, что связано как с фрагментарностью изделия, так и со степенью сохранности. Однако на одном из краев предмета, возможно, имеются плохо сохранившиеся следы строгания заготовки, осуществленного для раскрытия губчатой массы и последующего продольного расщепления. Собственно следов продольного расщепления первичной заготовки не выявлено. Можно с уверенностью говорить, что признаки выравнивания (строгания/скобления) краев заготовки после продольного раскалывания отсутствуют. Компакта внутренней (вогнутой) поверхности пластины не имеет видимых следов строгания — удаления губчатой массы. На вентральной стороне изделия сохранились слабые линейные следы строгания и шлифования поверхности.

Образование ложилообразного конца производилось срезанием острых краев заготовки и дальнейшей подработкой с помощью абразивных техник для образования скругленного конца. Окончательное формирование фаски происходило в результате утилизации орудия. Следует подчеркнуть, что у описываемого изделия фиксируются две грани (фаски), разделенные хорошо выраженной перемычкой. Фаска описываемого предмета имеет дугообразное лезвие со

Костяная индустрия Каповой пещеры и пещерных памятников верхнего палеолита...

стрельчатым контуром — скошенными от центральной оси изделия налево и направо сторонами направления движения изделия. Следы заполировки на компакте в результате работы орудием практически отсутствуют, за исключением узкой (1,1 см) и относительно короткой (3,21 см) полосы, расположенной прямо под левой слабо выраженной фаской.

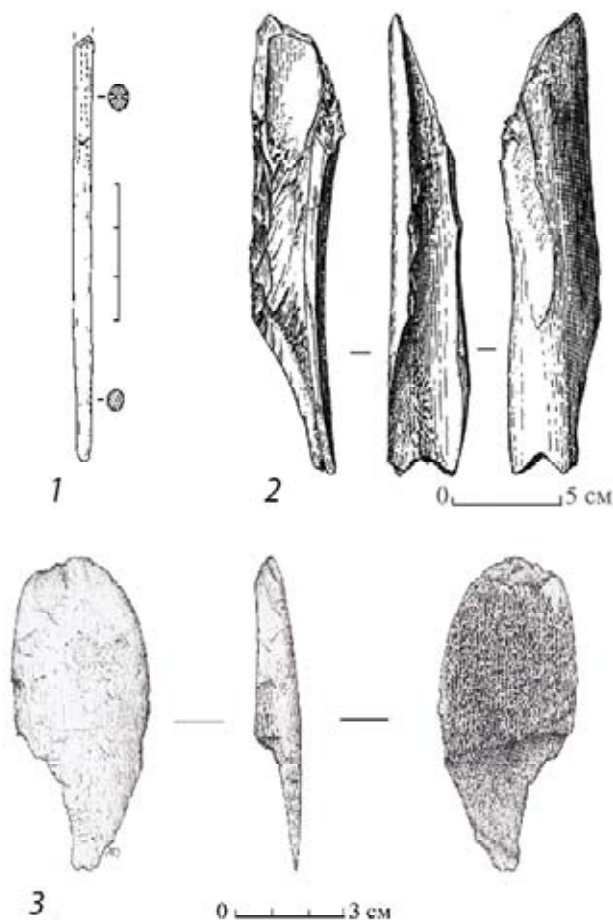

Рис. 1. Костяная индустрия Каповой пещеры:

1 — фрагмент игловидного двухпазового наконечника стрелы из кости (по: [Котов, 2010, с. 77, рис. 1]);
2 — нож из фрагмента трубчатой кости (по: [Щелинский, 1997, с. 32, рис. 2]); 3 — фрагмент лощилообразного орудия.

Изделие использовалось не только как лощило, но и в качестве ретушера. На вентральной поверхности присутствуют относительно многочисленные очаги ретуширования. Подобное применение лощил нередко отмечается по материалам верхнепалеолитических памятников Восточной Европы (напр.: [Семенов, 1957, с. 211]).

Первоначально орудие служило, по всей видимости, для работы по коже. Но на предмете отчетливо прослеживаются и макроследы вторичного использования изделия, которые представляют собой крупные, средние и мелкие негативы сколов от ударов (смятые с торца) с дистального конца (с обеих сторон) предмета при ударах об очень твердую поверхность. Поверх этих следов никаких линейных следов или царапин не зафиксировано. Микростратиграфия следов на изделии свидетельствует о последовательном изменении функции предмета — от лощила и ретушера до орудия ударного действия (?).

Единственным известным мне аналогом рассматриваемому изделию является фрагмент орудия из ребра шерстистого носорога [Житенев, Юрин, 2015]. Несмотря на ряд отличий (например, в линейных следах), практически одинаковые форма и размеры, макроследы ударного действия, контекст обнаружения предметов (в пещерных напластованиях, но вне культурного слоя) и другие сходства позволяют предположить аналогичные функции на последнем этапе

утилизации этих орудий. Функциональное назначение изделий, возможно, связано с деятельностью по добыче натечных образований (сталактитов, сталагмитов) или с получением местных пещерных материалов (компонентов), необходимых для приготовления красочных пигментов.

Украшения. Подвеска (рис. 2, 1) из «просверленного зуба марала» (редуцированного клыка благородного оленя. — В. Ж.) обнаружена в верхнепалеолитическом культурном слое шурфа около Западной ниши Купольного зала [Котов, 2010, с. 76].

Две бусины из кости (бивня?) обнаружены в культурном слое раскопа в зале Знаков. Одна — «плоская, округлая, из пластинки кости (возможно, бивня мамонта) с овальным прорезанным отверстием. Диаметр бусинки 1 см, толщина 1 мм, длина отверстия 2,5 мм» [Щелинский, 1992, с. 9]. Вторая бусина также округлой формы, диаметром 0,6 см, с прорезанным отверстием [Щелинский, 1997, с. 30].

Нашивка из «бивня мамонта плоско-выпуклой формы» (рис. 2, 2), диаметром 0,6 см, найдена в одном из горизонтов посещения, исследованном в шурфе на первом уступе Каскадной галереи [Котов, 2014, с. 128].

Две нашивки из позвонков рыбы (рис. 2, 2), диаметром 0,6 см, обнаружены в шурфе на первом уступе Каскадной галереи в том же горизонте посещения, что и вышеописанная нашивка из бивня [Там же].

Украшения из раковин моллюсков, размером 0,4–0,6 см, представлены целыми предметами, фрагментами и заготовками (целыми раковинами, идентичными уже превращенным в украшения, но без отверстий). По определениям Я.И. Старобогатова, в коллекции представлены раковины следующих моллюсков: *Theodoxus cf. astrachanicus Stew.*, *Bithynia curta*, *Bithynia cf. troscheli (Paasch)*, *Dreissena (Pontodreissena) sp.* [Scelinsky, Sirokov, 1999, p. 81]. Всего в культурном слое зала Знаков было обнаружено 65 целых предметов с отверстием, 150 экз. без отверстий и 199 фрагментов раковин (рис. 2, 3). Одна часть раковин представлена видами, обитавшими в окрестностях пещеры в период накопления культурного слоя. Другая часть — это раковины «очень древних пресноводных моллюсков, живших в плейцене или ранее. На Урале они не встречались, однако хорошо известны из отложений вдоль Волги и у берегов Каспийского моря» [ibid.].

Еще две раковины *Theodoxus cf. astrachanicus Stew.* с отверстием и одна аналогичная, но без отверстия, были обнаружены в верхнепалеолитических горизонтах посещения, зафиксированных в шурфе около Западной ниши Купольного зала (рис. 2, 4).

Две раковины (рис. 2, 2) с «проколотым отверстием», аналогичные тем, что были «найжены в раскопе В.Е. Щелинского в зале Знаков», обнаружены в шурфе на первом уступе Каскадной галереи в том же горизонте посещения, что и вышеописанные нашивки из бивня и позвонков рыбы [Котов, 2014, с. 128].

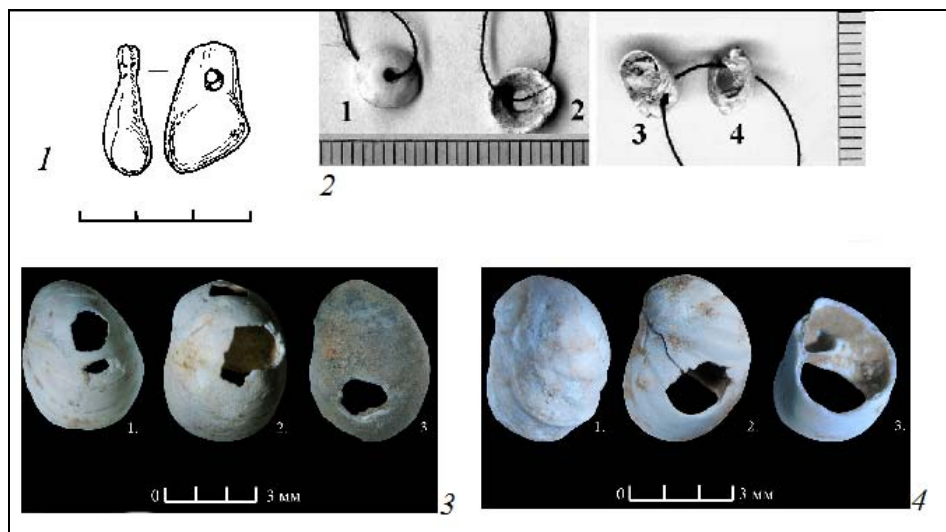

Рис. 2. Костяная индустрия Каповой пещеры:

- 1 — подвеска из зуба марала (по: [Котов, 2010, с. 77, рис. 1]); 2 — нашивки: 1 — бивень мамонта, 2 — рыбий позвонок; 3, 4 — раковины (по: [Котов, 2014, с. 138, рис. 12]); 3 — образцы украшений из раковин моллюсков (зал Знаков); 4 — образцы украшений из раковин моллюсков (Купольный зал): 1 — необработанная раковина, 2 — украшение из раковины; 3 — обломок украшения из раковины с фрагментом залощенного отверстия.

Костяная индустрия Каповой пещеры и пещерных памятников верхнего палеолита...

Орнаментированные кости. В шурфе около Западной ниши Купольного зала в одном горизонте посещения были обнаружены две фрагментированные кости сурка с гравированным орнаментом [Житенев, 2014]. Первый — фрагмент (рис. 3, 1) локтевой кости сурка². Длина 531 мм. Сохранность достаточно хрупкой кости удовлетворительная. Орнамент состоит из четырех косых крестиков, отделенных друг от друга вертикальными нарезками-разделителями, которые, в свою очередь, располагаются нерегулярно. В 14 мм от кромки дистального конца кости расположена вертикальная нарезка-разделитель. Поле (2 мм), на котором можно было бы нанести крестик, до следующей вертикальной нарезки оставлено пустым. После второй вертикальной нарезки-разделителя вырезан крестик, отделенный тонкой неглубокой вертикальной нарезкой-ограничителем. В 1 мм от нее расположена следующая слегка наклонная (субвертикальная) нарезка-ограничитель, за которой расположен второй крестик, также ограниченный с другой стороны вертикальной нарезкой. В 2 мм от нее сразу вырезан третий крестик, без нарезки-разделителя с одной стороны. Однако с другой стороны вплотную к нему вертикальная нарезка-ограничитель нанесена. В 1 мм от последней представлена следующая нарезка-разделитель, расположенная не вплотную к четвертому крестику, который, в свою очередь, с другой стороны отделен следующей вертикальной нарезкой-ограничителем. После этой нарезки-ограничителя поле для расположения орнамента не имеет никаких следов обработки и остается пустым. К сожалению, через 3 мм поверхность кости становится еще более фрагментированной и сужается на треть. И лишь через 7 мм наблюдаются три коротких следа от нарезок, которые уже достаточно сложно интерпретировать в связи с утратой орнаментированной поверхности поля предмета. Единственное, о чем можно говорить, — об изменении горизонта поля расположения орнамента и его смещении вниз на половину высоты фиксируемых орнаментальных элементов по телу кости.

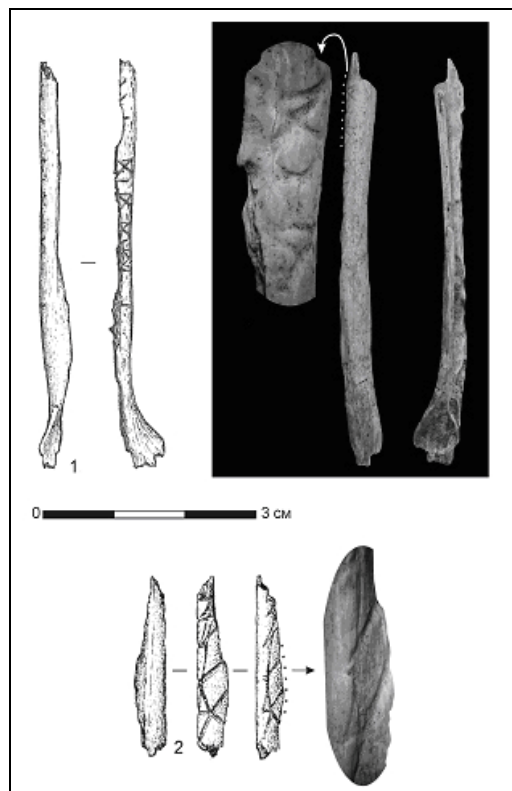

Рис. 3. Костяная индустрия Каповой пещеры:

Орнаментированные фрагменты костей сурка: 1 — фрагмент локтевой кости сурка с орнаментом из четырех косых крестиков, отделенных друг от друга вертикальными нарезками-разделителями; 2 — фрагмент кости сурка с орнаментом из ромбовидных знаков.

² Выражаю глубокую благодарность А.К. Марковой за внимание и помощь в определении описываемого остеологического материала.

Иных следов обработки кости на имеющемся фрагменте и признаков окрашенности красочным пигментом не наблюдается.

Вторая находка представляет собой фрагмент кости конечности без эпифизов, принадлежащей, судя по размерному классу, также сурку (рис. 3, 2). Длина фрагмента 250 мм, ширина сохранившейся поверхности орнаментального поля 46 мм. Сохранность достаточно хрупкой кости удовлетворительная. Орнамент состоит из одного целого ромбовидного знака и фрагментов двух аналогичных изображений. В центре поля расположен ромбовидный знак длиной 67 мм, шириной 34 мм.

Это изображение выполнено в несколько этапов. Предварительно поверхность будущего орнаментального поля была слегка уплощена. На следующем этапе были прорезаны линии основного контура ромба, что хорошо видно по оставшимся глубоким следам (нарезкам) на гребне кости. После этого намеченный контур был доработан значительно более плавными движениями инструмента. Слева и справа от сохранившегося знака просматриваются отдельные части аналогичных изображений. В одном случае хорошо видно, что продолжение одной из нарезок, являющейся гранью сохранившегося ромба, одновременно служит гранью следующего знака. Благодаря такому приему визуально складывается впечатление линии из соединенных ромбов. Признаков окрашенности красочным пигментом не наблюдается.

Большое значение выявленных орнаментальных мотивов заключается и в том, что можно уверенно говорить: единичный гравированный косой крест на вышеописанном фрагменте костяной стрелы является именно элементом орнамента. Следовательно, косой крест в качестве орнаментального мотива был характерен для изобразительной культуры коллектива, использовавшего Капову пещеру. Аналогичный орнамент имеет широкое распространение во многих культурах верхнего палеолита Восточной Европы.

Практически все изделия из твердых органических материалов в Каповой пещере были обнаружены в культурных слоях зон разнообразной активной деятельности — на площадках кратких специализированных посещений. Исключение составляют предметы, обнаруженные в зале Хаоса (фрагмент ложилообразного орудия и наконечник стрелы). Следует отметить и отсутствие следов изготовления каких-либо предметов костяного инвентаря, в том числе отходов производства.

С точки зрения результатов изучения пещерных верхнепалеолитических памятников Южного Урала в Каповой пещере представлена весьма внушительная коллекция изделий из твердых органических материалов. И это находит прямую аналогию с каменной индустрией — несмотря на длительное изучение региона, подавляющее число стоянок характеризуется крайне бедным набором инвентаря (напр.: [Щелинский, 1997, с. 31]). Вместе с тем, например, в Игнатьевской пещере, в верхнепалеолитическом культурном слое, содержащем значительное количество каменных изделий, обнаружено только четыре предмета из кости — два украшения из клыка песка и зуба быка, а также две бусины [Петрин, 1992, с. 138].

Костяные индустрии пещерных верхнепалеолитических памятников с настенными изображениями Франко-Кантабрии

Обсуждая костяные индустрии ряда памятников с настенными изображениями Франко-Кантабрии, необходимо подчеркнуть, что для сравнения с материалами Каповой пещеры были выбраны относительно похожие памятники (табл.) и с точки зрения датировки культурных остатков, и с точки зрения соответствующих особенностей непосредственно археологического ансамбля (включая его изобразительную составляющую).

В пещере *Ляско* обнаружено 28 предметов из кости и рога: 6 экз. целых наконечников копий и дротиков; 2 экз. фрагментированных наконечников, позволяющих восстановить их размер и форму; 6 экз. проксимальных частей наконечников; 2 экз. медиальных фрагментов наконечников; стерженек (заготовок) с недоработанным концом и ясными следами разъединения; орнаментированная штанга рога северного оленя; 3 экз. двухконечных (обоюдоострых) булавок; шило; игла с ушком; 2 фрагмента обработанных рогов северного оленя; 2 экз. отростков рогов благородного оленя; резец (?) из кости на обломке диафиза [Allain, 1979].

Кроме того, были найдены 10 экз. раковин с отверстиями (1 экз. *Sipho* sp.³, 2 экз. *Oliva clavula* Lmk) или их следами (5 экз. *Sipho* sp., 1 экз. *Euspira alderi* Forbes, 1 экз. *Turritella* sp.). Запелировка краев отверстий на ряде раковин свидетельствует об их длительном использовании.

³ Кроме украшений из раковин *Sipho* sp., в Ляско была обнаружена подвеска-имитация подобной раковины из камня [Tabarin, 1979, p. 144].

Костяная индустрия Каповой пещеры и пещерных памятников верхнего палеолита...

Также зафиксированы единичные раковины без отверстий: *Cardium edule* (со следами заполировки, возникшими, вероятно, в результате воздействия воды), *Granocardium* sp., *Pycnodonte (Phygraea) vesicularis* Lmk. ss., *Neithea (Neithea) alpina* d'Orbigny — и два неопределимых фрагмента (Cardiidés или Pectinidés) [Taborin, 1979, p. 143]. Происхождение части раковин связано как с окрестностями памятника (*Sipho* sp., *Euspira alderi* и *Cardium edule*), так и с областями, отдаленными от Ляско на расстояние около 150–200 км (*Oliva clavula*). Остальные раковины могут происходить из напластований самой пещеры.

Костяная индустрия Каповой пещеры и франко-кантабрийских памятников с настенными изображениями

	Пэр-нон-Пэр	Альтамира	Ляско	Труа Фрер	Тюк д'Одубер	Капова пещера	Бланшар	Ле Портель	Монтеспан	Лабастид
	Граветт	Солютре, мадлен	Мадлен	Мадлен	Мадлен		Мадлен	Мадлен	Мадлен	Мадлен
Наконечник	**	***	***	**		*	***	*?		
Нож						*				
Долото	*									
Лощило				**		*?			*	*
Лопаточка		*					*		*	
Шило	**	*	*	*		*				
Игла		**	*	*		*				
Булавка			**							
Стержень	**		*		*			**		
Ретушер		*				*На лощиле				
Флейта	*									
Трубочка для выдувания краски		**								
Неопределимые фрагменты предметов		*	*							
Обработанный рог			**							
Фрагменты бивня	*					*				
Орнаментированные кость/рог	***		*			*				
Образцы мобильного искусства		**			**					*
Подвески из кости	*					**				***
Украшения из зубов	**	***			*	*		*	*	
Украшения из раковин		**	***			***				
Источник	Delluc B. 1997 Delluc G., 1997	Altuna, Straus, 1976 и др.	Allain, 1979; Taborin, 1979	Bégouën et al., 2014	Bégouën et al., 2009	Щелинский, 1997; Котов, 2010; и др.	Peyrroux, 2012	Peyrroux, 2012	Peyrroux, 2012	Capitan, 1923, Peyroux, 2012

В пещере **Труа Фрер** обнаружено восемь изделий из кости: три фрагмента — проксимальный, медиальный и дистальный — наконечников копий/дротиков (при этом два из них — медиальный и дистальный, по всей видимости, являются частями одного предмета); три фрагмента лощил (два изготовлены из ребер), следы использования на одном из предметов свидетельствует о «первоначальной фазе использования» орудия; шило с обломанным дистальным концом, следы на котором «свидетельствуют об интенсивном использовании»; фрагмент иглы с ушком [Bégouën et al., 2014, p. 182].

В пещере **Альтамира** из солютрейского слоя в коллекции Обермайера представлены следующие предметы из кости и рога: 30 экз. наконечников и их фрагментов; два ретушера; три фрагмента игл или булавок; игла с ушком; шило; «много» украшений из резцов лошади и крупных полорогих животных, клыков лисицы и благородного оленя; фрагмент подъязычной кости лошади с гравированным изображением [Altuna, Straus, 1976, p. 178]. К солютрейскому времени относятся подвески из клыка пещерного льва и клыка рыси [Álvarez Fernández, 2001, p. 172–173, 177]. Кроме того, найдено более 950 целых раковин и их фрагментов, в мадленских слоях — более 8110 целых раковин и их фрагментов. За единичными исключениями раковины являются

кухонными остатками — из всех мадленских раковин лишь 0,02 % представляют собой украшения, которые отсутствуют в солютрейском слое. Часть раковин использовались при различных операциях с охрой [Álvarez Fernández, 2010, p. 46].

В коллекции предметов из кости и рога мадленского времени представлены: 16 острий или наконечников копий/дротиков и их фрагментов; 15 стержней и их фрагментов; два фрагмента остроконечных предмета; фрагменты четырех игл; фрагмент лопаточки [Cabrera Valdés, Giménez de la Rosa, 1991, p. 98]. Кроме того присутствует украшение из клыка рыси [Álvarez Fernández, 2001, p. 177].

Некоторая часть изделий из кости обнаружены вне археологического контекста, на поверхности пола пещеры. Так, в ходе исследований Альтамиры А. Брейлем и Э. Картальяком в прямой части Большой Галереи (Зона IV) между крупными блоками известняка были найдены три полые трубочки из кости птиц. Судя по размерам (55×8,2×7,95 мм; 55,3×7,8×6,7 мм; 60,95×8,00×6,2 мм), предметы изготовлены из кости крупной птицы, вид которой невозможно определить из-за отсутствия эпифизов. Трубочки снаружи частично окрашены в красный цвет (это особенно заметно по краям), внутренний объем этих изделий содержит большое количество порошка охры. По всей видимости, трубочки использовались в качестве одного из инструментов изобразительной деятельности палеолитических художников — для выдувания измельченного до состояния пудры порошка охры. Схожие размеры, следы обработки и использования позволяют предполагать, что все три предмета были изготовлены из одной кости [Álvarez Fernández, 2001, p. 170–172]. Сообщается и о безадресной находке украшения из атрофированного клыка благородного оленя, на поверхности которого выгравировано 28 v-образных знаков [Ibid., p. 177–178].

В пещере **Монтеспан** наиболее примечательной находкой (в рамках рассматриваемой темы) является лопаточка, изготовленная из ребра; важен и контекст ее расположения. Описывая открытия в галерее Кастере-Годена, Л. Капитан приводит важную деталь: «В следующем отделе галереи, напротив фигуры кошачьего (у противоположенной стены. — В. Ж.), еще одна большая трещина, забитая глиной, с цепочкой продоланных округлых отверстий и, углубленная в глину, лопаточка из кости, которая служила, вероятно, для работы с глиной» [Capitan, 1923, p. 16]. Рядом с лопаточкой найдены «гравировка мамонта (?) на глине и отпечатки пальцев» [Végouën, Casteret, 1923, p. 12]. В другой части пещеры — Основной галерее — обнаружен фрагмент заготовки (?) ложила из рога оленя [Peugoux, 2012, p. 380]. Кроме того, зафиксированы украшения из зубов животных.

Следует также подчеркнуть, что, несмотря на многочисленные следы ударов от наконечников, фиксируемые на поверхности пола и глиняных скульптурах, ни одного наконечника найдено не было [Végouën, 1923, p. 350]. Однако в других пещерах (табл. 1) эта категория охотничьего вооружения встречается регулярно.

Заключение

Ключевой особенностью костяных индустрий пещерных памятников с настенными изображениями в отличие от коллекций памятников поселенческого типа является, как правило, несколько редуцированный набор изделий (отсутствуют, за редким исключением, орудия для обработки каменных изделий и землекопные орудия); практически полностью отсутствуют заготовки и отходы производства, т.е. свидетельства изготовления на месте. С другой стороны, категории орудий, связанные с «домашним производством»: ложила, иглы, шилья, позволяют предполагать значительно более широкий диапазон деятельности человека в пещерах с настенными изображениями, чем это представлялось ранее.

Наличие на многих памятниках наконечников копий и дротиков при отсутствии каких-либо свидетельств охотничьей деятельности, включая разделку добычи, по всей видимости, связано с какими-то семантически-организационными практиками. Особенно ярко это проявляется в многочисленных округлых следах от наконечников, оставленных на полу и стенах во многих подземных полостях с настенными изображениями.

Археологическое изучение разных пунктов распространения культурных слоев в пещерах, как и находки на поверхности пола залов и галерей, не позволяет ответить на вопрос о синхронности накопления материала. Разные типы орудий, обнаруживаемые в разных отделах одной пещеры, дают основания говорить о неодинаковой специфической конкретной деятельности и мероприятиях в отдельных пунктах освоения подземных полостей, тогда как основной смысл всех видов деятельности остается, по всей видимости, единым и практически неизменным.

Костяная индустрия Каповой пещеры и пещерных памятников верхнего палеолита...

В Каповой пещере, как и на других памятниках с настенными изображениями, весь археологический ансамбль, включая костяную индустрию, свидетельствует о сложных и разнообразных практиках, осуществлявшихся в подземных условиях. Вопрос о содержании и сути этих практик на сегодняшний день находится за пределами нашего понимания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бадер О.Н.* Каповая пещера: Палеолитическая живопись. М.: Наука, 1965. 35 с.
- Житенев В.С.* Капова пещера — многослойный памятник археологии: Предварительное сообщение // Первообытные древности Евразии: К 60-летию А.Н. Сорокина. М.: ИА РАН, 2012. С. 155–178.
- Житенев В.С.* Первая находка фрагментов орнаментированных костей верхнепалеолитического возраста из Каповой пещеры // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13, вып. 7: Археология и этнография. С. 45–51.
- Житенев В.С., Пахунов А.С., Маргарян А., Солдатова Т.Е.* Радиоуглеродные даты верхнепалеолитических слоев Каповой пещеры (Южный Урал) // РА. 2015. № 4. С. 5–15.
- Житенев В.С., Юрин В.И.* Верхнепалеолитическое орудие из ребра шерстистого носорога: (Пещера Сикияз-Тамак I, р. Ай, Южный Урал) // АрхЛаб. Известия археологической лаборатории Башкирского государственного университета. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. Вып. 1. С. 4–10.
- Котов В.Г.* Новые результаты археологического изучения пещеры Шульган-Таш (Каповой) // XVIII Урал. археол. совещание: Материалы. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С. 74–77.
- Котов В.Г.* Исследования многослойной палеолитической стоянки в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Проблемы археологии эпохи камня: К 70-летию В.И. Беляевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 120–141.
- Кузьмина И.Е., Абрамсон Н.И.* Остатки млекопитающих в Каповой пещере на Южном Урале // Пещерный палеолит Урала: Материалы междунар. конф. Уфа: Принт, 1997. С. 124–127.
- Пахунов А.С., Житенев В.С., Брандт Н.Н., Чикишев А.Ю.* Предварительные результаты комплексного исследования красочных пигментов настенных изображений Каповой пещеры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 4. С. 4–15.
- Петрин В.Т.* Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. 206 с.
- Щелинский В.Е.* Отчет о полевых исследованиях Южно-Уральской палеолитической экспедиции и Предкавказского палеолитического отряда ИИМК РАН в 1991 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 16649.
- Щелинский В.Е.* Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Пещерный палеолит Урала: Материалы междунар. конф. Уфа: Принт, 1997. С. 26–34.
- Щербакоева Т.И., Щелинский В.Е.* Возобновление работ в пещере Шульган-Таш (Каповой) // АО 2004 г. М.: Наука, 2005. С. 382–384.
- Allain J.* L'industrie lithique et osseuse de Lascaux // Lascaux Inconnu. P.: C.N.R.S., 1979. P. 87–120.
- Altuna J., Straus S.* The Solutrean of Altamira: The artifactual and faunal evidencice // Zephyrus. 1976. T. XXVI–XXVII. P. 175–182.
- Álvarez Fernández E.* «Altamira Revisited»: Nuevos datos, interpretaciones y reflexiones sobre la industria ósea y la malacofauna // Espacio, Tiempo y Forma. Ser. I, Prehistoria y Arqueología. 2001. T. 14. P. 167–184.
- Álvarez Fernández E.* Limpets & Periwinkles in Cantabrian Spain between 22,000 and 15,000 Cal BC: Archaeomalacological Remains at Altamira Cave // Analele Universității Creștine «Dimitrie Cantemir», București, Ser. Istorie — Ser. nouă. 2010. Anu. 1, № 4. P. 32–51.
- Bégouën H.* Découvertes préhistoriques faites dans la grotte de Montespan (Haute-Garonne) // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1923. 67e a., № 4. P. 349–350.
- Bégouën H., Casteret N.* La caverne de Montespan (Haute-Garonne) // Revue anthropologique. 1923. № 11–12. P. 1–13.
- Bégouën R., Fritz C., Tosello G., Clottes J., Pastoors A., Faist F.* Le sanctuaire secret des bisons: Il y a 14 000 ans, dans la caverne du Tuc d'Audoubert. Paris: Somogy et Association Louis Bégouën, 2009. 416 p.
- Bégouën R., Clottes J., Feruglio V., Pastoors A.* La caverne des Trois-Frères. Anthologie d'un exceptionnel sanctuaire préhistorique. P.: Somogy et Association Louis Bégouën, 2014. 248 p.
- Cabrera Valdés V., Giménez de la Rosa M.* Sobre la industria ósea de Altamira // Espacio, Tiempo y Forma. Ser. I, Prehistoria y Arqueología. 1991. T. 4. P. 93–109.
- Capitan L.* Les manifestations ethnographiques et magiquessur les parois de la grotte de Montespan // Revue anthropologique. 1923. № 11–12. P. 13–18.
- Delluc B., Delluc G.* Dix observations graphiques sur la grotte ornée de Pair-Non-Pair (Prignac-et-Marcamps, Gironde) // Bull. de la Société préhistorique française. 1997. T. 94, № 1. P. 41–50.
- Peyroux M.* Les dépôts d'objets pariétaux des grottes ornées au Paléolithique supérieur: Gestes, comportements symboliques, cultures. Thèse Doctorat Université Bordeaux 1, Spécialité Préhistoire. 2012. 559 p.
- Taborin Y.* Les coquillages de Lascaux // Lascaux Inconnu. P.: C.N.R.S., 1979. P. 143–145.

Scelinsky V.E., Sirokov V.N. Hohlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka; die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im sudlichen Ural. Sigmaringen: Thorbecke, 1999. 171 p.

V.S. Zhitenev

Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky Prospekt, 27–4, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: macober@mail.ru

BONE INDUSTRY FROM THE KAPOVA CAVE AND FRANCO-CANTABRIAN CAVE SITES WITH UPPER PALEOLITHIC WALL PAINTINGS

The article gives a review of the Upper Paleolithic objects made of solid organic materials, which were found in the Kapova Cave (Southern Urals, Russia) in different years of research. Formation of the cultural layers discovered in some parts of the cave dates back to the period between 13,900±190 BP and 16,710±800 BP. The essential point is almost complete absence of fossil remains of large and medium-sized classes of animals in the studied areas of Paleolithic man's activity in the cave. The bone industry is represented by several categories, such as an arrow, a knife, an awl, needles, a trowel-like tool, ornamented bones, and personal ornaments. These objects were mostly made of bone, including the bones of large rodents and fish. There are also articles made of ivory and mollusk shells. It should be noted as well that there are no traces of wastes of producing bone inventory (in contrast to the stone industry). The only exception is untreated fossil shells from Volga used as material for making personal ornaments. The data comparison shows similarity in the tool kit from the collections of the sites with wall paintings in Western Europe and the Southern Urals. The human activity in such caves was much more diverse than it is commonly supposed to be. The archaeological study of different points of distribution of cultural layers in the caves, as well as the findings on the floor of chambers and galleries, leave unanswered the question of synchronicity of material accumulation. Different types of bone tools which were found in different parts of the same cave suggest different specific and certain activities and events held in separate areas in order to develop underground cavities; whereas all the types of activities are likely to have single and essentially permanent general sense. In the Kapova Cave, as well as in other sites with wall paintings, the entire archeological ensemble, including the bone industry, gives evidence of the complex and diverse practices carried out in underground conditions. For the moment, the content and nature of these practices transcend our understanding.

Key words: Upper Paleolithic, bone industry, Kapova Cave, Altamira, Lascaux.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-005-015

REFERENCES

- Allain J., 1979. L'industrie lithique et osseuse de Lascaux. *Lascaux Inconnu*, Paris: C.N.R.S., pp. 87–120.
- Altuna J., Straus S., 1976. The Solutrean of Altamira: The artifactual and faunal evidencice. *Zephyrus*, vol. XXVI–XXVII, pp. 175–182.
- Álvarez Fernández E., 2001. «Altamira Revisited»: Nuevos datos, interpretaciones y reflexiones sobre la industria ósea y la malacofauna. *Espacio, Tiempo y Forma*, Serie I, Prehistoria y Arqueología, vol. 14, pp. 167–184.
- Álvarez Fernández E., 2010. Limpets & Periwinkles in Cantabrian Spain between 22,000 and 15,000 Cal BC: Archaeomalacological Remains at Altamira Cave. *Analele Universității Creștine «Dimitrie Cantemir»*, București, Seria Istorie — Serie nouă, anul 1, no. 4, pp. 32–51.
- Bader O.N., 1965. *Kapovaia peshchera: Paleoliticheskaia zhivopis'* [Kapova cave: Paleolithic painting], Moscow: Nauka, 35 p.
- Bégouën H., 1923. Découvertes préhistoriques faites dans la grotte de Montespan (Haute-Garonne). *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 67e année, no. 4, pp. 349–350.
- Bégouën H., Casteret N., 1923. La caverne de Montespan (Haute-Garonne). *Revue anthropologique*, no. 11–12, pp. 1–13.
- Bégouën R., Fritz C., Tosello G., Clottes J., Pastoors A., Faist F., 2009. *Le sanctuaire secret des bisons: Il y a 14 000 ans, dans la caverne du Tuc d'Audoubert*, Paris: Somogy et Association Louis Bégouën, 416 p.
- Bégouën R., Clottes J., Feruglio V., Pastoors A., 2014. *La caverne des Trois-Frères. Anthologie d'un exceptionnel sanctuaire préhistorique*, Paris: Somogy et Association Louis Bégouën, 248 p.
- Cabrera Valdés V., Giménez de la Rosa M., 1991. Sobre la industria ósea de Altamira. *Espacio, Tiempo y Forma*, Serie I, Prehistoria y Arqueología, vol. 4, pp. 93–109.
- Capitan L., 1923. Les manifestations ethnographiques et magiquessur les parois de la grotte de Montespan. *Revue anthropologique*, no. 11–12, pp. 13–18.
- Delluc B., Delluc G., 1997. Dix observations graphiques sur la grotte ornée de Pair-Non-Pair (Prignac-et-Marcamps, Gironde). *Bulletin de la Société préhistorique française*, vol. 94, no. 1, pp. 41–50.

Костяная индустрия Каповой пещеры и пещерных памятников верхнего палеолита...

Kotov V.G., 2010. Novye rezultaty arkheologicheskogo izucheniia peshchery Shul'gan-Tash (Kapovoi) [New results of archeological investigations in the Shulgan-Tash (Kapova) cave]. *XVIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: Materialy*, Ufa: Izdatel'stvo BGPU, pp. 74–77.

Kotov V.G., 2014. Issledovaniia mnogosloinnoi paleoliticheskoi stoianki v peshchere Shul'gan-Tash (Kapovoi) [A study of a multilayered Paleolithic site in the Shulgan-Tash (Kapova) cave]. *Problemy arkheologii epokhi kamnia: K 70-letiiu V.I. Beliaevoi*, St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, pp. 120–141.

Kuz'mina I.E., Abramson N.I., 1997. Ostatki mlekopitaiushchikh v Kapovoi peshchere na luzhnom Urale [Mammals remains from the Kapova cave in the Southern Urals]. *Peshchernyi paleolit Urala: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*, Ufa: Print, pp. 124–127.

Pakhunov A.S., Zhitenev V.S., Brandt N.N., Chikishev A.Iu., 2014. Predvaritel'nye rezultaty kompleksnogo issledovaniia krasochnykh pigmentov nastennykh izobrazhenii Kapovoi peshchery [Preliminary results of a comprehensive analysis of coloured pigments in the mural paintings of the Kapova cave]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4, pp. 4–15, available at: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a27/4-15.pdf.

Petrin V.T., 1992. *Paleoliticheskoe sviatilishche v Ignatievskoi peshchere na luzhnom Urale* [Paleolithic sanctuary in Ignatievskaya cave in the Southern Urals], Novosibirsk: Nauka, 206 p.

Peyroux M., 2012. *Les dépôts d'objets pariétaux des grottes ornées au Paléolithique supérieur: Gestes, comportements symboliques, cultures*, Thèse Doctorat Université Bordeaux 1, Spécialité Préhistoire, 559 p.

Shchelinskii V.E., 1997. Paleogeograficheskaya sreda i arkheologicheskii kompleks verkhnepaleoliticheskogo sviatilishcha peshchery Shul'gan-Tash (Kapovoi) [Paleogeographic environment and archeological complex of the Upper Paleolithic sanctuary of the Shulgan-Tash (Kapova) Cave]. *Peshchernyi paleolit Urala: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*, Ufa: Print, pp. 26–34.

Shcherbakova T.I., Shchelinskii V.E., 2005. Vozobnovlenie rabot v peshchere Shul'gan-Tash (Kapovoi) [Restart of researches in the Shulgan-Tash (Kapova) cave]. *Arkheologicheskie otkrytiia 2004 g.*, Moscow: Nauka, pp. 382–384.

Scelinsky V.E., Sirokov V.N., 1999. *Hohlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka; die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichen Ural*, Sigmaringen: Thorbecke, 171 p.

Taborin Y., 1979. Les coquillages de Lascaux. *Lascaux Inconnu*, Paris: C.N.R.S., pp. 143–145.

Zhitenev V.S., 2012. Kapova peshchera — mnogosloinnyi pamiatnik arkheologii: predvaritel'noe soobshchenie [Kapova cave — a multilayered archeological site: Preliminary report]. *Pervobytnye drevnosti Evrazii: K 60-letiiu A.N. Sorokina*, Moscow: IA RAN, pp. 155–178.

Zhitenev V.S., 2014. Pervaia nakhodka fragmentov ornamentirovannykh kostei verkhnepaleoliticheskogo vozrasta iz Kapovoi peshchery [The first discovery of the fragments of Upper Paleolithic ornamented bones from the Kapova cave]. *Vestnik NGU, Seriya Istoriia, filologiya*, vol. 13, 7: Arkheologiya i etnografiia, pp. 45–51.

Zhitenev V.S., Iurin V.I., 2015. Verkhnepaleoliticheskoe orudie iz rebra sherstistogo nosoroga (peshchera Sikiiaz-Tamak I, r. Ai, luzhnyi Ural) [An Upper Paleolithic tool from a rib of woolly rhinoceros (Sikiyaz-Tamak I cave, r. Ai, the Southern Urals)]. *ArkLab. Izvestiia arkheologicheskoi laboratorii Bashkirskego gosudarstvennogo universiteta*, vol. 1, Ufa: RITs BashGU, pp. 4–10.

Zhitenev V.S., Pakhunov A.S., Margaryan A., Soldatova T.E., 2015. Radiouglerodnye daty verkhnepaleoliticheskikh sloev Kapovoi peshchery (luzhnyi Ural) [Radiocarbon dates of the Upper Paleolithic layers of the Kapova cave: (the Southern Urals)]. *Rossiyskaya arkheologiya*, no. 4, pp. 5–15.

В.В. Омельченко

ФБУ «Государственный научно-исследовательский институт
системного анализа Счетной палаты Российской Федерации»
ул. Усачева, 64, стр. 1, Москва, 119048
E-mail: omvv@yandex.ru

О ЗАКОНЕ ЦИКЛИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МИРА, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, БЫТИЯ В ЗНАКОВЫХ ОБРАЗАХ МАЛЬТИНСКОЙ ПЛАСТИНЫ ИЗ БИВНЯ МАМОНТА ВРЕМЕН ПАЛЕОЛИТА

С системных позиций рассмотрены знаковые образы пластины из бивня мамонта времен палеолита с точечными спиралями — уникальной археологической находки на древнейшей стоянке человека в Южной Сибири Мальта. В знаковых образах пластины, взаимосвязанных с ведическим и авестийским образом «тройного знания», усматривается продуманная система классификации различных видов восходящих и нисходящих спиралей, описывающих различные системы счета, счисления и исчисления. Выявлена строгая логика соотношения универсальных этапов цикла природных явлений и витков спиралей Мальтинской пластины. Сделан вывод, что в уникальной археологической находке отражен универсальный и всеобщий закон циклического или периодического изменения объектов, процессов и явлений мира, действительности, бытия.

Ключевые слова: эпоха палеолита, Южная Сибирь, Мальтинская пластина, бивень мамонта, спираль, цикл, период, знаковый образ, закон, числа, счет, счисление, исчисление.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-016-029

Особое место среди археологических находок эпохи палеолита занимают памятники изобразительного творчества — единственный источник для изучения духовной жизни первобытных людей: антропоморфные статуэтки, украшения и ритуальные поделки костянокаменной, мальтинской и афонтовской культур [Фролов, 1992]. Специфические особенности палеолитического искусства Прибайкалья хорошо видны на женских статуэтках древнейшей стоянки Мальта, среди которых есть исключительно редкие для верхнего палеолита фигурки женщин в одеждах. Здесь же обнаружены пластины из бивня мамонта с гравированными изображениями мамонта и змей, фигурки летящих птиц. Об искусстве этого времени дают представление мелкая пластика из поселения Костенки и глиняная антропоморфная статуэтка Мальтинской стоянки на Енисее [Там же].

На наш взгляд, ключевое значение среди археологических объектов мира, открытых в прошлом столетии, имеет древнейшая стоянка человека в Южной Сибири Мальта, расположенная в 86 км к северо-западу от Иркутска на р. Белой [Герасимов, 1958]. Именно здесь была найдена знаменитая пластина (пряжка) из бивня мамонта с точечными спиралями (далее — Мальтинская пластина)¹. ДНК-анализ останков 4-летнего мальчика из этой стоянки однозначно позволил установить дату захоронения — 24 тыс. л.н. [Клесов, 2014, с. 1167].

Существуют различные интерпретации смысловых образов, представленных на пластине [Герасимов, 1958; Фролов, 1992; Ларичев, 1989, 1993, 2008 и др.]. Комплексный анализ (в том числе структурно-логический) орнаментальных узоров на археологических находках показывает особое отношение древнего человека не только к форме (декору), но и к содержанию (структура, логика, счет и исчисление, знаковое письмо) изображения, в котором можно выделить следующие важные аспекты:

1) знаково-коммуникативная направленность воспроизводимых образов, отражающая принадлежность индивида к определенной родовой (племенной) организации;

¹ Фотографию см. на сайте Государственного Эрмитажа: <http://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/25.+Archaeological+Artifacts/1401495/?lng=ru>.

О законе циклического развития мира, действительности, бытия в знаковых образах...

2) знаково-вычислительная направленность образов, отражающая умение древнего человека измерять, считать и исчислять объекты и процессы действительности, мира, бытия;

3) знаково-системная направленность образов, отражающая системные представления древнего человека об объектах и процессах действительности, мира, бытия.

Традиционно в современной научной литературе отражен только первый аспект, в рамках которого описано весьма примитивное поведение, а соответственно и мировоззрение древнего или первобытного человека. Второй аспект, подробно рассмотренный отечественными исследователями Б.А. Фроловым и В.Е. Ларичевым, так, к сожалению, и не воспринят современным научным сообществом. По результатам исследования В.Е. Ларичева, Мальтинская пластина представляет воплощенное в образах мальтинского искусства Мироздание. Ее наружная сторона изображает «гигантского, рассеченного на 7 частей Змия (счетная система из 486 знаков, образующих спирали, позволяет считывать годовые обороты Луны, Солнца и обороты Венеры и Сатурна, Марса и Юпитера)» [Ларичев, 2008, с. 11].

Третий аспект, заключающий в себе системные представления древнего человека, на наш взгляд самый важный, остался практически нераспознанным и незамеченным. Обратимся к его исследованию.

На Мальтинской пластине насчитывается пять или семь изображений в виде спиралей, в зависимости от того, рассматривать ли двойную спираль как одну либо как две соединенные между собой и образующие целое. Кроме того, на пластине присутствуют еще две фигуры, которые можно трактовать как элементы спирали. В полученной картине ощущаешь некий сакральный замысел. Прежде всего обращает на себя внимание, что на пластине небольших размеров помещено значительное количество разных спиралей, выполненных точками — тщательно вырезанными лунками (ямка, знак, число).

Следует отметить, что исследования спиральных и змеиных орнаментов на археологических предметах различных древних культур как у нас в стране, так и за рубежом не дали исчерпывающих научных объяснений их замысла. Змеиный сюжет, появившийся еще в палеолите, не разгадан до конца. Вопросы толкования «орнамента бегущих спиралей» на сосудах микенской культуры бронзового века пока остаются открытыми [Клейн, 2007, с. 114].

Среди отечественных исследователей наиболее глубоко эта тема проработана Б.А. Рыбаковым, который предложил толковать спиральный орнамент как змеиный, при этом змея (уж) рассматривалась как символ дождя. Исследования спиральных и змеиных орнаментов в археологических материалах трипольской культуры позволили сделать вывод, что «трипольские змеи — носители добра, хранители самого ценного» [Рыбаков, 1980, с. 124]. Вместе с тем расшифровать изображения в виде более сложных клубков-спиралей, связанных между собой в непрерывную спираль, не удалось. Как отмечается в исследовании, «данных для истолкования смысла этого змеиного спирального узора (кроме тех, что приведены выше) у нас нет» [Там же, с. 125].

Таким образом, смысл «изображения двух змей, соприкасающихся головами (обращенными в разные стороны) и образующих спиральный клубок» [Там же, с. 111], в трипольской культуре остается неразгаданным. Именно этот таинственный образ присутствует в изображениях двойных спиралей Мальтинской пластины из бивня мамонта времен палеолита.

Анализ и количественные характеристики изображений Мальтинской пластины

Учитывая разнородность представленных на пластине спиралей, проведем их систематизацию (рис. 1).

Получается, что человек еще в каменном веке весьма неплохо понимал, что такое *спираль* и какой знак, образ и смысл она в себе заключает. Кроме того, древний человек осознавал сущность двойных спиралей, логически связанных между собой, каждая из которых является одной из составных частей двоицы противоположных, соразмерных (сообразных, симметричных) и равновесных сущностей. При этом обе части этой двоицы в совокупности представляют собой третью обобщенную сущность — нечто целое, троицу или систему.

Спираль по характеру изменения может быть *восходящей* (положительной, или со знаком «плюс») и *нисходящей* (отрицательной, или со знаком «минус»). В первом случае, если спираль разворачивается (раскручивается) по часовой стрелке, будем называть ее *восходящей*. Соответственно во втором случае, если спираль разворачивается (раскручивается) против часовой стрелки, будем называть ее *нисходящей*.

Восходящая спираль — это движение вверх и слева направо, что означает восхождение, возрождение, развитие, совершенствование. *Нисходящая* спираль — это всегда движение вниз и справа налево, что означает вырождение, деградацию, нисхождение, разложение.

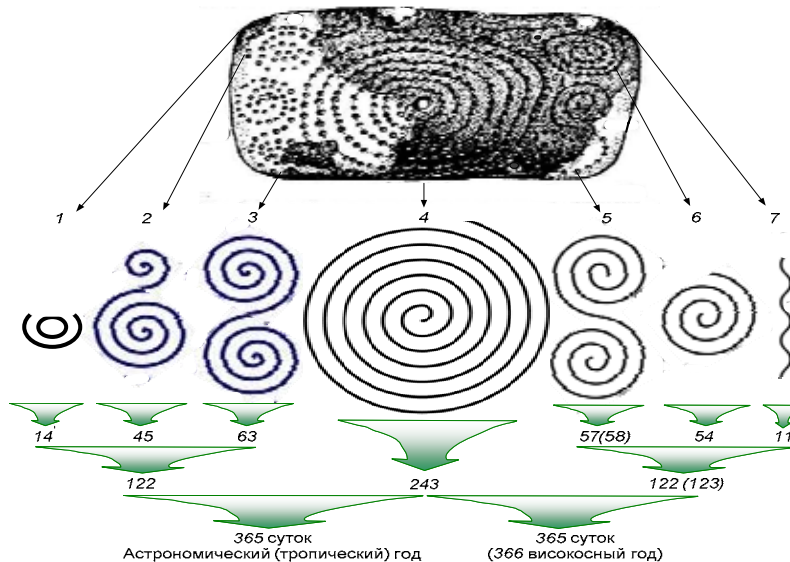
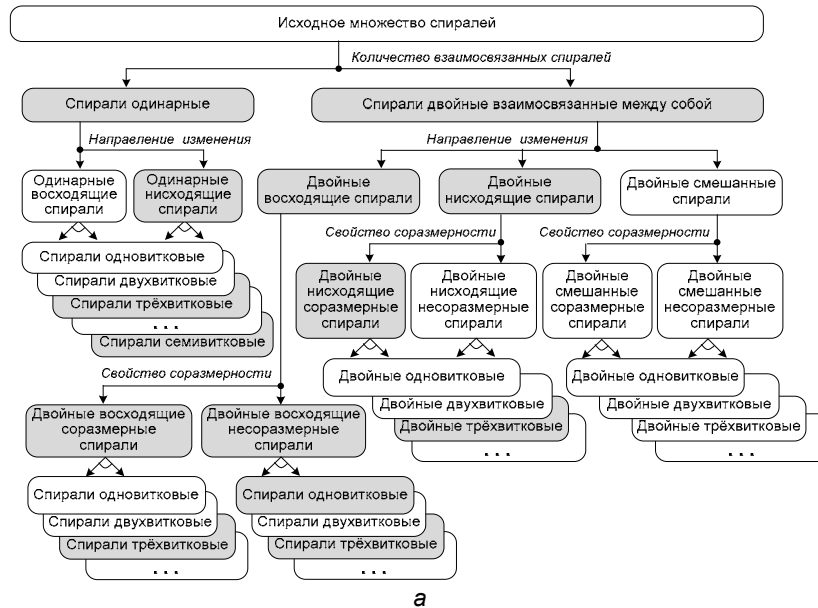

Рис. 1. Систематизация и дешифровка Мальтинской пластины из бивня мамонта с точечными спиралями.

Древнейший символ *спираль* с позиций системного подхода, а также логика развертывания спирали как процесса изменения мира, действительности, бытия весьма подробно рассмотрены в литературе [Омельченко, 2015]. Здесь напомним лишь о некоторых из древних находок, которые проливают свет на Мальтинскую пластину из бивня мамонта времен палеолита. Например, известный геоглиф с плато Наско с названием «обезьяна» [Марин, 2015] — изображение животного, похожего на обезьяну, у которого хвост показан в виде *нисходящей спирали с десятью витками* (или *пятью двойными спиралями*), отражает в знаковой форме процесс изменения как нисходящий процесс: вырождения, деградации, распада [Омельченко, 2016]. Есть

О законе циклического развития мира, действительности, бытия в знаковых образах...

примеры древних петроглифов — *восходящих спиралей* (камень-капсула в культовом сооружении Ньюгрейндж в Ирландии) как знака или символа восходящего процесса: возрождения, развития, совершенствования.

Все приведенные на Мальтинской пластине спирали в совокупности и во взаимодействии представляют собой единое целое как троицу, систему, объединяющую противоположные части или сущности.

Вспомним древнеарийского (авестийского, ведического) бога времени и судьбы Зервана (авест. Зрван, Зурван, Зарван), верховного бога зерванизма — религиозного течения, соперничавшего с маздеизмом (религией Ахура Мазды), который представлен в центре серебряной пластины из Луристана (VIII в. до н.э., Цинциннати, Музей искусств) [Мифы..., 1980, с. 386]. Обратим внимание на левую и правую руки (крылья) образа бога времени и судьбы — две раскручивающиеся спирали. В этом знаковом образе исключительно важными являются следующие моменты: 1) одна спираль (слева) является *нисходящей* (движение против времени, или против часовой стрелки), другая спираль (справа) восходящая (движение по часовой стрелке); 2) на пластине обе спирали представлены как *одновитковые*, но не завершённые или обрывающиеся, а раскручивающиеся или разворачивающиеся во времени и пространстве.

При анализе количественных характеристик изображений Мальтинской пластины выявляются числовые значения, выстраиваемые в единую систему счета времени. Структура, место расположения и количество знаков (лунок, ямок) каждого из семи (рис. 1, б) изображений Мальтинской пластины позволяют установить следующее.

Первое. Множественность, разнородность и системность используемых на Мальтинской пластине древнейших знаковых образов — точечных спиралей (всего семь) дают основание предположить, что перед нами уникальная древняя система представления сакральных знаний, которая базируется на семеричной системе счета (счисления) — по количеству явленных сущностей изображений или спиралей. В качестве основы такой системы счисления при рассмотрении категории *времени* выступает число дней недели астрономических (солнечного, тропического, лунного) календарей.

Если это утверждение правильно, то количественные характеристики каждой из спиралей, фиксируемые по лункам (ямки, знаки), выбитым на каждом изображении пластины из бивня мамонта, должны следовать определенной логике счета. Эта логика определяется в соответствии с естественными закономерностями природных и космических явлений.

Второе. По разные стороны от центральной большой спирали (слева и справа) расположены разные точечные спирали: с левой стороны — восходящие, с правой — нисходящие (рис. 1, б). Учитывая центральное расположение спирали относительно других изображений, проведем анализ различных количественных соотношений между ними. В центральной большой спирали семь витков, содержащих $14 + 21 + 26 + 33 + 40 + 47 + 62 = 243$ лунки.

В левой двойной симметричной спирали $7 + 14 + 14 + 7 + 14 + 7 = 63$ лунки, в левой двойной несимметричной спирали $7 + 12 + 19 + 7 = 45$ лунок. Кроме того, слева расположена месяцеобразная фигура (как незавершённая спираль) с кольцом внутри, состоящая из 14 лунок. Итого слева 122 лунки.

Сложение количества лунок или знаков большой центральной спирали с суммой знаков изображений слева (восходящие спирали) дает значение $243 + 122 = 365$ — число суток астрономического (солнечного) года².

В правой двойной нисходящей спирали $7 + 14 + 7 + 9 + 14 + 7(8) = 57$ (58) лунок, а в левой простой (одинарной) нисходящей спирали $9 + 14 + 23 + 8 = 54$ лунки. Кроме того, справа расположена изогнутая линия (как развернутая в волнообразную линию спираль), содержащая 11 лунок. Итого слева либо 122, либо 123 лунки. На факт неоднозначного определения общего количества лунок как $(122 + 1)$ двойной нисходящей спирали или «сложной спирали справа» обращал внимание В.Е. Ларичев [1989]. Поэтому в дальнейшем учитываем оба полученных значения.

Сложение количества лунок центральной спирали с суммой лунок изображений справа (нисходящие спирали) дает значение $243 + 122 = 365$ — число суток астрономического (тропического, солнечного) года, либо $243 + 123 = 366$ — число суток високосного астрономического года.

² *Астрономический*, или *тропический*, год — период движения среднего Солнца, за который его долгота увеличивается на 360° , т.е. один оборот (долгота считается от точки весеннего равноденствия). Устаревшим, менее точным, но более понятным является определение тропического года как периода между двумя последовательными прохождениями Солнцем точки весеннего равноденствия.

Проведем сложение количества лунок всех *нисходящих* спиралей Мальтинской пластины, получаем: $243 + 58 + 54 = 355$ — число суток продолженного, или високосного, лунного года.

Еще одно наблюдение, говорящее о наличии системы в противовес случайности или хаосу. Последнее, седьмое изображение Мальтинской пластины — змееобразная или волнообразная фигура (как развернутая спираль — своего рода аномалия или знаковое изображение) содержит 11 знаков (точек, ямок, лунок). Как известно, 11 дней (суток) — это разница между солнечным и лунным календарем.

Таким образом, за основу счета мыслители древности принимали год, равный 365 суткам. Использование восходящих точечных спиралей Мальтинской пластины — тому подтверждение. Но астрономический год не равен целому количеству солнечных суток (365,2422). Год приблизительно равен периоду обращения Земли вокруг Солнца (примерно 365,25 суток), месяц — периоду полной смены фаз Луны (называемому синодическим месяцем, равным 29,53 суток). Продолжительность тропического года (время между двумя весенними равноденствиями) составляет 365 суток 5 часов 48 минут 46 секунд. Без сомнения, это знали древние. Отсюда, для синхронизации календарных и астрономических времен года, в рассматриваемом на Мальтинской пластине календаре предлагается использовать високосный год, продолжительностью 366 дней. Левая сторона пластины с нисходящими точечными спиралями — подтверждение необходимости такой корректировки раз в четыре года. Уже потом, спустя многие тысячелетия после расцвета мальтинской культуры, были вновь созданы (а точнее, видимо, восстановлены) близкие по сути к мальтинскому календарю-пластине такие календари, как юлианский³, григорианский и др.

Анализ системной направленности знаковых образов Мальтинской пластины

Из всех исследователей к пониманию системной направленности знаковых образов Мальтинской пластины из бивня мамонта времен палеолита наиболее близко подошел В.Е. Ларичев. Он утверждал, что Мальтинская пластина являлась многофункциональным, тщательно продуманным инструментом, служившим для фиксации результатов многолетних наблюдений с целью дальнейшего их использования. Более того, В.Е. Ларичев утверждал, что Мальтинская пластина, судя по всему, представляет собой «модель Вселенной». Однако доказательств этого, пожалуй, самого смелого его утверждения приведено не было.

Вместе с тем даже интуитивное, основанное на подсознательном восприятии описание Мальтинской пластины как «модели Вселенной» не может быть оставлено без внимания.

Опираясь на результаты, полученные прежде всего отечественными исследователями, попробуем разгадать эту сложную загадку, «зашифрованную» на Мальтинской пластине из бивня мамонта. При этом попытаемся неукоснительно соблюдать важный методологический принцип: не будем считать современного образованного человека (в том числе исследователя) более умным или разумным, чем древний палеолитический человек — не только охотник на мамонта, но и носитель и хранитель знания, старательно «закрепивший» его на Мальтинской пластине для себя, своего рода и своих потомков.

Посмотрим внимательно на нанесенные на пластину семь изображений (рис. 1, б), каждому из которых «присвоен» свой уникальный номер (натуральное число). Обратим внимание, что это «присвоение» проведено по логике изменения (разворачивания, раскручивания) центральной нисходящей спирали начиная сверху против часовой стрелки, где первое изображение *кольцо в месяце* идет под номером *один* и так далее по кругу. Этот круг завершается изображением *волнистой линии*, идущей под номером *семь*.

Что здесь особенно важно? Вспомним: древние мыслили образами, среди которых *знаковые образы* выступали опорными сущностями, составлявшими знаковую систему координат на множестве других образов.

Первое — это значимость (символичность) указанных чисел *один* и *семь*.

Второе. Из всех изображений Мальтинской пластины, основное информационное поле которой представляют различные спирали, изображения под номерами *один* и *семь* выглядят, с одной стороны, как бы невзрачно (не ярко), с другой — даже несколько аномально, тем самым привлекая взгляд внимательного наблюдателя. Вместе с тем оба изображения можно рассматривать как *значимые* или *ключевые*. Действительно: *один* — это всегда начало, *семь* — конец

³ Различие в продолжительности тропического года и среднего юлианского календарного года (365,25 суток) составляет 11 минут 14 секунд. Из этих 11 минут и 14 секунд приблизительно за 128 лет складываются одни сутки.

или завершение некоторого цикла. Кроме того, оба изображения находятся вверху (на вершине) пластины, т.е. над всеми другими, образующими две группы (классы спиралей: нисходящих и восходящих). Эта «аномальность» указанных изображений, с одной стороны, и их значимость — с другой, указывает на их универсальный, базовый характер, который может служить ключом к раскрытию тайны Мальтинской пластины.

Каждый виток спирали — это определенный этап в описании и представлении некоторого цикла процесса или явления мира, действительности, бытия. Если рассматривается такая универсальная категория, как *время*, то отдельным витком спирали может быть любой из временных периодов: день, ночь, сутки, неделя, месяц, сезон, год и т.д. Если же это *пространство*, то таким витком спирали может быть круговой оборот одной сущности пространства относительно другой: атомы, электроны, полюса Земли, планеты, созвездия и т.д. Как в первом (время) и во втором (пространство) случаях, так и в третьем — любом другом случае, при описании объектов, процессов и явлений в любых предметных областях нужна *мера измерения*. Древний человек это знал, поэтому и отразил эту универсальную меру измерения весьма оригинальным способом — как значимую аномалию, стоящую на вершине множества различных спиралей. Аномалия на фоне рассматриваемого множества спиралей это принятая форма отражения: малый круг из 4 точек (лунок, ямок, знаков), который опоясан полукругом или месяцем из 10 точек.

Не может не поразить воображение принятая палеолитическим человеком логика передачи содержания этого знакового образа (схематично представлена на рис. 2).

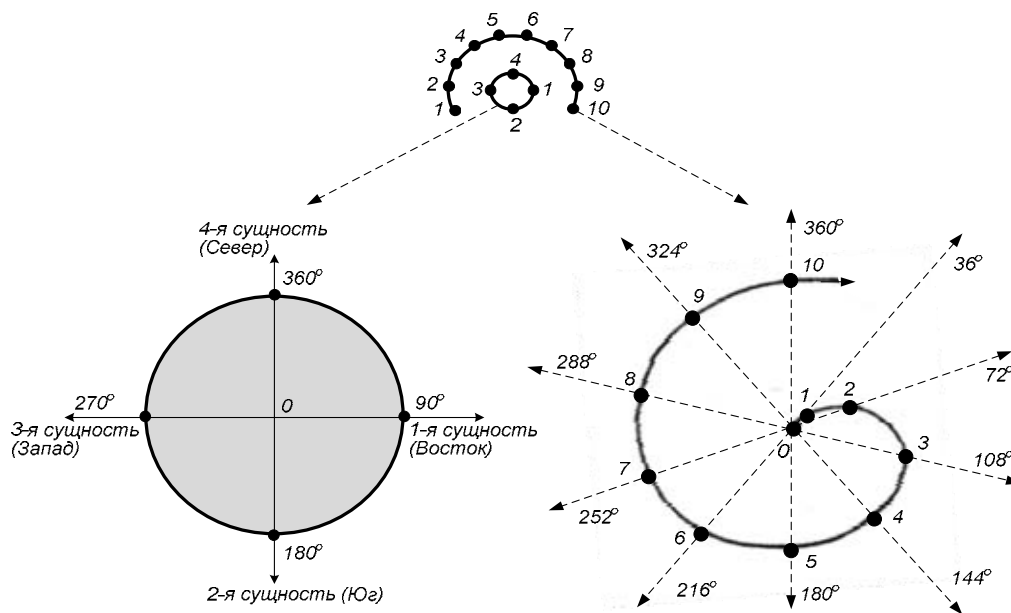

Рис. 2. Логика представления первого изображения Мальтийской пластины — малого круга из 4 точек (лунок, ямок, знаков), опоясанного полукругом (разорванным кругом) или месяцем из 10 точек.

Разделение круга, или *коло*⁴, на Мальтинской пластине четырьмя знаками или крестом (прямоугольная система координат) делит его на четыре равные части, сумма которых соответствует 360 градусам⁵ (рис. 2, слева). Коло — древний знак или символ годового круговорота Солнца в 360 дней полярной прародины ариев. Впоследствии эти исходные понятия нашли отражение в разных астрономических календарях, в том числе в древнегреческом и древнеримском. Из мифологии известно, что первоначально древнеегипетский солнечный календарь включал 360 дней, а затем бог Тот-Гермес добавил еще пять дней. На самом же деле исправление календаря было обусловлено тем, что прежний, полярный календарь не вписывался в

⁴ Коло — круг, окружность, обод, обруч, колесо, период [Даль, 2011].

⁵ Окружность круга делится на 360 градусов, которые и служат мерою для дуги, определяя, какую часть окружности она составляет, и мерою для углов, измеряемых дугою [Даль, 2011].

условия новой африканской родины — Египта, куда переселились прапредки египтян, родоначальницей которых была несчастная возлюбленная Зевса — Ио [Мифы..., 1980]. Так в итоге и возник известный нам календарный год.

Таким образом, можно сделать следующий важный вывод. В основе представления первого изображения Мальтинской пластины в виде малого круга из 4 точек (лунок, ямок, знаков), опоясанного полукругом (разорванный круг — вид спирали сверху) или месяцем из 10 точек, содержится универсальная десятичная система счета или счисления. Проведем обоснование полученного вывода.

Представление и комплексный анализ десятичной системы счисления в знаковых образах Мальтинской пластины. Традиционно десятичная система счисления предназначена для описания количественных характеристик объектов и процессов действительности, поэтому ее структура представляется в виде некоей конечной линейной последовательности чисел как объекта количественного измерения.

Посмотрим на такую систему счета глазами древнего человека — как на процесс, который имеет свою структурно-логическую основу. В этом случае он определяется, с одной стороны, базовыми числами (количественные значения), с другой — структурно-логическими свойствами строения системы счета, которые задают динамику этого циклического процесса в виде *витка спирали* (рис. 2). Такой полный виток, являющийся базовым элементом спирали, как и круг или окружность, имеет 360° . Во втором случае (рис. 2) каждое базовое число кроме численных значений несет в себе и качественные характеристики, описывающие процессы возникновения, развития и завершения процесса, осуществляемого по спирали. При этом каждая единица от 1 до 10 соответствует изменению угла вектора витка спирали на 36° . Например, если мы рассматриваем спираль движения лунного года, равного 10 лунным месяцам (28 дней), то каждый его месяц, кроме количественной характеристики от 1 до 10, также имеет качественные характеристики, которые определяются соответствующей фазой витка спирали.

Другой пример. Рассмотрим первый виток спирали как период зарождения жизни, ее развития и рождения в новом качестве (процесс беременности), равный тем же 10 лунным месяцам по 28 дней каждый. В этом случае каждое базовое число (равно как и каждый месяц беременности) несет в себе исключительно важную как количественную, так и качественную информацию об этом удивительном и таинственном процессе.

Следует отметить, что истоки чисел и систем счета (счислений, исчислений) в целом лежат в глубокой древности. Так, с ними связывают имена древнерусских богов. Первые базовые девять единиц счета это: Ра, Дый (Дий), Трибог, Сварог, Пан (Пана), Сест (Сеста), Семеш (Семеша), Веста, Див (Дивь, Дэв, Дэвса). Был также бог Нуте или Нуло — прообраз числа ноль, центра системы счета. Эта универсальная система счета не только имеет количественную, числовую меру, но и структурно-логически связана с другой системой мер — градусной как углового пространственного измерения.

Спираль десятичной системы счисления по характеру изменения (счета) может быть как восходящей (положительной), так и нисходящей (отрицательной). Отсюда становится ясным понимание истоков и сути древнейшего учения — *числоведения*⁶ или *нумерологии*⁷, раскрывающего древние сакральные знания о числе как «счетной науке».

Таким образом, число как универсальная количественная мера объектов и процессов действительности играет исключительно важную роль в деятельности человека. Не менее важная роль отводится числу при рассмотрении фундаментальных категорий *пространства и времени*.

В соответствии с ведическим миропониманием категория *время* измеряется, систематизируется и представляется с помощью числа. Выделим следующие основные численные меры измерения времени: *единица* — всегда выступает как базовая мера пространства или времени, (так, *единица времени* — это мера измерения времени, например: день, сутки, неделя, месяц, год, столетие и т.д.); мера *двух времен* — *день и ночь*; мера *трех времен* — как обобщенная мера обозначает *прошедшее, настоящее и будущее*; мера *четырех времен* — привязана к сезонам года, обычно это *весна, лето, осень, зима*; мера *семи времен* — привязана к семидневной неделе; мера *космическая* — привязана к тысячелетию.

⁶ *Числоведение* — это числословная, числоведная наука, числоведенье, числословие, арифметика, математика, счетная наука [Даль, 2011].

⁷ *Номер, нумер* — означает числительный знак, число, счетная цифра [Даль, 2011].

О законе циклического развития мира, действительности, бытия в знаковых образах...

Как видим, в зависимости от целей, длительности наблюдения, предмета анализа и других факторов могли применяться различные меры. Для измерения коротких временных промежутков в качестве меры использовались день, ночь, сутки. Более длительные временные промежутки исчислялись такими мерами, как сезон, год, столетие (век). Так, мера «сто зим» у ведийцев (древних ариев) считалась естественным сроком человеческой жизни, установленным богами; вспомним традиционное и весьма распространенное в древности пожелание: «Да будем мы процветать сто зим в наших детях и потомках!» (Мандала I. Гимн 1, 64: 14) [Ригведа, 1999].

Таким образом, система десятичного счисления, известная с глубокой древности и принятая впоследствии всеми народами мира, имеет строго определенную структурно-логическую основу, позволяющую описать количественные и качественные характеристики отражаемых объектов и процессов действительности. Истоками рассматриваемой системы счета являются естественные периоды и циклы действительности, в том числе дни и ночи, лунные фазы и, конечно, естественные периоды зарождения, развития и рождения всего сущего, и прежде всего человека. Именно эту идею и несет в себе Мальтинская пластина из бивня мамонта времен палеолита, что само по себе исключительно важно, но не исчерпывает заключенное в ней знание. Главное, на наш взгляд, в Мальтинской пластине — это зашифрованный универсальный и всеобщий закон циклического развития мира, действительности, бытия.

Представление и комплексный анализ двенадцатеричной системы счисления в знаковых образах Мальтинской пластины. Рассмотрим форму Мальтинской пластины. Она не ровная, а несколько изогнутая, при этом внутренняя сторона вогнутая, а внешняя выпуклая. Тем самым уже в самой форме пластины заложен смысл волнообразного изменения, движения. Тот же сакральный образ волнообразного изменения, движения мы наблюдаем в изображениях пластины (змеи, волнообразные кривые линии, спирали). Сравним изображения на обеих ее сторонах. Что является для них общим или тождественным? Ответ очевиден.

Полагаем, что образ изменения (движения, колебания, волнения) достаточно понятен. Зададимся еще одним конкретным вопросом: что является общим и повторяющимся во всех приведенных изображениях, несущим образ и знак волнообразного движения?

Процесс передвижения змеи при непосредственном его восприятии завораживает, но это реакция чувственная. А вот мысленное восприятие сущности и характера движения змеи позволяет увидеть в нем волнообразную кривую (в математической терминологии синусоиду). При этом могут быть разными змеи, размах или амплитуда движения и даже плоскость (земля, вода), по которой змея передвигается. Неизменно одно — характер траектории движения, представляющий собой волнообразную линию, в которой есть нечто базовое, многократно повторяющееся. Это, конечно, *длина* волны или *период*, под которым понимается срок или промежуток времени, продолжительность как время от одного события до другого. Например, история делится на периоды, сроки. А наша жизнь, бытие наше, разве не делится на периоды, сроки? Разве что-то в этом мире не делится на периоды, сроки, ритмы, циклы? Где время, там и периоды, сроки, ритмы, циклы. Материя разве может существовать вне времени, которое по своей сути проявляется в природе периодически или циклично?

Полагаем, прав был В.Е. Ларичев, утверждая, что Мальтинская пластина представляет собой воплощенное в образах искусства Мироздание, при этом ее наружная сторона изображает «гигантского, рассеченного на 7 частей Змия» [Ларичев, 2008, с. 11]. Одну часть этого «Змия», представляющего собой первое изображение Мальтинской пластины, мы уже рассмотрели как прообраз системы десятичного счисления натуральных чисел. Перейдем к рассмотрению следующей весьма важной части «гигантского Змия», которая составляет его основу или некую меру, называемую *периодом* изменения всего сущего.

Палеолитического человека далеко не всегда удовлетворяла десятичная система счета (счисления). Необходимо было как-то фиксировать, например, биологические, физиологические периоды, связанные с солнечной и лунной ритмикой, которой подчинено существование всего живого, самой жизни. Так, если ритмические воздействия Луны на динамику приливов на нашей планете мы видим воочию, то динамику приливов жидкостей в организме только ощущаем. Вычисление же и планирование невозможно без наблюдения за Солнцем, Луной и другими небесными телами. Благо «под рукой» всегда такие яркие природные регулярные ориентиры, как ново- и полнолуния, растущий месяц и стареющий, половые циклы человека — *регулы*.

При наблюдении и вычислении временных этапов и циклов различных природных и социальных явлений палеолитический человек использовал двенадцатеричную систему счета (счисле-

ния). Для этого он и изобразил систему взаимосвязанных между собой двойных восходящих и нисходящих спиралей на пластине. Сущность измерения и счета периодов и сроков различных процессов и явлений в логике развертывания двойных соразмерных спиралей Мальтинской пластины приведена на рис. 3. Образ четырех спиралей, разделенных по принципу двойцы противоположных, соразмерных и равновесных сущностей, находит отражение в любом циклическом или периодическом процессе мира, действительности, бытия.

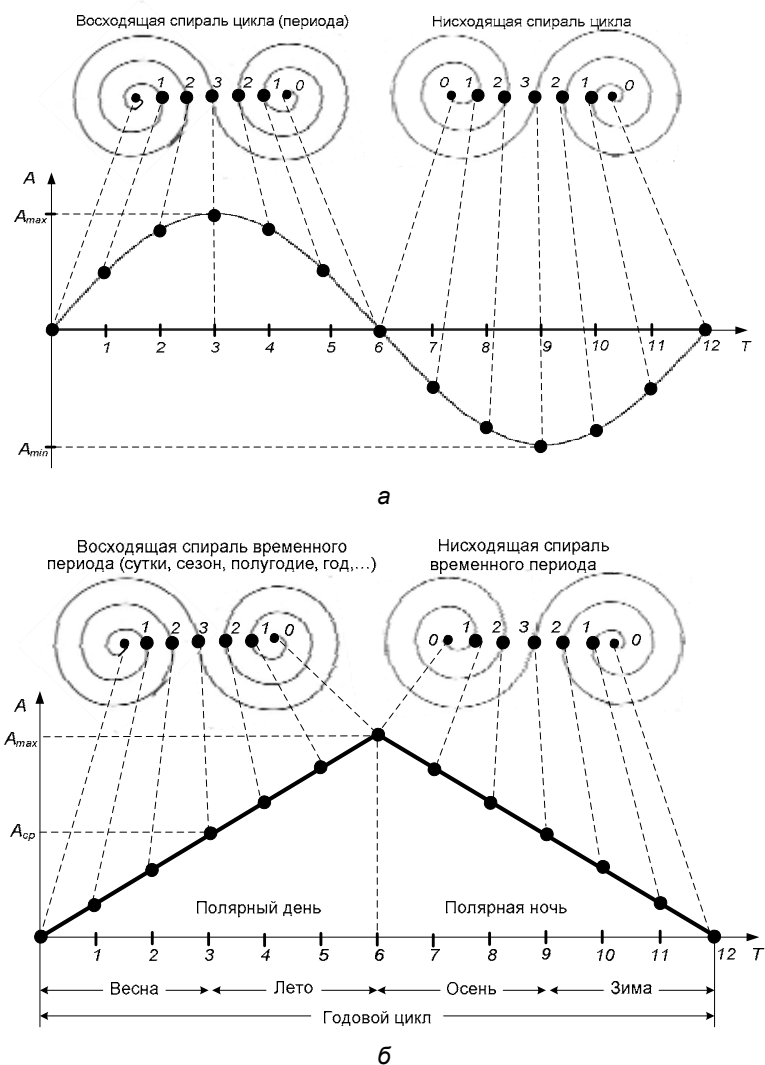

Рис. 3. Соотношение временных этапов произвольного периода двенадцатичного счета объектов, процессов, явлений и витков соразмерных спиралей Мальтинской пластины.

В астрономии это движение тел, например четыре фазы Луны: новолуние, растущий месяц, полнолуние, убывающий месяц; в экономике — известные фазы: кризис, депрессия, оживление, подъем (по К. Марксу); и т.д. Таким образом, *циклическость* или *периодичность* является всеобщей формой и фундаментальным свойством движения в живой и неживой природе, сакральный образ которой заключен в двух двойных спиралях — восходящей и нисходящей.

Объединение этих противоположных сущностей (восходящей и нисходящей) в целое, единое или систему и есть суть «троякого знания», о котором нам говорят древние тексты и еще более древние находки времен каменного века. Каждый виток восходящей спирали Мальтинской пластины формирует определенный этап временного цикла (периода) рассматриваемого процесса или явления, разворачивающиеся во времени. На рисунке это соответствующий фрагмент графика (периода волнообразной линии, синусоиды) изменения временного цикла.

О законе циклического развития мира, действительности, бытия в знаковых образах...

Понятие *период* или *цикл* любого изменения отражает:

— *завершенность* или *законченность* определенного процесса или явления: например, возвращение рассматриваемой планеты в исходную точку при движении планет или рождение живого существа при зарождении и созревании плода;

— *повторяемость* определенных процессов изменения (движения, развития, деградации) объектов и процессов мира, действительности, бытия;

— *системность* определенного процесса или явления, предполагающая объединение в единое, целое или систему составных частей рассматриваемого процесса или явления.

Точка перехода (№ 3, 6, 9) рассматриваемого цикла — от одной спирали к другой (верхняя часть рисунка), а соответственно и изменение вектора движения рассматриваемого процесса или явления (нижняя часть рисунка) называется точкой *раздвоения* одной сущности на две по принципу двойцы противоположных, соразмерных и равновесных сущностей. Такие точки-понятия называют *опорными*, *реперными*⁸ или точками бифуркации⁹. В рассматриваемом случае мы наблюдаем идеальную или соразмерную (симметричную) картину периодического или циклического изменения объектов, процессов или явлений мира, действительности, бытия. Наличие базового свойства *соразмерности* в любом процессе или явлении — это важный элемент порядка, гармонии, совершенства. Соответственно отсутствие свойства соразмерности — это беспорядок или хаос. *Соразмерность* — также и важная характеристика любого творения и, конечно, того, кто творит. Ведь человек «по образу» является во всем соразмерным. Вспомним Священное Писание: «Мы распростерли землю (вам) и разбросали (горные твердыни), прочно стоящие (в недвижности своей), произвели на ней творения всех видов по (мудрой) соразмерности (Творца)» (Коран. Сура 15: 19).

На представленном рисунке (рис. 3) все соразмерно: и двойные спирали, и основные элементы периода (цикла), и направления (вектора) изменения спиралей и периода. Соразмерными являются и элементы системы двенадцатиричного счисления натуральных чисел, в основе которой лежит универсальная и всеобщая мера — *единица*.

Соразмерные или симметричные спирали Мальтинской пластины позволяют четко отслеживать соразмерные этапы и циклы различных природных явлений. Приведем конкретный пример из наблюдений за полярными днем и ночью (рис. 3, б). Шесть месяцев полярной ночи впечатляют продолжительностью, а в древности, как известно из Вед и Авесты, бывало, когда нарушалась «привычная» природная соразмерность (рис. 4, а): «Десять месяцев там зима, два — лето; в средоточье зимы мерзнут воды, мерзнет земля, мерзнут травы, а как стает снег, начинаются сели» [Авеста, 2008, с. 66]. Поэтому палеолитический человек и изобразил на Мальтинской пластине двойную несоразмерную спираль: так было легче и считать, особенно в длинные, холодные полярные ночи, и ждать долгожданных полярных рассветов.

Соотношение годового лунного периода (цикла) с основными периодами рода человека (период от зарождения до рождения, продолжительность жизни человека) приведено на рис. 4, б. Продолжительность лунного («синодического»¹⁰) месяца¹¹ в среднем составляет 29,53059 суток. Соответственно календарный месяц может состоять из 29 или из 30 дней, причем месяцы в году чередуются, чтобы как можно точнее совпадать с одними и теми же фазами Луны.

Длительность периода беременности у человека и священных животных (например, коровы в Индии и Древнем Египте) одинакова: 280 дней, или 10 лунных месяцев, по 4 недели в каждом (первое изображение пластины).

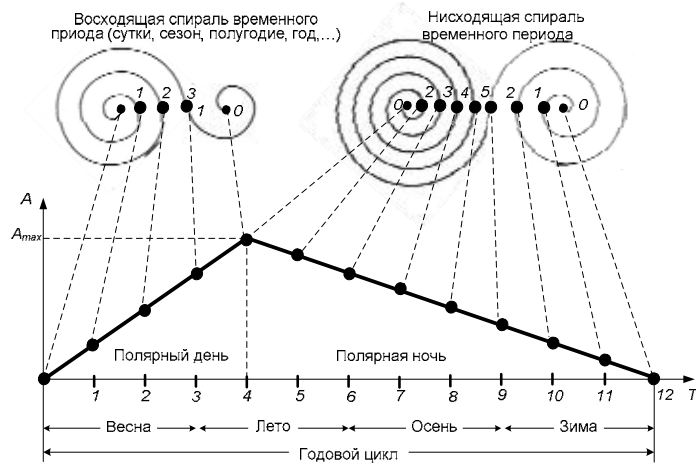
⁸ *Реперный* — составное слово, где *ре* — вторая нота в погласице (лествица звуков) [Даль, 2011], дословно означает «второе перо, метка, опора».

⁹ *Бифуркация* (лат. *bifurcus* — раздвоенный) — раздвоение, разделение, разветвление чего-либо; в географии — разделение реки на две ветви, которые в дальнейшем не сливаются и впадают в различные бассейны; в анатомии — разделение трубчатого органа на две ветви, например трахеи на два бронха; в педагогике — разделение старших классов средней школы на два потока, направления в обучении (напр., на гуманитарное и естественнонаучное) [Словарь..., 1988].

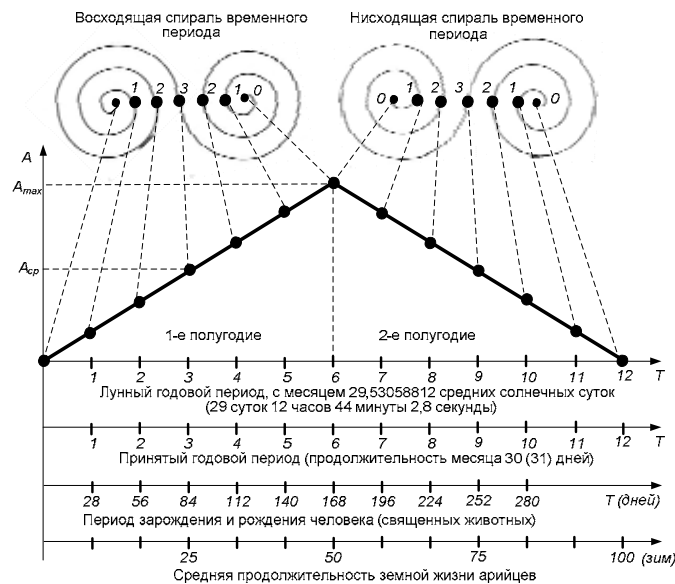
¹⁰ *Синодический* (астр.) — относящийся к видимому расположению небесного тела относительно Солнца; *синодический месяц* — промежуток времени между последовательными одноименными фазами Луны (равен 29,53 суток); *синодический период* обращения — промежуток времени между двумя последовательными одноименными конфигурациями планеты [Словарь..., 1988].

¹¹ В лунных календарях продолжительность года принимается равной 12 месяцам. В соответствии с этим продолжительность лунного года получается равной $12 \times 29,53059 = 354,36708$. Значит, в календарном году может быть или 354 дня — простой год, или 355 дней — продолженный (високосный) год.

Соотношение полных временных периодов (коло, кругов) Луны и Солнца в логике развертывания двойных спиралей Мальтинской пластины представлено на рис. 4, б. Полный драконический период («сарос») состоит из 223 лунных месяцев (в среднем приблизительно 6585,3213 дня, или 18,03 тропического года), по прошествии которых затмения Луны и Солнца приблизительно повторяются в прежнем порядке.

а

б

Рис. 4. Соотношение временных этапов цикла природных явлений и витков несоизмерных и соизмерных спиралей Мальтинской пластины.

Соотношение полных временных периодов (коло, кругов) Луны и Солнца, отображенных в двойных спиралях Мальтинской пластины, приведено на рис. 5.

Таким образом, несомненно, что графика палеолита проливает «новый свет на истоки астральных, космологических мифов Евразии или на истоки «магических» чисел» [Фролов, 1992]. Более того, после переосмысления культ магических чисел в первобытных сообществах и древних религиях перешел в современные мировые религии. Например, ключевое число семь древнекаменного века фигурирует во многих основополагающих представлениях: семь дней божественного сотворения мира, семидневные циклы всемирного потопа в Библии и т.д.

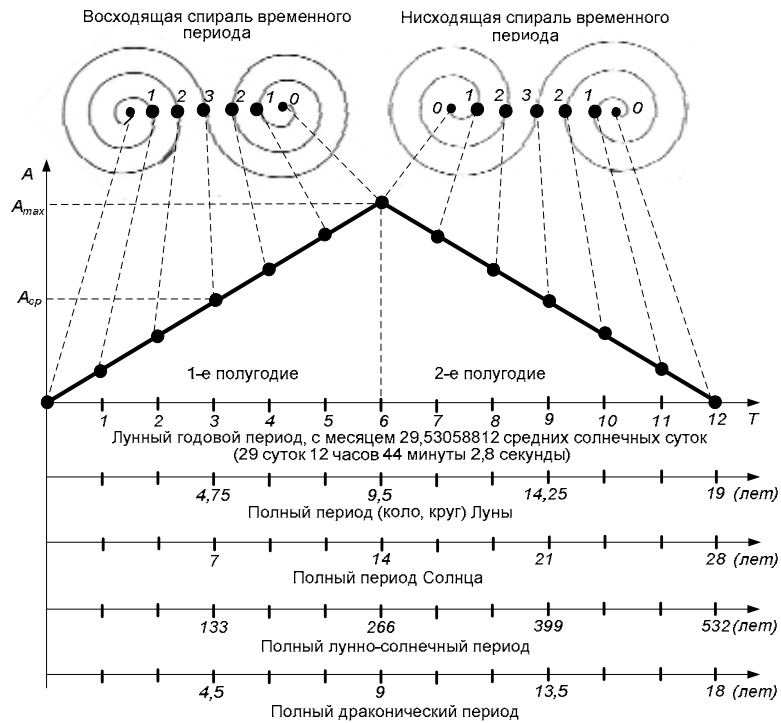

Рис. 5. Соотношение полных временных периодов (коло, кругов) Луны и Солнца.

Возвращаясь собственно к предмету нашего исследования, сделаем главный вывод. Мальтинская пластина из бивня мамонта, по сути, представляет комплексное отражение универсального и всеобщего закона циклического или периодического изменения объектов, процессов и явлений мира, действительности, бытия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авеста*. «Закон против дэвов» (Видевдат) / Адаптированный перевод, исследование и комментарии Э.В. Ртвеладзе, А.Х. Саидова, Е.В. Абдуллаева. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2008. 301 с.
- Герасимов М.М.* Палеолитическая стоянка Мальта // СЭ. 1958. № 3.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: РИПОЛ классик, 2011.
- Клейн Л.С.* Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007. 226 с.
- Клесов А.А.* Ископаемые гаплогруппы и гаплотипы // Вестн. академии ДНК-генеалогии. 2014. Т. 7, № 7. С. 1135–1184.
- Ларичев В.Е.* Мудрость змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце. Новосибирск: Наука, 1989. 272 с.
- Ларичев В.Е.* Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. Новосибирск: Наука, 1993. 288 с.
- Ларичев В.Е.* «Начала» в натурфилософии древнекаменного века Северной Азии: (Реконструкция религиозно-мифологических и протонаучных представлений мальтинского жречества о возникновении Мироздания и его устройстве) // Религиоведение. 2008. № 1. С. 3–24.
- Марин Д.* Тайны Наски и Ики / Пер. с итал. Е. Тарусиной. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015. 128 с.
- Мифы народов мира: Энцикл. Электрон. изд.* / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энцикл., 1980. 1147 с.
- Омельченко В.В.* Общая теория классификации. Ч. I: Основы системологии познания действительности. М.: ИПЦ Маска, 2008. 436 с.
- Омельченко В.В.* Общая теория классификации. Ч. II: Теоретико-множественные основания / Предисл. Д.А. Ловцова. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 296 с.
- Омельченко В.В.* Основы систематизации: В 2 ч. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 480 с.
- Омельченко В.В.* Системные основы древних писаний и древнерусского языка. Кн. 1: Загадки Ригведы — Веды гимнов и древнерусского языка. М.: ЛЕНАНД, 2015. 424 с.
- Омельченко В.В.* Системные основы древних писаний и древнерусского языка. Кн. 2: Системные аспекты представления знаний в древних писаниях и в древнерусском языке. М.: ЛЕНАНД, 2016. 464 с.
- Ригведа*. Мандалы I–IV / Пер. и подготовка изд. Т.Я. Елизаренковой. Изд. 2-е, испр. М.: Наука, 1999. 768 с.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1980. 608 с.
Словарь иностранных слов / Гл. ред. Ф.Н. Петров. 15-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1988. 608 с.
Фролов Б.А. Первобытная графика Европы. М.: Наука, 1992. 200 с.

V.V. Omelchenko

Federal Budget Institution «State scientific research Institute
for system analysis, accounts chamber of the Russian Federation»
Usachev st., 64, p. 1, Moscow, 119048, Russian Federation
E-mail: omvv@yandex.ru

**THE LAW OF CYCLIC EVOLUTION OF THE WORLD, REALITY AND BEINGNESS
ACCORDING TO THE SIGN-IMAGES ON THE MALTA PLATE, MADE OF MAMMOTH IVORY
IN THE PALEOLITHIC AGE**

The article examines some sign-images such as a pin-point spiral of the Malta Plate using a system analysis approach. This Plate is the unique archeological artifact and was made of mammoth ivory in the times of the Paleolithic age, in an ancient human location found in Southern Siberia, the village of Malta. These sign-images which are associated with Tripartite knowledge from the Veda and the Avesta, show a well-thought-out classification system of upstream and downstream spirals, describing different systems of counting, numeration and calculation. A strict logical correlation between the universal stages of acts of the nature and the spiral turns on the Malta Plate was revealed. It is concluded that this unique archeological artifact reflects the universal global law of cyclic or periodic evolution of objects, processes and events in the world, reality and beingness.

Key words: the Paleolithic Age, southern Siberia, Malta plate, mammoth ivory, spiral, cycle, period, sign-image, number, counting, numeration, calculation.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-016-029

REFERENCES

- Dal' V.I., 2011. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language]: V 4 tomakh, Moscow.: RIPOL klassik.
- Elizarenkov T.J., 1999, (ed.). *Rigveda: Mandaly I–IV* [Rig Veda: Mandalas 1–4]. Izd. 2-e, ispr., Moscow: Nauka, 1999, 768 p.
- Frolov B.A., 1992. *Pervobytnaia grafika Evropy* [Primitive graphics of Europe], Moscow: Nauka, 1992, 200 p.
- Gerasimov M.M., 1958. Paleoliticheskaia stoinka Mal'ta [Paleolithic Malta]. *Sovetskaia etnografiia*, 1958, no. 3, pp. 21–32.
- Klein L.S., 2007. *Drevnie migratsii i proiskhozhdenie indoevropskikh narodov* [The ancient origins and migration of Indo-European peoples], St. Petersburg, 2007, 226 p.
- Klesov A.A., 2014. Iskopaemye gaplogruppy i haplotipy [Fossil haplogroups and haplotypes]. *Vestnik akademii DNK-genealogii*, vol. 7, no. 7, 2014, pp. 1135–1184.
- Larichev V.E., 1989. *Mudrost' zmei: Pervobytnyi chelovek, Luna i Solntse* [Wisdom of the serpent: Primitive man, the Moon and the Sun], Novosibirsk: Nauka, 1989, 272 p.
- Larichev V.E., 1993. *Sotvorenie Vselennoi: Solntse, Luna i Nebesnyi drakon* [Creation of the Universe: The Sun, the Moon and the Celestial Dragon], Novosibirsk: Nauka, 1993, 288 p.
- Larichev V.E., 2008. «Nachala» v naturfilosofii drevnekamennogo veka Severnoi Azii: (Rekonstruktsiia religiozno-mifologicheskikh i protonauchnykh predstavlenii mal'tin-skogo zhrechestva o vozniknovenii Mirozdaniia i ego ustroeniia) [Elements in the natural philosophy of the Stone Age in Northern Asia: (Reconstruction of religious and mythological representations of prothoscientific Malta priesthood about the origin of the Universe and its structure)]. *Religiovedenie*, 2008, no. 1, pp. 3–24.
- Marin D., 2015. *Tainy Naski i Iki* [Secrets of Socks and Ica], per. s ital. E. Tarusinoi, Moscow: BINOM, 2015, 128 p.
- Omel'chenko V.V., 2008. *Obshchaia teoriia klassifikatsii. Chast' I: Osnovy sistemologii poznaniia deistvitel'nosti* [The general theory of classification. Part 1: The Basics systemology of understanding of reality], Moscow: IPTs Maska, 2008, 436 p.
- Omel'chenko V.V., 2010. *Obshchaia teoriia klassifikatsii. Chast' II: Teoretiko-mnozhestvennye osnovaniia* [The general theory of classification. Part 2: Multiple theoretic foundation], Moscow: LIBROKOM, 2010, 296 p.
- Omel'chenko V.V., 2012. *Osnovy sistematizatsii* [Fundamentals of systematization]: V dvukh chastiakh, Moscow: LIBROKOM, 480 p.
- Omel'chenko V.V., 2015. *Sistemnye osnovy drevnikh pisanii i drevnerusskogo iazyka* [System foundation of ancient scriptures and ancient language]. Kn. 1: Zagadki Rigvedy — Vedy gimnov i drevnerusskogo iazyka, Moscow: LENAND, 424 p.

О законе циклического развития мира, действительности, бытия в знаковых образах...

Omel'chenko V.V., 2016. *Sistemnye osnovy drevnikh pisanii i drevnerusskogo iazyka* [System foundation of ancient writings and ancient language.]. Kn. 2: Sistemnye aspekty predstavleniia znaniia v drevnikh pisaniiax i v drevnerusskom iazyke, Moscow: LENAND, 459 p.

Petrov F.N., 1988 (ed.). *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words], 15-e izd., ispr., Moscow: Rus. laz., 1988, 608 p.

Rtveladze E.V., Saidova A.Kh., Abdullaeva, E.V., 2008 (ed.). *Avesta. «Zakon protiv devov» (Videvdat)* [Avesta. «The law against the devas» (Videvdat), adapted translation, research and commentary], St. Petersburg: Izd-vo Politekh. universiteta, 2008, 301 p.

Rybakov B.A., 1980. *Iazychestvo drevnikh slavian* [Paganism ancient Slavs], Moscow: Nauka, 608 p.

Tokarev S.A., 1980. *Mify narodov mira: Entsiklopediia*. Elektronnoe izdanie [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia. Electronic edition], Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1980, 1147 p.

В.В. Евдокимов*, А.В. Логвин, А.А. Ткачев*****

*Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова
ул. Университетская, 28, Караганда, 100028, Республика Казахстан
E-mail: v241242@yandex.ru

**Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова
ул. Байтурсынова, Костанай, 471100, Республика Казахстан
E-mail: logvin_a@mail.ru

***Институт проблем освоения Севера СО РАН,
Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: sever626@mail.ru

ПОСЕЛЕНИЕ СЕМИОЗЕРНОЕ II

Целью настоящей работы является введение в научный оборот возможно более полной (в рамках ограничений статьи по объему) информации о давно известном поселении Семиозерное II рубежа средней и поздней бронзы. Важность этого шага определяется тем, что на прилегающей к Зауралью территории Казахстана это единственный однослойный поселенческий комплекс, а исследователи вынуждены оперировать весьма скупой информацией, опубликованной в сборниках «Археологические открытия» и в статье В.В. Евдокимова, посвященной хронологии памятников степного Притоболья. Памятник расположен у окраины с. Аулиеколь (до 1997 г. — с. Семиозерное) одноименного района Костанайской области, на мысу между озерами Купальное и Грачевое. На поселении раскопом 1545 м² изучено пять двухкамерных сооружений и одна конструкция из близко расположенных относительно друг друга канавы и трех ям. Одно из них, вероятно, функционировало преимущественно как жилое. Все остальные связаны с различными этапами процесса металлообработки. С третьим сооружением ассоциируется сугубо металлургическая функция. Здесь в крупной печи получали из руды медь. В оставшихся трех сооружениях осуществлялась отливка орудий и заготовок, а также другие после металлургические операции. В каждом из них зафиксированы малые печи и большое число очагов. У четвертого сооружения найдена форма для отливки тесла. Керамический комплекс Семиозерного II помимо традиционно отмечаемой близости его петровской керамике Пришимья обнаруживает большое сходство с керамической коллекцией Аркаима. В коллекции Семиозерного II фиксируются основные присущие Аркаиму типы сосудов, по классификации Т.С. Малютиной и Г.Б. Здановича [2004] это типы ГI–IV, БI–БIII. Эти факты трудно интерпретировать иначе, чем как свидетельство одновременности и культурного единства. В их свете представляется малоперспективной попытка вычленив в коллекции Аркаима поздний «петровский» пласт [Виноградов, 2011, с. 96]. В более широком плане вносятся новые нюансы в проблему соотношения петровских и синташтинских древностей во времени и пространстве.

Ключевые слова: эпоха бронзы, металлургия, синташтинская культура, петровская культура, Семиозерное II.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-030-040

Памятник расположен в 0,2 км от северо-западной окраины с. Аулиеколь (до 1997 г. — с. Семиозерное) в Аулиекольском районе Костанайской области на мысу между озерами Купальное и Грачевое. Мыс длиной 400 м, шириной 50–150 м имеет высоту 4 м от современного уровня воды в оз. Купальное. На задернованной поверхности мыса в 1970 г. было отмечено шесть впадин. Размеры впадин примерно 10×15 м. Вдоль мыса со стороны оз. Купального фиксируются остатки рва и вала. Ширина рва по верху 1,5–2 м, глубина 0,5 м, ширина развала вала до 2 м, высота 0,5–0,7 м. Ров и вал имеют сглаженные формы, поверхность их задернована. В 1971, 1974 и 1977 гг. пятью раскопами была вскрыта площадь 1545 м², на которой выявлены остатки пяти жилищ и одной конструкции, имевшей, видимо, сугубо хозяйственное назначение (рис. 1, 2) [Евдокимов, Логвин, 1972; Евдокимов и др., 1974; Евдокимов, Ткачев, 1979]. За пределами сооружений прослежена следующая стратиграфия: дерн (0,1–0,15 м), под ним темно-серый гумусированный слой (0,1–0,25 м), подстилает его материковая глина. В жилищах под дерном (0,1–0,15 м) залегает темно-серый гумусированный слой (0,1–0,45 м), ниже идет светло-серая супесь (0,45–0,9 м), подстилает ее материк, представленный глиной. Стратиграфическая колонка третьего сооружения отличается наличием на полу котлована обширной черной углистой прослойки.

Поселение Семиозерное II

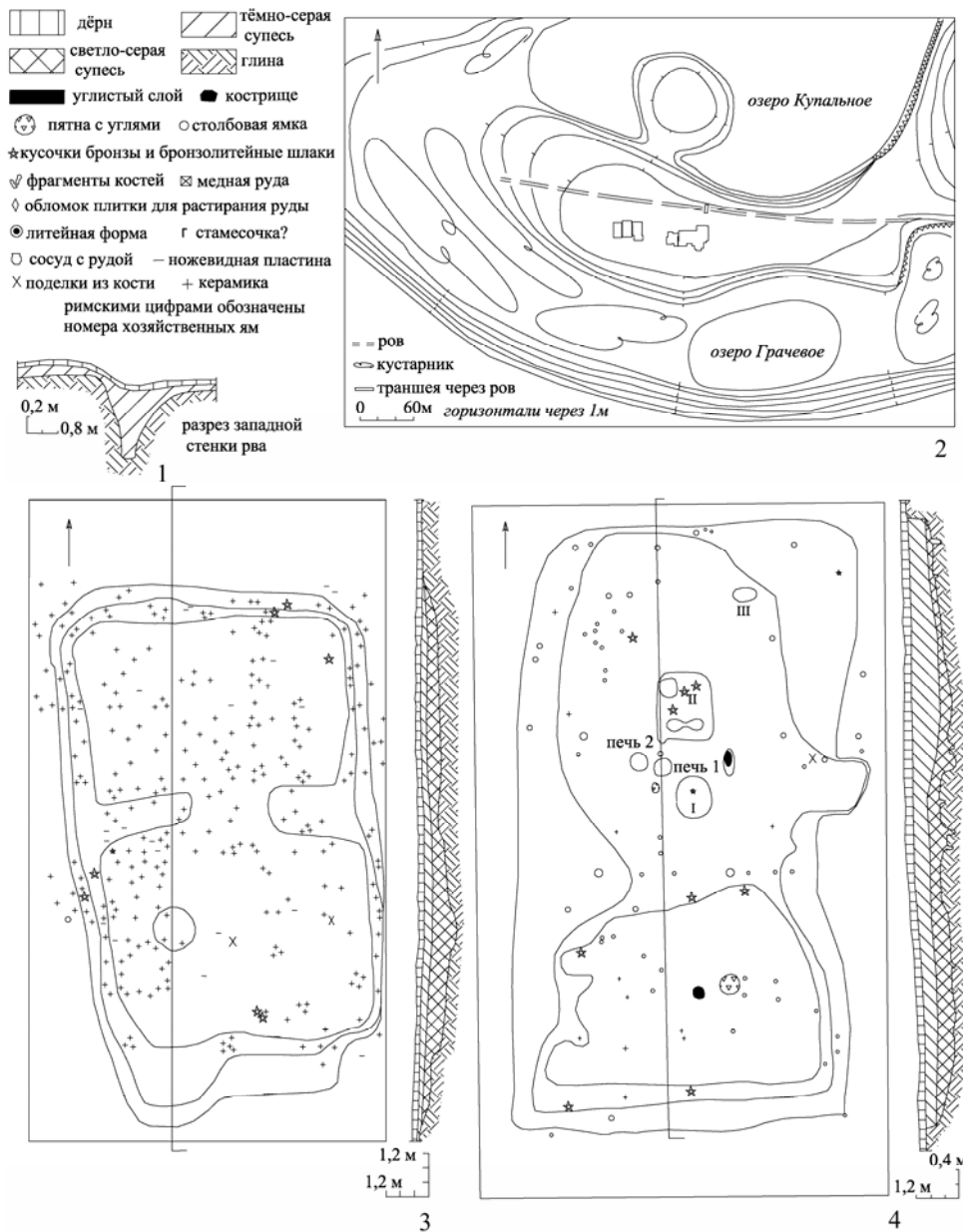

Рис. 1. Поселение Семиозерное II:

1 — разрез рва; 2 — ситуационный план; 3 — план и разрез жилища № 1; 4 — план и разрез жилища № 2.

Первый раскоп, площадью 220 м², был заложен на крайней западной впадине. Котлован изученного здесь жилища (№ 1), общей площадью 122 м², ориентирован по линии север — юг с небольшим отклонением к западу и имеет в плане прямоугольную форму со слегка закругленными углами (рис. 1, 3). Южная стенка котлована пологая, а северная, западная и восточная более крутые. В придонной части котлована по длинным сторонам его имелось два выступа, которые формировали две камеры. Высота уступов 0,2–0,3 м, ширина 0,5–0,1 м. Проход между ними шириной 2,2 м. Размеры северной камеры 8х5 м, наибольшая глубина 0,8 м. Южная камера размером 7х6 м, глубиной до 0,9 м.

В юго-западном углу южной камеры, судя по всему, располагался выход из жилища. Фиксировался он в виде выступа, выдвинутого за границу котлована на 2 м. Ширина его также около 2 м. Вход-выход ступенчатый. Высота ступеньки около 0,2 м. Прилежавшая к нему западная часть южной камеры глубже восточной на 0,1 м. В глубокой части этой камеры, точно напротив входа, примерно в 3 м от него, на уровне пола зафиксирована хозяйственная яма диаметром 1,2 м,

глубиной до 0,15 м, в заполнении которой встречены глиняные кирпичики и металлургические шлаки. Вне жилища, у западной стенки южной котловины, обнаружена столбовая яма диаметром 0,16 м, глубиной 0,17 м.

В заполнении котлована первого жилища найдены изделия из кремня (21), костяные наконечник стрелы и проколка, фрагмент глиняного пряслица, каменная трубочка, металлургические шлаки, а также бронзовые стержень, проколка и пластина с двумя отверстиями, большое количество фрагментов керамики.

В коллекции кремневых находок имеются отщепы (9), ножевидные пластины (4), наконечник стрелы, два обломка ножей (?), пять скребков. Ножевидные пластины шириной 7–10 мм, длиной 15–20 мм. Одна из них ретуширована со спинки по одной грани. Скребки языковидные (4) и неопределенной формы (1). Наконечник стрелы, двусторонне обработанный, подтреугольной формы, размером 30×17 мм (рис. 3, б). Эти находки, вероятно, не связаны с основным комплексом, а отложились в результате жизнедеятельности более ранних обитателей этих мест. В пользу этого говорит отсутствие кремневых артефактов в других сооружениях и наличие стоянок с микролитическим инвентарем на противоположном берегу оз. Купального.

Костяной наконечник стрелы довольно крупный (13 см), черешковый, в поперечном сечении квадратный, сторона квадрата 1 см. Костяная проколка изготовлена из фрагмента трубчатой кости (рис. 3, 22, 23). Бронзовая проколка квадратная в поперечном сечении, обоюдоострая, длиной 7 см, толщиной до 0,4 см; четырехгранный изогнутый стержень такой же толщины. Пластина овальной формы, размером 27×20 мм, имеет два отверстия в центре (рис. 3, 2–4).

Жилище № 2 расположено в 5 м к востоку от первого. Оно также ориентировано по линии север — юг. Котлован площадью примерно 140 м² имел прямоугольную форму. В придонной части также фиксировались две камеры: более глубокая (0,7 м) северная площадью 80 м² и южная глубиной до 0,5 м от современной поверхности площадью 60 м². Выход приурочен к восточной стенке северной камеры. Фиксировался он в виде выступа котлована, длина которого 1,3 м, ширина 1,7 м. Так же как в первом жилище, вход-выход ступенчатый. Нижняя ступенька имела высоту 0,1 м и ширину 0,6 м, верхняя — ширину 0,23 м и высоту 0,18 м. В центральной части южной камеры находилось кострище диаметром 0,3 м. В 0,5 м от него отмечено пятно диаметром 0,56 м с обильными углистыми включениями. В северной камере на площадке размером около 8 м² расположен комплекс из кострища, двух печей и двух хозяйственных ям (рис. 1, 4).

Кострище овальной формы, размером 0,44×0,2 м, приурочено ко дну овальной же ямы размером 0,8×0,32 м, глубиной 0,1 м. Рядом с этой ямой расположены остатки небольших печей, представленные ямами, в заполнении которых обнаружены подокруглые глиняные обожженные кирпичики красного цвета длиной до 10 см.

Печь 1 — яма округлой формы, размером 0,47×0,55 м, глубиной 0,3 м. В верхнем слое ямы бесформенно округлые кирпичики выложены кругом диаметром 0,25 м. В разрезе ямы выделялось пять слоев кирпичиков, на дне прокал мощностью 8 см¹.

Печь 2 также округлой формы, размером 0,5 м, глубиной 0,5 м. В заполнении ямы выделялись три слоя кирпичиков, а на дне прокал мощностью 5–6 см. Кирпичики по форме не округлые, как у первой печи, а близкой к прямоугольной формы.

К югу от печей, в 0,3 м, отмечено вкрапление углей диаметром 0,3 м, а в 0,5 м — хозяйственная яма округлой формы, размером 1,32×1,04 м, глубиной 0,2 м. Яма имела в разрезе котлообразную форму. В заполнении много угольков, среди которых встречены металлургические шлаки и куски необожженной глины.

В 0,5 м к северу от печей находилась прямоугольная в плане хозяйственная яма размером 1,8×1,6 м, углубленная до 0,15 м от уровня пола. В дно ямы вкопано еще две ямы глубиной 0,1–0,15 м. Заполнение ямы включало в себя угольки, камни, куски необожженной глины, металлургические шлаки. Третья хозяйственная яма отмечена в северо-восточном углу жилища. Она овальной формы, размером 0,6×0,4 м, глубиной 0,08 м.

Из почти шести десятков столбовых ям лишь пять находились вне жилища. В северной половине котлована сооружения столбовые ямы концентрировались в северо-западном углу. Отмечен также ряд из семи столбовых ям, расположенных строго по линии, разделяющей северную и южную камеры. Видимо, они маркировали место расположения разделявшей жилище стены. В этом ряду выделялись большими размерами две ямы. Каждая из них отстоит ровно на

¹ Подробнее о печах см.: [Евдокимов, Григорьев, 1996].

Поселение Семиозерное II

2,2 м от противоположных длинных стен котлована. В заполнении котлована жилища найдены металлургические шлаки, кусочки медной руды, фрагменты керамики и кости животных.

Жилище № 3 отстояло на 7 м к востоку от второго сооружения. Оно имело котлован прямоугольной формы размером 12×7 м с закругленными углами (рис. 1; 2, 1). Дно в южной половине котлована ровное, углублено в материковый слой на 0,3–0,35 м, в северной — неровное, местами уступчатое, углублено на 0,1–0,2 м. На дне отмечены хозяйственные (11) и столбовые (6) ямы, кострище. Вход-выход трапецевидной формы приурочен к южной стенке котлована сооружения.

Круглое в плане, диаметром 0,4 м кострище зафиксировано в северо-восточном углу котлована. Оно углублено на 0,2 м от уровня пола, ниже углистых отложений отмечен прокол толщиной 0,05 м.

В центральной части северной половины котлована располагались остатки печи размером 3,24×0,72–0,24 м. Котлован ее представлял собой сложную конструкцию из трех камер, оформленных двумя поперечными выступами материковой глины, оставленными со стороны восточной стенки. Среднее отделение, вероятно, предназначалось для установки меха. Два других, видимо, были топочными. В центральной части дна северной камеры отмечено круглое в плане углубление диаметром 0,1 м, глубиной 0,06 м, предназначенное для стока металла или установки тигля. На стенках южной и северной камер печи сохранилась глиняная прокаленная обмазка ярко-красного цвета толщиной 2,5–3 см. В обмазке отмечены небольшие камни размером 5–6 см. В северной камере сохранилась часть глиняного свода [Евдокимов, Григорьев, 1996, с. 124–125]. Заполнение печи состояло из черного углистого слоя с кальцинированными фрагментами костей. Вокруг печи расположены 9 из 11 хозяйственных ям. Похоже, что все хозяйственные ямы функционально были связаны с печью.

В заполнении жилища были найдены каменная рудотерка, лежавшая около печи, часть сосуда, в котором лежали три кусочка малахита и кусочек азурита, металлургические шлаки, кости животных, кусочки медной руды, керамика (рис. 3, 20, 21).

В 38 м к востоку от жилища № 3 компактно расположены три объекта: хозяйственный комплекс, жилища № 4 и 5 (рис. 1, 2). *Хозяйственный комплекс* состоял из основного и канавообразного сооружений, а также четырех хозяйственных ям (рис. 2, 2). Основное сооружение в плане подпрямоугольной формы, размером 8×6,4 м, с котлованом глубиной 0,72 м. В центральной части котлована отмечено два пятна с углями. Из 27 столбовых ям 8 шли вдоль стен снаружи камеры и без сомнения относятся к опорным конструкциям стен. Заполнение котлована содержало кости животных и 15 фрагментов керамики, в том числе заготовку пряслица, кусочки бронзы.

Одна хозяйственная яма расположена в 1,6 м к северу от основного сооружения. Она неправильной т-образной формы. Одна часть ее размером 2,8×1,6 м, а примыкавший к ней выступ размером 1,76×1 м. Наибольшая глубина ямы 0,58 м. Вторая яма подпрямоугольной формы, размером 2×1,36 м, глубиной 0,28 м, расположена в 3,2 м к северо-востоку от основного сооружения. В этих ямах найдены кости животных и фрагменты керамики. Две ямы попали в раскоп частично. У них были зафиксированы лишь верхние очертания, и далее они не раскапывались. Расположены ямы примерно в 2 м югу и западу от основного сооружения.

Канавообразная часть комплекса длиной 14,7 м, шириной 1–2,6 м, глубиной 0,42–1 м расположена в 2,4 м к востоку от основного сооружения. Сориентирована эта конструкция по линии север — юг. В наиболее узкой, центральной части части канавы на отрезке в 2,5 м снаружи, у ее границ, отмечено с одной стороны девять, с другой восемь столбовых ям. В северном конце котлована канавы, в восточной стенке, отмечен выступ длиной 1,6 м, шириной 0,6 м, а в южной половине — две ямы. Заполнение котлована содержало кости животных, два фрагмента керамики, металлургические шлаки.

Жилище № 4 на уровне первой четкой фиксации границ имело подпрямоугольную форму размером 21×9,8 м (рис. 2, 3). В придонной части котлована его двумя материковыми выступами оказался разделен на две камеры. Северная камера площадью 115 м², глубиной 0,15–0,55 м, южная площадью 75 м², глубиной 0,3–0,75 м. Расположенный в северо-западном углу котлована выступ длиной 1,7 м, шириной 2,1 м, видимо, маркировал вход-выход. Кроме того в восточной стенке северной камеры зафиксирован переход в жилище № 5. Общая длина перехода 1,5 м, ширина 1,2 м, глубина 0,36 м. На уровне пола котлована отмечены хозяйственные ямы (16), очаги (6), кострища (2), печи (3) и столбовые ямы (15).

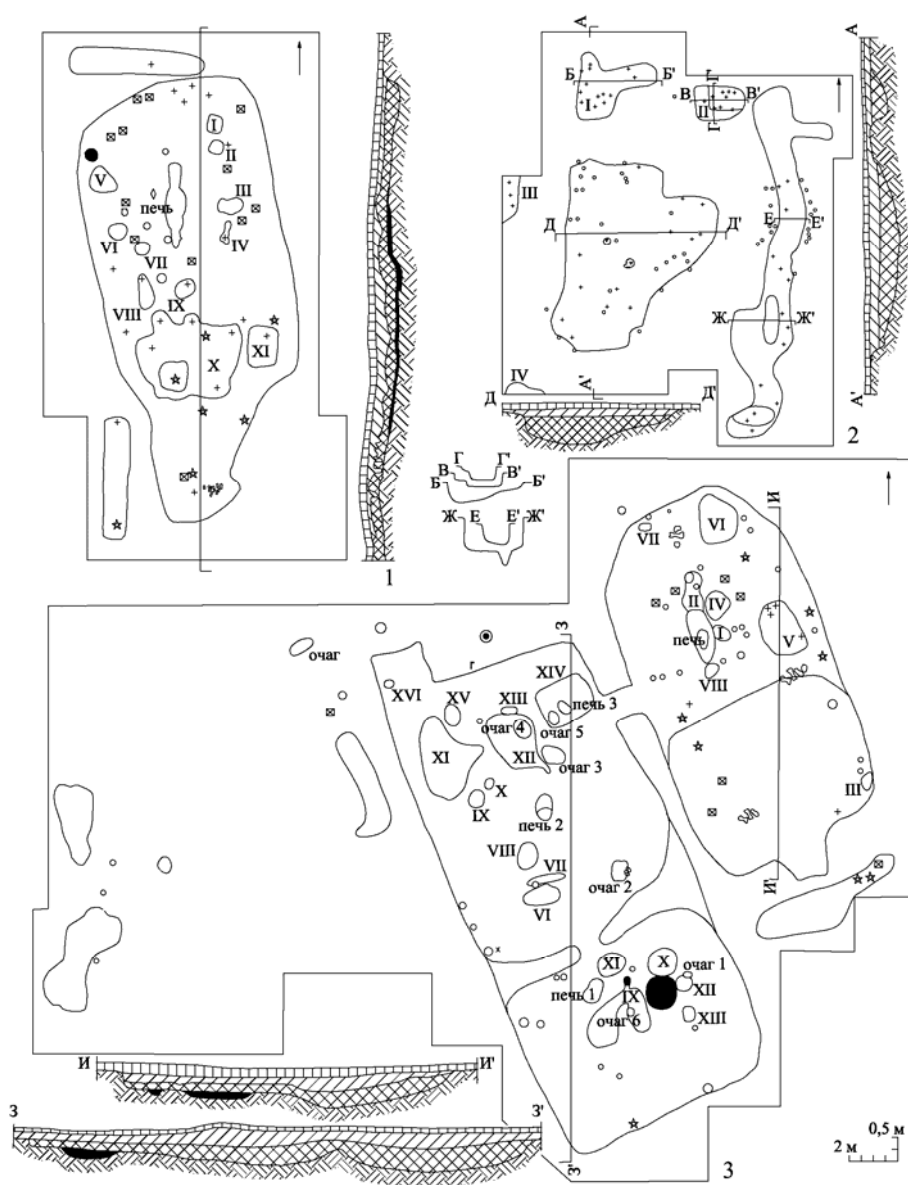

Рис. 2. Поселение Семиозерное II:

1 — план и разрез жилища № 3; 2 — план и разрез хозяйственной постройки; 3 — планы и разрезы жилищ № 4 и 5.

Одна печь расположена в южной камере у перехода в северную. Она подпрямоугольной с сильно закругленными углами формы, размером 1,12×0,6–0,72 м, глубиной 0,23–0,25 м. Прослежены остатки основания стенки из глиняных кирпичиков, которая делила котлован печи на две камеры. В центральной части северной камеры отмечено углубление диаметром 0,11 м, глубиной 0,06 м. Сохранились участки стенок, обмазанные слоем глины толщиной до 0,03 м. В заполнении ямы отмечены многочисленные глиняные кирпичики размером до 6–10 см и фрагмент керамики.

Вторая печь, расположенная в центральной части северной камеры, представляла собой грунтовую яму овальной формы размером 1,02×0,72 м, глубиной до 0,18 м. Она, видимо, также была двухкамерной. В южной части отмечено три слоя глиняных кирпичиков овально-подпрямоугольной формы размером 4–8×3,5 см. Так же как и в предыдущем случае, в северной части имеется углубление, служившее, возможно, для стока металла или установки тигля.

Третья печь расположена в северо-восточной части северной камеры, в пределах большой прямоугольной в плане хозяйственной ямы. Она секторовидно-овальной формы, размером 1,37×0,88 м, углублена от уровня дна хозяйственной ямы до 0,26 м. В заполнении печи фикси-

Поселение Семиозерное II

рвалось 4–6 слоев глиняных бесформенных кирпичиков размером 4–5×5–8 см. Снаружи у продольных стенок котлована печи отмечено по столбовой ямке. Заполнение ямы содержало кусочки прокаленного песка, древесный уголь, металлургические шлаки, кальцинированные кости. Рядом с печью расположен очаг.

Все очаги представляли собой углубления в земле, заполнение которых представлено сажи-стыми отложениями, углями, мелкими косточками, кусками обожженной глины, кирпичиками, мелкими камнями. Назначение их неизвестно, но скорее всего они, так же как и печи, связаны с металлопроизводством. Столбовые ямки диаметром 0,2–0,3 м углублены от уровня пола до 0,25 м. К северо-западу от входа в жилище, за пределами его, расположен очаг овальной формы 1,02×0,42 м. Западнее северной камеры, за пределами котлована сооружения, расположена канава шириной 1,2 м, длиной 4,5 м, глубиной 0,1 м. В заполнении канавы обнаружены кости животных.

В котловане сооружения были найдены абразив, обломок плитки для растирания руды, обломок двух каменных пестов, костяное пряслице, металлургические шлаки, кости животных, часть изделия из трубчатой кости, фрагменты керамики (рис. 3, 19, 34). Снаружи, возле северной стенки, найдены литейная форма для отливки плоского тесла и бронзовое изделие, по форме напоминающее стамеску (рис. 3, 2, 20, 21).

Пряслице высотой 2,3 см, трапециевидной в разрезе формы. Диаметр нижнего основания 4,5 см, верхнего 2,7 см. Диаметр отверстия 0,6 см. Литейная форма сделана из талька. Она имела две створки. Основная створка неправильно-ромбической формы, размером 17×10 см, толщиной 3 см. Отливались тесла длиной 12,8 см, шириной 1,3–3 см. Глубина изложницы 0,5 см. Вторая створка также неправильно-ромбической формы, размером 15,5×11 см, толщиной 2,8–4 см (рис. 3, 20, 21). А.Д. Дегтяревой изделия, подобные отливавшемуся в форме, отнесены ко второму типу плоских тесел [2010, с. 92–94].

Абразив представляет собой плитку песчаника подпрямоугольной формы 7×8 см. На рабочей поверхности имеются следы работы в виде трех продольных желобков шириной 0,2 см.

Орудие, получившее условное наименование «стамеска», длиной 8,5 см. В поперечном сечении оно прямоугольное. Ширина рукояточной части 0,8 см. Ширина лезвийной части 1,1 см. В поперечном разрезе, непосредственно у обушка, орудие имеет толщину 0,5 см, в рукояточной и лезвийной части 0,7 см. Рабочее лезвие уплощено. Лезвийная площадка ровная, шириной 0,3 см (рис. 3, 1). В связи с таким характером лезвия использование этого орудия в качестве стамески представляется маловероятным. Скорее можно предположить применение его в качестве чека-на. Обушок оформлен загибанием кончика стержня. Загнутая часть, видимо, в процессе использования уплощена. Аналоги этому изделию нам неизвестны, но подобное оформление обушков отмечено у так называемых штыковидных орудий Потаповского могильника [Васильев и др., 1994, с. 26, 130, рис. 26, 27].

Жилище № 5 отстоит на 1,5 м к востоку от жилища № 4 и соединено с ним переходом (рис. 2, 3). Котлован размером 15×8 м имел в плане форму, приближающуюся к прямоугольной, однако северный торец его практически округлой формы. Котлован углублен от уровня пола в южной половине на 0,54 м, в северной на 0,36 м. Двухкамерность жилища подчеркивается шестью столбовыми ямками, расположенными в ряд поперек котлована. Видимо, они были основой стены, начинавшейся у северной стенки перехода в четвертое жилище.

В центре южной стенки котлована отмечен выступ трапециевидной в плане формы шириной 1,2–2,4 м, длиной 1,5 м. Он маркировал выход либо проход в хозяйственных отсек, возможно располагавшийся на месте большой ямы, котлован которой (длиной 6,6 м, шириной 0,8–1,7 м, глубиной 0,2 м) фиксировался в 0,5 м от границ выступа. В заполнении этого котлована найдены кусочки медной руды, металлургические шлаки, фрагменты керамики.

На уровне пола в жилище зафиксировано восемь хозяйственных ям, из них семь в северной половине, очаг, столбовые ямки (20), печь. Хозяйственные ямы, так же как и в других сооружениях, различной величины, от 0,5 до 2 м. В материк они врезаны не более чем на 0,2 м от уровня пола. Столбовые ямки размером 0,12–0,35 м, глубиной 0,1–0,3 м.

Остатки печи расположены в центральной части северной камеры, представляют собой яму подовальной формы размером 2,18×0,9 м, глубиной 0,4 м. К печи непосредственно примыкала хозяйственная яма с небольшим кострищем.

Вещевой материал заполнения жилища представлен небольшой коллекцией фрагментов керамики, кусочками руды и металлургических шлаков, обломком (28–20×8–12 см) плитки для растирания руды.

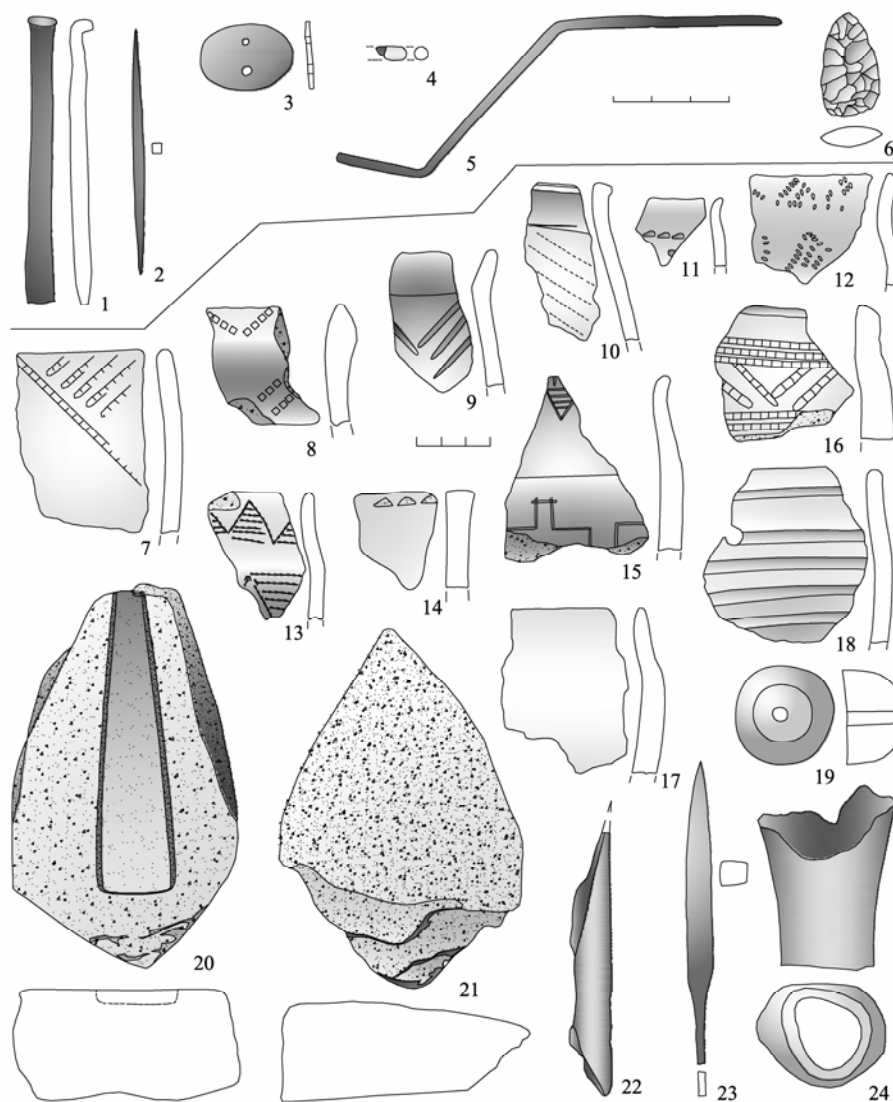

Рис. 3. Находки с поселения Семиозерное II:
1–3, 5 — металл; 4, 6, 20, 21 — камень; 19, 22–24 — кость; 7–18 — керамика.

Керамический комплекс поселения насчитывает 720 фрагментов, происходящих, судя по шейкам, от 84 сосудов. Отпечатки ткани на внутренней поверхности днищ и придонной части десяти сосудов свидетельствуют, что по крайней мере часть их формовалась на шаблоне. У половины сосудов отмечается примесь раковины в тесте, а у десятой части — талька. Внутренняя и внешняя поверхность сосудов обычно гладкая, но помимо отмеченных выше отпечатков ткани изредка встречаются штрихи от инструмента выглаживания.

Шестую часть выделенных сосудов составляют острореберные горшковидные формы различных вариаций. В этой группе широко представлены венчики как круглой, так и уплощенной формы, но первые встречаются несколько чаще. Также в этой группе чаще, чем в других, отмечается примесь в тесте талька (до четверти сосудов группы) и раковины (три четверти). Половина сосудов диаметром до 15 см, другая половина — до 25 см. По частоте встречаемости среди элементов орнамента на первом месте каннелюры, далее следуют заштрихованные треугольники, горизонтальные зигзаги и линии, выполненные зубчатым штампом, а также в резной технике. Единичны вдавления.

Целый сосуд в этой группе один. Он приземистых пропорций: отношение высоты к диаметру горловины равно 0,8. Шейка прямая, с округлым венчиком. Шейка и плечо сосуда равной

Поселение Семиозерное II

высоты. В основании шейки расположен мягкий слабо выделенный валик. Ребро расположено в верхней трети горшка. В орнаментации сочетаются выполненные зубчатым штампом однорядовые зигзаги, ряды заштрихованных треугольников и каннелюры (рис. 4, 17). Близкие по форме сосуды известны на Аркаиме (тип ГIII) [Малютина, Зданович, 2004, с. 74–75, рис. 6, 1].

Помимо сосудов описанной формы отмечены горшки, имеющие одновременно внутреннее и внешнее ребро. Высота плеча у этих сосудов в два и более раза превосходит высоту шейки (рис. 4, 3, 4, 13). Сосуды подобных форм на Аркаиме исследователи отнесли к варианту ПI(1), в Приуралье — к типу 1,1, на поселении Устье I — к синташтинской керамике типа 1,1 [Малютина, Зданович, 2004, с. 69; Ткачев, Хаванский, 2006, с. 27; Виноградов, Алаева, 2013, с. 154–155]. На поселении Петровка II также встречены сосуды с сочетанием внутреннего и внешнего ребра [Зданович, 1988, с. 49, рис. 17, 3]. Обычны также острореберные сосуды с плавно изогнутым абрисом в месте соединения шейки и плеча (рис. 4, 2, 6, 10, 14, 26). На Аркаиме это тип ПIV [Малютина, Зданович, 2004, с. 74–75, рис. 6, 3].

Четверть всех сосудов имеют горшковидную форму с плавно профилированным туловом. Преобладают сосуды с округлым венчиком. Уплощенный венчик встречен только у шестой части их. Примесь раковины фиксируется в тесте трети сосудов. В глиняном тесте одного сосуда отмечена примесь талька. Три четверти сосудов диаметром до 20 см, а остальные — до 35 см. Резная техника орнаментации отмечается в два раза реже зубчатой. Чаще всего встречаются выполненные этими приемами треугольники и горизонтальные зигзаги.

Единственный целый сосуд этой группы имеет еще более приземистые очертания, чем описанный выше: отношение высоты к диаметру горловины равно 0,4. Шейка с округлым венчиком отогнута наружу. Плечо, почти в два раза превышающее по высоте шейку, плавно переходит в тулово на уровне верхней трети высоты сосуда. Шейка лишена орнамента. В придонной части имеется два каннелюра. Выше них все тулово украшено многорядовым горизонтальным зигзагом, выполненным зубчатым штампом (рис. 4, 8). Близкие пропорции и форму имеет один из сосудов могильника у с. Петровка [Зданович, 1973, с. 28, рис. 2, 9].

В этой группе фиксируются также сосуды с прямой, довольно высокой шейкой. Шейка и плечо в этом случае имеют примерно одинаковую высоту (рис. 4, 29).

Больше всего (60 %) баночных сосудов. У более половины баночных сосудов в тесте отмечена примесь раковины. Тальк фиксируется у восьмой части сосудов. Диаметр горловины от 26 до 35 см. Преобладают сосуды с уплощенными венчиками (70 %). Обычно они украшены желобками и каннелюрами в верхней части сосуда (более 60 % банок), которые часто дополняются многорядовым горизонтальным зигзагом по тулову. Последний также часто выполнен широкими желобками. Обычны сосуды с очень широким желобом в верхней части, за счет которого формируются воротничковое утолщение венчика и уступчик (рис. 4, 21, 37). Особо следует отметить присутствие на некоторых баночных сосудах валиков. На крупных сосудах они обычно округлые, сопоставимые по ширине с желобками (рис. 4, 34, 36). Есть также сосуд с горизонтальными треугольными в сечении наклепными валиками, поделенными на части спаренными и строенными сечениями ромбической формы (рис. 4, 19). Для баночных сосудов с округлым венчиком более характерны заштрихованные треугольники, пирамидки и горизонтальный зигзаг, выполненные в резной технике и зубчатым штампом (рис. 3, 10, 15, 16). Среди баночных сосудов с уплощенным венчиком заштрихованные треугольники отмечены на биконических образцах (рис. 4, 7, 9). На небольшом фрагменте шейки сосуда с округлым венчиком наблюдается наклонный валик, украшенный короткими оттисками зубчатого штампа (рис. 4, 18).

Один целый маленький сосуд, отнесенный нами к группе баночных, имеет диаметр по горловине 8 см, отношение высоты к диаметру 0,9. Венчик округлый. В верхней части сосуда расположен широкий желоб, за счет которого сформированы шейка и плечо, вследствие чего абрис внешней поверхности близок к таковому у горшковидных сосудов. При этом диаметры сосуда по венчику и плечу практически равны. Тулово украшено резными зигзагами (рис. 4, 1).

Особый тип сосудов представлен глиняной чашей. Если исходить из того, что она была круглая, диаметр ее может быть определен в 26 см. Высота чаши 4 см (рис. 4, 31).

Коллекция фрагментов стенок сосудов по всем основным технологическим и орнаментальным показателям хорошо коррелируется с описанной выше информацией (рис. 4, 22, 25, 32, 33). Можно лишь отметить, что встречены единичные фрагменты стенок, украшенных протаскиванием щепы и оттисками трубочки (рис. 4, 23, 27). Они выглядят чужеродными, так как на фрагментах верхних частей сосудов такой орнамент не встречен.

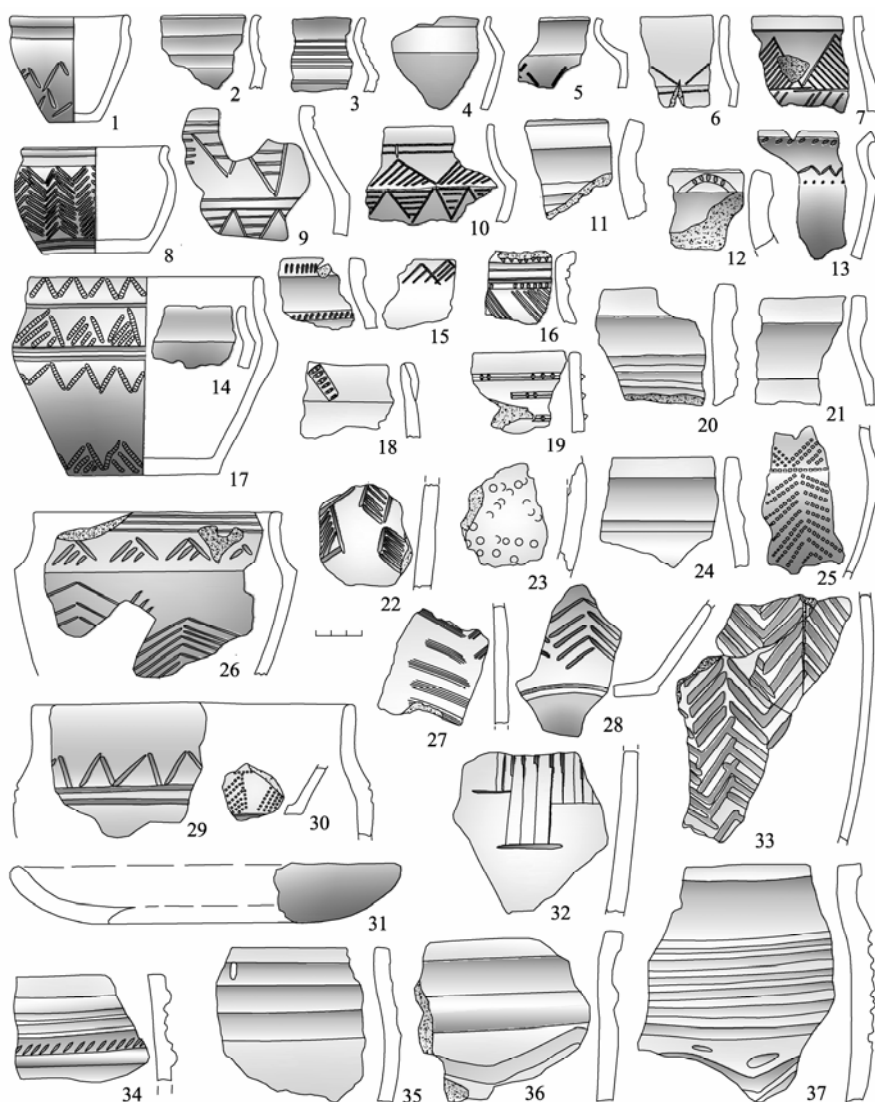

Рис. 4. Керамика с поселения Семиозерное II.

Керамический комплекс Семиозерного II, помимо традиционно отмечаемой близости его петровской керамике Пришимья, обнаруживает большое сходство с керамической коллекцией Аркаима [Евдокимов, 1983, с. 38]. Выше уже отмечалось присутствие в семиозерной коллекции всех характерных для Аркаима основных типов горшковидных сосудов (ГI–IV). Аналогична ситуация и с коллекцией баночных сосудов. Насколько можно судить по фрагментам верхних частей, в семиозерной коллекции представлены биконические банки (тип БI), все вариации типа БII, отсутствуют только сосуды типа БIII [Малютина, Зданович, 2004, с. 76–81]. Возможно, они просто не опознаются среди мелких фрагментов.

Столь высокая степень сопоставимости аркаимской и семиозерной коллекций керамики свидетельствует о функционировании оставивших их групп населения в одно время и в единой культурной традиции. В последнее время получила распространение идея при определении относительного возраста синташтинских древностей считать более древними те памятники, в коллекциях которых присутствуют сосуды с внутренним ребром у основания шейки [Виноградов, 2009, с. 41; Малютина, Зданович, 2005, с. 20; Ткачев, 2007, с. 319]. С этой точки зрения Семиозерное 2 должно быть признано одним из ранних поселений, во всяком случае сопоставимым по возрасту с Аркаимом. Это заключение вносит новые нюансы в проблему соотношения петровских и синташтинских древностей. Что касается Аркаима, то можно попытаться растянуть время суще-

Поселение Семиозерное II

ствования с ранних этапов до петровской эпохи включительно и этим объяснить появление в его коллекции сосудов петровских форм, но в отношении Семиозерного II это исключено. Малые размеры поселения, малая насыщенность культурного слоя, определенная функциональная специфика составляющих его сооружений при общей специализации в металлопроизводстве явно свидетельствуют о коротком времени бытования. Таким образом, отмечаемое здесь сочетание типов керамики органично и одновременно, что, в свою очередь, заставляет с большим сомнением относиться к попыткам хронологически дифференцировать синташтинскую и так называемую петровскую части аркаимской коллекции [Виноградов, 2011, с. 96]. Аркаим и Семиозерное II — однослойные объекты, следовательно, основные керамические материалы отложились строго в период их функционирования. В свете всех приведенных данных представляется необходимым вновь вернуться к проблеме соотношения синташтинско-петровских древностей Урала и Казахстана, а также к проблеме выработки критериев их хронологических подразделений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Самар. университет, 1994. 208 с.
- Виноградов Н.Б.* Керамика памятников петровского типа в Южном Зауралье и Северном Казахстане // Проблемы археологического изучения Южного Урала. Челябинск: АБРИС, 2009. С. 22–45.
- Виноградов Н.Б.* Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э.: (Памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.
- Виноградов Н.Б., Алаева И.П.* Керамическая коллекция из раскопок укрепленного поселения Устье I // Древнее Устье: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013.
- Дегтярева А.Д.* История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
- Евдокимов В.В.* Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ; ЧелГУ, 1983. С. 35–47.
- Евдокимов В.В., Григорьев С.А.* Металлургические комплексы поселения Семиозерки II // Новое в археологии Урала. Челябинск: Рифей, 1996. С. 124–130.
- Евдокимов В.В., Логвин В.Н.* Исследования в Кустанайской области // АО 1971 г. М., 1972. С. 287–289.
- Евдокимов В.В., Логвин В.Н., Бурнаева В.Д.* Исследования в Верхнем Притоболье // АО 1974 г. М., 1975. С. 484–485.
- Евдокимов В.В., Ткачев А.А.* Работы Карагандинского отряда // АО 1978 г. М., 1979. С. 532.
- Зданович Г.Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // ВАУ. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1973. Вып. 12. С. 21–43.
- Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 184 с.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б.* Керамика Аркаима: Опыт типологии // РА. 2004. № 4. С. 67–82.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б.* Керамика Аркаима: Сравнительный анализ // РА. 2005. № 2. С. 20–31.
- Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актюбе: Актюбин. обл. центр истории, этнографии и археологии. 2007. 384 с.
- Ткачев В.В., Хаванский А.И.* Керамика синташтинской культуры. Орск; Самара: Изд-во ОГТИ, 2006. 180 с.

V.V. Evdokimov*, A.V. Logvin, A.A. Tkachev*****

*Karaganda state University named after academician E.A. Buketov
Universitetskaya st., 28, Karaganda, 100028, Republic of Kazakhstan
E-mail: v241242@yandex.ru

**Kostanai State University A. Baitursynov
A. Baitursynov st., 47, Kostanai, 110000, Republic of Kazakhstan
E-mail: logvin_a@mail.ru

***Institute of problems of development of the North SB RAS
Malygin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: sever626@mail.ru

SEMIOZERNOE II SETTLEMENT

The Semiozerno II settlement is located at the centre of the northern Turgay Valley which lies between Turan Plain and West Siberian Plain, Kazakhstan. Since 1973 it has been frequently mentioned by researchers of Sintashta culture and Petrovka culture. Since published material of the site was fragmented and limited, it is difficult to have a precise notion of its material culture. As a result, the settlement is defined as Sintashta in one part and as Petrovka in another part of the same scientific study [Vinogradov, 2011, p. 27, 97]. Meanwhile, the

Semiozerno II settlement is the only studied site of these cultures without artifacts of other epoch in Kazakhstan thus far. Therefore the main aim of this study is to describe information gathered during settlement excavation as completely as possible. But due to the aim and limitations of volume interpretative statements turned out to be very brief. Later the authors will publish a more detailed work, and possibly readers may consider this paper as food for reflection. At the settlement there were excavated 1545 m² of occupation layer and remains of six constructions. Apparently the settlement was established by metallurgists. Only the construction 1 can be recognized as dwelling. Many everyday non-metalworking artifacts were discovered there. The construction 3 was used mainly for copper smelting. There is a big metallurgical furnace there, but no small furnaces. The constructions 2, 4, 5 were used for subsequent metalwork operations based on small furnaces, many hearths, chisel mould and other findings. When comparing pottery from the Semiozerno II settlement and the Arkaim settlement, it is ascertained that main pottery types of these sites are the same [Malutina, Zdanovich, 2004]. This represents the settlements as part of one culture tradition at the same time. Small size of the Semiozerno II, small density of occupation layer, functional specialization of constructions indicates at short duration of the settlement. Similarity of the pottery from the Semiozerno II and the Arkaim enables us to consider poorness of occupation layer at the Arkaim as a result of its short duration too. The above-mentioned leads to the conclusion that the attempt to split the Arkaim collection into Sintashta and later Petrovka is apparently unsuccessful [Vinogradov, 2011, p. 96]. In broad terms, it is necessary to return to the problem of correlation between Sintashta and Petrovka antiquities.

Key words: Semiozerno II, metallurgy, Sintashta, Petrovka, Bronze Age.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-030-040

REFERENCES

- Degtiareva A.D., 2010. *Istoriia metalloproduktstva luzhnogo Zaural'ia v epokhu bronzy* [History of metalwork of the Southern Trans-Urals in the Bronze Age], Novosibirsk: Nauka, 162 p.
- Evdokimov V.V., 1983. Khronologiya i periodizatsiya pamiatnikov epokhi bronzy Kustanaiskogo Pritobol'ia [Chronology and periodization of sites of Kostanay Pritobol'e in the Bronze Age]. *Bronzovyi vek stepnoi polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia*, Cheliabinsk: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet: Cheliabinskii gosudarstvennyi universitet, pp. 35-47.
- Evdokimov V.V., Grigor'ev S.A., 1996. Metallurgicheskie komplekсы poseleniia Semiozerki II [Metallurgical complexes of the Semiozerka II settlement]. *Novoe v arkhologii Urala*, Cheliabinsk: Rifei, pp. 124–130.
- Evdokimov V.V., Logvin V.N., 1972. Issledovaniia v Kustanaiskoi oblasti [Researches in Kostanay region]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1971 g.*, Moscow: Nauka, pp. 287–289.
- Evdokimov V.V., Logvin V.N., Burnaeva V.D., 1975. Issledovaniia v Verkhnem Pritobol'e [Researches in the Upper Tobol region]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1974 g.*, Moscow: Nauka, pp. 484–485.
- Evdokimov V.V., Tkachev A.A., 1979. Raboty Karagandinskogo otriada [Researches of Karaganda brigade]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1978 g.*, Moscow: Nauka, p. 532.
- Maliutina T.S., Zdanovich G.B., 2004. Keramika Arkaima: Opyt tipologii [Pottery from Arkaim: An attempt of typology]. *Rossiiskaia arkhologiya*, no. 4, pp. 67–82.
- Maliutina T.S., Zdanovich G.B., 2005. Keramika Arkaima: Sravnitel'nyi analiz [Pottery from Arkaim: Comparative analyses]. *Rossiiskaia arkhologiya*, no. 2, pp. 20–31.
- Tkachev V.V., 2007. *Stepi luzhnogo Priural'ia i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh srednei i pozdnei bronzy* [Steppe of the Southern Trans-Urals and West Kazakhstan at the boundary of the Middle and Late Bronze Age], Aktobe: Aktiubinskii oblastnoi tsentr istorii, etnografii i arkhologii, 384 p.
- Tkachev V.V., Khavanskii A.I., 2006. *Keramika sintashtinskoi kultury* [Pottery of Sintashta culture], Orsk; Samara: Izdatel'stvo Orskogo humanitarno-tekhnologicheskogo instituta, 180 p.
- Vasil'ev I.B., Kuznetsov P.F., Semenova A.P., 1994. *Potapovskii kurgannyi mogil'nik indoiranskikh plemen na Volge* [Potapov burial mound of Indo-Iranian tribes along the river Volga], Samara: Izdatel'stvo «Samarskii universitet», 208 p.
- Vinogradov N.B., 2009. Keramika pamiatnikov petrovskogo tipa v luzhnom Zaural'e i Severnom Kazakhstane [Petrovka pottery in the Southern Trans-Urals and North Kazakhstan]. *Problemy arkhologicheskogo izucheniiia luzhnogo Urala*, Cheliabinsk: Abris, pp. 22–45.
- Vinogradov N.B., 2011. *Stepi luzhnogo Urala i Kazakhstana v pervye veka II tys. do n.e.: (Pamiatniki sintashtinskogo i petrovskogo tipa)* [Steppe of the South Urals and Kazakhstan in the first centuries of the II millennium BC: (Sintashta and Petrovka sites)], Cheliabinsk: Abris, 175 p.
- Vinogradov N.B., Alaeva I.P., 2013. Keramicheskaiia kolleksiia iz raskopok ukreplennogo poseleniia Ust'e I [A pottery collection of Ust'ye I fortified settlement]. *Drevnee Ust'e: Ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v luzhnom Zaural'e*, Cheliabinsk: Abris.
- Zdanovich G.B., 1973. Keramika epokhi bronzy Severo-Kazakhstanskoi oblasti [Bronze Age pottery of North Kazakhstan region]. *Voprosy arkhologii Urala*, 12, Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 21–43.
- Zdanovich G.B., 1988. *Bronzovyi vek Uralo-Kazakhstanskikh stepei* [Ural-Kazakhstan steppe in the Bronze Age], Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 184 p.

Б.Б. Бесетаев

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: besetaev86@gmail.com

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ БРОНЗОВЫХ ВЕЩЕЙ РАННЕСАКСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Эталонные для скифо-сакского мира вещи предметного комплекса из погребальных памятников раннесакской культуры VII–VI вв. до н.э. за последние десятилетия дополнились не менее значительными находками. В представленной работе рассматриваются случайные находки бронзовых предметов воинской поясной гарнитуры и детали конского снаряжения раннего этапа сакской культуры из Восточного Казахстана. Также приводится сравнительно-типологический анализ деталей с учетом конструктивно-функциональных качеств. Случайные находки датируются второй половиной VII — VI в. до н.э.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, скифо-сако-сибирский ареал, раннесакское время, ранние кочевники, воинский пояс, конское снаряжение.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-041-052

Введение

Общепринято, что находки со статусом «случайные», особенно если неизвестно их изначальное местоположение, не являются памятниками. Однако как археологический источник они представляют бесспорную ценность. Среди случайных находок встречаются уникальные вещи. Введение этих материалов в научный оборот вносит важный вклад в развитие археологического знания. Задача настоящей статьи заключается в культурно-хронологической атрибуции случайных находок, сделанных недалеко от с. Баршатас в Восточном Казахстане¹. Первичные данные о найденных вещах и краткие их наименования содержатся в музейном каталоге, в котором обозначение некоторых деталей ошибочно [Культура..., 2009, с. 141–145]. Базируясь на разработанной исследователями характеристике раннесакской культуры, попробуем определить культурно-хронологическую позицию бронзовых вещей. В целом детали конского убранства широко используются в хронологических построениях, при реконструкции миграционных процессов в древности и т.д. Изучение и анализ предметов конской упряжи способствуют решению общих и частных проблем археологии скифского времени, могут дать импульс новым полевым исследованиям и аналитическим разработкам.

На памятниках указанного периода южных районов Восточного Казахстана археологические раскопки не производились. Первые сведения об археологических памятниках данного региона относятся к XIX в. [Радлов, 1989, с. 434]. В начале 1950-х гг. С.С. Черниковым обследовалась эта территория, результатом чего стало создание первой археологической карты Семипалатинской области [Черников, 1951, с. 144–150]. Однако южные районы Восточного Казахстана все еще представляли собой «белое пятно». Основная информация о памятниках юга Восточного Казахстана поступала в результате аварийно-спасательных раскопок и нахождения случайных предметов. Считаю важным отметить случайную находку близ ст. Ушбийк — детали узды и седельного комплекса, имевшие черты раннесакского времени. Вещи датируются V в. до н.э. [Арсланова, 1981, с. 54].

Случайные находки бронзовых вещей были сделаны в ходе сельскохозяйственных работ в 30 км от вышеуказанного с. Баршатас. Все предметы были переданы в Центральный государственный музей Казахстана, в настоящее время они экспонируются там. Судя по бронзовым деталям конская сбруя и воинский пояс, скорее всего, происходят из раннесакского погребения [Акишев, 1973, с. 45; Членова, 1993, с. 14]. Далее приводится описание случайных находок и круг аналогов им.

¹ Точное местонахождение неизвестно. Село Баршатас Аягузского района Восточно-Казахстанской области (бывш. Семипалатинская обл.) расположено на южном склоне хр. Акшатау в восточной части Казахского мелкосопочника.

Описание находок

Петельчатая бронзовая *поясная обойма* (рис. 1, 1) овальной формы, длиной 3,2 см, из плоской пластины шириной около 1 см, представленная двумя обломками. По типологии А.Д. Таирова [2004, с. 140], этот тип поясных обойм относится к первой из двух выделенных групп: металлические обоймы прямоугольной формы с лицевой поверхностью различных форм — с одной или двумя петлевидными выступами, с тыльной стороной плоской или с прорезью. Наиболее схожие однопетельчатые воинские поясные обоймы происходят из кургана № 1 могильника Нурмамбет-4 Центрального Казахстана [Кадырбаев, 1966, с. 346, рис. 39] и кургана № 6 могильника Кызык-Телань-1 Горного Алтая [Суразаков, Тишкин, 2007, с. 49–55, рис. 34], а также из Варненской курганной группы Южного Зауралья [Таиров, 2004, с. 141, рис. 1]. По типологии С.С. Иванова, основанной на материалах Памира, Жетысу, а также Центрального Казахстана, подобный тип воинских поясов относится к простым [2009, с. 66]. В петельки на обоймах пояса, по мнению ряда авторов, продевался тонкий ремешок, концы которого служили завязками пояса [Горелик, 1987, с. 165; Шульга, 2007, с. 29–32, рис. 3]. Функциональное назначение серединных ремешков в раннесакское время до конца не ясно. Они могли применяться для подвешивания легких предметов [Шульга, 2008, с. 116; Иванов, 2009, с. 68], а также в качестве дополнительных или основных завязок пояса. Также существует вопрос о наличии двух поясов — обычного и воинского [Шульга, 2008, с. 104]. Последний, по всей вероятности, носился поверх одежды и украшался различными обоймами и бляшками. Однако ясно, что бронзовые обоймы с петельками в раннесакских воинских поясах имели конкретное функциональное назначение. Вышеназванные памятники датируются в рамках VII–VI вв. до н.э. [Кадырбаев, 1966, с. 386; Суразаков, Тишкин, 2007, с. 51].

Поясная бляшка овальной формы с выпуклой лицевой частью (рис. 1, 2). На оборотной стороне имеются два шпенька для крепления. Размеры: длина 2,45 см, ширина 1,56 см, высота со штырьками 0,83 см, высота без штырьков 0,52 см. Точное применение данного предмета не ясно. Вероятно, она использовалась в качестве декора на воинском поясе (?). Интересно, что данная деталь не находит аналогов по способу и технике изготовления среди вещей раннесакского времени, однако среди случайных находок из Троицкого района Южного Зауралья есть схожая бляшка в виде головы птицы. На оборотной стороне изделия имеется идентичная петля, выполненная из двух столбиков, перекрытых сверху грибовидной шляпкой [Таиров, Ульянов, 2010, с. 214–215, рис. 2]. Точное место этих находок неизвестно, поэтому невозможно определить, происходят вещи из одного или нескольких комплексов.

Во второй половине прошлого века исследователями скифо-сакского мира была обоснована теория о «единой скифской триаде», широко распространенной в степных и горно-степных регионах Евразийского пояса [Ольховский, 1997, с. 85]. Данные материалы свидетельствуют о своеобразной связи воинского пояса и предметов конского снаряжения в технологии изготовления, а также стилистике, что позволяет говорить о динамичном развитии данных деталей в поисках оптимального функционального варианта конского снаряжения. Основным датирующим материалом являются конское снаряжение и детали поясной гарнитуры, которые можно рассматривать как часть составляемого снаряжением верхового коня и воина единого, одновременно существовавшего сакрального комплекса. Подобные комплексы хорошо проанализированы в монографии П.И. Шульги [2008, с. 106].

Детали узды изучались М.П. Грязновым [1947], М.К. Кадырбаевым [1966, 1968], О.А. Вишневской [1973], Н.А. Боковенко [1981], Л.С. Марсадоловым [1998], П.И. Шульгой [2008] и другими исследователями. Погребение с обузданным и оседланным конем является, по сути, одной из характерных черт погребального обряда раннесакского времени Восточного Казахстана, о чем свидетельствуют многочисленные находки бронзовых деталей конской сбруи. Удила и псалии, будучи главным приспособлением для укрощения коня и управления им, составляют основу всего конского убора. На территории Казахстана, по мнению К.А. Акишева, первые прототипы удил и псалиев появляются вместе или, по крайней мере, вскоре после приручения лошади [1973, с. 53]. Также есть мнение, что на курту-маймерском этапе перед захоронением коня бронзовые удила заменяли куском ремня [Шульга, 2008, с. 27].

Удила бронзовые двусоставные, оба звена соединены двумя кольцами, расположенными на звеньях в перпендикулярных плоскостях (рис. 2, 1). Стержни округлые в сечении. Длина обоих звеньев почти одинакова. Общая длина удил составляет 16,5 см. Внешние концы удил отличаются редкой для Восточного Казахстана подквадратной формой. Внутренний проем внешних

Случайные находки бронзовых вещей раннесакского времени из Восточного Казахстана

окончаний трапецевидного очертания, без дополнительного отверстия. Окончания удила имеют своеобразный выступ в качестве фиксатора, который вставлялся при продевании в центральное отверстие псалиев. На грызлах отчетливо фиксируется рифленый орнамент. Внешние края обоих звеньев почти прямые с небольшой выпуклостью. Аналоги этим удилам обнаружены в кургане № 3 могильника Тасмола-5 Центрального Казахстана [Кадырбаев, 1966, с. 330, рис. 24], курганах № 28, 30 могильника Уйгарак [Вишневская, 1973, с. 156–157, табл. 26] и курганах № 36, 44 могильника Южный Тагискен [Итина, Яблонский, 1997 с. 114, 123, рис. 12, 27] в Приаралье, могиле 16 кургана Аржан-2 Тывы [Сигуров et al., 2010, Taf. 127], схожие удила с подквадратными формами внешних концов с дополнительным отверстием без фиксатора найдены в могиле 247 могильника Чауху Синьцзяна [Sin'tsyan..., tub. 39, 1], также известна случайная находка, хранящаяся в Семипалатинском краеведческом музее [Грязнов, 1947, с. 10, рис. 3]. Удила с подпрямоугольными концами распространены вплоть до Северного Кавказа [Эрлих, 2007, с. 259]. Рассматриваемые удила близки к третьему типу подквадратной формы из десяти по классификации П.И. Шульги [2008, с. 70]. Н.Г. Горбунова выделила такие бронзовые удила с подквадратными внешними концами в типы I-3 и I-9 [2001, с. 198, рис. 1]. Датировка подобных удила достаточно широкая, с конца VIII по VI в. до н.э. [Кадырбаев, 1966, с. 386; Вишневская, 1973, с. 103; Горбунова, 2001, с. 190–194].

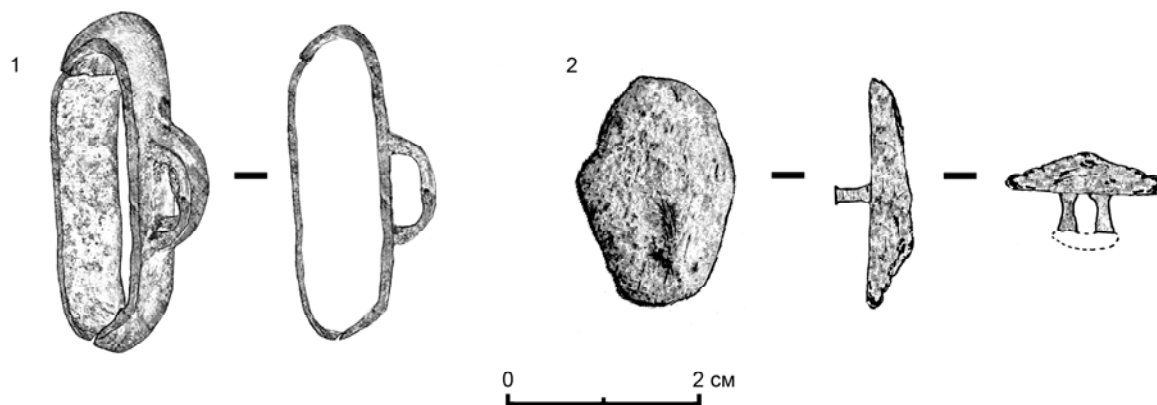

Рис. 1. Детали поясной гарнитуры.

Псалий бронзовый (правый) (рис. 2, 2). Дуговидный, изогнутый по вертикали, длиной примерно 17 см, уплощенный, четырехугольный в сечении, толщиной 0,7 см, шириной в центральной части около 2,1 см, плавно сужается к концам до 1 см, где расположены выступы с отверстием полуовальной формы, которые служили для связки с нащечными ремнями. В центре псалия имеется боковое отверстие продолговатой овальной формы для продевания внешних концов удила. Такие псалии относятся к пятому типу из шести по О.А. Вишневской: удила с прямоугольными окончаниями с фиксатором в виде выступа, препятствовавшим смещению псалиев к середине [Вишневская, 1973, с. 101]. Конец нащечного ремня оголовья при этом раздваивался, и концы его закреплялись в боковых отверстиях. Типологически близки рассматриваемой находки в Южном Приаралье и Центральном Казахстане. Идентичные по конструкции псалии обнаружены в кургане № 30 могильника Уйгарак [Там же, табл. 12, с. 144], кургане 19 могильника Тасмола-1 [Кадырбаев, 1966, с. 316, рис. 7], схожие по окончаниям в виде выступающих полуовальных отверстий псалии зафиксированы в кургане № 2 могильника Майемер-2 Восточного Казахстана. Псалий из майемерского кургана имеет Т-образный шпенек в центральной части [Архив..., рис. 24]. Случайные находки из с. Баршатас на сегодняшний день являются пока единственными в Восточном Казахстане, демонстрирующими способ крепления удила с псалиями. По конструкции их можно отнести к южному типу, так как наибольшая концентрация подобных удила с псалиями известна в Южном Приаралье, они датируются авторами в пределах VII–VI вв. до н.э. [Вишневская, 1973, с. 102]. По классификации Н.Г. Горбуновой такие бронзовые псалии с серединным боковым отверстием представляют типы I-6 и II-26 [2001, с. 198, рис. 1]. До недавнего времени считалось, что центром окончательного формирования подобных типов узды являются южные регионы Казахстана [Кадырбаев, 1966, с. 31; Вишневская, 1973,

с. 102; Членова, 1993, с. 58]. Схожие по способу соединения удил и псалиев вещи обнаружены в могиле 16 кургана Аржан-2 Тывы [Сугунов et al., 2010, Taf. 127]. В данном случае предлагается пересмотреть сложившиеся взгляды, что, несомненно, в той или иной степени может способствовать реконструкции ряда важнейших сторон в жизни населения начального этапа формирования скифо-сакской культуры.

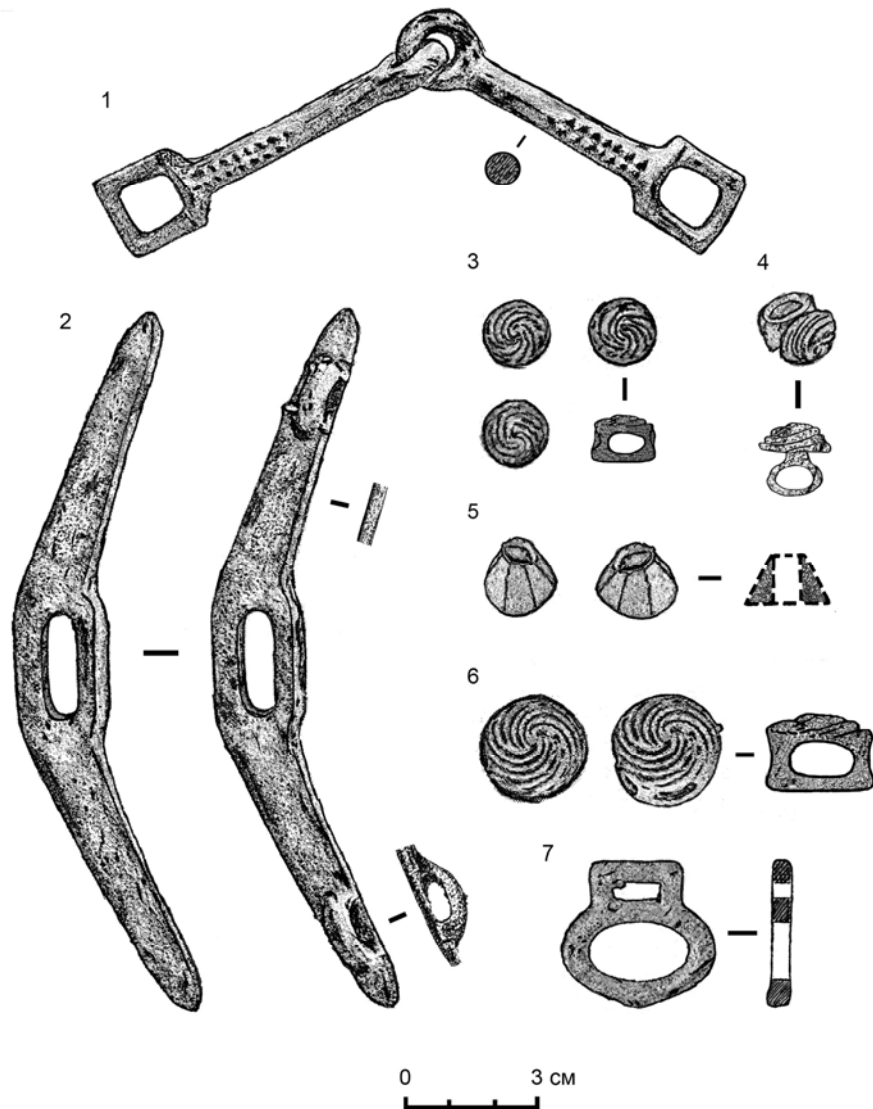

Рис. 2. Детали конского снаряжения.

Три уздечных распределителя цилиндрической формы из бронзы с четырьмя отверстиями (рис. 2, 3) для фиксации двух ремней в местах пересечения. Диаметры распределителей почти одинаковы — 1,7×1,8 см, высота около 1,4 см. Лицевая часть округлая в плане, щиток выпуклый, с закручивающимся в спираль трехваликовым орнаментом. Идентичные по орнаменту распределители были зафиксированы в кургане № 47 могильника Уйгарак в Южном Приаралье [Вишневская, 1973, с. 147, табл. 15], подквадратной формы — в могиле № 32 могильника Гилево-10 Горного Алтая, где они найдены в комплекте с У-образными псалиями [Шульга, 2008, с. 249, рис. 57]. В целом комплексы датируются VII–VI вв. до н.э. [Вишневская, 1973, с. 103; Шульга, 2008, с. 152].

В стандартной раннесакской узде ремни пересекались в четырех местах. Соответственно полный набор включал в себя четыре распределителя. Характеризуемые предметы близки к

Случайные находки бронзовых вещей раннесакского времени из Восточного Казахстана

первому из двух выделенных П.И. Шульгой типов — так называемых «высокоцилиндрических» [2008, с. 81].

Бронзовая *уздечная застежка* подбородочного ремня в виде округлого колечка (рис. 2, 4) с грибовидным щитком диаметром 1,5 см, украшенным аналогичным вышерассмотренному орнаментом, закрепленным штифтом с овальным кольцом для пронизывания левого короткого подбородочного ремня, общей длиной 1,9 см. Для того чтобы застегнуть подбородник, шляпка застежки пропусклась в прорезь или петлю на конце правого подбородочного ремня. Аналогичные застежки встречены в кургане № 47 могильника Уйгарак в Южном Приаралье [Вишневская, 1973 с. 147, табл. 15] и могиле № 32 могильника Гилево-10 Горного Алтая [Шульга, 2008, с. 249, рис. 57]. Памятники датируются VII–VI вв. до н.э. [Вишневская, 2008, с. 103; Шульга, 2008, с. 152].

По типологии П.И. Шульги вышеописанная застежка подбородочного ремня относится к первому — более распространенному варианту в виде круглого кольца со шляпкой на шпеньке [Шульга, 2008, с. 83]. Более ранние застежки, как известно, оформлялись рельефными изображениями, фигурками или иногда в виде различных животных, птиц и т.п. Подобные застежки бытуют в рамках VIII–VI в. до н.э. [Иванов, Бообек уулу, 2014, с. 147]. В последующее, пазырыкское время застежка осуществлялась посредством ременной связки, а многочисленные бляхи стали украшением и прикрывали узлы [Самашев, 2011, с. 151].

Две *ворворки* суголовных или холочных ремней (рис. 2, 5). Размеры: высота 1,5 см, диаметр по основанию 2,1 см, по верху около 1 см. Стенки полые, семигранные, толщиной примерно 1,3 мм. Использовались в качестве своеобразных пуговиц на длинном ремешке в уздечных и поясных комплектах раннесакского времени. Схожие ворворки были обнаружены в кургане № 3 могильника Тасмола-5 [Кадырбаев, 1966, с. 330], кургане № 30 могильника Уйгарак [Вишневская, 1973, с. 144, табл. 12], кургане № 21 могильника Кондратьевка [Алехин, Шульга, 2003, с. 62–70, рис. 2]. Ворворки из с. Баршатаз относятся ко второму типу из четырех выделенных П.И. Шульгой [2008, с. 85] и датируются в рамках VII–VI вв. до н.э. [Кадырбаев, 1966, с. 388; Вишневская, 1973, с. 103; Алехин, Шульга, 2003, с. 62–70]. Стоит отметить, что ворворки не могут служить для определения хронологии, так как бытовали все скифо-сакское время и употреблялись не только в конском снаряжении, но и в воинских поясах.

Детали седельных ремней и собственно седло довольно подробно рассмотрены в монографии П.И. Шульги [2008, с. 93–103]. На территории Восточного Казахстана относящиеся к раннесакскому времени полные, в «рабочем» положении комплекты седельных принадлежностей пока не обнаружены. В погребениях фиксируются лишь отдельные детали или случайные находки и клады, принадлежащие к седельному комплексу.

Два *нагрудных распределителя* ремней (рис. 2, 6) из бронзы уплощенной цилиндрической формы с четырьмя отверстиями для фиксации двух ремней в местах пересечения с холочными ремнями. Диаметр распределителей одинаков — 2,52×2,5 см, высота около 1,4 см. Имеют аналогичный уздечным, в лицевой части округлый в плане щиток, выпуклый, с закручивающимся в спираль трехваликовым орнаментом, олицетворяющим солярный символ. Функционально он препятствовал сползанию седла. В сравнении с уздечными распределителями нагрузка на эти детали была более значительной, что объясняет их крупные размеры на нагрудных ремнях. По классификации П.И. Шульги подобные уплощенные цилиндрические нагрудные распределители относятся ко второму типу из трех [2008, с. 94]. Аналоги этим распределителям обнаружены в кургане № 47 могильника Уйгарак [Вишневская, 1973, с. 147, табл. 15] и, подквадратной формы, в могиле № 32 могильника Гилево-10, в комплекте с У-образными псалиями [Шульга, 2008, с. 249, рис. 57]. Памятники датируются VII–VI вв. до н.э. [Вишневская, 1973, с. 103; Шульга, 2008, с. 152].

Подпружная пряжка-блок в виде овального кольца, арочная в сечении, с прямоугольной рамкой (рис. 2, 7). Размер 3,3×3 см, толщина стержня около 0,5 см. Среди раннесакских седельных предметов конского снаряжения Восточного Казахстана, как правило, подпружные пряжки встречаются в паре с подпружными блоками, через которые пропускается левый конец подпружного ремня, а подпружная пряжка со шпеньком выступает в качестве фиксатора требуемого натяжения подпруги. По типологии П.И. Шульги найденная пряжка-блок близка ко второму варианту первого типа [2008, с. 96]. Пряжки и блоки такого типа были широко распространены на всей территории скифо-сако-сибирского ареала в VII–VI вв. до н.э. Ближайшие аналоги известны в кургане № 6 могильника Тасмола-5 [Кадырбаев, 1966, с. 132, рис. 26], Камышинском

комплексе [Арсланова, 1972, с. 255, рис. 1] и могильнике Измайловка [Ермолаева, 2012, с. 188, рис. 58] Казахского Алтая, кургане № 47 могильника Уйгарак [Вишневская, 1973, с. 147, табл. 15].

Фрагмент *сбруйной бляшки* (рис. 3). Лицевая сторона в виде рельефно стилизованной головы птицы или животного (?), повернутой влево. На тыльной стороне имеется прямоугольная петля из плоской пластинки для продевания ремня. Размеры обломка 3×2,1 см. На изображении отчетливо видны левое ухо и переданный рельефной окружностью левый глаз. Верхняя часть (восковица) оформлена в виде рельефно выступающего валика. По обломанному фрагменту сложно определить, какое именно существо было изображено. Также пока не ясно функциональное назначение данной детали в сбруе верховой лошади. Однако можно предположить ее использование в качестве нагрудной застежки. Подобный стилистический прием изображения находит аналогии в сбруйных подвесках Алтая, Восточного Казахстана и Тывы [Шульга, 2008, с. 252, рис. 60].

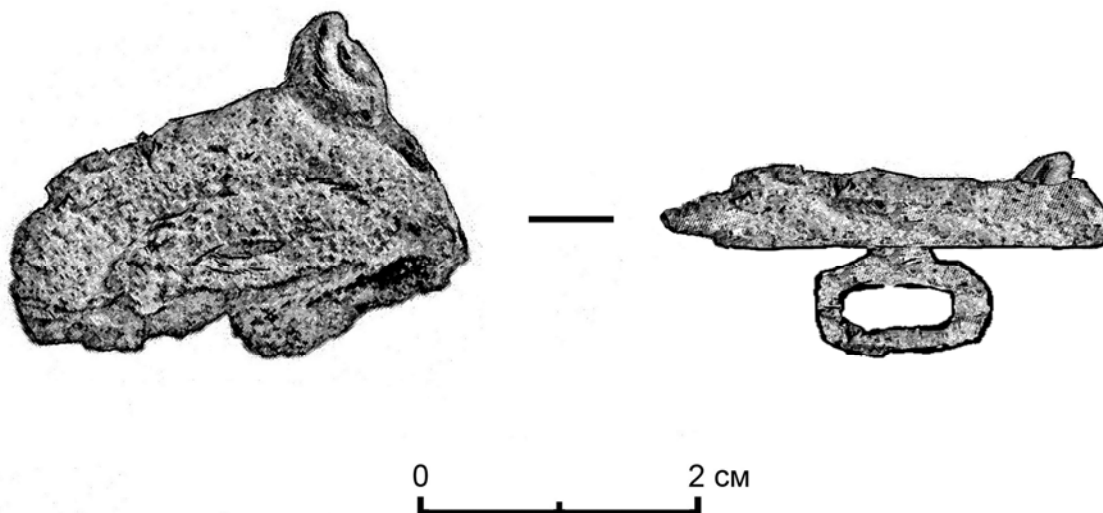

Рис. 3. Бляшка-застежка.

Культурно-хронологический анализ случайных находок

Раннесакское время на территории Восточного Казахстана изучено сравнительно слабо, как уже отмечалось выше. В данном случае, используя сравнительно-типологический анализ, мы попытались выяснить культурно-хронологический контекст случайных находок и сделать некоторые выводы в отношении атрибутики скифо-сакской культуры в целом.

Описанные выше детали воинского пояса и конского снаряжения, скорее всего, происходят из *одного погребального комплекса*, общее их количество 14. В результате сравнительно-типологического анализа находок из с. Баршатак комплекс был отнесен нами ко второй половине VII — VI в. до н.э.

Говорить о принадлежности памятника к какой-либо культуре сложно, поскольку подобные сбруйные наборы и воинские пояса раннесакского времени территориально широко распространены и являются прототипами комплексов последующих этапов развития культур скифо-сибирского ареала. Однако, учитывая художественно-мифологический стиль оформления предметов: спиральный орнамент и рельефные изображения, можно заключить, что они происходят из сравнительно «богатого» погребения среди зафиксированных на сегодняшний день погребальных комплексов раннесакского времени в Восточном Казахстане.

Исходя из вышесказанного, учитывая элементы оформления деталей почти идентичных тасмолинской и майемерской культур, говорить о четких границах культур раннесакского времени невозможно. Еще в 1960-х гг. М.К. Кадырбаев писал, что существуют некоторые параллели и близость в развитии данных культур [1966, с. 70]. Однако следует отметить, что рассмотренные случайные находки представляют особый интерес, поскольку приведенные выше аналогии деталям уздечного набора выявляют особый характер связей южных — сакских племен с населением Горного Алтая, Тывы и Синьцзяна. Восточная часть Центрального и южные регионы Восточного Казахстана были своеобразным связующим звеном между этими территориями.

Случайные находки бронзовых вещей раннесакского времени из Восточного Казахстана

Об этом свидетельствуют находки последних лет в могильнике Талды-2 Центрального Казахстана, который был одним из центральных очагов начальной фазы раннесакской культуры [Бейсенов, 2013, с. 16]. Многие другие памятники на территории Казахстана, которые маркируют начальный этап формирования сакских культур, относятся к эпохе бронзы [Акишев, 1973, с. 55; Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 59]. Также, по мнению В.Р. Эрлиха, появление южного типа узды на территориях Северного Кавказа обусловлено значительным влиянием раннесакских племен Казахстана (однако не исключается и вариант, что подобные типы формируются на данной территории) [2007, с. 259]. В свете данной тематики требует изучения распространение казахстанских раннесакских культурных импульсов на эти регионы, где они не представляли целостный комплекс. Известно, что территория Северного Кавказа, имевшая металлургические центры, оказывала огромное воздействие на сопредельные регионы [Иессен, 1953, с. 105–106].

Вместе с тем в развитии раннесакского конского снаряжения Восточного и Центрального Казахстана значительную роль играли культуры Синьцзяна и Северного Китая [Шульга, 2010, с. 23]. В данном случае опрометчиво говорить о мощной или поэтапной миграции массового населения с востока на запад в начале формирования раннесакской культуры [Таиров, 2007, с. 62], поскольку достоверных данных об исходе населения из Северного Китая в IX–VII вв. до н.э. пока нет [Шульга, 2010, с. 22–23]. Тем более, по мнению Л.Р. Кызласова, появление комплекса Аржан-1 вообще связано с миграцией сакских племен с территории Казахстана [1977, с. 76]. По последним публикациям, курган Аржан-1 датируется концом IX в. до н.э. [Алексеев и др., 2005, с. 68]. В этом отношении вполне достоверно заключения М.Н. Погребовой, что происхождение тех или иных феноменов скифской культуры исходя из близости отдельных традиций, без подкрепления другими источниками, нельзя связывать только с миграционными процессами [2006, с. 181]. Несомненно, что раннекочевнические культуры Казахстана, Саяно-Алтая, Тывы и Синьцзяна были тесно взаимосвязаны между собой и приняли определенное участие в формировании скифо-сакской культурной общности в целом. Говорить же о государственности раннекочевнических племен пока рано, поскольку поиски и раскопки поселенческих комплексов в регионе еще не проводились. Так или иначе, ясно, что кочевники появились на исторической арене как общество, находящееся на уровне военной демократии, уже с далеко зашедшим имущественным и социальным неравенством и рабовладельческим укладом, но еще с окончательно не сложившимися классовыми отношениями и с недостаточно развитой надстройкой, в частности протогосударством.

К проблеме преемственности культур

Известно, что в эпоху ранних кочевников территория Восточного Казахстана являлась контактной зоной для населения сопредельных регионов. Важно отметить, что на территории Восточного Казахстана памятники раннепазырыкского времени со всеми специфическими характеристиками и признаками пока не известны. Возможно, это связано с определенными климатическими факторами переходного времени [Быков, Быкова, 2007, с. 7]. Однако стоит обратить внимание на упомянутую выше случайную находку бронзовых деталей конской сбруи на ст. Ушбийк. Во внешние овалы бронзовых удилов продевались двудырчатые бронзовые псалии, окончания которых оформлены в виде голов грифона. Среди бронзовых вещей присутствовали другие детали узды и седельного комплекса, в которых также прослеживаются черты раннесакского времени [Арсланова, 1981, с. 55]. Как известно, эволюция конского снаряжения VIII–III вв. до н.э. характеризуется динамичностью [Боковенко, 1993, с. 172–176; 2011, с. 132–133]. Культурная преемственность между раннесакским и сакским временем достаточно ярко проявляется в погребальных памятниках. В кургане № 2 могильника Майемер-2 на предметах конского снаряжения встречаются детали в виде ключевидных головок грифонов [Архив..., рис. 25] — основной признак культуры пазырыкского времени [Грязнов, 1950; Руденко, 1953; Черников, 1975; Самашев, 2011]. Однако, кроме случайных находок и кладов², памятников, относящихся к переходному времени, пока не обнаружено. Таким образом, остается открытым вопрос хронологического «разрыва» между раннесакским и классическим пазырыкским временем на территории Восточного Казахстана, Южного Алтая в целом. В решении данного вопроса важную роль играет изучение снаряжения верхового коня, которое представляет собой конструкцию, отражающую в концентрированном виде важные стороны материальной культуры. Его исследование существ-

² Данные материалы пока не опубликованы.

венно для определения хронологических рамок и синхронизации раннекочевнических памятников IX–III вв. до н.э.

Заключение

На сегодняшний день, несмотря на множество исследованных могильников, южные регионы Восточного Казахстана не изучены в достаточной степени для того, чтобы дать значительные материалы по культуре и искусству ранних кочевников. В связи с этим в 2012–2014 гг. сотрудниками Филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана были проведены разведочные работы в данном регионе Восточно-Казахстанской области. В ходе работ были обнаружены новые археологические памятники, относящиеся к разным эпохам. Исследования данного региона запланированы на ближайшее будущее, они более чем актуальны и необходимы, учитывая крайне малую изученность данной территории и региона в целом.

Возвращаясь к вопросу об истоках раннего этапа «скифо-сакской триады» и ее развития на всем пространстве евразийского культурного континуума, следует отметить, что он весьма сложен и требует тщательного сравнительного изучения всех материалов. Пока можно констатировать, что происхождение в раннесакское время отдельных составляющих и множества элементов материальной культуры является результатом обширного культурного обмена на огромной территории Евразийского степного пояса в начале I тыс. до н.э.

В свете изложенного следует обратить внимание на имеющиеся материалы, которые, несомненно, в той или иной степени могут способствовать реконструкции ряда важнейших сторон жизни населения начального этапа раннесакской культуры. Рассмотренный в данной работе предметный комплекс характеризуется значительной оригинальностью и позволяет в какой-то мере определить культурные границы племен сакского круга, близких к населению сопредельных регионов скифского мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Архив ИА КН МОН РК. Промежуточный отчет о научно-исследовательской работе в Восточном Казахстане за 2009 г. Ф. 11. Оп. 2. Д. 2285. 62 с.

Литература

Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские: (Общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука КазССР, 1973. С. 43–58.

Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1978. С. 38–64.

Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., ван дер Плихт Й., Поснерт Г., Семенов А.А., Скотт Е.М., Чукунов К.В. Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005. 290 с.

Алехин Ю.П., Шульга П.И. Курган Кондратьевка XXI — новый памятник раннескифского времени на Рудном Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. Вып. 10. С. 62–70.

Арсланова Ф.Х. Новые материалы VII–VI вв. до н.э. из Восточного Казахстана // СА. 1972. № 1. С. 253–258.

Арсланова Ф.Х. Случайная находка бронзовых вещей в Семипалатинском Прииртышье // КСИА. 1981. № 167. С. 54–58.

Бейсенов А.З. Предметы искусства ранних саков Сарыарки как свидетельства взаимодействия культур // Вестн. КемГУ. 2013. № 3 (55). С. 13–17.

Боковенко Н.А. Динамика развития конской сбруи в скифское время на Алтае: (К проблеме цикличности инновации) // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л.: Наука, 1981. С. 55–57.

Боковенко Н.А. Транссибирские трассы номадов в системе культурной интеграции народов Евразии // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. СПб., 1993. Ч. 2. С. 172–176.

Боковенко Н.А. Тенденции развития элитного погребального обряда номадов Центральной Азии в I тыс. до н.э.: Аржан, Пазырык, Ноин-Ула // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород: Изд-во ИИМК РАН, 2011. С. 132–133.

Быков Н.И., Быкова Н.А. Колебания климата и смена материальных культур на Алтае // Саяно-Алтайская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. С. 6–7.

Вишневецкая О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). М.: Наука, 1973. Т. 8. 160 с.

Горбунова Н.Г. Конская упряжь ранних саков Центральной Азии (Средняя Азия и Казахстан, кроме Западного) // Древние цивилизации Евразии: История и культура. М.: Вост. лит., 2001. С. 179–200.

Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–208.

Случайные находки бронзовых вещей раннесакского времени из Восточного Казахстана

- Грязнов М.П.* Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. Вып. 18. С. 9–17.
- Грязнов М.П.* Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во ГЭ, 1950. 92 с.
- Ермолаева А.С.* Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы — ранее железо). Алматы: Изд-во Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. 238 с.
- Иванов С.С.* Боевые пояса ранних кочевников Центральной Азии // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2009. Вып. 4. С. 66–76.
- Иванов С.С., Бообек уулу Б.* Новый клад раннесакского времени из Кочкорской долины (Центральный Тянь-Шань) // Всадники Великой степи: Традиции и новации. Астана: Издат. группа ФИИА им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 143–149.
- Иессен А.А.* К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР: (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. 1953. Т. 18. С. 49–111.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: Рос. полит. энцикл., 1997. 187 с.
- Кадырбаев М.К.* Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. С. 303–433.
- Кадырбаев М.К.* Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. С. 21–36.
- Культура ранних кочевников Казахстана. Археологические коллекции / Под ред. Н. Алимбай, А.К. Акишева.* Алматы: Изд-во Центр. гос. музея Респ. Казахстан, 2009. 430 с.
- Кызласов Л.Р.* Уюкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры // СА. 1977. № 2. С. 69–86.
- Марсадалов Л.С.* Основные тенденции в изменении форм удила, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V вв. до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. С. 5–24.
- Ольховский В.С.* Скифская триада // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. 1997. № 1. С. 85–96.
- Поаребова М.Н.* Центральная азиатская гипотеза происхождения скифской материальной культуры и скифского этноса // Древности скифской эпохи. 2006. № 7. С. 172–193.
- Радлов В.В.* Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.
- Самашев З.* Берел. Астана: Таймас, 2011. 236 с.
- Суразаков А.С., Тишкин А.А.* Археологический комплекс Кызык-Телань-1 в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул: Азбука, 2007. 232 с.
- Таиров А.Д.* Раннесакские боевые пояса // РА. 2004. Вып. 1. С. 140–145.
- Таиров А.Д.* Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. 274 с.
- Таиров А.Д., Ульянов И.В.* Случайные находки предметов раннего железного века на Южном Урале // Гороховские чтения: Материалы первой регион. музейн. конф. Челябинск: Проспект, 2010. С. 210–216.
- Черников С.С.* Восточноказахстанская экспедиция // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 144–150.
- Черников С.С.* К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 132–137.
- Членова Н.Л.* О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петерб. археол. вестн. СПб.: Фарн, 1993. № 7. С. 49–75.
- Шульга П.И.* О конструкции раннескифских поясов с Алтая и прилегающих территории // Алтае-Саянская страна и соседние территории в древности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. С. 27–40.
- Шульга П.И.* Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.
- Шульга П.И.* Синьцзянь в VIII–III вв. до н.э.: (Погребальные комплексы, хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.
- Эрлих В.Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века: Протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.
- Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. 330 S.
- Sin'tsyau ven'yu kaogu yan'tszyuso: «Sin'tsyau chau yui hu» dunfan chubanshe / Wang Ming zhe (ed.).* 1999, tuban san'tsyu, 1. (新疆文物考古研究所: 《新疆察吾呼》, 东方出版社, 1999 图版三九, 1).

OCCASIONAL FINDINGS OF BRONZE ITEMS OF THE EARLY SCYTHIAN TIME IN EAST KAZAKHSTAN

Aim. Over the past decade some significant findings supplemented model Scythian-Saka items of the complex of artifacts from the funerary monuments of early Scythian culture of the VII–VI centuries BC. In the present paper, we examine occasional findings of bronze objects of military belt fittings and parts of horse harness of the early stage of Saka culture found in East Kazakhstan. The primary task of this article is to determine cultural and chronological attribution of the occasional findings found near Barshatas, East Kazakhstan. *Results.* The chronological and cultural attributes of the materials are determined on the basis of a comparative typological analysis and developed characteristics of the early Saka culture. Some findings are dated back to the beginning of the VII–VI c. BC. Basing on the foregoing and considering the design of elements of almost identical Tasmolyn and Mayamer cultures, it is impossible to talk about the precise boundaries of the early Saka time cultures. Talking about the monument, its belonging to any culture is difficult to define. Similar harness kits and military belts of the early Saka time were found in the large part of the Scythian-Saka-Siberian area. At later stages of development they became a prototype. However, judging by the random findings, which have artistic and mythological decorations in the form of a spiral ornament and relief images on the details, we can conclude that they originate from relatively «rich» burials among the funerary complexes of the early Saka time known in East Kazakhstan until now. *Conclusion.* East Kazakhstan region is a kind of center of various cultures of the Scythian-Saka-Siberian world. They were very closely linked there. Therefore, it opens up new horizons in the study of the key attributes of the Scythian-Saka archeology in relation to a problem of the optimal arrangement of the funerary monuments of the time, and to the search for intercultural relations with other time-synchronous ethnic groups.

Key words: East Kazakhstan, archaeological culture, Scythian-Saka-Siberian cultural area, Scythian-Saka epoch, Early Nomads, horse harness.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-041-052

REFERENCES

- Akishev K.A., 1973. Saki aziatskie i skify evropeiskie (obshchee i osobennoe v kul'ture) [Asian Saks and European Scythians: (The general and special in culture)]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Kazakhstane*, Alma-Ata: Nauka KazSSR, pp. 43–58.
- Akishev K.A., Akishev A.K., 1978. Problema khronologii rannego etapa saskoi kul'tury [Problem of chronology of the early stage of Saka culture]. *Arkheologicheskie pamyatniki Kazakhstana*, Alma-Ata: Nauka KazSSR, pp. 38–64.
- Alekseev A.Yu., Bokovenko N.A., Vasil'ev S.S., Dergachev V.A., Zaitseva G.I., Kovalyukh N.N., Kuk G., van der Plikht, Possnert G., Sementsov A.A., Skott E.M., Chugunov K.V., 2005. *Evraziya v skifskuyu epokhu: Radiouglerodnaya i arkheologicheskaya khronologiya* [Eurasia during the Scythian era: Radiocarbon and archaeological chronology], St. Petersburg, 290 p.
- Alekhin Yu.P., Shulga P.I., 2003. Kurgan Kondrat'evka XXI — novyi pamyatnik ranneskifskogo vremeni na Rudnom Altai [Burial Mound Kondratevka XXI — a new monument of the early Scythian epoch in Rudnyi Altai]. *Drevnosti Altaya*, Gorno-Altaysk, no. 10, pp. 62–70.
- Alimbai N., Akishev A.K., 2009, (ed.). *Kul'tura rannikh kochevnikov Kazakhstana: Arkheologicheskie kollektsii* [Culture of early nomads of Kazakhstan: Archaeological collections], Almaty: Tsentral'nyi gosudarstvennyi muzei Respubliki Kazakhstan, 430 p.
- Arslanova F.Kh., 1972. Novye materialy VII–VI vv. do n.e. iz Vostochnogo Kazakhstana [New data of the VII–VI centuries BC from Eastern Kazakhstan]. *Sovetskaia arkheologiya*, no. 1, pp. 253–258.
- Arslanova F.Kh., 1981. Sluchainaya nakhodka bronzovykh veshchei v Semipalatinskom Priirtysh'e [Accidental findings of bronze items in Irtysh region of Semipalatinsk]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR*, 163, pp. 54–58.
- Beisenov A.Z., 2013. Predmety iskusstva rannikh sakov Saryarki kak svidetel'stva vzaimodeistviya kul'tur [Objects of art of early Saryarka Saks as evidence of interaction of cultures]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (55), pp. 13–17.
- Bokovenko N.A., 1981. Dinamika razvitiya konskoi sbrui v skifskoe vremya na Altai: (K probleme tsiklichnosti innovatsii) [Dynamics of development of a horse harness in the Scythian epoch in Altai: (Problem of recurrence of an innovation)]. *Preemstvennost' i innovatsii v razvitii drevnikh kul'tur*, Leningrad: Nauka, pp. 55–57.
- Bokovenko N.A., 1993. Transsibirskie trassy nomadov v sisteme kul'turnoi integratsii narodov Evrazii [The Trans-Siberian routes of nomads in the system of cultural integration of the people of Eurasia]. *Problemy kil'turogeneza i kul'turnoe nasledie*, St. Petersburg, part 2, pp. 172–176.

Случайные находки бронзовых вещей раннесакского времени из Восточного Казахстана

Bokovenko N.A., 2011. Tendentsii razvitiya elitnogo pogrebal'nogo obryada nomadov Tsentral'noi Azii v I tys. do n.e.: Arzhan, Pazyryk, Noin-Ula [Tendencies of development of an elite funeral ceremony of the nomads of Central Asia in the I millennium BC: Arzhan, Pazyryk, Noin-Ula]. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkeologicheskogo s'ezda*, St. Petersburg; Moscow; Velikii Novgorod, pp. 132–133.

Bykov N.I., Bykova N.A., 2007. Kolebaniya klimata i smena material'nykh kul'tur na Altae [Climate fluctuations and change of material cultures in Altai]. *Sayano-Altayskaya gornaya strana i istoriya osvoeniya ee kochevnikami*, Barnaul: Izdatelstvo AltGU, pp. 6–7.

Chernikov S.S., 1951. Vostochnokazakhstanskaya ekspeditsiya [East Kazakhstan expedition]. *KSIIIMK*, 37, p. 144–150.

Chernikov S.S., 1975. K voprosu o khronologicheskikh periodakh v epokhu rannikh kochevnikov (po arkeologicheskim materialam Vostochnogo Kazakhstana) [Revisiting chronological periods during the era of early nomads (according to archaeological materials of East Kazakhstan)]. *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri*, Leningrad: Nauka, pp. 132–137.

Chlenova N.L., 1993. O stepeni skhodstva komponentov material'noi kul'tury v predelakh «Skifskogo mira» [On the degree of similarity of components of material culture within the «Scythian world»]. *Peterburgskii arkeologicheskii vestnik*, no. 7, St. Petersburg: Farn, p. 49–75.

Chugunov K.V., Parzinger H., Nagler A., 2010. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. *Archäologie in Eurasien* 26. *Steppenvölker Eurasiens* 3, Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 330 S.

Gorbunova N.G., 2001. Konskaya upryazh' rannikh sakov Tsentral'noi Azii (Srednyaya Azia i Kazakhstan, krome Zapadnogo) [Horse harness of the early Saks of Central Asia (Central Asia and Kazakhstan, except Western Kazakhstan)]. *Drevnie tsivilizatsii Evrazii. Istoriya i kultura*, Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 179–200.

Gorelik M.V., 1987. Rannii mongol'skii dospek (IX — pervaya polovina XIV v.) [Early Mongolian armor (IX — the first half of the XIV century)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii*, Novosibirsk, Nauka, pp. 163–208.

Gryaznov M.P., 1947. Pamyatniki maiemirskogo etapa epokhi rannikh kochevnikov na Altae [Objects of Mayemir stage of the epoch of early nomads in Altai]. *KSIIIMK*, 18, pp. 9–17.

Gryaznov M.P., 1950. Pervyi Pazyrykskii kurgan [First Pazyryksky Burial Mound], Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh, 92 p.

Ermolaeva A.S., 2012. *Pamyatniki predgornoi zony Kazakhskogo Altaya (epokha bronzy — rannee zhelezo)* [Monuments of the piedmont zone of Kazakh Altay (Bronze Age — Early Iron)], Almaty, 238 p.

Ivanov S.S., 2009. Boevye poyasa rannikh kochevnikov Tsentral'noi Azii [Fighting belts of early nomads of Central Asia]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kyrgyzstana*, 4, Bishkek: Ilim, pp. 66–76.

Ivanov S.S., Boobek uulu B., 2014. Novyi klad rannesakskogo vremeni iz Kochkorskoj doliny (Tsentral'nyi Tyan'-Shan') [New treasure of the Early Saka time from the Kochkorsky valley (the Central Tien Shan)]. *Vsadniki Velikoi stepi: Traditsii i novatsii*, Astana: Izdatelskaya gruppa Filiala Istituta arheologii im. A.H. Margulana v Astane, pp. 143–149.

Iessen A.A., 1953. K voprosu o pamyatnikakh VIII–VII vv. do n.e. na yuge evropeiskoi chasti SSSR: (Novocherkasskii klad 1939 g.) [Revisiting the monuments of the VIII–VII centuries BC in the south of the European part of the USSR: (A Novochoerkassk treasure of 1939)]. *Sovetskaia arkheologiya*, vol. 18, pp. 49–111.

Itina M.A., Yablonskii L.T., 1997. *Saki Nizhnei Syrdar'i (po materialam mogil'nika Yuzhnyi Tagisken)* [Saksæ of the Lower Syr-Darya (according to the materials of the burial ground Southern Tagisken)], Moscow: Rossiyskaya politicheskaya encyclopedia, 187 p.

Kadyrbaev M.K., 1966. Pamyatniki tasmolinskoi kul'tury [Monuments of Tasmolinsky culture]. *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana*, Alma-Ata: Nauka KazSSR, pp. 303–433.

Kadyrbaev M.K., 1968. Nekotorye itogi i perspektivy izucheniya arkheologii rannezheleznogo veka Kazakhstana [Some results and prospects of studying of archaeology of the early Iron Age of Kazakhstan]. *Novoe v arkheologii Kazakhstana*, Alma-Ata: Nauka KazSSR, pp. 21–36.

Kyzlasov L.R., 1977. Uyukskii kurgan Arzhan i vopros proiskhozhdeniya saksoid kul'tury [Uyuksky burial mound Arzhan and the question of origin of Saka culture]. *Sovetskaia arkheologiya*, no. 2, pp. 69–86.

Marsadolov L.S., 1998. Osnovnye tendentsii v izmenenii form udil, psaliev i pryazhek konya na Altae v VIII–V vv. do n.e. [Major trends in forms of mouthpiece, cheek-piece and buckles of a horse in Altai in the VIII–V c. BC.]. *Snaryazhenie verkhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i Srednevekov'e*, Barnaul: Izdatelstvo AltGU, pp. 5–24.

Ol'khovskii V.S., 1997. Skifskaya triada [Scythian triad]. *Pamyatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na yuge Vostochnoi Evropy*, no. 1, pp. 85–96.

Pogrebova M.N., 2006. Tsentral'noaziatskaya gipoteza proiskhozhdeniya skifskoi material'noi kul'tury i skifskogo etnosa [Central Asian hypothesis of the origin of Scythian material culture and Scythian ethnos]. *Drevnosti skifskoi epokhi*, no. 7, pp. 172–193.

Radlov V.V., 1989. *Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika* [From Siberia: Pages of a diary], Moscow: Nauka, 749 p.

Rudenko S.I., 1953. *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of the population of Gorny Altai in the Scythian epoch], Moscow; Leningrad, 402 p.

Samashev Z., 2011. *Berel* [Berel], Almaty: Taimas, 236 p.

Б.Б. Бесетаев

Surazakov A.S., Tishkin A.A., 2007. *Arkheologicheskii kompleks Kyzyk-Telan'-1 v Gornom Altae i rezultaty ego izucheniya* [Archaeological complex Kyzyk-Telan-1 in Gorny Altai and results of its studying], Barnaul: Azbuka, 232 p.

Tairov A.D., 2004. Rannesakskie boevye poyasa [Early Saka fighting belts]. *Rossiiskaia arkheologiya*, no. 1, pp. 140–145.

Tairov A.D., 2007. *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepei v VII–VI vv. do n.e.* [Nomads of the steppes of Ural and Kazakhstan in the VII–VI centuries BC], Chelyabinsk, 274 p.

Tairov A.D., Ul'yanov I.V., 2010. Sluchainye nakhodki predmetov rannego zheleznogo veka na Yuzhnom Urale [Casual findings of items of the early Iron Age in South Ural]. *Gorokhovskie chteniya: Materialy pervoi regional'noi muzeinoi konferentsii*, Chelyabinsk, pp. 210–216.

Shul'ga P.I., 2007. O konstruktsii ranneskifskikh poyasov s Altaya i prilegayushchikh territorii [About a design of early Scythian belts from Altai and adjacent territories]. *Altae-Sayanskaya strana i sosednie territorii v drevnosti*, Novosibirsk: Izdatelstvo IAET SO RAN, pp. 27–40.

Shul'ga P.I., 2008. *Snaryazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poyasa na Altae* [Saddle horse equipment and military belts in Altai], Barnaul: Azbuka, 276 p.

Shul'ga P.I., 2010. *Sin'tsyan' v VIII–III vv. do n.e.: (Pogrebal'nye komplekсы, khronologiya i pereodizatsiya* [Xinjian in the VIII–III centuries BC: (Funeral complexes, chronology and periodization)], Barnaul: Izdatelstvo AltGU, 238 p.

Erlich V.R., 2007. *Severo-Zapadnyi Kavkaz v nachale zheleznogo veka: Promeotskaya gruppa pamyatnikov* [The northwest Caucasus at the beginning of the Iron Age: Prothomeotic group of monuments], Moscow: Nauka, 430 p.

Vishnevskaya O.A., 1973. *Kul'tura saskikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n.e. (po materialam Uigarak)* [Culture of the Saka tribes of the lower Syr-Darya in the VII–V centuries B.C. (on the example of Uygarak materials)], Moscow: Nauka, 160 p.

Wang Ming zhe, 1999 (ed.). *Sin'tsyan ven'yu kaogu yan'tszyuso: «Sin'tsyan chau yui hu» dunfan chubanshe*, 1999, tuban san'tsyu, 1. (新疆文物考古研究所: 《新疆察吾呼》, 东方出版社, 图版三九, 1).

Н.П. Матвеева, А.С. Долгих

Тюменский государственный университет
ул. Семакова, 10, Тюмень, 625003, Россия
E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru;
dart.tem@gmail.com

К РЕКОНСТРУКЦИИ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА ПЕРИОДА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (по материалам могильника Ревда-5 в Притоболье)

Представлены результаты археологических исследований в Тюменской области в долине р. Тобола на могильнике Ревда-5 III–IV вв. Могильник расположен на правом берегу Тобола (в подтаежной зоне Зауралья). В нем было обнаружено хорошо сохранившееся захоронение взрослой женщины. Реконструкция костюма как отражения традиционной культуры уже использовалась в изучении истории. Традиционная одежда отражала особенности жизнеобеспечения населения, имела социально диагностирующее и сакральное значение. Удовлетворительная сохранность скелетов и вещей довольно редка в курганах Зауралья вследствие их разграбления в течение нескольких веков. Нами были реконструированы детали одежды и украшения людей эпохи Великого переселения народов. Основой данного исследования являлся системный анализ всех элементов погребальной практики и их взаимосвязей, который использовался наряду с антропологическими данными о постдепозиционных трансформациях тел погребенных и с учетом данных эксперимента А.П. Бородовского и И.Г. Глушкова о смещении украшений и других деталей одежды при разложении погребения. Нами был проведен эксперимент с современным ремнем и накладками, имитирующими пояс из рассматриваемого погребения, который показал справедливость наших выводов. По остаткам текстиля и расположению украшений на скелете авторы сделали вывод, что костюм женщины возраста 30–40 лет состоял из коричневой шелковой рубашки, штанов и коричневого льняного кафтана. Костюм дополнялся кожаным поясом с бронзовыми накладками. На шее было ожерелье из стеклянных бус. Кожаная фляжка или маленькая сумочка была подвешена к поясу. Полагаем, что тело было завернуто в накидку или покрывало. Такой костюм был широко распространен еще в раннем железном веке в среде кочевников. Качество тканей и украшения подтверждают высокий социальный статус женщины и материальный достаток.

Ключевые слова: средневековье, Зауралье, р. Тобол, Ревда 5, могильник, женский костюм, реконструкция.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-053-062

Реконструкция костюма населения той или иной эпохи по археологическим данным всегда встречает множество затруднений, в первую очередь из-за фрагментарной сохранности и деформации элементов единого целого. Значение этой части человеческой культуры весьма велико, так как одежда отражает традицию, обладающую не только свойствами жизнеобеспечения, но и социально диагностирующим и сакральным смыслом. Костюм, как правило, демонстрирует знаки выполняемых человеком ролей: принадлежность к определенному социуму, словию, профессии, семейной и гендерной группе — и достигнутые на этих поприщах ранги.

Источником для нашей работы послужило захоронение женщины 30–40 лет (погребение 10 кургана 10) из могильника Ревда-5 в Притоболье, датированное рубежом III–IV вв. н.э. В данном случае, опираясь на удовлетворительную сохранность остатков погребения, анализ захоронения как целостного множества составляющих, отношений и связей между ними, а также на помощь антрополога Е.А. Алексеевой в оценке постдепозиционных трансформаций и на натурный эксперимент, мы сочли возможным обратиться к теме восстановления отдельных частей облачения и украшений людей эпохи Великого переселения народов.

В методическом плане мы руководствуемся наблюдениями А.П. Бородовского и И.Г. Глушкова за поведением условной модели при археологизации погребения. Они, проведя эксперимент в целях определения диапазона смещения деталей в декоре одежды, показали, что все неорганические, неразлагающиеся предметы перемещаются дважды: вначале, при вздутии тела, более интенсивно, в конце, при уплощении остатков туловища, — замедленно. На эти процессы влияют внешние условия — давление грунта, наличие погребальной камеры, обвал сте-

нок ямы и др. При этом выяснилось, что наиболее значительно переместились бляшки на вороте и подоле одежды, а поясной набор сохранился в относительно компактном виде [Бородовский, Глушков, 2010, с. 134–145].

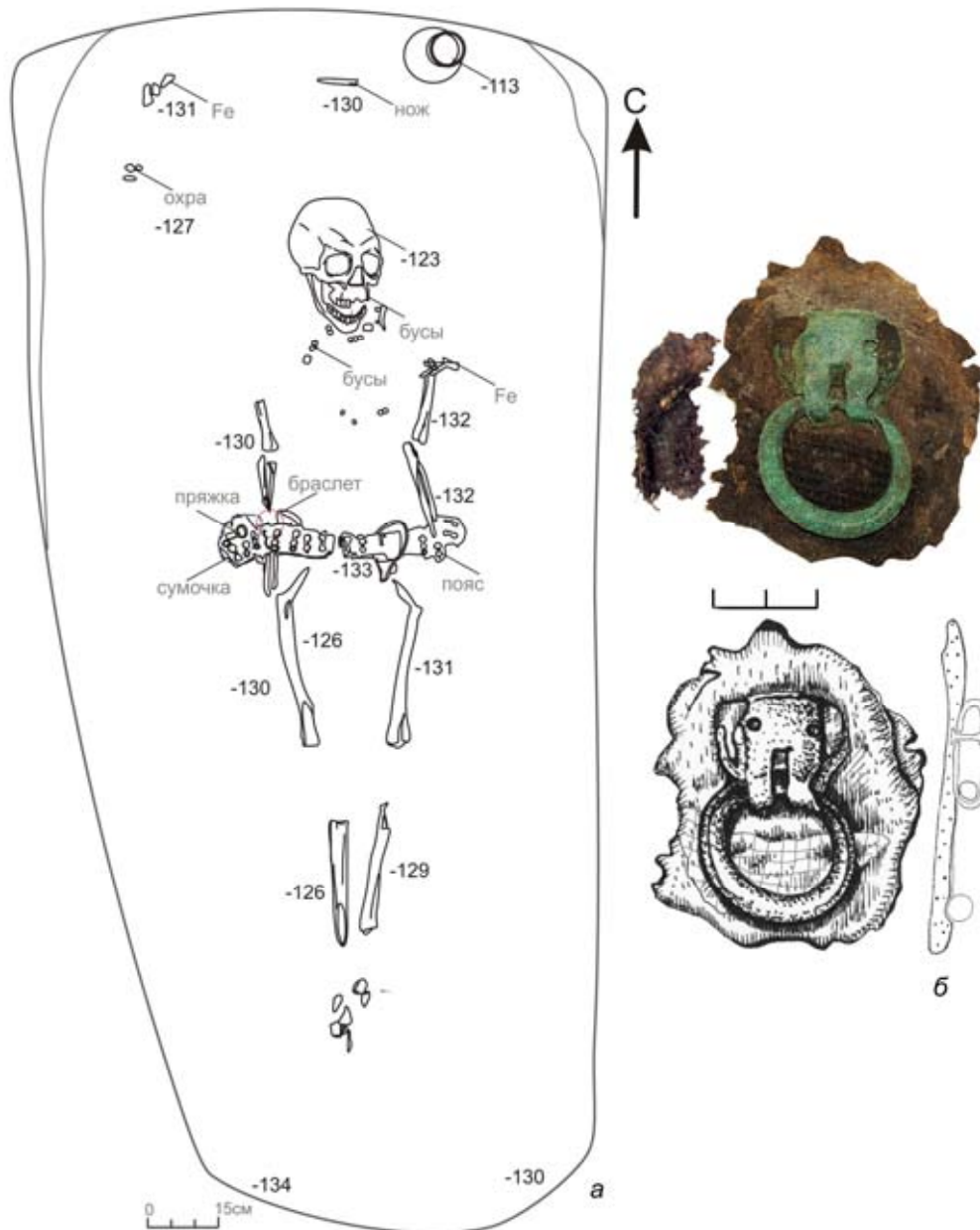

Рис. 1. Ревда-5. План погребения 10 кургана 10 (а), фото и прорисовка остатков сумочки (б).

Останки взрослой женщины обнаружены на дне могильной ямы трапециевидной формы, ориентированной по линии север — юг (рис. 1, а). По какой-то причине вкоп бугровщиков не дошел до дна могилы, и захоронение сохранилось нетронутым. Скелет женщины 30–40 лет располагался вытянуто на спине, руки и ноги лежали вдоль туловища. Череп находился на затылочных костях, лицевой отдел обращен в сторону ног и несколько повернут влево, кости рук прижаты к телу. Не уцелели кости грудной клетки, позвоночника, фаланги пальцев. Лучевые кости соприкасались с головками бедренных костей, кости стоп отстояли друг от друга на 2–3 см, что говорит, видимо, о связывании или пеленании покойной. Череп имеет прижизненную искусственную и посмертную деформации. Разомкнутое положение челюстей, слабый поворот головы

К реконструкции женского костюма периода раннего средневековья...

могут свидетельствовать, что пространство могильной ямы оставалось не плотно заполненным грунтом¹. Основываясь на вышеприведенных аргументах в пользу стиснутого положения тела, предположим, что покойницу внесли в могилу либо в тесном гробу, либо в кошке или циновке, домотканом ковре, использование которых в погребальном обряде известно в нашем регионе с раннего железного века [Матвеева, 2000, с. 219; Зах, Глушкова, 2009, с. 65].

В северо-западном углу могилы найдены три кусочка охры светло-оранжевого цвета (рис. 1, б). В изголовье находились сосуд кушнаренковского типа и железный нож, западнее — три обломка неопределимого железного изделия.

Под нижней челюстью скелета были найдены шесть раскатившихся стеклянных бусин, часть которых попала в область грудины (рис. 4, 9, 10, 28). В районе левого плеча обнаружены зеленая и черная бусины (рис. 4, 14, 29), у челюсти — прозрачная бесцветная и зеленая (рис. 4, б, 15), между нижней челюстью и левой ключицей — желтая, зеленая и маленькая черная бусины (рис. 4, 12, 16, 33). В области правой ключицы отмечены осколок черной бусины, черная и золоченая бусины (рис. 4, 5, 30, 50), там же, на ключице, виден след окисла синего цвета. Еще одна зеленая бусина найдена у левого плеча (рис. 4, 17). Одна золоченая и обломок такой же были у правого плеча, ближе к правой части челюсти (распались). С правой стороны груди найдена белая прозрачная сломанная бусина, с внутренней стороны плеча под подбородком — синяя веретенновидная с валиками (рис. 4, 8), там же — строенная пронизь из золоченых бусин (рис. 4, 4). Призматическая четырехгранная оранжевая непрозрачная находилась с внутренней стороны правого плеча (рис. 4, 7). Одна золоченая бусина обнаружена посередине левого плеча в области сердца (распалась), там же — сдвоенная бусина (рис. 4, 2), еще одна сдвоенная золоченая бусина — с правой стороны челюсти (рис. 4, 3). Стеклянных одноцветных и металлизированных бусин сохранилось 50 экз., одна бесцветная, две черные, две золоченые разрушились, т.е. всего было около 55–56 бусин (рис. 3).

Поверх левого плеча находилось полностью разрушенное железное изделие, судя по обломкам, предположительно остатки узды. На поясе посередине тазовых костей располагался кожаный ремень с бронзовыми украшениями; всего насчитывается 15 бронзовых накладок, относящихся к мазунинскому типу (рис. 2). Они представлены удлинненными П-образными скобками, внешняя часть которых гантелевидная, в ней две площадки круглой формы соединены перемычкой, украшены насечками по периметру. Способ крепления накладок следующий: П-образное изделие декоративной частью размещается снаружи, а с тыльной стороны огибает ремень снизу и закрепляется в верхней части шпеньком [Голдина, Красноперов, 2012, с. 24]. У пяти накладок сохранились привески в форме колечка, у остальных, вероятно, они потеряны при ношении. Идентичные подвески встречены в Прикамье, в погребениях 4 и 6, 815, 860 Тарасовского могильника I–V вв. [Голдина, 2003, табл. 2, 12, 13, 14; табл. 4, 5, 6; 370, 1, 5], в могильнике Байрамгулово [Малашев, 2000, с. 225, рис. 6, Д-9].

В районе правого запястья покойной обнаружилось четыре дуговидных фрагмента бронзовой проволоки, на одном из которых завязан узел. Они собираются в браслет (рис. 1, а; 3). На расстоянии 7–8 см от правой руки на той же глубине найдена бронзовая пряжка с прикипевшим фрагментом ткани (рис. 1, б), лежавшая на куске кожи овальной формы размером 10×12 см. Вероятно, это была отдельная сумочка, крепившаяся к ремню. Пряжка располагалась на ней лицевой стороной вниз (рис. 1, б). Судя по тому, что пряжка была перевернута и оказалась справа от бедра, она принадлежала не к застежке сумочки, а к привеске на окончании пояса или к самому поясу, который не был надет на умершую, а положен поверх тела.

Остатки текстильных изделий размером 3,8×2,5 см и 0,6×1,3 см, законсервированные окислами от пряжки, определены д.и.н., проф. СургГПИ Т.Н. Глушковой как фрагменты трех тканей полотняного переплетения: в первом случае — толстый репс из растительного сырья темно-коричневого цвета, во втором — также репс, но разреженного плетения, под которым находился третий фрагмент, размерами 1×1 см, сложенный вдвое, атрибутированный как светло-коричневый шелк (тафта).

Поверх пластинок бронзового декора пояса и под костями рук и бедер местами прослежен древесный тлен толщиной 0,8–1 см, вероятно, от досок гроба или носилок.

Классификация бусин дает основание для датировки захоронения. Двухчастные бочковидные поперечно сжатые золоченые имеют закраинки от разделения палочки, в своде причерно-

¹ Приносим Е.А. Алексеевой свою благодарность.

морских бус Е.М. Алексеевой они отнесены к первым векам н.э. [1978, табл. 26, 4]. Трехчастная золоченая бусина из поперечно сжатых бочковидных сегментов и бочковидная уплощенная золоченая находят аналогии среди северочерноморских бусин с металлической прокладкой [Там же, табл. 26, 5]. Крупная бочковидная золоченая относится к римскому времени [Там же, с. 30, табл. 26, 11]. Параллелепипедная из глухого оранжевого стекла характерна для Причерноморья II–III в. н.э. [Там же, с. 69, табл. 33, 31]. Бочковидные бусины с валиками по краям, голубые, в Северном Причерноморье распространены в первые века н.э. [Там же, с. 73, табл. 33, 75]. Прозрачная бесцветная бочковидная свойственна комплексам первых веков н.э., а также поздне римской эпохи [Там же, с. 65, табл. 33, 1]. Округлые поперечно сжатые из глухого желтого стекла, светло-зеленого стекла встречаются в первые века н.э. [Там же, с. 63–64, табл. 33, 1]. Бирюзовый и грязно-синий цилиндрический бисер, рубленный из трубочек, связан с комплексами II–III вв. [Там же, с. 72, табл. 33, 71]. Аналоги бочковидному уплощенному бисеру грязно-синего и черного цвета размером 2,2×3 мм (20 ед.) находим среди неволинских бусин типа IA9 и IB5 [Голдина, 2010, рис. 34], мазунинских [Останина, 1997, с. 57, рис. 21].

Рис. 2. Ревда-5. Остатки пояса и сумочки в погребении 10 кургана 10.

Бронзовая пряжка — кольцевидная, с подвижным язычком, прямоугольной пластиной щитка изнутри, со скругленными углами снаружи. Щиток закреплен на ремне двумя гвоздиковидными заклепками. Рамка имеет размеры 2,7×3 см, внешний край утолщен, язычок рамки обломлен (рис. 1, б). Пряжка датируется III–V вв. [Голдина, 1979, с. 87, рис. 1, 5; Амброс, 1971, с. 104; Малашев, 2000, с. 223, рис. 4, Г-3]. Подобные пряжки также характерны для могильников Зауралья эпохи Великого переселения народов [Матвеева и др., 2014, с. 7, табл. 1, П4, с.13, рис. 3, 22].

В целом ничто не противоречит датировке погребения 10 рубежом III–IV вв. н.э.

К сожалению, в данном погребении не сохранилось существенных указателей для реконструкции состава одежды покойной. Мы располагаем лишь общей информацией о характере использованного материала: шелк, кожа, растительный репс. Вероятно, на покойной была типичная легкая одежда кочевников, состоявшая из шелковой рубахи и штанов в качестве нижней одежды и кафтана из растительного полотна в качестве верхнего платья. Поскольку полы платья не были декорированы металлом, то длина и крой остались неизвестными. Ткань разреженного плетения не могла относиться к платью, так не обеспечивала защиты тела и не отличалась прочностью, поэтому, скорее всего, являлась накидкой или покрывалом. Также не удалось получить информацию об обуви.

Остановимся на бусах и ремне с поясной сумкой.

К реконструкции женского костюма периода раннего средневековья...

Положение бусин относительно костяка дает возможность высказать несколько предположений. Вариант 1: украшение воротника рубахи бисером и ношение нитки крупных бус. В этом случае проследить конфигурацию ворота можно по диаметру окружности, составленной россыпью бисера. Если имел место простой, округлый вырез ворота, без запаха и застегивания под подбородком на пуговицу, для удобства надевания через голову, то обнаруженное количество бисера (40 ед.) недостаточно. Его не хватает для закрепления по всему периметру горловины. Из этого рассуждения следует, что ворот мог быть вышит бисером только фрагментарно спереди. Вариант 2: все бусины находились на одном ожерелье, нитка сформирована неплотной центральной композицией более крупных бусин и бисером по краям, доходила до середины груди (рис. 3). Постдепозиционное перемещение элементов ожерелья связано с горизонтальным положением тела, при котором часть вещей из области шеи скатилась к подбородку и шейным позвонкам, а крупные бусины остались в области грудного отдела скелета. Поскольку вариант 2 более соответствует модели перемещения вещей на костюме [Бородовский, Глушков, 2010], то считаем его предпочтительным.

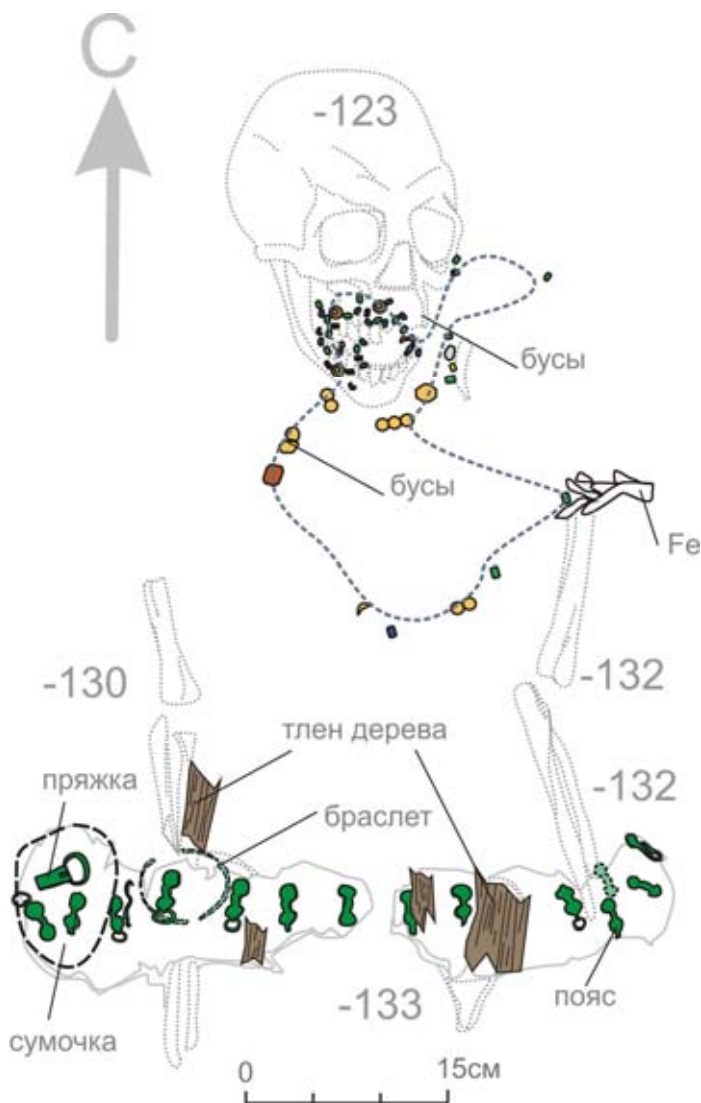

Рис. 3. Ревда-5. План расположения украшений в погребении.

Рассмотрим положение пояса в могиле. Пояс в виде остатков кожи и металлических накладок на нее находился поверх костей рук и таза и выступал на 9–10 см за пределы наружных границ костей таза, причем пряжка лежала поверх верхушки правой подвздошной кости (рис. 2). Из

этого наблюдения следует, что пояс был положен поверх тела и его концы подвернуты под тело умершей. Такое же умозаключение было получено из анализа расположения бронзовых накладок (одна из них на конце пояса находилась под костями предплечья левой руки). Подтвердилось оно в результате следующего эксперимента.

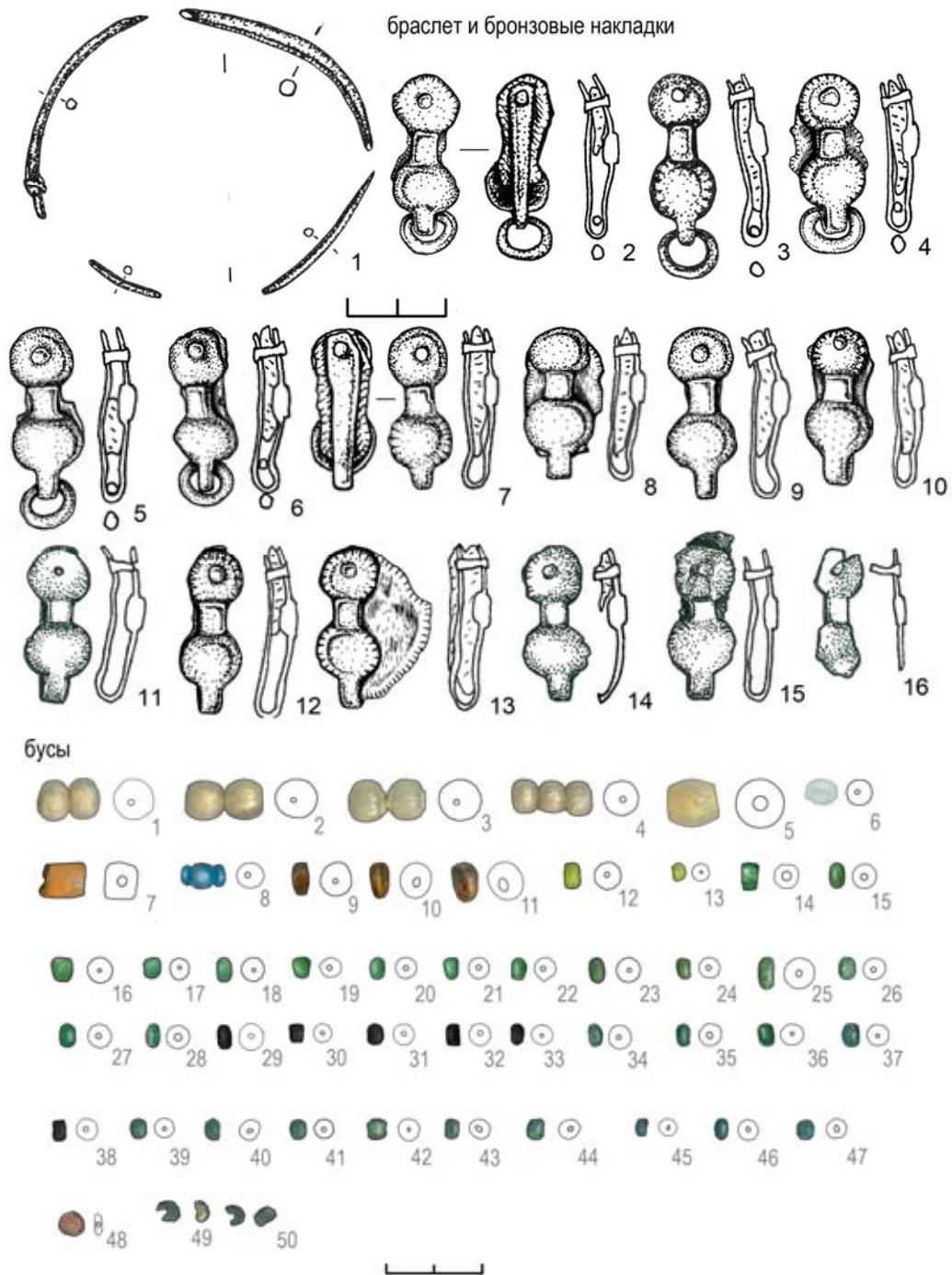

Рис. 4. Ревда-5. Украшения из погребения 10.

На современном кожаном ремне шириной 3 см и длиной 97 см были размещены накладки из картона (аналогичные по размеру предметам из погребения) с расстоянием между ними 3–5 см: таковое зафиксировано на найденном поясе. Рассматриваемые 15 накладок заняли почти всю

К реконструкции женского костюма периода раннего средневековья...

площадь ремня, свободными остались концы по 10–11 см длиной с каждой стороны. Таким образом, можно говорить о достаточно равномерной заполненности всей лицевой поверхности ремня. В ходе эксперимента ремень положили на туловище человека, подвернув концы под него, и имитировали размещение находок — накладок и пряжки на скелете. При этом выяснилась принадлежность пряжки именно к ремню: на плане могилы она занимает точно такое же положение, как в эксперименте,— перевернута и находится под углом к линии пояса. Пояс из погребения был 2,5–3 см в ширину (судя по размерам бронзовых накладок и пряжки) и 98–108 см в длину, толщиной 0,3–0,5 см. Накладки крепились к поясу одной заклепкой.

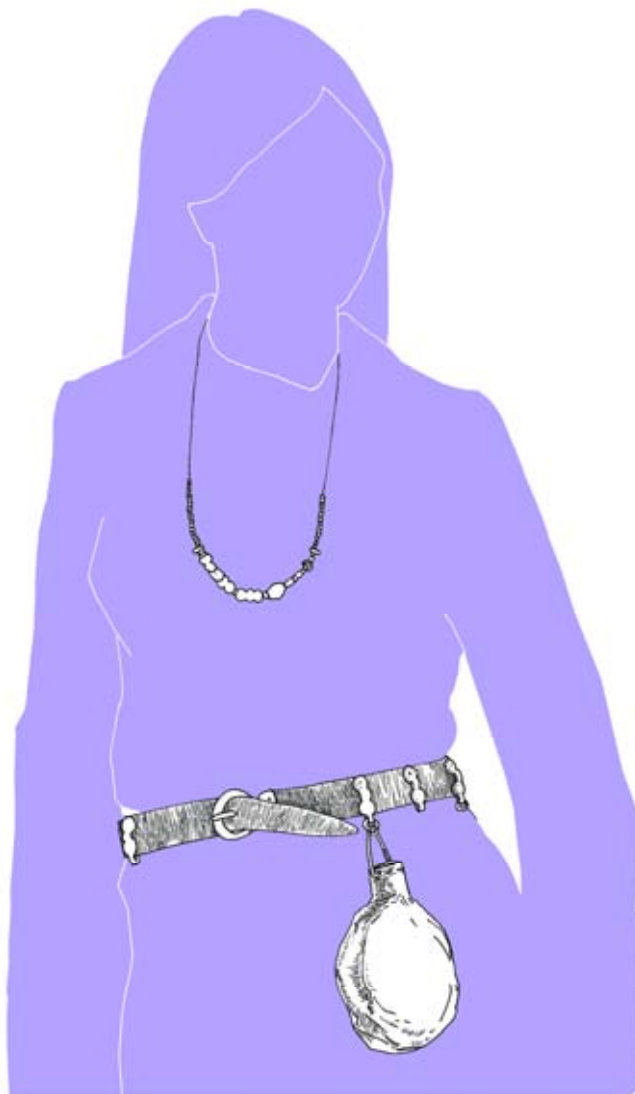

Рис. 5. Реконструкция женского костюма из погребения 10 кургана 10 могильника Ревда-5.

Необходимость хранить и носить при себе всякие мелочи — ценности, предметы обихода или вещи с магическим смыслом — была всегда и реализовывалась в costume различными способами. Фрагмент кожи, находившийся под пряжкой, овальной формы, размером 10×12 см, видимо, является остатком личного кошелька, сумочки или фляжки. Подобные находки известны из раскопок на Алтае и в Сибири [Руденко, 1953, рис. 45, табл. XCIII, 2; Вайштейн, 1974, с. 64; Баркова, Завитухина, 1976, с. 58; Кисель, 2012, с. 54]. Положение обсуждаемого предмета проверено экспериментом: он находился справа, под пряжкой, т.е. так, как если бы первоначально был закреплен на левой стороне ремня тесемками, а при укладывании ремня поверх тела по-

койной сместился. Интервал накладок на поясе делает неудобным ношение и размещение сумочки с помощью широкой кожаной петли непосредственно на ремне, поэтому считаем, что она была подвешена на шнурке к кольцу бронзовой накладки. Положение предмета (при условии, что пояс застегивался справа налево) позволяет говорить о содержимом, которое, вероятно, не использовалось постоянно, так как в этом случае целесообразнее было бы размещение сумочки с правой стороны — под правую руку, но необходимость в применении которого могла возникнуть в любой момент. Это могли быть магические или целительные снадобья, практиковавшиеся кочевниками [Полосьмак, 2001, с. 200].

Таким образом, можно заключить, что женщина носила шелковую рубаху и штаны в качестве нижней одежды, полотняный кафтан с поясом, на котором находилась кожаная сумочка или фляжка. Шею украшало ожерелье из стеклянных разноцветных бусин, набранное по принципу убывания размеров от центра к краям (рис. 5). Накидка вуалировала фигуру или закрывала тело в гробу.

Ношение нижней одежды из шелка, а верхнего платья в виде кафтанов и в лесостепи, и в степной зоне известно с раннего железного века, этот костюм был широко распространен среди элиты у кочевников [Матвеева, 2000, с. 209, 211; Яценко, 1987, с. 175]. Состав тканей и украшений позволяет говорить, что их владелица обладала нерядовым социальным статусом и сопутствующим ему достатком.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // Свод археологических источников. М.: Наука, 1978. Вып. Г1-12. 120 с.
- Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2. С. 96–123.
- Баркова Л.Л., Завитухина М.П.* Культура и искусство древнего населения Сибири // СГЭ. Л., 1974. Вып. XXXIX. С. 77–78.
- Бородовский А.П., Глушков И.Г.* Экспериментальное исследование погребальной обрядности // Игорь Геннадьевич Глушков: Сб. избр. ст. Сургут: РИО СурГПУ, 2010. Ч. 2. С. 134–145.
- Вайнштейн С.И.* История народного искусства Тувы. М., 1974. 224 с.
- Голдина Р.Д.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в верхнем Прикамье // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 79–90.
- Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск: Удмуртия, 2003. Т. 2. 721 с.
- Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. — XV в. н.э.): Хронологическая атрибуция.* Ижевск: Удмурт. университет, 2012. Т. 25. 544 с.
- Зах В.А., Глушкова Т.Н.* Тканые пояса из саргатского курганного могильника Чепкуль-9 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4. С. 57–66.
- Кисель В.А.* Деревянные ковши с зооморфными ручками в погребальном наборе древних кочевников // Радловский сб.: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 51–64.
- Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесаргатского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д, 2000. С. 194–232.
- Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск: Наука, 2000. 339 с.
- Матвеева Н.П., Зеленков А.С., Чикунова И.Ю.* Хронологическая интерпретация могильников переходного времени от раннего железного века к раннему Средневековью в Зауралье // АВ ORIGINE. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2014. Вып. 6. С. 5–26.
- Овчинникова Б.Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.
- Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. н.э. Ижевск: УрО РАН, 1997. 327 с.
- Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.
- Яценко С.А.* К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии // СА. 1987. № 3. С. 166–176.

N.P. Matveeva, A.S. Dolgikh

Tyumen state university
Semakov st., 10, Tyumen, 625003, Russia
E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru;
dart.tem@gmail.com

RECONSTRUCTION OF WOMAN COSTUME OF THE YEARLY MIDDLE AGES (on the materials of the burial ground Revda-5 in the Tobol valley)

The article presents the results of an archaeological research in Tyumen region in the Tobol valley at the burial ground Revda-5 of the III–IV centuries AD. The cemetery was found on the right bank of the Tobol river, the subtaiga zone of the Trans-Urals. We found a well-preserved burial of an adult woman in this burial ground. Reconstruction of the ancient costume as a reflection of the traditional culture has been already used in the study of history. Traditional clothes reflected the life-support features, and had social-diagnostic and sacred significance. Satisfactory preservation of the skeletons and things is pretty rare in the burial mounds of the Trans-Urals because they had been robbed in the course of several centuries. We decided to reconstruct the details of clothing and jewelry of the people of the Great Migration epoch. System analysis of all elements of the funerary practices and their relationship is the methodic basis of this study. This method was used along with anthropological data of postdepositional transformations of buried bodies, and was based on the data of an experiment by A. Borodovsky and I. Glushkov on the displacement of ornaments and other items of clothing in the decomposition of burial. We conducted an experiment with contemporary leather strap and overlays imitating the belt from the burial, which showed the correctness of our conclusions. On the basis of remnants of textiles and location of adornments on the skeleton, the authors concluded that suit of a 30–40 year old woman consisted of a brown silk shirt, trousers and a brown linen caftan. The suit was complemented by a leather belt with bronze plates. On her neck there was a necklace made of glass beads. Leather flask or a small bag was hung to the belt. We believe that the body was wrapped in a cloak or a blanket. This costume was widespread in the Early Iron Age among the nomads. The quality of the fabrics and ornaments confirm the high social status and material prosperity of the woman.

Key words: the Early Middle Ages, the Trans-Urals, burial ground, reconstruction, female costume, Western Siberia.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-053-062

REFERENCES

- Alekseeva E.M., 1978. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia [Ancient beads of North Black Sea coast]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, G1-12, Moscow, 120 p.
- Ambroz A.K., 1971. Problemy rannesrednevekovoi khronologii Vostochnoi Evropy [Problems of the early medieval chronology of Eastern Europe]. *Sovetskaia arkheologiya*, no. 2, pp. 96–123.
- Barkova L.L., Zavitukhina M.P., 1974. Kul'tura i iskusstvo drevnego naseleniia Sibiri [Arts and culture of the ancient population of Siberia]. *Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, XXXIX, Leningrad, pp. 77–78.
- Borodovskii A.P., Glushkov I.G., 2010. Eksperimental'noe issledovanie pogrebal'noi obriadnosti [Experimental study of burial rites]. *Igor' Gennad'evich Glushkov. Sbornik izbr. statei*, no. 2, Surgut: RIO SurGPU, pp. 134–145.
- Goldina R.D., 1979. Khronologiya pogrebal'nykh kompleksov rannego srednevekov'ia v verkhnem Prikam'e [Chronology of the burial complexes of the Early Middle Ages in the Upper Kama region]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 158, Moscow, pp. 79–90.
- Goldina R.D., 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv.na Srednei Kame* [Tarasovsky cemetery in the Kama region], vol. 2, Izhevsk: Udmurtiia, 721 p.
- Goldina R.D., 2012, (ed.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. — XV v. n.e.): Khronologicheskaiia atributsiia* [Iron Age antiquities of the Kama region], no. 25, Izhevsk: Udmurtskii universitet, 544 p.
- Iatsenko S.F., 1987. K rekonstruktsii zhenskoi plechevoi odezhdy Sarmatii [Reconstruction of female shoulder clothes of Sarmatia]. *Sovetskaia arkheologiya*, no. 3, pp. 166–176.
- Kisil' V.A., 2012. Dereviannye kovshi s zoomorfnymi ruchkami v pogrebal'nom nabore drevnikh kochevnikov [Wooden buckets with zoomorphic handles in the burial set of ancient nomads]. *Radlovskii sbornik: Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2012 g.*, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 51–64.
- Malashev V.Iu., 2000. Periodizatsiia remennykh garnitur pozdnesargatskogo vremeni [Periodization of belt sets of the late Sargatka culture]. *Sarmatiia i ikh sosedi na Donu*, Rostov-na-Donu, pp.194–232.
- Matveeva N.P., 2000. *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniia Zapadnoi Sibiri v rannem zheleznom veke* [The social-economical structure of the Western Siberia population in the Early Iron Age], Novosibirsk: Nauka, 339 p.
- Matveeva N.P., Zelenkov A.S., Chikunova I.Iu., 2014. Khronologicheskaiia interpretatsiia mogil'nikov perekhodnogo vremeni ot rannego zheleznnogo veka k rannemu Srednevekov'iu v Zaural'e [Chronological interpretation of burial grounds during a transition time from the Early Iron Age to the Early Middle Ages in the Trans-Urals]. *Ab origine*, 6, Tiumen': Tiumenskii gosudarstvennyi universitet, pp. 5–26.

Н.П. Матвеева, А.С. Долгих

Ostanina T.I., 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. n.e* [Population of the Middle Kama region in the III–V centuries AD], Izhevsk: Ural'skoe otdelenie Rossiiskoi akademii nauk, 327 p.

Ovchinnikova B.B., 1990. *Tiurkskie drevnosti Saiano-Altaiia v VI–X vekakh* [The turkic antiquities of Sayani and Altai], Sverdlovsk: Ural'skii gosudarstvennyi universitet, 223 p.

Polos'mak N.V., 2001. *Vsadniki Ukoka* [The horsemen of the tableland Ukok], Novosibirsk: INFOLIO-press, 336 p.

Rudenko S.I., 1953. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia* [Culture of the population of Gorny Altai in the Scythian time], Moscow; Leningrad: AN SSSR, 402 p.

Vainshtein S.I., 1974. *Istoriia narodnogo iskusstva Tuvy* [History of folk art of Tuva], Moscow: Iskusstvo, 224 p.

Zakh V.A., Glushkova T.N., 2009. Tkanye poiasa iz sargatskogo kurgannogo mogil'nika Chepkul'-9 [Woven belts from the Sargatka culture burial mound Chepkul'-9]. *Arkheologiiia, etnografiia i antropologiiia Evrazii*, no. 4, pp. 57–66.

Н.П. Турова

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
ул. Академика Юрия Осипова, 15, Тобольск, 626152
E-mail: turova2707@yandex.ru

КОЛЛЕКЦИЯ НАРЕМЕННОЙ ГАРНИТУРЫ РУБЕЖА I–II тыс. н.э. ИЗ НЕКРОПОЛЯ ЮДИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вводится в научный оборот представительная коллекция металлических накладок, пряжек, соединительных колец, полученная в ходе археологических исследований на грунтовом могильнике Вак-Кур (Тюменская область, правобережье р. Тобола). Присутствие на керамике шнурового орнамента позволило отнести памятник к средневековой юдинской культуре, с которой исследователи связывают этногенез манси. Некрополь датирован X–XIII вв. н.э. Коллекция представлена 333 изделиями: 286 накладок, 19 наременных наконечников (концевых накладок), 24 пряжки и 4 соединительных кольца. Изделия рассматриваются как единый комплекс, без учета их функционального назначения. Материал систематизирован, выявлены аналогии, обозначены основные направления и характер связей юдинского населения с различными районами Евразии на рубеже I–II тыс. н.э. Большинство аналогов наременной гарнитуре могильника Вак-Кур (кроме пряжек) имеется на территории Прикамья, а также в древностях Волжской Булгарии. Подавляющее количество пряжек представлено изделиями, характерными для памятников Верхнего Приобья и Южной Сибири (подобные предметы часто встречаются в сrostкинских могильниках, кимакских погребениях Верхнего Прииртышья IX — начала XI в.). Обращает на себя внимание сочетание в изделиях (поясах, уздечках, портупях) накладок приуральского происхождения с пряжками кочевников лесостепи, это позволяет говорить, что они монтировались на месте, а не попадали к юдинцам в готовом виде. Часть фурнитуры импортная, а часть изготовлена по привозным образцам, что достаточно ярко фиксируется на примере пряжек. Таким образом, значительное количество фурнитуры приуральского происхождения в материалах могильника Вак-Кур связано не только с торгово-обменными отношениями, но и с переселением отдельных групп населения из Приуралья. Контакты же с кочевниками Верхнего Прииртышья (а возможно, и Верхнего Приобья), от которых к юдинцам попадали пряжки сrostкинского типа и другие изделия, скорее всего, носили торгово-обменный характер, так как следов присутствия тюркского населения ни в элементах погребального обряда, ни в керамическом комплексе некрополя нет.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Нижнее Притоболье, эпоха средневековья, юдинская культура, грунтовый могильник Вак-Кур, типология, наременная гарнитура, накладки, пряжки, соединительные кольца.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-063-076

Введение

Археологические средневековые памятники южно-таежного и лесостепного Зауралья, в керамических коллекциях которых имеются сосуды со шнуровой орнаментацией, относят к юдинской культуре. Исследователи связывают с данной культурой этногенез манси. Подавляющая часть открытых и исследованных памятников юдинской культуры представлена поселенческими памятниками. Исследованные же некрополи немногочисленны: могильники Ликинский и Пылаевский, на которых в общей сложности раскопано 60 погребений [Кутаков, Старков, 1997; Викторова, 2008], а также могильник Вак-Кур в Нижнем Притоболье, на котором к настоящему времени исследовано 220 захоронений.

Без анализа всех накопленных материалов с некрополей юдинской культуры невозможна разработка четкой схемы культуруогенеза в эпоху средневековья, необходимой для освещения ранних этапов этнической истории угров. В этой связи особенно актуальна публикация материалов грунтового могильника Вак-Кур — самого крупного из исследованных на сегодняшний день некрополя юдинской культуры.

Могильник Вак-Кур находится в Ярковском районе Тюменской области, на правобережье р. Тобола. Работы на памятнике проводились в 1986, 1987, 1990 г. В.А. Захом и М.А. Бусловой [Буслова, 1991; Зах, Кочегов, 1998; Зах, Чикунова, 2010] и в 2003–2005 г. А.А. Адамовым [Адамов, 2003; Адамов, Турова, 2006].

Умерших хоронили по обряду ингумации, на спине, головой на запад. Характерной особенностью погребений является тотальное, за исключением нескольких детских захоронений, нарушение анатомической целостности преимущественно верхней части костяка в ходе практиковавшегося юдинским населением своеобразного постпогребального обряда, выразившегося в разрушении могилы с выбрасыванием костных останков и инвентаря, использовании погребальных лицевых покрытий, а также поломке части погребального инвентаря [Адамов, Турова, 2006; Турова, 2005, 2009, 2010, 2015]. Датируется некрополь XI–XII вв. [Буслова, 1991, с. 14], X–XIII вв. [Зах, Коцегов, 1998, с. 20; Зах, Чикунова, 2010, с. 118] и X–XI вв. н.э. [Адамов, 2003, с. 249].

Цель данной работы — ввести в научный оборот коллекцию накладок, пряжек и соединительных колец, полученную в ходе раскопок грунтового могильника Вак-Кур, а также систематизировать данный массив находок. Вполне вероятно, что часть этой фурнитуры могла относиться не только к поясному набору, но и к украшению конской сбруи или портупейного набора, но морфологическое сходство данных изделий, а также смещение с первоначальных мест не позволяют четко разделить их по функциональному назначению. Поэтому рассматриваем их в едином комплексе и под единым названием — наременная гарнитура.

Для анализа взято 333 изделия с шести раскопов могильника Вак-Кур: 286 накладок, 19 наременных наконечников, 24 пряжки и 4 соединительных кольца. За основу классификации данной коллекции артефактов взяты разработки пермских археологов А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой [2008].

Анализ изделий

Накладки (срединные)

Накладки (рис. 1) отличаются большим разнообразием вариантов по сравнению с синхронными могильниками с территории Западной Сибири. Все накладки (286 экз.) относятся к одной группе — бронзовые (группы выделены по материалу; типы — по форме; подтипы — по особенностям конструкции; варианты — по особенностям орнаментации). Данные изделия относятся к девяти основным типам, которые представлены 49 вариантами. Накладки крепились к кожаному ремню в основном с помощью штифтов с заклепками, реже — с помощью штифтов, загибающихся на обратной стороне ремня, или петелек.

Тип 1 — квадратные, 20 экз. (рис. 1, 1–5).

Подтип 1.1 — прорезные, 8 экз. (рис. 1, 3). Прорезь имеет подпрямоугольную или овальную форму.

Варианты: а) неорнаментированные накладки различных размеров, 6 экз. (рис. 1, 1, 2). Такие накладки встречаются во многих районах Евразии с раннего средневековья и до конца развитого средневековья; б) с растительным орнаментом, сохранились остатки позолоты, 2 экз. (рис. 1, 3).

Подтип 1.2 — непрорезные, 12 экз. (рис. 1, 4, 5).

Варианты: а) с растительным орнаментом в виде побега сердцевидной формы с заключенной внутри 5-лепестковой пальметтой, с остатками позолоты, 9 экз. (рис. 1, 4); б) с «Ж»-образным орнаментом, 3 экз. (рис. 1, 5). Аналогии: Верхнее Прикамье, Рождественский могильник, X–XI вв. [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199, 11]; Волжская Булгария [Руденко, 2007, рис. 96, 93]; могильник Арантур 27, X–XIII вв. [Степанова, 2008, рис. 3, 20].

Тип 2 — прямоугольные, 5 экз. (рис. 1, 6, 7).

Варианты: а) с выпуклым прямоугольным щитком с растительным орнаментом, обрамленным широким бортиком, 1 экз. (рис. 1, 6); б) с двумя рядами из трех выпуклых полусфер, разделенных рядом мелкой зерни, 4 экз. (рис. 1, 7). Аналогии: древнерусские памятники, вторая половина X в. [Мурашева, 2000, рис. 37, 1А]; Большеетиганский могильник [Казаков, 2007, рис. 21, 48].

Тип 3 — подквадратные (арочные), с двумя скругленными углами, 5 экз. (рис. 1, 8–10).

Подтип 3.1 — прорезные, 3 экз. (рис. 1, 8, 9). С прорезью пятиугольной формы.

Варианты: а) орнамент в виде арки вокруг прорези, по бокам по три жемчужины, 2 экз. (рис. 1, 9); б) с растительным орнаментом, 1 экз. (рис. 1, 8).

Подтип 3.2. — непрорезные, 2 экз. (рис. 1, 10).

Вариант: а) с так называемым бабочковидным орнаментом, с мелкой зернью по периметру, 2 экз. (рис. 1, 10). Аналогии: Верхнее Прикамье, могильники Рождественский, X–XI вв. [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199, 34] и Агафоновский 2, IX–XII вв. [Голдина, Ютина, 1987, рис. 2, 102]; Пермское Предуралье, Питерский могильник, IX–XI вв. [Данич, 2013, рис. 2, 1]; Волжская Булга-

Коллекция наременной гарнитуры рубежа I–II тыс. н.э. из некрополя юдинской культуры

рия [Руденко, 2007, рис. 96, 71]; Омское Прииртышье, могильник Усть-Ишим 1 [Конигов, 2007, рис. 200; 204, 2]; Нижнее Прииртышье, Рачевский археологический комплекс, XII в. [Терехова, 1986, рис. 3, 13].

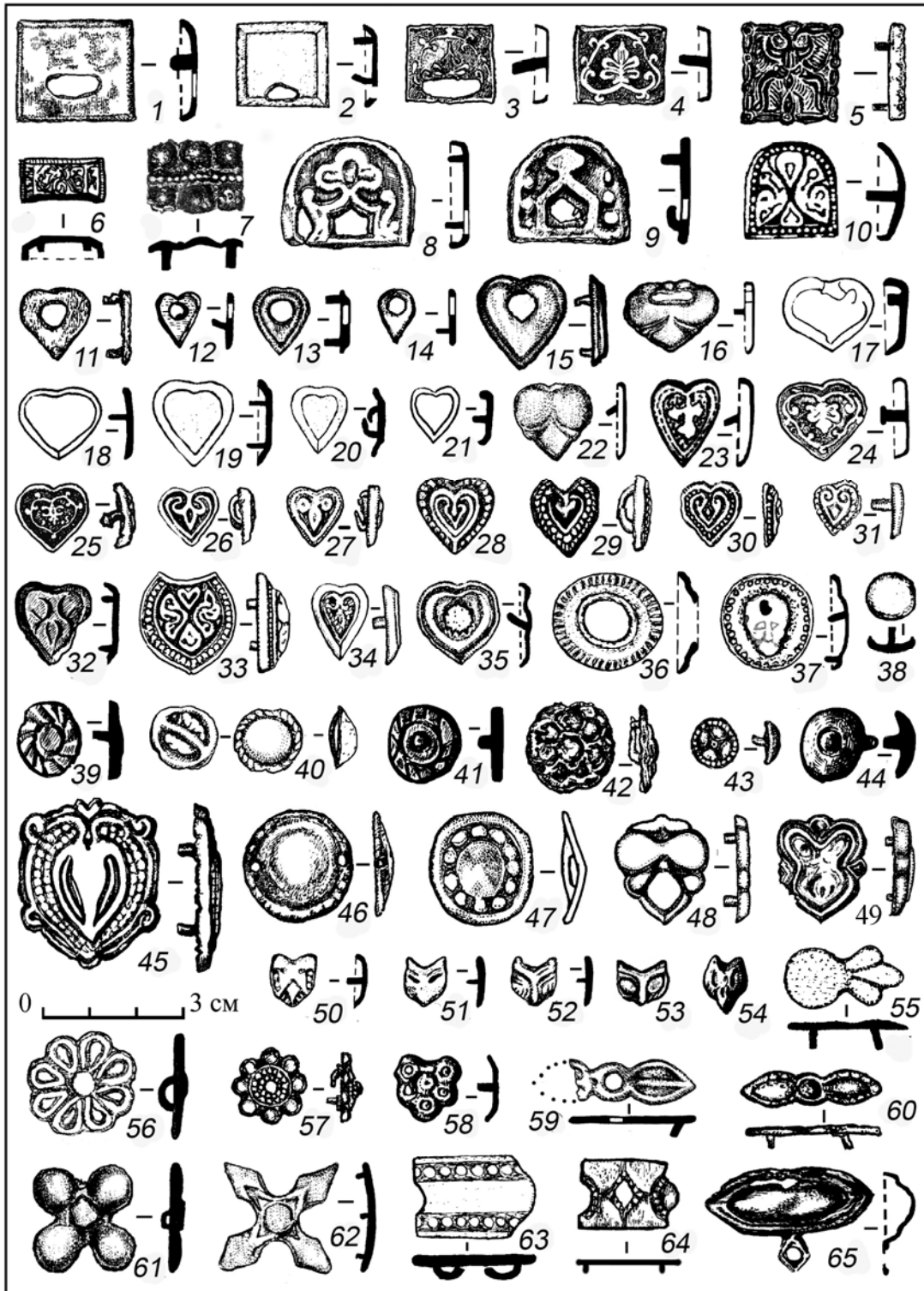

Рис. 1. Могильник Вак-Кур. Бронзовые накладки.

Тип 4 — сердцевидные, 146 экз. (рис. 1, 11–35).

Подтип 4.1 — прорезные накладки различных размеров, 40 экз. (рис. 1, 11–16), прорезь круглой или подовальной формы.

Варианты: а) без орнамента с круглой прорезью, 22 экз. (рис. 1, 11, 12, 15). Аналогии: Пермское Предуралье, Питерский могильник, IX–XI вв. [Данич, 2013, рис. 2, 15, 17, 19]; б) без выемки в основании (каплевидные), с круглой прорезью, 6 экз. (рис. 1, 13, 14). Аналогии: могильник Арантур 27, X–XIII вв. [Степанова, 2008, рис. 3, 5], могильник Ушья 1, X–XII вв. [Каменский, Жирных, 2006, ил. 4, 6]; в) с прорезью подовальной формы и «рельефным» орнаментом, 12 экз. (рис. 1, 16).

Подтип 4.2 — без прорези, 71 экз. (рис. 1, 17–35).

Варианты: а) различных размеров и пропорций без орнамента, 46 экз. (рис. 1, 17–21); б) с «рельефным» орнаментом, бортики гладкие, 18 экз. (рис. 1, 22); в) с орнаментом из крупного трилистника, бортики гладкие, 1 экз. (рис. 1, 23); г) с растительным орнаментом в виде побега сердцевидной формы с розеткой внутри, фиксируются остатки позолоты, 21 экз. (рис. 1, 24, 25). По размеру делятся на большие (6 экз.) и малые (15 экз.); д) с орнаментом в виде трилистника и желобков, 6 экз. (рис. 1, 26, 27); е) с орнаментом в виде трилистника, бордюр украшен зернью, 18 экз. (рис. 1, 28–31). Аналогии: Пермское Предуралье, Питерский могильник, IX–XI вв. [Данич, 2013, рис. 2, 22]; ж) с орнаментом в виде крупных завитков — «усиков», 3 экз. (рис. 1, 32). Аналогии: Болгар, I Семеновское селище, вторая половина X — XI в. [Казаков, 1991, рис. 44, 45]; Пермское Предуралье, Питерский могильник, IX–XI вв. [Данич, 2013, рис. 2, 32]; могильник Арантур 27, X–XIII вв. [Степанова, 2008, рис. 3, 20]; древнерусские памятники, X–XI в. [Никитина, 2000, рис. 62, 1А]; з) выпуклые, с приостренными краями (подсердцевидной формы); большей частью бордюр декорирован зернью, а в центре — бабочковидный орнамент, 7 экз. (рис. 1, 33). Аналогии: Верхнее Прикамье, Рождественский могильник, X–XI вв. [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199, 36] и Агафоновский 2 могильник, IX–XII вв. [Голдина, Ютина, 1987, рис. 2, 103]; Вычегда, Кичильковский могильник, X–XI вв. [Савельева, 1971, табл. 17, 2, 6, 8]; Волжская Булгария [Руденко, 2007, рис. 96, 28]; Пермское Предуралье, Питерский могильник, IX–XI вв. [Данич, 2013, рис. 2, 36]; таежное Прииртышье, могильник Масарлы 2, X–XII вв. [Адамов и др., 2008, рис. 22, 14]; Сургутское Приобье, X–XI вв. [Сургутский краеведческий музей..., 2011, с. 77, рис. 160, 162]; и) с высокими гладкими бортиками, на щитке орнамент в виде грозди винограда (?), 3 экз. (рис. 1, 34). Аналогии: Пермское Предуралье, Питерский могильник, IX–XI вв. [Данич, 2013, рис. 2, 26]; к) центральная часть накладки с углублением, на котором имеется объемное изображение округлого объекта с неровными краями (возможно, «пламенеющая жемчужина»), 3 экз. (рис. 1, 35).

Сердцевидные накладки имеют чрезвычайно широкий ареал. Они встречены на многих памятниках VIII–XI вв. Восточной Европы, Сибири и Средней Азии [Белавин, Крыласова, 2008, с. 418]. Большинство вариантов сердцевидных накладок, встреченных на могильнике Вак-Кур, идентичны накладкам из Рождественского и Огурдинского могильников, а также с памятников Волжской Булгарии.

Тип 5 — круглые, 30 экз. (рис. 1, 36–44, 46, 47).

Подтип 5.1 — прорезные, 3 экз. (рис. 1, 36).

Вариант: а) кольцевидные выпуклые с круглым отверстием в центре и насечками по бордюру, крепившиеся нитями (нашивки), 3 экз. (рис. 1, 36).

Подтип 5.2 — без прорези, 27 экз. (рис. 1, 37–44, 46, 47).

Варианты: а) преимущественно маленькие накладки без орнамента, 14 экз. (рис. 1, 38), и 1 крупная накладка. Аналогии: Пермское Предуралье, Питерский могильник, IX–XI вв. [Данич, 2013, рис. 1, 27]; б) с округлым желобком по центру, 2 экз. (рис. 1, 44); в) по периметру ряд мелких жемчужин, в центре — личина (?); сохранность плохая, 1 экз. (рис. 1, 37). Накладки иных форм (2 экз.), декорированные растительным орнаментом и головой медведя, имеются среди находок с Ликинского могильника (X–XIII вв.) лесного Зауралья [Викторова, 2008, рис. 48, б, в]. Многочисленные бляшки и подвески с антропоморфными личинами встречаются на памятниках Южной Сибири VIII–X вв. [Кызласов, Король, 1990, с. 126–129]; г) с широким шнуровидным бордюром, 1 экз. (рис. 1, 39); д) выпуклая с узким шнуровым бордюром и петлей на обороте, 1 экз. (рис. 1, 40); е) с узким шнуровидным кантом и округлым желобком в центре, 1 экз. (рис. 1, 41); ж) с узким зернистым кантом и четырьмя желобками, выходящими из центра накладки, 2 экз. (рис. 1, 43); з) в виде цветка с семью лепестками (лепестки и сердцевина из жемчужин), 1 экз. (рис. 1, 42); и) слегка выпуклая без орнамента, с двумя маленькими отверстиями для крепления по краям (нашивки), 2 экз. (рис. 1, 46); к) выпуклая конусовидная с петлей на обороте, орнамент состоит из круглого пояса

Коллекция наременной гарнитуры рубежа I–II тыс. н.э. из некрополя юдинской культуры

жемчужин по центру изделия, 1 экз. (рис. 1, 47). Аналогии: Омское Прииртышье, усть-ишимская культура [Конилов, 2007, рис. 213, 14, 16, 17]; южно-таежное Прииртышье, сборы Патканова [Гордиенко, 2009, рис. 9]. Подобные конусовидные бляхи-пуговицы с разнообразным орнаментом часто встречаются на территории Западной Сибири на памятниках X–XII вв.

Тип 6 — геральдические, 7 экз. (рис. 1, 45, 48, 49).

Варианты: а) крупная пятиугольная с выступами, по периметру 2 ряда зерни, на гладкой сердцевидной площадке имеются два серповидных углубления, 3 экз. (рис. 1, 45). Аналогии: Верхнее Прикамье, Рождественский могильник, X–XI вв. [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199, 54]; могильники Степаново Плотбище и Огурдинский [Там же, с. 415]; Вычегда, могильник Шойнаты II, XI–XII вв. [Королев, 1997, рис. 46, 18]; чепецкий Омутницкий могильник, IX–XII вв. [Семенов, 1985, рис. 5, 34]; Саркел, IX–X вв. [Артамонов, 1958, рис. 30]; Нижнее Прииртышье, могильник Масарлы II, X–XII вв. [Адамов и др., 2008, рис. 22, 16]; Нижнее Притоболье, городище Черепаниха 2, IX–XI вв. [Чикунова, Якимов, 2012, рис. 5, 2]; Сургутское Приобье, могильник Барсов Городок, X–XI вв. [Арне, 2005, с. 106, рис. 131]; Томское Приобье, Басандайка, курган 1 [Басандайка..., 1947, с. 35, табл. 30, 87, 99] — здесь найдено 10 аналогичных накладок от конской узды; б) с выступами и «рельефным» орнаментом, 2 экз. (рис. 1, 48); в) с выступами, рамочкой вдоль бортика и растительным (?) орнаментом по центру, 2 экз. (рис. 1, 49).

Тип 7 — зооморфные, 17 экз. (рис. 1, 50–54). Маленькие накладки в виде голов птиц (ушастых сов, филинов) или животных. На всех изделиях уши показаны треугольными выступами.

Варианты: а) глаза в виде точек, ромбовидный клюв, по бокам зернь, снизу насечки, 6 экз. (рис. 1, 50). Аналогии: Волжская Булгария [Руденко, 2007, рис. 96, 75]; Верхнее Прикамье, Рождественский могильник, X–XI вв. [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200, 12], могильники Огурдинский и Степаново Плотбище, городище Анюшкар [Там же, с. 420]; б) обозначены длинный нос (т-образная зона) и щелевидные раскосые глаза, крупные миндалевидные раскосые глаза или без глаз, 8 экз. (рис. 1, 51–53). Аналогии: Волжская Булгария [Руденко, 2007, рис. 96, 75; Казавоз, 2007, рис. 56, 66, 67]; Верхнее Прикамье, Рождественский могильник, X–XI вв. [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200, 10]; в) обозначены глаза овальными вдавлениями, расположенными вертикально (по отношению к личине), клюв/нос значительно выступает за основные контуры накладки, 3 экз. (рис. 1, 54).

Накладки с личинами характерны для памятников Пермского Предуралья и р. Чепцы, где они появляются с IX в. н.э. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 419].

Тип 8 — розетковидные, 27 экз. (рис. 1, 56–62).

Подтип 8.1 — в виде цветка, 24 экз. (рис. 1, 56–58, 61).

Варианты: а) с восьмью вытянутыми, плотно прижатыми друг к другу лепестками, 2 экз. (рис. 1, 56). Аналогии: Болгар [Полякова, 1996, рис. 67, 14]; б) с восьмью выпуклыми лепестками-жемчужинами; в центре выпуклая жемчужина, окруженная двумя рядами зерни, 4 экз. (рис. 1, 57). Аналогии: Вычегда, Кичилькосьский могильник, X–XI вв. [Савельева, 1971, табл. 17, 3]; Верхнее Прикамье, Рождественский могильник, X–XI вв. [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200, 25–27]; Пермское Предуралье, Питерский могильник, IX–XI вв. [Данич, 2013, рис. 1, 32]; в) тонкие накладки с пятью лепестками, сгруппированными в форме сердечка, не менее 15 экз. (рис. 1, 58). Аналогии: Южный Урал, Муракаевские курганы X–XI вв. [Мажитов, 1981, рис. 69, 6]; Алтай, Гилево VII, X–XI вв. [Могильников, 2002, рис. 85, 8]; г) в виде цветка с четырьмя округлыми лепестками и сердцевинной, 3 экз. (рис. 1, 61).

Подтип 8.2 — крестовидные, 1 экз. (рис. 1, 62).

Вариант: а) на пяти шпёнках, с приостренными четырьмя ромбовидными лепестками (в виде равностороннего креста), 1 экз. (рис. 1, 62).

Подтип 8.3 — в виде «бантика», 2 экз. (рис. 1, 59, 60), состоят из двух лопастей, отходящих от круглой сердцевинки.

Варианты: а) без орнамента, 1 экз. (рис. 1, 60); б) с прорезной центральной частью, на лопастях продольные перемычки, 1 экз. (рис. 1, 59). Аналогии: Верхнее Прикамье, могильники Рождественский, X–XI вв. [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200, 46] и Огурдинский, XI в. [Там же, с. 423], Питерский могильник, IX–XI вв. [Данич, 2013, рис. 2, 53].

Тип 9 — фигурные, 29 экз. (рис. 1, 55, 63–65).

Подтип 9.1 — пазловидные, 24 экз. (рис. 1, 63, 64). Накладки с выступом на одной боковой грани и выемкой на противоположной: на кожаный ремень крепились встык.

Варианты: а) с углубленным ромбовидным орнаментом по центру и полукруглым по бокам от него, 23 экз. (рис. 1, 64); Аналогии: Петербургская обл., древнерусские памятники, вторая половина X в. [Мурашева, 2000, рис. 79-021]; Волжская Булгария, Измерское селище, X–XI вв. [Казаков, 2007, рис. 56, 82]; Болгар, 1 Семеновское селище, вторая половина X — XI в. [Казаков, 1991, рис. 44, 82, 83]; б) орнамент в виде углубленных полос, заполненных зернью, расположен вдоль длинных сторон накладки, 1 экз. (рис. 1, 63).

Подтип 9.2 — иные, 5 экз. (рис. 1, 55, 65). Накладки сложных форм, не вошедшие в иные типы и подтипы данной классификации.

Варианты: а) шестиугольная выпуклая накладка с ромбовидным отростком-выступом, имеющим круглое отверстие, 1 экз. (рис. 1, 65). Аналоги не найдены. Можно лишь отметить, что разнообразие накладок с отростками характерны для кочевнических культур IX–XI вв. Алтая, Верхнего Прииртышья, где они чаще всего использовались в качестве украшения конской узды [Могильников, 2002, рис. 54, 3, 4; Трифонов, Ермолаева, 1978, рис. 73, 26–29]; б) плоская накладка, состоящая из круга и примыкающего к нему трилистника, 4 экз. (рис. 1, 55).

Концевые накладки

Концевые накладки могильника Вак-Кур также относятся к одной группе — бронзовые, 19 экз. (рис. 2, 1–11, 14–17). Крепились с помощью шпеньков с заклепками, а также с помощью штифтов, загибающихся на обратной стороне. За основу классификации по типам взята форма изделия, по вариантам — орнамент. Выделено пять основных типов наконечников, представленных 15 вариантами.

Тип 1 — накладки с основанием в виде «ласточкиного хвоста» и закругленным кончиком, 6 экз. (рис. 2, 1, 3, 6, 7, 8).

Варианты: а) с растительным орнаментом в виде извивающегося побега, по бортику — мелкая зернь, 1 экз. (рис. 2, 7). Аналогии: марийский могильник Нижняя Стрелка, IX–XI вв. [Никитина, 2002, рис. 25, 26]; б) с геометрическим декором в виде ромбов, 1 экз. (рис. 2, 8). Аналогии: древнерусские памятники, Владимирская обл., Вельсково, вторая половина X в. [Мурашева, 2000, рис. 88, 1Д]; в) подквадратной формы, декорирована у основания двумя завитками, в центре расположена шестиугольная площадка-углубление, 2 экз. (рис. 2, 6). Аналогии: Алтай, Гилево VII, X–XI вв. [Могильников, 2002, рис. 47, 11, 17]; г) крупная накладка с растительным орнаментом, по бортику — мелкая зернь, 1 экз. (рис. 2, 1). Аналогии: Верхнее Прикамье, Рождественский могильник, X–XI вв. [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 201, 48, 49, 51]; Сургутское Приобье, могильник Барсов Городок, X–XI вв. [Арне, 2005, рис. 66]; д) с декором из двух рядов каплевидных фигур с завитком внутри, 1 экз. (рис. 2, 3). Аналогии: Верхнее Прикамье, Рождественский могильник, X–XI вв. [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 201, 56].

Тип 2 — основание наконечника ремня в виде усеченного «ласточкиного хвоста», кончик приострен, 1 экз. (рис. 2, 2). Вдоль длинной оси изделия по центру проходит желобок, заполненный зернью.

Тип 3 — основание накладки прямое, кончик закруглен или приострен, 2 экз. (рис. 2, 14, 17).

Варианты: а) с растительным орнаментом, кончик закруглен, 1 экз. (рис. 2, 14); б) выпуклый наконечник с глубокой выемкой вдоль длинной оси изделия, кончик приострен, 1 экз. (рис. 2, 17).

Тип 4 — основание наконечника с серповидной выемкой, кончик закруглен или приострен, 4 экз. (рис. 2, 4, 5, 15, 16).

Варианты: а) с растительным орнаментом в центре, кончик приострен, 1 экз. (рис. 2, 15); б) без орнамента, кончик закруглен, 1 экз. (рис. 2, 4); в) маленький наконечник ремня без орнамента, кончик закруглен, 1 экз. (рис. 2, 16); г) вдоль длинной оси изделия три ряда округлых вдавлений (мелких по краям и крупных по центру), разделенных тонкими желобками, 1 экз. (рис. 2, 5).

Тип 5 — фигурные наконечники, 6 экз. (рис. 2, 9–11).

Варианты: а) накладка-«рыбка», 4 экз. (рис. 2, 10). Основание в виде «ласточкиного хвоста», кончик закруглен; изделие декорировано растительным орнаментом. Аналогии: Верхнее Прикамье, Рождественский могильник, X–XI вв. [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 201, 65, 66]; б) наконечник с основанием в виде «ласточкиного хвоста» и трехчастным кончиком; расширяется от основания к кончику, 1 экз. (рис. 2, 11); в) наконечник по форме напоминает два соединенных ромба, усеченный торец одного из них является основанием изделия, 1 экз. (рис. 2, 9). Орнамент представлен растительными мотивами. На изделии сохранились следы позолоты.

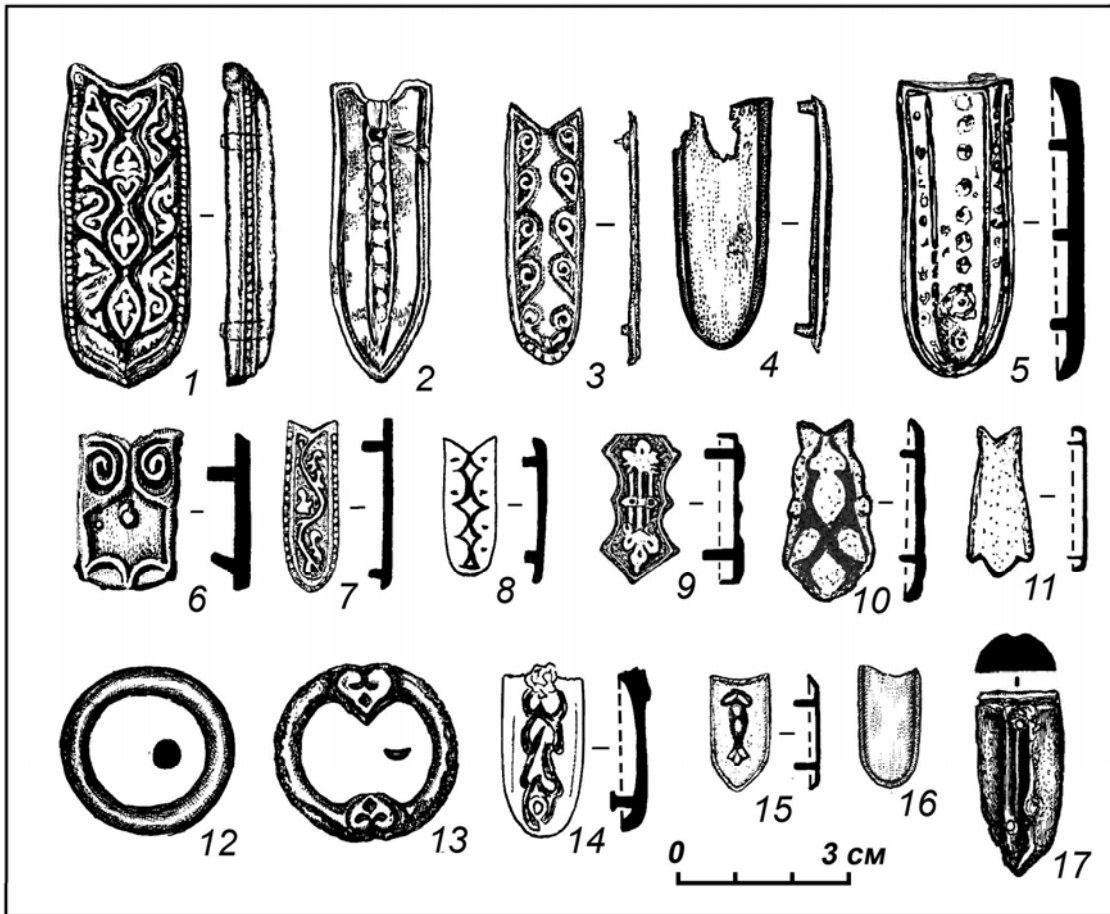

Рис. 2. Могильник Вак-Кур. Бронзовые концевые накладки и соединительные кольца.

Пряжки (24 экз.) могильника Вак-Кур по материалу отнесены к двум группам: бронзовые (21 экз.) и железные (3 экз.). Группы выделены по материалу; отделы — по способу соединения пряжки с ремнем; типы — по форме рамки/щитка; подтипы — по особенностям конструкции рамки/щитка, варианты — по особенностям декора.

Группа I — бронзовые, 21 экз. (рис. 3, 1–17, 21).

Отдел А — щитковые прорезные пряжки, 17 экз. (рис. 3, 1–14). Ремень крепился к пряжке при помощи отверстия, расположенного на щитке. Все пряжки с неподвижным щитком.

Тип 1 — с лировидной рамкой, отверстие для ремня находится либо непосредственно за перемычкой между рамкой и щитком, либо через прямоугольную площадку от перемычки, 13 экз. (рис. 3, 1–10).

Подтип 1.1 — с лировидной волнистой (фестончатой) рамкой и перемычкой, оканчивающейся выступающим носиком; щиток имеет на конце пару выступов-«усиков», 5 экз. (рис. 3, 1–5).

Варианты: а) пряжки различных размеров с четырьмя фестонами на рамке, 2 экз. (рис. 3, 1, 3); б) крупные пряжки с шестью фестонами на рамке, 2 экз. (рис. 3, 2, 4).

Подтип 1.2 — пряжка с шестью фестонами на рамке и перемычкой, оканчивающейся выступающим носиком, щиток завершается прямым срезом, а его длинные стороны декорированы зернью, 1 экз. (рис. 3, 5).

Подтип 1.3 — с лировидной гладкой рамкой и выступающим носиком, щиток имеет на конце пару выступов-«усиков», 2 экз. (рис. 3, 6, 7).

Варианты: а) крупная пряжка с плавным переходом от щитка к рамке; носик декорирован пышным розетковидным выступом, 1 экз. (рис. 3, 6); б) щиток имеет уступы-плечики при переходе к рамке, носик рамки украшен трехлепестковым выступом, 1 экз. (рис. 3, 7).

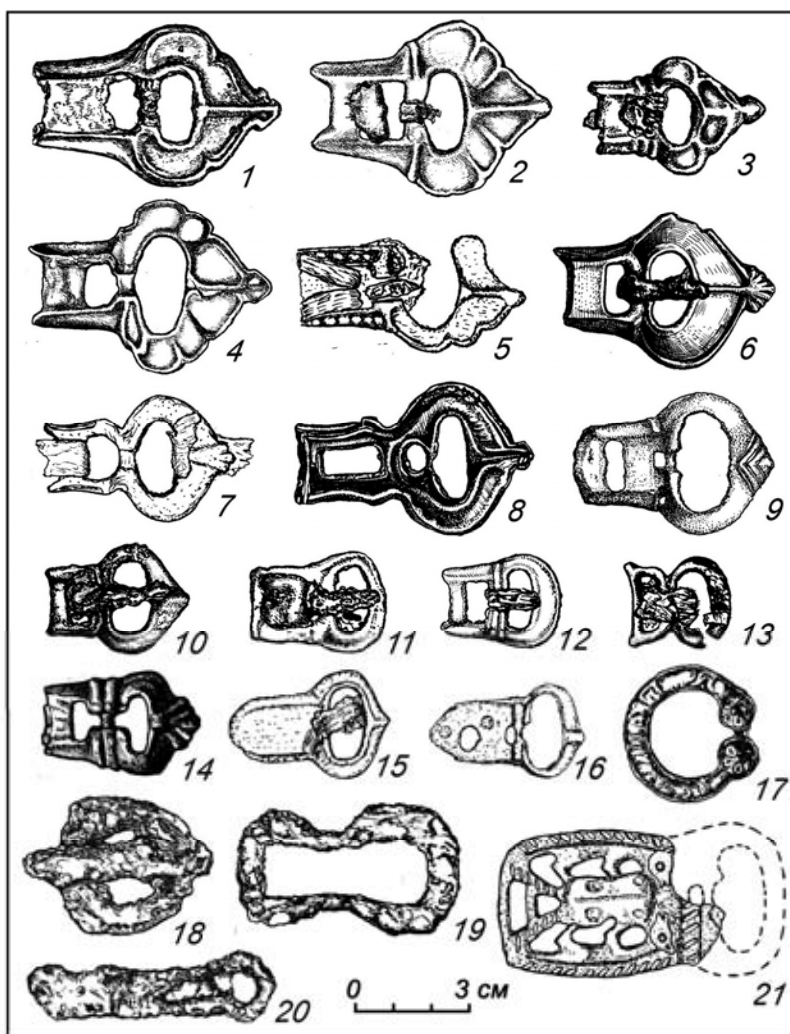

Рис. 3. Могильник Вак-Кур. Пряжки:
1–17, 21 — бронза, 18–20 — железо.

Пряжки типа 1 (с лировидной фестончатой или гладкой рамкой, выступающим носиком и с выступами-«усиками» на щитке) характерны для сrostкинской культуры Верхней Оби. Аналогичные изделия обнаружены в курганных могильниках Ближние Елбаны V, VIII, датированных IX–X вв. [Грязнов, 1956, табл. LIV1, LV18, LVII15]; в погребениях кочевников Алтая IX–XI вв. [Могильников, 2002, рис. 57, 9; 85, 10; 111, 5]. В малом количестве подобные изделия встречаются также в материалах усть-ишимской культуры [Коников, 2007, рис. 199, 1], могильнике Барсов Городок Сургутского Приобья [Арне, 2005, рис. 83, 218], могильниках Юганского Приобья X–XI вв. [Семенова, 2001, табл. 52, 59].

В оформлении нескольких вышеописанных пряжек (подтип 1.2 и подтип 1.3.б) прослеживаются сrostкинские традиции, но, учитывая качество данных изделий, а также некоторые элементы конструкции и декора (прямой срез щитка и жемчужные канты), их следует считать продукцией местных, зауральских мастеров.

Подтип 1.4 — с лировидной гладкой рамкой, щиток оканчивается серповидной выемкой, 3 экз. (рис. 3, 8, 10).

Варианты: а) удлиненный щиток подпрямоугольной формы имеет небольшие выступы в районе перехода к рамке; отверстие для ремня на щитке необычных пропорций: очень узкое и длинное, находится через прямоугольную площадку от отверстия для крепления язычка; носик рамки декорирован перемычкой с выступом, 1 экз. (рис. 3, 8); б) отверстие для ремня на щитке находится сразу за перемычкой для крепления язычка; носик рамки приострен, без выступа, 2 экз. (рис. 3, 10).

Коллекция наременной гарнитуры рубежа I–II тыс. н.э. из некрополя юдинской культуры

Подтип 1.5 — с лировидной гладкой рамкой, носик которой декорирован тремя парами неглубоких желобков, щиток закруглен, 2 экз. (рис. 3, 9). Подобное оформление рамки имеется на пряжке из Ишимбаевских курганов Южного Урала, датированных IX–X вв. [Мажитов, 1981, рис. 46, 11].

Тип 2 — с овальной рамкой; отверстие для ремня находится непосредственно за перемычкой для крепления язычка, 4 экз. (рис. 3, 11–14).

Подтип 2.1 — щиток завершается прямым срезом, 1 экз. (рис. 3, 11).

Подтип 2.2 — щиток имеет на конце пару выступов-«усиков», 2 экз. (рис. 3, 12, 13).

Варианты: а) щиток плавно сливается с рамкой, 1 экз. (рис. 3, 12); б) щиток имеет уступы-плечики при переходе к рамке, 1 экз. (рис. 3, 13).

Подтип 2.3 — щиток оканчивается серповидной выемкой, а носик рамки украшен пышной пятилепестковой розеткой, 1 экз. (рис. 3, 14).

Отдел Б — щитковые непрорезные пряжки, 2 экз. (рис. 3, 15, 16). Щиток в виде плоской пластины с невысокими бортиками, которая крепилась к ремню с помощью штифтов. Щиток закруглен; намечен едва выступающий носик рамки. Все пряжки с неподвижным щитком. Аналогии: в погребениях кочевников Алтая IX–XI вв. [Могильников, 2002, рис. 25, 7, 9; 69, 13; 85, 3; 116, 2; 215, 24]; в сrostкинских курганах Верхней Оби, IX–X вв. [Грязнов, 1956, табл. LVII, 14]; единичные экземпляры встречены также в могильниках Юганского Приобья X–XI вв. [Семенова, 2001, табл. 52, тип 7].

Отдел В — щитковые «ажурные» пряжки, 1 экз. (рис. 3, 21). Щиток неподвижный, в виде подпрямоугольной пластины со скругленными углами, декорирован зооморфными изображениями, выполнен в высоком рельефе. Пряжка нашивалась на ремень (для этих целей служили отверстия на щитке — пустоты между элементами изображений). Сохранилась не полностью, рамка приемника отсутствует (графическая реконструкция недостающего фрагмента сделана с опорой на аналогии). Щиток декорирован головой медведя (в проекции сверху) в окружении двух пушных зверьков. От головы хищника отходят два ложновитых канта (таким же оформлен и контур щитка), соединяющихся с торцевой частью щитка. Между собой канты соединены поперечной планкой. Подобные пряжки с изображениями птиц и животных (цельнолитых или с подвижным приемником) встречаются в X–XII вв. на территории Западной Сибири и Верхнего Прикамья. Идентичная вышеописанной пряжка выявлена среди культовых атрибутов хантов в Шурышкарском районе ЯНАО [Бауло, 2011, с. 212, № 330].

Отдел Г — рамчатые пряжки. К этому отделу отнесена пряжка-фибула, 1 экз. (рис. 3, 17). Подковообразная, с сомкнутыми концами (головками) — объемными полусферическими выступами, декорированными в виде цветков. Поверхность рамки имеет нечеткие следы орнамента. Подобные изделия характерны для финно-угорских племен, у которых они использовались в качестве застежки на одежде. Подковообразные фибулы с головками в виде цветка имеются в материалах корелы X–XII вв. [Кочуркина, 1986, с. 24, рис. 3] и могильника Усть-Пуя [Рябинин, 1997, рис. 35, 17].

Группа II — железные, 3 экз. (рис. 3, 18–20).

Отдел А — рамчатые, 2 экз. (рис. 3, 18, 19). Вероятнее всего, пряжки данного отдела использовались для соединения ремней в конской упряжи.

Тип 1. Округлая (сегментовидная) пряжка, 1 экз. (рис. 3, 18).

Тип 2. Прямоугольная пряжка, сдавленная с длинных сторон (восьмерковидная), 1 экз. (рис. 3, 19). Аналогии: Южный Урал, Мрясимовские курганы [Мажитов, 1977, с. 199, рис. 336, 338]; Средняя Вычегда, Кичилькосьский могильник, X–XI вв. [Савельева, 1971, табл. 17, 17]; кочевники Восточной Европы, X–XIII вв. [Степи Евразии..., 1981, рис. 90, 35, 37]; древнерусские памятники, вторая половина X — XI в. [Малевская, 1965, рис. 33, 11]; Западное и Центральное Закамье, XI–XIII вв. [Руденко, 2001, табл. III, рис. 16].

Отдел Б — щитковые, 1 экз. (рис. 3, 20). Круглая рамка малого диаметра с длинным узким прямоугольным щитком. Сохранился железный язычок.

Соединительные кольца

В состав поясных наборов также могли входить бронзовые соединительные кольца, 4 экз. (рис. 2, 12, 13), служившие для соединения частей ремня или в качестве распределителя. Три кольца без орнамента (два — сегментовидные в сечении, одно — округлое) и одно кольцо (сегментовидное в сечении), декорированное двумя сердцевидными фигурами, расположенными друг напротив друга (рис. 2, 13). Традиция использования колец для соединения частей ремня характерна для балтских поясов, реже данная деталь встречается при оформлении финно-угорских и древнерусских поясов [Мурашева, 2000, с. 74, 75].

Выводы

Анализ данного массива находок показал, что значительная часть наременной гарнитуры, несомненно, импортная, а часть изготовлена по привозным образцам (что достаточно ярко фиксируется на примере поясных пряжек — подтип 1.2 и подтип 1.3.б). Большинство аналогов наременной гарнитуры могильника Вак-Кур (кроме пряжек) встречено на территории Прикамья, а также в древностях Волжской Булгарии X–XI вв. Из 49 вариантов накладок, представленных в коллекции могильника Вак-Кур, около 30 (значительное их число относится к типу сердцевидных и круглых) известно в материалах памятников родановской культуры Верхнего Прикамья X–XI вв.; вымских могильников X–XI вв.; в древностях Волжской Булгарии, которая в тот период являлась крупнейшим центром производства восточно-европейской наременной гарнитуры [Мурашева, 2000, с. 92]. Большинство аналогов концевым накладкам могильника Вак-Кур также выявлено в Верхнем Прикамье; реже они отмечаются на древнерусских памятниках, на памятниках X–XI вв. Марийского Поволжья, Сургутского Приобья и Алтая. О западном направлении связей свидетельствует и наличие в коллекции могильника Вак-Кур соединительных колец.

Подавляющее количество пряжек представлено изделиями, характерными для памятников Верхнего Приобья и Южной Сибири (подобные изделия часто встречаются в сrostкинских могильниках, кимакских погребениях Верхнего Прииртышья IX — начала XI в., изредка — в курганах Южного Приуралья IX–X вв. и в Поволжье).

Большой популярностью у юдинского населения пользовались накладки типа 5 — сердцевидные (146 шт., 51 % от общего количества накладок), представленные 13 вариантами, а также бронзовые пряжки так называемого сrostкинского типа. Сочетание в наборных поясах могильника Вак-Кур накладок приуральского происхождения с пряжками кочевников лесостепи позволяет говорить, что пояса монтировались на месте, а не попадали к юдинцам в готовом виде.

Вряд ли появление значительного количества приуральской поясной фурнитуры в материалах могильника Вак-Кур следует трактовать лишь как результат торгово-обменных контактов. Скорее всего, своеобразная мода сформировалась в связи с переселением отдельных групп населения из Приуралья. Это подтверждается данными анализа других категорий инвентаря могильника Вак-Кур и, в частности, керамической коллекции [Турова, 2011], в которой имеется группа сосудов с преобладанием в декоре шнуровых оттисков при отсутствии практически обязательного для керамики средневековых западно-сибирских культур пояса ямок вдоль венчика (что как раз характерно для средневековых культур Приуралья и петрогромской культуры горно-лесного Зауралья). В пользу этого предположения, по нашему мнению, также свидетельствует использование юдинским населением погребальных лицевых покрытий [Турова, 2005].

Связи с кочевниками Верхнего Прииртышья (а возможно, и Верхнего Приобья), от которых к юдинцам попадали не только пряжки сrostкинского типа, но и ажурные подвески и застёжки, скорее всего, носили торгово-обменный характер, так как следов присутствия тюркского населения ни в археологически фиксируемых элементах погребального обряда, ни в керамическом комплексе некрополя нет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Буслова М.А. Отчет об исследованиях Ботниковского 2 поселения в Исетском районе Тюменской области и многослойного памятника (поселение Вак-Кур I и грунтовый могильник Вак-Кур) в Яркковском районе Тюменской области, в 1990 г. Тюмень, 1991 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 15508.

Степанова Г.А. Отчет об исследованиях памятника Арантур 27 в Советском районе Тюменской области, проведенных летом 1993 года. Екатеринбург, 1994 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 18204.

Литература

Адамов А.А. Исследования на грунтовом могильнике Вак-Кур в Притоболье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. IX. Ч. I. 2003. С. 248–250.

Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск: Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.

Адамов А.А., Турова Н.П. Новые данные по погребальному обряду населения юдинской культуры (по материалам могильника Вак-Кур) // Ежегодн. Тобольского музея-заповедника. Тюмень, 2006. № 3–4 (32–33). С. 176–178.

Арне Т.И. Барсов Городок: Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург; Сургут: Урал. рабочий, 2005. 184 с.

Артамонов М.И. Саркел — Белая Вежа // МИА. 1958. № 62. 426 с.

Коллекция наременной гарнитуры рубежа I–II тыс. н.э. из некрополя юдинской культуры

- Басандайка*: Сб. материалов и исследований по археологии Томской области / К.Э. Гриневич, Г.В. Трухин, А.П. Дульзон и др. Томск: Изд-во ТГУ, 1947. (Тр. ТГУ им. В.В. Куйбышева; Т. 98). 219 с.
- Бауло А.В.* Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 260 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афула: Археологический комплекс у с. Рождественск / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2008. 603 с.
- Викторова В.Д.* Древние Угры в лесах Урала: (Страницы ранней истории манси). Екатеринбург: Квадрат, 2008. 208 с.
- Голдина Р.Д., Ютина Т.К.* Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.) // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск, 1987. С. 39–61.
- Гордиенко А.В.* Археологические исследования С.К. Патканова в Тобольском округе Тобольской губернии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск, 2009. Вып. 7. С. 80–105.
- Грязнов М.П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48. 163 с., ил.
- Данич А.В.* Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника // Поволжская археология. 2013. № 1 (3). С. 181–196.
- Зах В.А., Кочегов Е.И.* О некоторых южных элементах в средневековой культуре Нижнего Притоболья (по материалам памятников у д. Юртобор) // Сибирские татары: Материалы I Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск, 1998. С. 20–21.
- Зах В.А., Чукунова И.Ю.* Средневековый могильник Вак-Кур (по материалам 1986, 1987 гг.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 1 (12). С. 107–118.
- Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII вв. низовой Камы. Казань, 1991. 176 с.
- Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны: Проблемы взаимодействия. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. 208 с.
- Каменский С.Ю., Жирных Е.А.* Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2006. Вып. 3. С. 168–178.
- Конигов Б.А.* Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск: Наука, 2007. 466 с.
- Королев К.С.* Население средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 194 с.
- Кочкуркина С.И.* Корела и Русь. Л.: Наука, 1986. 143 с.
- Кутаков Ю.М., Старков А.В.* Пылаевский грунтовый могильник: (Предварительная публикация) // Охраняемые археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 130–147.
- Кызласов Л.Р., Король Г.Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Наука, 1990. 216 с.
- Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 163 с.
- Малевская М.В.* О датировке нижнего горизонта Новогрудка // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 85–92.
- Могильников В.А.* Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 45–46.
- Могильников В.А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.:
- Мурашова В.В.* Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 136 с.
- Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.
- Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 154–268.
- Руденко К.А.* Волжская Булгария в XI — начале XIII в.: Поселения и материальная культура. Казань: Школа, 2007. 244 с.
- Руденко К.А.* Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье: Исследование и каталог. Казань: Заман, 2001. 256 с.
- Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 260 с.
- Савельева Э.А.* Пермь вычегдская. М., 1971. 222 с.
- Семенов В.А.* Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов: УдмНИИ, 1985. С. 92–118.
- Семенова В.И.* Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.
- Соловьев А.И.* Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: От каменного века до средневековья. Новосибирск: ИнфоЛито-пресс, 2003. 224 с.
- Степанова Г.А.* Погребение с бронзовой чашей из могильника Арантур 27 (Тюменская область). Препр. Ижевск, 2008. 23 с.
- Степи Евразии* в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 305 с.

Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: Каталог. Екатеринбург; Сургут: Маре-лан, 2011. 152 с.

Терехова Л.М. Рачевский археологический комплекс // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: УрГУ, 1986. С. 114–123.

Трифонов Ю.И., Ермолаева А.С. Измайловка // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 135–141.

Турова Н.П. Погребальные лицевые покрытия могильника Вак-Кур // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск, 2005. С. 215–217.

Турова Н.П. Особенности погребально-поминальной обрядности могильника юдинской культуры Вак-Кур // Диалог культур и цивилизаций: Материалы X Всерос. науч. конф. молодых историков. Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2009. С. 24.

Турова Н.П. Преднамеренная порча погребального инвентаря в среде юдинского населения // Тобольск научный — 2010: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Тобольск, Россия, 12–13 ноября 2010 г.). Тобольск: Полиграфист, 2010. С. 123–125.

Турова Н.П. Об одном из возможных компонентов в составе юдинской культуры лесного Зауралья // Тобольск научный — 2011: Материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск: Полиграфист, 2011. С. 236–238.

Турова Н.П. Проблемы интерпретации нарушенных захоронений юдинского могильника Вак-Кур // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): В 3 ч. Ч. II. С. 191–193.

Чикунова И.Ю., Якимов А.С. Городище Черепаниха 2: К вопросу об определении статуса // УИВ. Екатеринбург, 2012. № 4 (37). С. 31–41.

N.P. Turova

Tobolsk complex scientific station of Ural branch RAS.
Yuri Osipov st., 15, Tobolsk, 626152, Russia
E-mail: turova2707@yandex.ru

A COLLECTION OF BELT ACCESSORIES DATED BACK TO THE I–II THOUSAND A.D. FOUND AT A NECROPOLIS OF YUDINSKY TRIBE CULTURE

The article introduces into scientific use an impressive collection of metal belt plates, buckles, connector rings, obtained during an archaeological research carried out at the Vak-Kur burial ground (Tyumen region, the right Bank of the Tobol river). The presence of a cord ornament in the ceramic collection lets us attribute the artifact to medieval Yudinsky tribe culture, which the researchers associate with ethnogenesis of Mansi. Construction of the Necropolis is dated back to the X–XIII centuries AD. The collection presents 333 articles: 286 belt plates, 19 belt end plates, 24 buckles and 4 connecting rings. The articles are examined as a single complex with no taking into account their functionality. The material is systematized, the analogies are identified, the main directions and the nature of relations between the Yudinsky tribe and people from different regions of Eurasia at the boundary of the I–II millennia AD are determined. The majority of analogies of the accessories found at Vak-Kur burial (except for the buckles) is discovered on the territory of Prikamye, as well as among the antiquities of Volga Bulgaria. The great number of the buckles represents the products typical of the artifacts found in the Upper Ob region and in Southern Siberia (such items are often found in Srostkinskiy cemeteries, Kimakskiy burials of the Upper Irtysh region of the IX — early XI centuries). A characteristic feature is that the artifacts (belts, bridles, sword belts) combine plates of the Uralic origin and the buckles of the steppe nomads: this fact suggests them to be mounted right in the place but not been brought to Yudinsky people. A conclusion is made in the article that the major part of the accessories was imported, and the other part was manufactured according to the imported samples: this fact is clearly evidenced from the found buckles. Another conclusion is made that emergence of a large number of accessories of Uralic origin among the materials found at the Vak-Kur burial grounds is connected not only to trade and exchange relations, but also is related to certain resettlements of tribes from the Urals to other regions. The nature of their relations with the steppe nomads of the Upper Irtysh region (and possibly of the Upper Ob region) due to which the Yudinsky population got not only buckles of the Srostkinskiy type, but also other accessories, was likely to be of trade-exchange character, as the traces of Turkic population are not found either in archaeologically recorded elements of the burial ritual or in the ceramic complex of the necropolis.

Key words: Western Siberia, Lower Tobol Area, the Middle Ages, Yudinsky culture, burial ground Vak-Kur, typology, belt accessories, linings, buckles, fastening ring.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-063-076

REFERENCES

- Adamov A.A., 2003. Issledovaniia na gruntovom mogil'nike Vak-Kur v Pritobol'e [Researches concerning Vak-Kur burial ground in the Tobol river region]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, vol. IX, Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 248–250.
- Adamov A.A., Baliunov I.V., Danilov P.G., 2008. *Gorod Tobol'sk: Arkheologicheskii ocherk* [Tobolsk city: Archaeological Essay], Tobol'sk, 114 p.
- Adamov A.A., Turova N.P., 2006. Novye dannye po pogrebal'nomu obriadu naseleniia iudinskoi kul'tury (po materialam mogil'nika Vak-Kur) [New data on burial rites of the Yudinsky tribe culture (a case study of Vak-Kur burial grounds)]. *Ezhegodnik Tobol'skogo muzeia-zapovednika*, no. 3–4 (32–33), Tobol'sk, pp. 176–178.
- Arne T.J., 2005. *Barsof Gorodok: Zapadnosibirskii mogil'nik zheleznogo veka* [Barsoff Gorodok: A West Siberian burial ground of the Iron Age], Ekaterinburg; Surgut: Ural'skii rabochii, 184 p.
- Artamonov M.I., 1958. Sarkel — Belaia Vezha [Sarkel — Belaya Vezha]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, no. 62, 426 p.
- Baulo A.V. *Drevniia bronza iz etnograficheskikh kompleksov i sluchainykh sborov* [Ancient bronze from ethnographic complexes and random gatherings], Novosibirsk: IAET SO RAN, 2011, 260 p.
- Belavin A.M., Krylasova N.B., 2008. *Drevniia Afkula: Arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk* [Ancient Afkula: Archaeological site near the village of Rozhdestvensk], Perm', 603 p.
- Chikunova I.I., Iakimov A.S., 2012. Gorodishche Cherepanikha 2: K voprosu ob opredelenii statusa [Settlement Cherepanikha 2: Attribution of status]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 4 (37), Ekaterinburg, pp. 31–41.
- Danich A.V., 2013. Poiasnye nakladki Piterskogo (Stepanovo Plotbishche) mogil'nika [Belt plates of the Pitersky (Stepanovo Plotbische) burial ground]. *Povolzhskaiia arkheologiia*, no. 1 (3), pp. 181–196.
- Goldina R.D., Iutina T.K., 1987. Khronologiia pogrebal'nykh kompleksov Agafonovskogo II mogil'nika (IX–XII vv.) [The chronology of the burial complexes of the burial ground Agafonovskiy II (dated back to the IX–XII centuries)]. *Pogrebal'nye pamiatniki Prikam'ia*, Izhevsk, pp. 39–61.
- Gordienko A.V., 2009. Arkheologicheskie issledovaniia S.K. Patkanova v Tobol'skom okruge Tobol'skoi gubernii [Archaeological researches carried out by S.K. Patkanov in Tobolsk district of Tobolsk province]. *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*, 7, Tomsk; Khanty-Mansiisk, pp. 80–105.
- Griaznov M.P., 1956. Istoriia drevnikh plemen Verkhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaia Rechka [The history of the ancient tribes of the Upper Ob Area according to the results of an archaeological site near the village of Bolshaya Rechka]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, no. 48, 163 p.
- Grinevich K.E., Truhin G.V., Dul'zon A.P. et al., 1947. *Basandayka* [Basandayka]: Sbornik materialov issledovaniy po arheologii Tomskoy oblasti. Trudy TGU im. V.V. Kujbysheva, vol. 98, Tomsk, Izdatelstvo TGPU, 1947, 219 p.
- Kazakov E.P., 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vv. nizovii Kamy* [Bulgarian village of the X–XIII centuries in the Lower Kama River Area], Kazan', 176 p.
- Kazakov E.P., 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny: Problemy vzaimodeistviia* [The Volga Bulgarians, Magyars, and Finns: Problems of interaction], Kazan': Institut istorii AN RT, 208 p.
- Kamenskii S.Iu., Zhirnykh E.A., 2006. Raskopki gorodishcha Evra 25 i razvedka v Kondinskom raione KhMAO [Excavations of the Evra 25 town and explorations in Kondinskiy district of the Khanty-Mansi Autonomous Region]. *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*, 3, Tomsk; Khanty-Mansiisk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 168–178.
- Kochkurkina S.I., 1986. *Korela i Rus'* [Korela and Rus], Leningrad: Nauka, 143 p.
- Konikov B.A., 2007. *Omskoe Priirtysh'e v rannem i razvitom srednevekov'e* [Omsk Irtysh region in the Early and Middle Ages], Omsk: Nauka, 466 p.
- Korolev K.S. *Naselenis srednei Vychehdy v drevnosti i srednevekov'e* [The population of the middle Vychehda in the Antiquity and in the Middle Ages], Ekaterinburg: UrO RAN, 1997. 194 s.
- Kutakov Iu.M., Starkov A.V., 1997. Pylaevskii gruntovyi mogil'nik: (Predvaritel'naia publikatsiia) [The burial ground Pylaevsky: (Preliminary publication)]. *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniia na Srednem Urale*, 1, Ekaterinburg, pp. 130–147.
- Kyzlasov L.R., Korol' G.G., 1990. *Dekorativnoe iskusstvo srednevekovykh khakasov kak istoricheskii istochnik* [Decorative art of medieval Khakass as a historical source], Moscow: Nauka, 216 p.
- Malevskaia M.V., 1965. O datirovke nizhnego gorizonta Novogradka [About the Dating of the Novogradok lower horizon]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 104, pp. 85–92.
- Mazhitov N.A., 1981. *Kurgany iuzhnogo Urala VIII–XII vv.* [South Ural burial grounds of the VIII–XII centuries], Moscow: Nauka, 163 p.
- Mogil'nikov V.A., 1981. Srostkinskaia kul'tura [Srostkinsky culture]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia*, Moscow: Nauka, pp. 45–46.
- Mogil'nikov V.A., 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaia v IX–XI vekakh* [Nomads of the North-Western piedmonts of Altai in the IX–XI centuries], Moscow: Nauka, 362 p.
- Murasheva V.V., 2000. *Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniia (X–XIII vv.)* [Ancient Russian belt inlaid accessories (X–XIII centuries)], Moscow: Editorial URSS, 136 p.

- Nikitina T.B., 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam)* [Mari in the Middle Ages (according to archaeological materials)], Ioshkar-Ola: MarNII, 432 p.
- Pletneva S.A., 1981, (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia* [Eurasian steppes in the Middle Age], Moscow: Nauka, 305 p.
- Poliakova G.F., 1996. Izdeliia iz tsvetnykh i dragotsennykh metallov [Articles made of non-ferrous and precious metals]. *Gorod Bolgar: Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov*, Kazan', pp. 154–268.
- Riabinin E.A., 1997. *Finno-ugorskie plemena v sostave Drevnei Rusi: K istorii slaviano-finskikh etnokul'turnykh svyazei: Istoriko-arkheologicheskie ocherki* [Finno-Ugric tribes in the Ancient Rus: The history of Slavonic-Finnish ethnic and cultural ties: Historical and archaeological essays], St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 260 p.
- Rudenko K.A., 2007. *Volzhskaya Bulgariia v XI — nachale XIII v.: Poseleniia i material'naia kul'tura* [Volga Bulgaria in the XI — beginning of XIII centuries: Settlements and material culture], Kazan': Shkola, 244 p.
- Rudenko K.A., 2001. *Tiurkskii mir i Volgo-Kam'e v XI–XIV vv.: Izdeliia askizskogo kruga v Srednem Povolzh'e* [Turkic world and the Volga-Kama region in the XI–XIV centuries: The articles of the Askizskiy circle in the Middle Volga region], Kazan': Zaman, 256 p.
- Savel'eva E.A., 1971. *Perm' vychegodskaya* [Perm and the Vychegda River], Moscow, 222 p.
- Semenov V.A., 1985. Omutnitskii mogil'nik [The burial ground Omutnitsky]. *Materialy srednevekovykh pamiatnikov Udmurtii*, Ustinov: UdmNIIS, pp. 92–118.
- Semenova V.I., 2001. *Srednevekovye mogil'niki Iuganskogo Priob'ia* [Medieval burial grounds of the Yugansk Ob], Novosibirsk: Nauka, 296 p.
- Solov'ev A.I., 2003. *Oruzhie i dospekhi: Sibirskoe vooruzhenie: Ot kamennogo veka do srednevekov'ia* [Weapons and armors: Siberian arms: From the Stone Age to the Middle Ages], Novosibirsk: Infolio-press, 224 p.
- Stepanova G.A., 2008. *Pogrebenie s bronzovoi chashei iz mogil'nika Arantur 27 (Tyumenskaya oblast')* [A burial with a bronze bowl found at the burial ground of Arantur 27 (Tyumen region)], Izhevsk, 23 p.
- Terekhova L.M., 1986. Rachevskii arkheologicheskii kompleks [Archaeological complex Rachevsky]. *Problemy uralo-sibirskoi arkheologii*, Sverdlovsk: Ural'skii gosudarstvennyi universitet, pp. 114–123.
- Trifonov Iu.I., Ermolaeva A.S., 1987. Izmailovka [Izmaylovka]. *Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopeniia Shul'binskoi GES*, Alma-Ata: Nauka, pp. 135–141.
- Turova N.P., 2005. Pogrebal'nye litsevye pokrytiia mogil'nika Vak-Kur [Funeral masks from the Vak-Kur burial]. *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiia drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: Materialy XIII Zapadno-Sibirskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii*, Tomsk, pp. 215–217.
- Turova N.P., 2009. Osobennosti pogrebal'no-pominal'noi obriadnosti mogil'nika Iudinskoi kul'tury Vak-Kur [Specific features of the funeral and memorial rites at the burial of Yudinsky culture]. *Dialog kul'tur i tsivilizatsii: Materialy X Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii molodykh istorikov*, Tobol'sk: TGPI im. D.I. Mendeleeva, p. 24.
- Turova N.P., 2010. Prednamerennaya porcha pogrebal'nogo inventaria v srede Iudinskogo naseleniia [Intentional damage of the funeral inventory among the Yudinsky culture population]. *Tobol'sk nauchnyi — 2010: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Tobol'sk: Poligrafist, pp. 123–125.
- Turova N.P., 2011. Ob odnom iz vozmozhnykh komponentov v sostave Iudinskoi kul'tury lesnogo Zaural'ia [About one of possible components of Yudinsky culture of the Trans-Urals forest]. *Tobol'sk nauchnyi — 2011: Materialy VIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Tobol'sk: Poligrafist, pp. 236–238.
- Turova N.P., 2011. Problemy interpretatsii naruchennykh zakhoronenii Iudinskogo mogil'nika Vak-Kur [Problems of interpretation of disturbed graves of the burial 'Vak-Cours']. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i Iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*, no. 10 (60), part II, Tambov: Gramota, pp. 191–193.
- Viktorova V.D., 2008. *Drevnie Ugry v lesakh Urala: (Stranitsy rannei istorii mansi)* [Ancient Ugrics in the forests of Ural: (Pages of Mansi early history)], Ekaterinburg: Kvadrat, 208 p.
- Zakh V.A., Chikunova I.Iu., 2010. Srednevekovyi mogil'nik Vak-Kur (po materialam 1986, 1987 gg.) [The medieval burial ground of Vak-Kur (on the materials of 1986, 1987 researches)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 1 (12), pp. 107–118.
- Zakh V.A., Kochegov E.I., 1998. O nekotorykh Iuzhnykh elementakh v srednevekovoi kul'ture Nizhnego Priobol'ia (po materialam pamiatnikov u d. Iurtobor) [On some southern elements in the medieval culture of the Lower Tobol (on the example of materials of the monuments near Yurtobor village)]. *Sibirskie tatars: Materialy Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri»*, Omsk, pp. 20–21.

С.Ф. Татауров, Ф.С. Татауров

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
просп. Маркса, 15, Омск, 644010
E-mail: tatsf2008@rambler.ru;
fil_opossum@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ С ИСКЕРА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПАМЯТНИК

Искер — столица Сибирского ханства в начальный период русского завоевания Западной Сибири (1582–1584 гг.). После основания в 1587 г. Тобольска Искер был заброшен. В XVIII–XX вв. на его территории проводились многочисленные любительские раскопки, что, наряду с природным фактором (размытие р. Иртышом участка коренной террасы, на котором расположено городище), привело к сильному разрушению памятника. Профессиональные археологические изыскания были проведены лишь в конце XX в., однако они не дали какого-либо значимого результата. Все ранее собранные коллекции к началу XXI в. оказались частично утрачены. До сих пор окончательно не определено значение и статус города в Сибирском ханстве. В связи с этим возникла необходимость в углубленном изучении имеющихся материалов для понимания специфики этого комплекса и его места в ряду с другими археологическими памятниками этого времени. В данной статье подробно изложены результаты анализа двух коллекций археологических артефактов, собранных в Искере Н.И. Бутаковым в 1896 г. и А.Ф. Палашенковым в 1938 г. и хранящихся в Омском государственном историко-краеведческом музее. Были подробно проанализированы следующие группы предметов: керамика как главный маркер принадлежности населения Искера к тюрко-татарскому обществу Сибири XVI в.; боевые и метательные ножи; металлургические и костяные наконечники стрел и накладки на лук; фрагменты бронзовых удил; замки и ручки сундуков; украшения; предметы импорта. В целом предметный комплекс мало отличается по набору от таковых на татарских памятниках этого периода. По археологическому материалу можно зафиксировать, что жители городища обладали достаточно высоким социальным статусом, об этом свидетельствуют как виды предметов (фарфоровая посуда, бронзовые зеркала, перстни и т.п.), так и высокая технология их изготовления. Однако это не дает основания полагать, что город был постоянной столицей Сибирского ханства. Возможно, он служил лишь одной из временных ставок хана. Данное исследование показывает неоднозначность трактовки роли Искера в Сибирском ханстве, а следовательно, является значимым в плане изучения средневековой тюрко-татарской государственности.

Ключевые слова: Сибирское ханство, Искер, археология, история изучения, предметы вооружения и быта, статусные вещи.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-077-085

Искер как столица последнего в Западной Сибири средневекового тюрко-татарского государства — Сибирского ханства, несмотря на огромное количество посвященных ему научных трудов, остается одним из самых загадочных археологических памятников. Проводятся конференции, например Всероссийская научно-практическая конференция «Историческая судьба Искера» в 2013 г. в Тобольске, публикуются сборники статей, в которых ученые пытаются определить статус Искера, воссоздать его облик, показать значимость его взятия для отряда Ермака и всего Российского государства [Искер..., 2010]. Такая ситуация сложилась во многом из-за того, что этот археологический комплекс оказался сильно разрушен р. Иртышом и уничтожен в результате многочисленных раскопок археологов-любителей — М.С. Знаменского, В.Н. Пигнатти и мн. др. В ходе этих работ научная документация не велась, коллекции составлялись без учета их месторасположения в культурном слое и т.д. В XVIII–XIX вв. было «модно» посещать древнюю столицу, и любой интересующийся историей гражданин мог забрать себе на память несколько артефактов. Достаточно большой вред нанесли и «бугровщики» в XVIII в. Только в конце XX в. Искер стали исследовать специалисты-археологи (А.А. Адамов, А.П. Зыков и др.), но многое уже оказалось утраченным безвозвратно.

Не менее сложна и судьба собранных на этом комплексе коллекций — они оказались рассеяны по многим музеям Российской Федерации и даже других стран, например Финляндии, где хранятся находки М.С. Знаменского. Не стал исключением в этом плане и Омский историко-краеведческий

музей, в котором находятся две коллекции сборов с Искера: в 1896 г. материалы были переданы И.Н. Бутаковым, а в 1938 г. — А.Ф. Палашенковым. Всего коллекции в данный момент насчитывают 24 и 76 предметов соответственно. В 1981 г. наконечники стрел были частично опубликованы [Конилов, Худяков, 1981], но остальные материалы неизвестны в научных кругах.

Целью настоящей работы являются ввод в научный оборот хранящихся в музее материалов по Искеру, анализ на их основе других опубликованных материалов этого комплекса, определение специфики деятельности жителей этой столицы.

Естественно, следует учитывать субъективность формирования коллекций. Уже при первом осмотре очевидно, что вещи были отобраны по определенному принципу. Например, в коллекциях нет ни одного украшения, хотя, судя по публикациям материалов раскопок Искера, эти предметы достаточно многочисленны и разнообразны; возможно, авторы по каким-то причинам сдали эти вещи в другой музей. Нам неизвестно место на памятнике и глубина в культурном слое, на которых были собраны эти вещи. Но при всех этих неизвестных обе коллекции представляют собой достаточно компактные по времени их бытования и единые по традициям изготовления и оформления наборы артефактов.

Практически все предметы можно датировать XV–XVI вв. и отнести к тюркоязычному населению сибирских государственных образований этого времени.

Основанием для такого вывода в первую очередь является керамика (рис. 1). Несмотря на ее малочисленность (на рисунке представлены все три фрагмента), она по своим технологическим характеристикам и орнаментации идентична керамике из раскопок Чимги-Туры (Тюмени), Тунуского городка, Тон-Туры (Воскресенского городища) и Басандайского городища [Матвеев, Татауров, 2013, с. 212–217]. Причем керамика Искера выразительна в том плане, что на всех трех фрагментах мы видим не сплошное монотонное заполнение поверхности сосудов, а определенные орнаментальные композиции. То же можем сказать и об орнаментах: гребенчатые и треугольные штампы являлись основными инструментами при украшении посуды обитателями поселений, которые мы относим к исследуемому времени — XV–XVI вв. и связываем с сибирскими татарами.

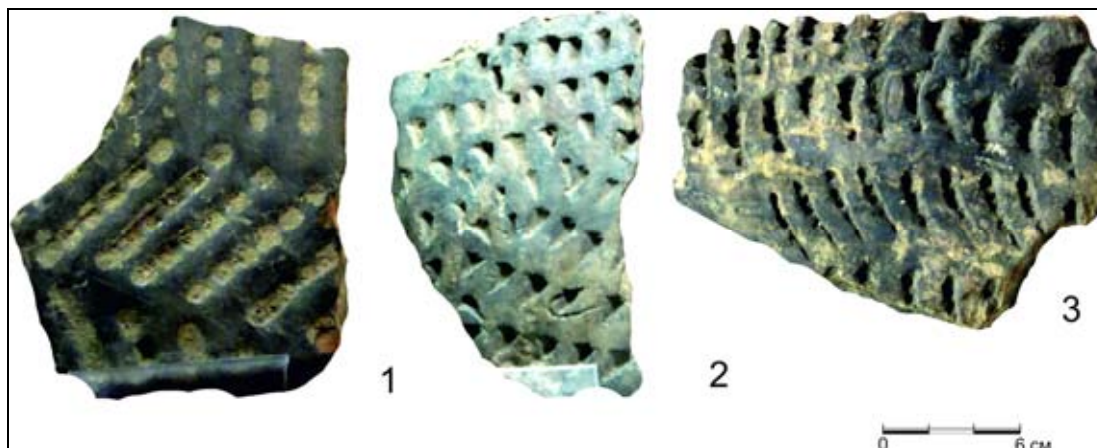

Рис. 1. Искер. Керамика. Коллекция А.Ф. Палашенкова.

Достаточно представительны в коллекциях ножи (рис. 2). Условно их можно разделить на три группы. К первой относятся ножи с массивным треугольным лезвием и прямым обухом (рис. 2, 1, 2). Подобные ножи найдены в погребениях в комплексе с другим вооружением на памятниках этого времени в Тарском Прииртышье, что позволяет относить их к боевым ножам [Татауров, Тихонов, 1996]. Ножи второй группы (рис. 2, 3, 4) необычны по форме: длинные (более 20 см), узкие (не более 2,3 см) и тонкие (около 2 мм) лезвия со скругленным или треугольным окончанием и двухсторонней заточкой. Такие ножи весьма удобны в рукопашных поединках против доспешных противников. Изделия третьей группы (рис. 2, 5, 6) представляют собой метательные ножи. Основанием для такого вывода служит их особая форма: рукоятка с одной стороны слабо обозначена кольцом, а с другой плавно переходит в лезвие, которое имеет заточку только в районе острия; таким образом, по всем показателям эту группу ножей можно отнести к метательным [Силлов, 2010].

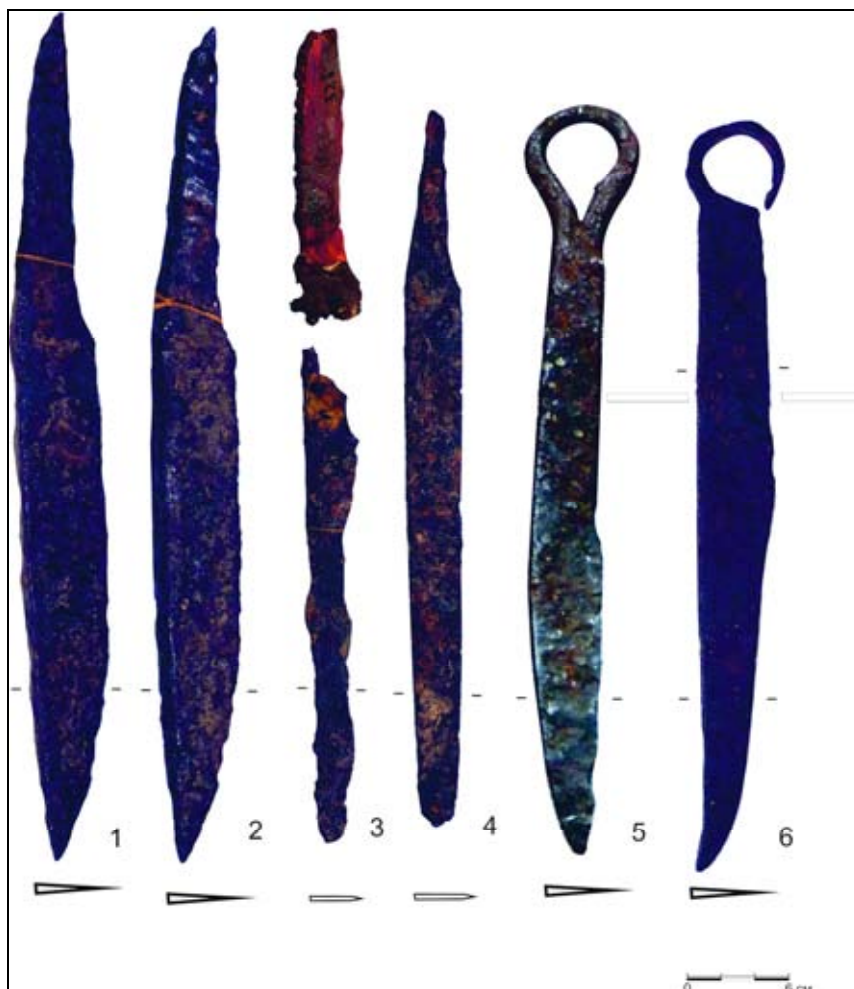

Рис. 2. Ножи.

Самые многочисленные в коллекциях железные и костяные наконечники стрел. Железные наконечники подробно рассмотрены в работе Б.А. Коникова и Ю.С. Худякова [1981], поэтому нет смысла их рассматривать. Заметим только, что все они черешковые и подразделяются по сечению пера на две группы — четырехгранные и плоские. Авторы отмечают, что в целом состав коллекции отражает ситуацию с наборами стрел у кочевников степной полосы Евразии середины II тыс. н.э. [Там же].

На наш взгляд, не менее интересны в коллекциях костяные наконечники стрел и накладки на лук (рис. 3). Накладки представлены 2 экз. Одна из них изготовлена из большого ребра животного и имеет отверстие и насечки для крепления к основе лука (рис. 3, 1). Другая накладка вырезана из лосиного рога. Наконечники стрел по размерам и сечению пера делятся на большие трехгранные (рис. 3, 3–5), малые трехгранные (рис. 3, 10–18) и круглые (рис. 3, 6–9). Крупные наконечники стрел встречаются практически во всех наборах в погребениях воинов этого времени. Мы уже отмечали, что помимо прямого назначения стрелы с подобными наконечниками могли служить определенным государственным и социальным маркером в тюркотатарских образованиях в Западной Сибири в этот период [Татауров, 2014]. Заметно, что они более высокого качества по сравнению с другими наконечниками. Наряду с хорошо отцентрованными и имеющими правильную форму (рис. 3, 10, 11, 13, 14) в коллекции есть плохо обработанные, сделанные из случайных костей (ребер, обломков рогов) наконечники, у которых отсутствует какая-либо центровка (рис. 3, 12, 15–18). По форме они также весьма произвольны: насколько позволяла выбранная кость — плоские, четырехгранные и т.д. Подобная ситуация, когда защитники были вынуждены в спешном порядке изготавливать стрелы для отражения

штурма, отмечена нами при исследовании городка Тунус на нижней Таре, взятого русскими штурмом весной 1595 г. [Татауров, 2005]. Возможно, эти наконечники оказались в культурном слое Искера в результате схожих событий в какой-то момент существования этого комплекса.

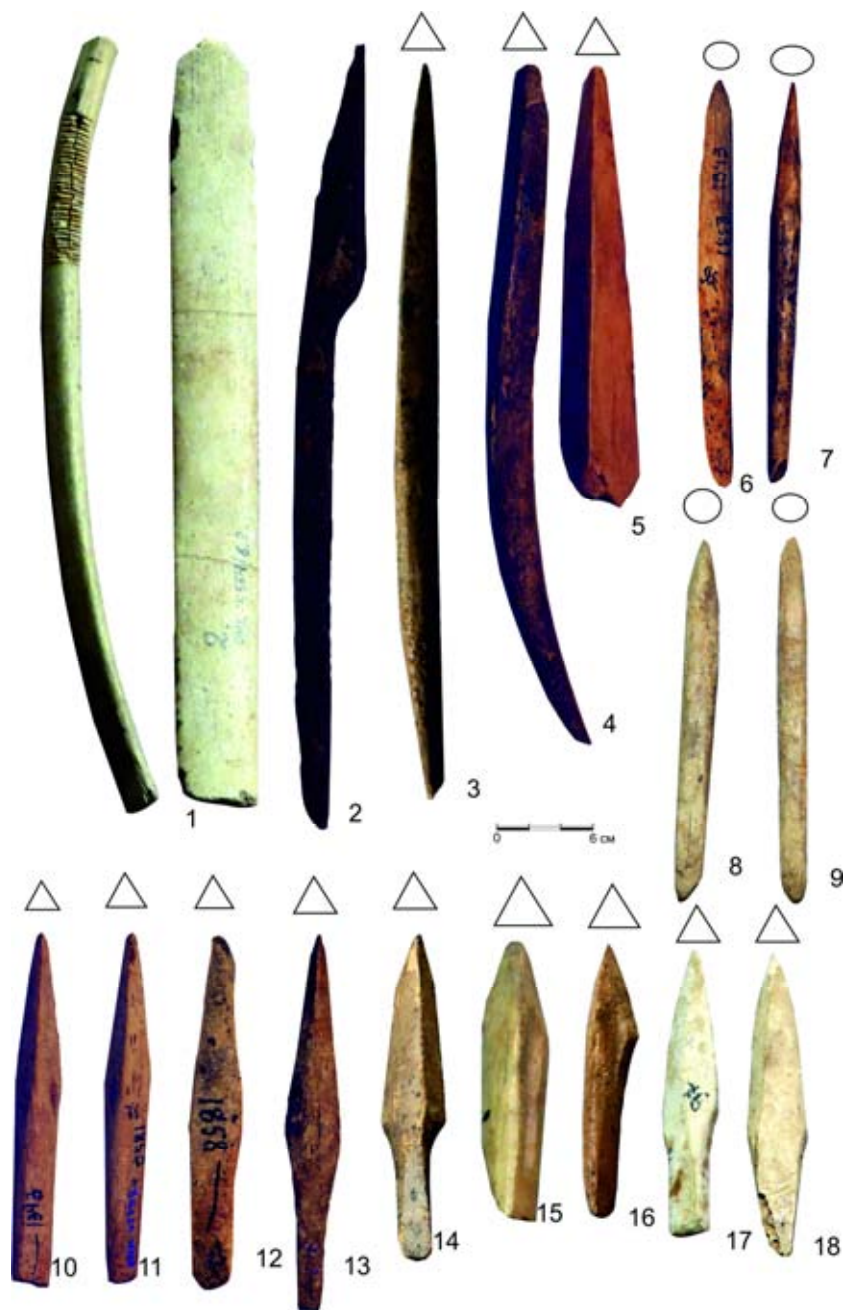

Рис. 3. Накладки на лук и костяные наконечники стрел.

В коллекции есть четыре фрагмента удил (рис. 4, 1–4). Все они выполнены в одной манере из четырехгранного в сечении стержня (ширина грани около 4–5 мм), который был сложен пополам и свит таким образом, чтобы получились кольца, заменяющие псалии и кольца для крепления поводка с одной стороны и кольцо для скрепления со второй частью удил с другой. Следует отметить изящность и относительно небольшие размеры удил. В захоронениях этого времени мы находим кольчатые удила без какого-то декора. Поэтому можно предположить, что данная сбруя украшала коня из свиты высокопоставленного человека Сибирского ханства. По-

Археологические коллекции с Искера: новый взгляд на памятник

добные удила, обнаруженные на Алтае, были отнесены к предметам импорта из Средней Азии [Овчинникова, 1990, с. 223].

Рис. 4. Детали удил, ключи, ручки и фрагменты сундуков.

Весьма интересна и примечательна коллекция ключей (рис. 4, 5–10) и ручек для сундуков (рис. 4, 11–14). Достаточно много ключей опубликовано [Адамов и др., 2008, с. 55]. В сундуках хра-

нили прежде всего наиболее ценные и важные предметы, которые могли обладать определенным статусом. Ключи, обнаруженные на памятнике, являются классическими для своего времени. На территории Руси замки с подобными ключами бытовали в XV — первой половине XVI в. [Колчин, 1953, с. 78–93].

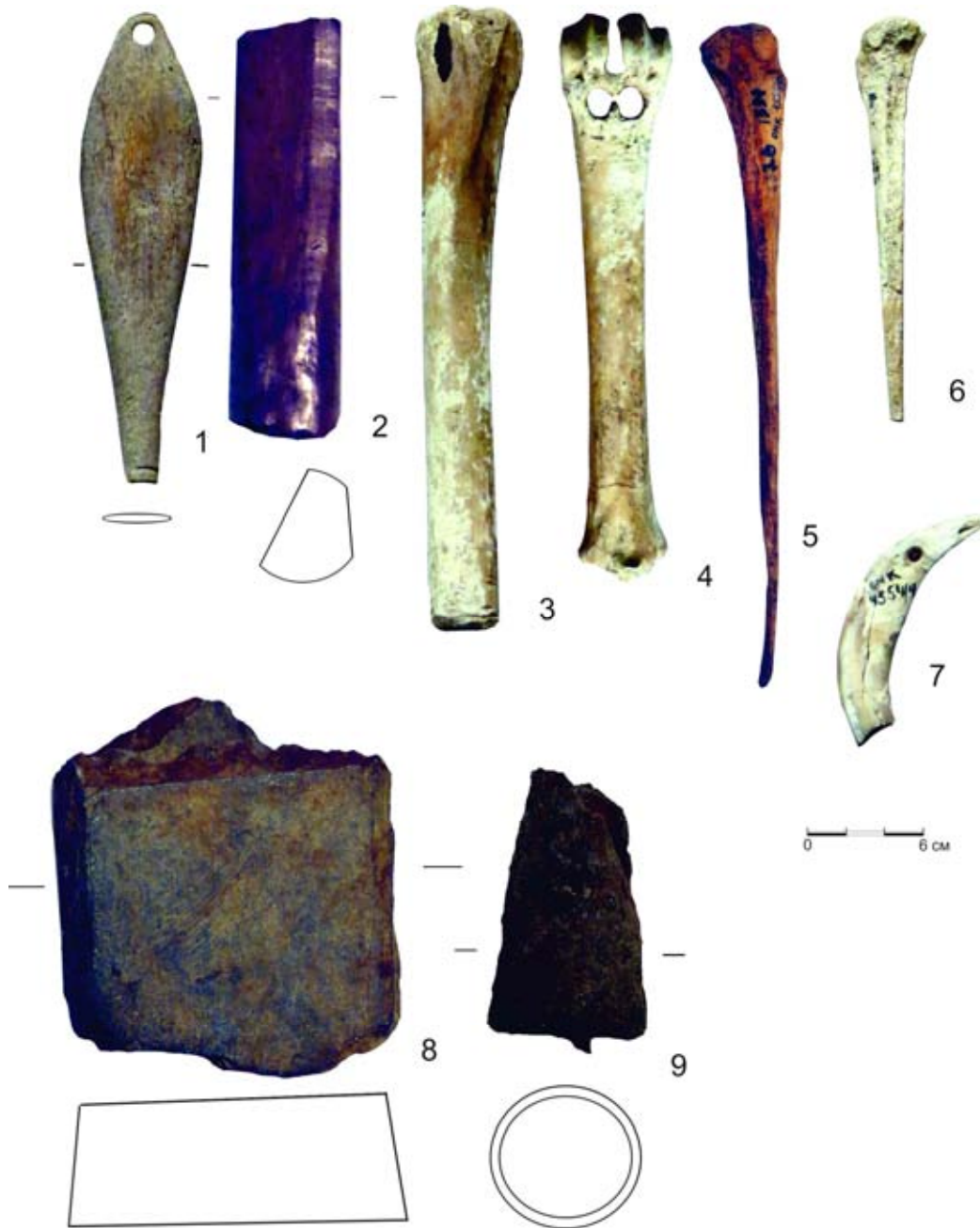

Рис. 5. Изделия:

1 — ручка от ложки; 2 — обломок костяного изделия; 3, 4 — заготовки из кости; 5, 6 — проколки; 7 — просверленный клык; 8 — оселок; втулка (от пики): 1–7 — кость; 5 — камень; 9 — железо.

Небольшая часть предметов в коллекциях имеет бытовое назначение (рис. 5). Это детали каких-то костяных изделий (рис. 5, 1, 2) или заготовки для них (рис. 5, 1–4), костяные проколки (рис. 5, 5, 6), оселок и железная втулка, возможно, от пики.

На основании данных коллекций и опубликованных по Искеру материалов можно сделать несколько выводов о статусности этого комплекса.

Археологические коллекции с Искера: новый взгляд на памятник

В вещевом комплексе, собранном различными исследователями за много лет, достаточно сложно выделить какие-то особые группы «статусных» предметов, свойственных исключительно хану и его окружению. Находки разрозненны и в целом мало отличаются от тех, что были обнаружены на других татарских городищах. Возможно, это объясняется фрагментарным и поверхностным изучением памятника. И все же следует выделить некоторые комплексы предметов, которые можно отнести к статусным.

Наибольшее количество таких предметов присутствует в коллекции Знаменского. В ней представлены витые серьги, кольца, перстни со вставками, бусы и китайские зеркала.

Комплекс нательных украшений (серьги, кольца и перстни) довольно непримечательный, предметы, хотя и неплохо выполненные, сделаны из бронзы, со вставками полудрагоценных камней [Адамов и др., 2008, с. 55]. Наибольшим статусом обладают перстни, которые практически во всех средневековых обществах являлись признаками военного сословия.

Украшения одежды представлены крупными стеклянными бусами, привезенными, вероятно, из Ирана, хотя исследования археологических материалов более поздних русских памятников Западной Сибири говорят, что бусы могли доставляться из Европы [Довгалюк, Татаурова, 2010, с. 43–44] транзитом через Среднюю Азию.

Необходимо отметить, что только некоторые виды бус (например, западно-европейские, бусы из драгоценных металлов) и их количество могли являться показателем статуса человека.

Одной из наиболее статусных групп предметов выступают китайские зеркала. С большей уверенностью можно говорить, что находки импортных зеркал свидетельствует о высоком социальном положении жителей Искера. В погребальной практике тюрков на территории северо-западных районов Центральной Азии вместе с зеркалами обычно фиксируются другие ценные вещи, часть которых относится к предметам импорта (шелк, ювелирные и лаковые изделия, монеты). Дополнительную информацию о специфике социальной структуры тюркских средневековых обществ дает тот факт, что металлические зеркала зафиксированы исключительно в женских погребениях. Об этом можно судить по наборам сопроводительного инвентаря, а также немногочисленным антропологическим определениям [Тишкин, Серегин, 2013, с. 61].

В результате раскопок А.А. Адамова в Искере были найдены и фрагменты «расписных фарфоровых сосудов» [Адамов и др., 2008, с. 54], вероятнее всего, китайского происхождения. Фарфоровой торговлей в Западной Сибири занимались бухарские купцы, приобретавшие товар в Цзиньине (Синьцзяне) — Северо-Западной провинции Китая. Фарфоровая посуда была достаточно дорогой и престижной, принадлежала представителям высших слоев общества.

В целом представленный комплекс предметов все же не позволяет говорить об «исключительности» данного памятника в сравнении с другими изученными татарскими городами XVI в. Конечно, часть предметов была вывезена самими татарами, часть досталась русским казакам, значительная часть утрачена при разрушении городища Иртышом. Но при этом стоит отметить малочисленность обнаруженных фрагментов посуды и бытовой утвари и превалирование предметов, связанных с военным делом. Вероятнее всего, постоянно люди на городище не жили, оно было лишь ставкой хана, политическим символом Сибирского ханства.

Городище Искер, несмотря на частые упоминания в научной литературе, было и остается изученным крайне слабо, что объясняется большим количеством факторов. При этом, однако, даже собранные материалы рисуют крайне неоднозначную картину. С одной стороны, мы не видим здесь ярко выраженных признаков столицы государства, среди находок отсутствуют атрибуты власти, практически нет предметов из драгоценных металлов. С другой стороны, вещевой комплекс позволяет считать, что жители городища обладали достаточно высоким социальным статусом, об этом свидетельствуют как виды предметов (фарфоровая посуда, бронзовые зеркала, перстни и т.п.), так и высокая технология их изготовления. Впрочем, предметный ряд не опровергает точки зрения, согласно которой Искер был лишь одной из ставок сибирского хана, где он оказался в момент прихода в Сибирь Ермака с его отрядом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск: Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.

Довгалюк Н.П., Татаурова Л.В. Стеклянные бусы из слоев сельских поселений Среднего Прииртышья как источник для реконструкции торговых связей русских переселенцев XVII–XVIII веков // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 43–44.

С.Ф. Татауров, Ф.С. Татауров

- Искер* — столица Сибирского ханства / Исхаков Д.М. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. 228 с.
- Колчин Б.А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси: (Домонгольский период). М.: Изд-во АН СССР, 1953. 257 с.
- Коников Б.А., Худяков Ю.С.* Наконечники стрел из Искера // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 184–188.
- Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* «Татарская керамика» Западной Сибири: Появление и эволюция термина // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. Т. 1. С. 127–134.
- Овчинникова Б.Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.
- Силлов Д.О.* Боевые ножи. М.: Эксмо, 2010. 480 с.
- Татауров С.Ф.* Тунус — последний город Сибирского ханства // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных сообществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. С. 210–212.
- Татауров С.Ф.* Керамика тюркоязычного населения Западной Сибири XII–XVI веков: От поиска к стандарту // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. Омск: Наука, 2013. С. 212–217.
- Татауров С.Ф.* Маркеры государственности для Сибирского ханства в археологических материалах // Присоединение Сибири к России: Новые данные: Материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2014. С. 193–200.
- Татауров С.Ф., Тихонов С.С.* Могильник Бергамак II // Археолого-этнографические комплексы: Проблемы культуры и социума: (Культура тарских татар). Новосибирск, 1996. Т. 1. С. 58–84.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н.* Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. № 1 (7). С. 49–72.

S.P. Tataurov, Ph.S. Tataurov

Omsk filial of Institute of archaeology and ethnography of SB RAS
Karl Marx, 15, Omsk, 644024, Russian Federation
E-mail: tatsf2008@rambler.ru;
fil_opossum@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS FROM ISKER: A NEW VIEW ON THE SIGNIFICANT SITE

Isker is the capital of the Siberian khanate at the initial stage (1582–1584) of the Russian conquest of Western Siberia. After Tobolsk was founded in 1587, Isker was abandoned. In the XVIII–XX centuries numerous amateur excavations were carried out on its territory, which, along with a natural factor (the River Irtysh washed out the part of a rock terrace where the ancient settlement is located) led to a severe destruction of the site. Professional archaeological researches were carried out only at the end of the XX century; however, they didn't give any significant result. All earlier collected collections were partially lost by the beginning of the XXI century. The importance and status of the city in the Siberian khanate are still not defined. In this regard there was a need for an in-depth study of the available materials in order to understand specific characteristics of this complex and its place among other archaeological monuments of that time. This article represents in detail the results of an analysis of two collections of archaeological artifacts, which were collected in Isker by N.I. Butakov in 1896 and by A.F. Palashenkov in 1938 and which are stored in Omsk State Regional Historical Museum. The following groups of subjects were analyzed in detail: ceramics as the main marker of belonging of the Isker population to the Turkic Tatar society of Siberia of the XVI century; fighting and throwing knives; metal and bone arrowheads and bow plates; fragments of fishing tackles; locks and handles of storage chests; accessories; imported items. In general, it should be noted that composition of this complex of items does not differ from similar Tatar monuments of the period. Basing on the archaeological material, it is possible to conclude that the residents of the ancient settlement had a rather high social status, which is testified by the types of items (porcelain ware, bronze mirrors, rings, etc.) and high technology of their production. However it doesn't give the grounds to believe that the city was the constant capital of the Siberian khanate. Perhaps, it was only one of temporary headquarters of the khan. This research shows ambiguity in interpretation of the role of Isker in the Siberian khanate, and, therefore, it is important in terms of studying medieval Turkic-Tatar state.

Key words: Siberian khanate, Isker, archeology, history of study, arms and everyday items, status items.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-077-085

REFERENCES

- Adamov A.A., Baliunov I.V., Danilov P.G., 2008. *Gorod Tobol'sk: Arkheologicheskii ocherk* [Tobolsk city: Archaeological sketch], Tobolsk, 114 p.
- Dovgaliuk N.P., Tataurova L.V., 2010. Stekliannye busy iz sloev sel'skikh poselenii Srednego Priirtysh'ia kak istochnik dlia rekonstruktsii torgovykh svyazei russkikh pereselentsev XVII–XVIII vekov [Glass beads from rural settlements of the Middle Irtysh region as a source for reconstruction of trade relations of Russian settlers in the XVII–XVIII centuries]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 2 (42), pp. 43–44.
- Iskhakov D.M., 2010, (ed). *Isker — stolitsa Sibirskogo khanstva* [Isker — the capital of the Siberian Khanate], Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 228 p.
- Kolchin B.A., 1953. Chernaia metallurgiiia i metalloobrabotka v Drevnei Rusi (Domongol'skii period) [Ferrous metallurgy and metalworking in ancient Russia: (Pre-Mongol period)], Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 257 p.
- Konikov B.A., Khudiakov Iu.S., 1981. Nakonechniki strel iz Iskera [Arrow heads from Isker]. *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noi Azii*, Novosibirsk: Nauka, pp. 184–188.
- Matveev A.V., Tataurov S.F., 2013. «Tatarskaia keramika» Zapadnoi Sibiri: Poiavlenie i evoliutsiia termina [«Tatar ceramics» of Western Siberia: Emergence and evolution of the term]. *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniï*, vol. 1, Irkutsk: Izd-vo IrGTU, pp. 127–134.
- Ovchinnikova B.B., 1990. Tiurkskie drevnosti Saiano-Altaiia v VI–X vekakh [Turkic antiquities of Altai and Sayan regions of the VI–X centuries.], Sverdlovsk: UrGU, 223 p.
- Sillov D.O., 2010. *Boevye nozhi* [Combat knives], Moscow: Eksmo, 480 p.
- Tataurov S.F., 2005. Tunus — poslednii gorod Sibirskogo khanstva [Tunus — the last city of the Siberian Khanate]. *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiia drevnikh i traditsionnykh soobshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: Materialy XIII Zapadno-Sibirskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii*, Tomsk: TGU, pp. 210–212.
- Tataurov S.F., 2013. Keramika tiurkoiazыchnogo naseleniia Zapadnoi Sibiri XII–XVI vekov: Ot poiska k standartu [Ceramics of Turkic-speaking population of Western Siberia of the XII–XIV centuries: From a search to a standard]. *Tvorchestvo v arkheologicheskome i etnograficheskome izmerenii*, Omsk: Nauka, pp. 212–217.
- Tataurov S.F., 2014. Markery gosudarstvennosti dlia Sibirskogo khanstva v arkheologicheskikh materialakh [Markers of statehood for the Siberian Khanate in the archaeological materials]. *Prisoedinenie Sibiri k Rossii: Novye dannye: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*, Tiumen': Izdatel'stvo Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 193–200.
- Tataurov S.F., Tikhonov S.S., 1996. Mogil'nik Bergamak II [Necropolis Bergamak II]. *Arkheologo-etnograficheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sotsiuma (kul'tura tarskikh tatar)*, vol. 1, Novosibirsk: Nauka, pp. 58–84.
- Tishkin A.A., Seregin N.N., 2013. Kitaiskie izdeliia iz arkheologicheskikh pamiatnikov rannesrednevekovykh tiurok Tsentral'noi Azii [Chinese artifacts from the early-medieval archaeological sites of Turks in Central Asia]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniï*, no. 1 (7), pp. 49–72.

Р.И. Бравина*, **В.М. Дьяконов***, **Е.Ю. Колбина****, **Д.М. Петров***

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского 1, Якутск, 677027

**Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
ул. Белинского. 58, Якутск, 677000

E-mail: *bravinari@bk.ru;

*dyakonov_vm@rambler.ru;

**kolba72@mail.ru;

*dmpetrov-92@mail.ru

К ВОПРОСУ О РИТУАЛЬНО ПОТРЕВОЖЕННЫХ ЗАХОРОНЕНИЯХ ЯКУТОВ (XVII–XVIII вв.)

На основе анализа археологических материалов средневековых погребений якутов поднимаются проблемы интерпретации могил со следами древнего постингумационного проникновения и ритуального нарушения погребальных конструкций и анатомической целостности костяков погребенных с привлечением этнографических и фольклорных данных. Дается обобщенная характеристика основных видов потревоженных захоронений позднего средневековья Якутии: вторичные погребения, бальзамирование, обезвреживание опасного умершего, осквернение, ограбление и т.д. Приводятся историко-сравнительные данные по древним и средневековым культурам Центральной Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока. Рассматриваются мировоззренческие представления о загробном существовании, ритуальные действия якутов в отношении «опасных» мертвецов и сакральных лиц.

Ключевые слова: Якутия, якуты, средневековье, погребения, потревоженные захоронения, постингумационные обряды, древние проникновения в могилу, интерпретации, этнографические параллели, фольклорные данные.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-086-096

Введение

При археологических исследованиях погребальных памятников древних и средневековых культур довольно часто встречаются могилы со следами разрушения погребальных камер и анатомической целостности скелета [Бондаренко, 2014]. До недавнего времени подобные могилы трактовались как ограбленные, однако в последние десятилетия стали появляться другие интерпретации: использование могил более раннего времени для погребения своих покойников [Максименков, 1975], осквернение [Молодин, Соловьев, 2004], месть [Черных, Кузьминых, 1987], обряды обезвреживания [Аксенов, 2002; Матвеева 2003; Семейная обрядность..., 1980; Флеров, 2000, 2005, 2006; Худяков, Скобелев, 1984], обряды, не относящиеся к погребальным, но связанные с потусторонним миром,— общение с покойным, инициации [Кузьмин, 1991], обряды освобождения души [Нелин, 2001].

На территории Якутии наиболее ранние потревоженные погребения встречены в среде ымыяхтахцев. Так, С.А. Федосеева, анализируя погребения Диринг-Юряхского могильника, пришла к выводу, что они были разграблены в древности каким-то более поздним населением с целью изъятия из могил медных или бронзовых предметов [1988]. В Кердюгенском погребении ымыяхтахской культуры также были отмечены нарушения, связанные, по одной из версий, с постпогребальным обрядом вторичного захоронения, когда из могилы извлекаются некоторые кости, взамен которых подкладываются кости других погребений [Степанов и др., 2012, с. 57].

Частичное разрушение стенок погребальной камеры, нарушение анатомической целостности костей скелета, их расположение вне погребальной конструкции в могильном заполнении довольно часто фиксируются в протоколах раскопок якутских погребений позднего средневековья и, как правило, оговариваются как повреждения, вызванные норной деятельностью мелких млекопитающих — грызунов. Однако среди них особняком стоят погребения, в которых прослеживаются явные следы ритуального разрушения: Ботурусское, Тандинское-1, Сытыган Сихэ (Центральная Якутия), Тымпы (Виллюй) и Чочур-Муран (долина Туймаада, г. Якутск). Целью на-

К вопросу о ритуально потревоженных захоронениях якутов (XVII–XVIII вв.)

стоящей статьи является попытка интерпретации погребальных обрядов, представленных археологическими материалами этих погребений.

Вторичные погребения

Впервые могила с нарушением анатомической целостности костей скелета в Якутии была зафиксирована Н. Геккером. В 1896 г. он опубликовал описание трех погребений, исследованных им в Ботурусском (ныне Таттинском) улусе [Геккер, 1896, с. 188–189]. Погребение, в котором отмечалось нарушение костяка, имело надмогильное сооружение в виде сруба из вертикально поставленных жердей типа якутской юрты балагана. На глубине около 1 м оказался сруб из довольно толстых бревен, покрытый «большим куском бересты», где находился костяк, анатомический порядок костей которого был нарушен: «...нижняя челюсть найдена возле колена левой ноги, а череп вниз лицом, в то время как остальной скелет лежал в могиле правильно, спиной вниз». Н. Геккер был склонен видеть в этом результат перезахоронения с наземной погребальной конструкции арангаса.

К типу вторичных погребений также относятся погребение Тандинское-1 (Усть-Алданский район) и Сытыган Сихэ-2 (Хангаласский район), в которых отмечены нарушения анатомической целостности скелетов. Во втором погребении кости скелета были сложены в западной части гроба, при этом череп и верхняя часть тела частично сохраняли анатомический порядок. Кости нижних конечностей были сложены в области живота [Мир древних якутов..., 2012, с. 74, 76–77].

Среди ближайших соседей якутов подобный обычай бытовал у древних и средневековых племен Приамурья, причем в культуре мохэ он являлся основным [Деревянко, 1975, 1977, 1981]. Встречены вторичные погребения и у чжурчженей, генетически связанных с мохэсцами [Нестеров, 1998, с. 75–85].

Бальзамирование

Среди якутских могил позднего средневековья со следами нарушения костяка особняком стоит погребение Тымпы (Нюрбинский район), обнаруженное на территории проживания хангаласского рода вилюйских якутов, датированное методом радиоуглеродного анализа 1640–1690 гг. На дне могильной ямы находился прямоугольный сруб из лиственничных бревен, а внутри его гроб-ящик из плах [Мир древних якутов..., 2012, с. 66, 67, 183]. Костяк мужчины пожилого возраста лежал на спине, вытянуто, головой на запад. По исследованиям французских антропологов, брюшная полость была набита сеном и сосновой корой. При этом внутренние органы были изъяты путем доступа к ним через межреберные промежутки, а также были обнаружены следы входов к головному и спинному мозгу. Все это позволило ученым сделать вывод о бальзамировании умершего, что, на наш взгляд, объясняет наличие в теле именно сосновой коры, как источника консервирующего материала — смолы. Тело имело многочисленные перфорирующие и острые повреждения, полученные до смерти либо послужившие ее причиной. Сопроводительный инвентарь в погребении отсутствовал. Генетические данные по отцовской линии (Y-хромосомы) погребенного совпадают с данными по линиям глав родов Центральной Якутии и Вилюя XVIII в., следовательно, речь идет о представителе якутской знати — социальной верхушки [Там же, с. 182].

На сопредельных территориях традиция мумификации трупов встречается в тесинских курганах-склепах Минусинской котловины, абсолютная хронология которых совпадает с периодом владычества в степях Центральной Азии кочевых империй сюнну (конец III в. до н.э. — конец I в. н.э.) и сяньби (конец I в. н.э. — 235 г. н.э.) [Кузьмин, 2011, с. 35–37]. На основе анализа археологических материалов этих погребений удалось реконструировать приемы обработки тел умерших, которые обнаруживают значительное сходство с операциями, проводившимися при мумификации трупов, захороненных в пазырыкских курганах Алтая, что позволило поставить вопрос о «феномене саяно-алтайских мумий». Алтайские приемы бальзамирования эволюционируют и модифицируются на Енисее, и возникает обычай изготовления кукол-манекенов [Кузьмин, 2011, с. 187–191].

В этой связи следует отметить присутствие в культуре якутов хунно-сяньбийского пласта, включающего и элементы, относящиеся к погребальной обрядности [Алексеев, 2013; Савинов, 2010, 2013]. Например, гроб-ящик, помещенный в прямоугольный сруб, из погребения Тымпы точно повторяет устройство внутримогильных сооружений хуннских элитарных погребений. Вполне возможно, что следы бальзамирования трупа в погребении Тымпы имеют те же корни. По данным Г.В. Стеллера — участника Второй Камчатской экспедиции, якуты в случае необхо-

димости могли выполнять трепанацию черепа. Больному, у которого при падении или ударе был рассечен череп, побрили голову ножом. Применив еще теплое сердце животного, промыли рану теплым молоком до костей, полностью очистив ее от крови. Дальше терли кости ножом до их истончения, только потом, вскрыв череп, дали вытечь крови или гною и затем вынули осколки [Шишигина, 2005, с. 106]. Участник этой же экспедиции Я.И. Линденау также описал лечение при ране черепной коробки «*Bas-Kaidubut*» со вскрытием черепа и наложением на рану бересты [Линденау, 1983, с. 34].

Умение якутов пользоваться приемами мумификации умерших показывает обычай *малаа-сын* или *чорой* — «наделения родственников остатками умершего почитаемого человека, чаще всего родоначальника». Так, расчленив тело родоначальника Мельжахсинского рода из Мегинского улуса по имени Тороной-боотур, жившего в XVII в., «разделив мясо в качестве талисманов, сородичи собрали все кости на коже. Последние превратились в фетиши и затем назывались *Бах-Тангара*» [Окладников, 1955, с. 286–287]. Согласно другому преданию, после убийства Чугун Бодоем его врага — шамана Теренея родичи последнего — борогонцы собрали куски разбросанного тела Теренея, завернули его в кожу и засушили в форме, что тогда называлось *бараан*. Поставив *бараан* в передний угол, долго потом почитали.

К хунно-сяньбийскому пласту, вероятно, относится и якутский обычай изготовления куклы-заместителя умершего *туктютюэ* с последующим вложением его в гроб [Бравина, Попов, 2008, с. 136, рис. 72]. Данный обычай был широко распространен среди других народов Сибири, связанных происхождением с территорией Саяно-Алтая [Семейная обрядность..., 1980]. В то же время нельзя не отметить обычай посмертных анатомических операций, бытовавший у юкагиров, этническая история которых, возможно, была также связана с саяно-алтайским регионом [Там же, с. 200].

Погребение Чочур-Муран

В контексте нарушенных могил определенный интерес представляет погребение Чочур-Муран, которое по типологическим признакам предметов сопроводительного инвентаря можно датировать XVII–XVIII вв. Чочур-Муран — сопка конической формы на левом берегу Лены, в 5 км к западу от центральной части г. Якутска, представляющая собой обособленную распадками краевую часть уступа Маганской террасы (западного борта долины р. Лены). Абсолютная отметка 193 м, превышение над основанием 100 м. В старину сопка почиталась якутами как священная гора.

Предварительная разведка на местности выявила в 6 м от края террасы слабо выраженную могильную западину продолговатой формы размерами 167×121 см, внутри которой расположена визуально фиксируемая впадина меньших размеров. Местность представляет собой пространство, покрытое травой и кустарниками, окаймленное с северной стороны лесом.

При расчистке дерна и верхнего почвенного слоя на глубине 15 см от уровня дневной поверхности отмечено четко выраженное могильное пятно продолговатой формы размерами 212×138 см, ориентированное по оси запад — восток, а также следы четырех вертикально поставленных столбов диаметром 15–17 см, видимо, от надмогильного сооружения. При этом следы двух столбов в западной части могилы почти совпадали с внешними контурами могильного пятна, третий — юго-западный находился внутри его границ, четвертый — северо-западный был расположен чуть наискось.

На глубине 42 см от уровня дневной поверхности появилась крышка гроба-колоды длиной 230 см. При дальнейшей расчистке оказалось, что крышка с восточной стороны разрублена, судя по следам, топором. Гроб-колода изготовлен из лиственницы, ствол которой расщеплен вдоль на две равные части, одна из которых представляет собой крышку, а вторая выдолблена под основу. Размеры колоды: длина основы 270 см, диаметр торца 40 см. Гроб изнутри доверху заполнен утрамбованной землей. После окончательной зачистки скелета предстала следующая картина: покойная лежит на спине, голова повернута несколько вправо, верхние и нижние конечности расположены вдоль тела. Ориентирована погребенная на запад с некоторым отклонением к северу (рис. 1).

В изголовье, т.е. возле западного торца гроба, находились два фрагмента орнаментированной бересты в виде полосок со следами шитья — вероятно, стенки берестяного сосуда. В области тазовых костей по обе стороны найдены одно круглое в сечении и три плоских металлических кольца-подвески, вероятно от натазников, имевших трапециевидные навершия (рис. 2,

К вопросу о ритуально потревоженных захоронениях якутов (XVII–XVIII вв.)

4–6). Рядом с правой бедренной костью, ближе к тазу, обнаружен металлический игольник (рис. 1, 7). Он представляет собой полуку, круглую в сечении трубку, свернутую из металлической пластины и запаянную по шву. Края трубки-игольника слегка утолщены. Игольник покрыт резным орнаментом, составленным из полос, состоящих из четырех линий, опоясывающих игольник, чередующихся с полосами косых решеток. Через игольник продет кожаный ремешок, к нижнему концу которого прикреплено плоское кольцо с трапециевидным навершием, аналогичное предыдущим, а к верхнему — круглое в сечении кольцо с остатком кожаного шнура, с помощью которого изделие крепилось к одежде (рис. 2, 7). В области кистей рук обнаружено три металлических колечка (два на левой, одна, вдетая в фалангу, на правой), которые представляли собой согнутые внахлест полоски металла, зауженные к концам (рис. 2, 1–3).

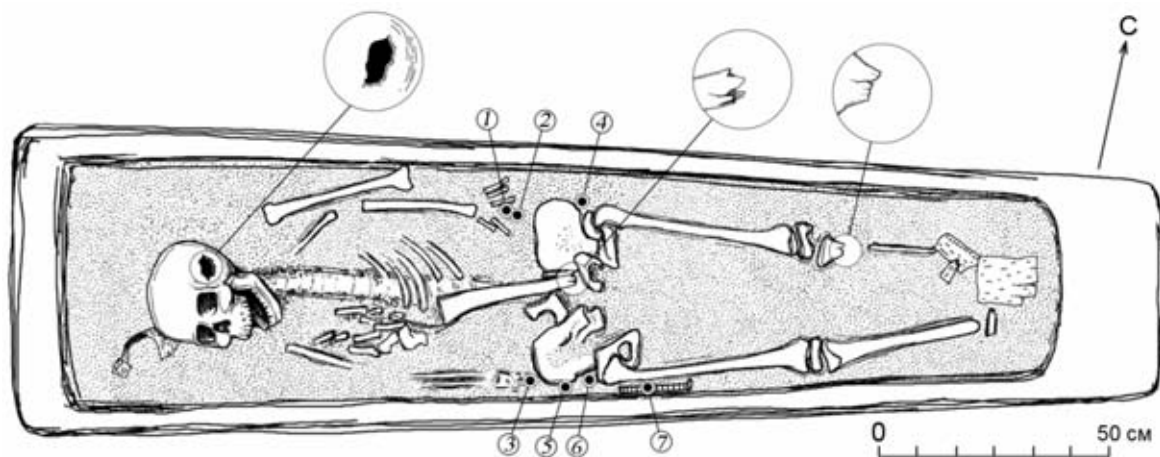

Рис. 1. Общий вид погребения Чочур-Муран. Расположение инвентаря: 1–3 — кольца; 4–6 — кольца от натазников; 7 — игольник.

Одежда сохранилась плохо, по фрагментам можно полагать, что она была изготовлена из выделанной кожи. На останках тела и фрагментах одежды было множество личинок и куколок некрофильных насекомых.

По сопроводительному инвентарю погребение Чочур-Муран может быть датировано XVII–XVIII вв. В якутских погребениях до этого было найдено 7 игольников, 6 из которых сделаны из металла, а один из кости. Аналогичный игольник происходит из погребения у оз. Теплового, случайно обнаруженного местным жителем в районе Залого на ул. Строда, 78, в г. Якутске в 2007 г. [Максимова, 2008]. В женском погребении здесь находился игольник, по всей длине украшенный опоясывающим орнаментом в виде четырех линий, чередующихся с поясками, украшенными косой решеткой [Дьяконов, 2014]. Кроме того, в погребении на оз. Теплом были найдены традиционные для XVII–XVIII вв. якутские серьги в виде знака вопроса с нанизанными на них бусинами-одекуй голубого и белого цветов, а также кольца с трапециевидными навершиями, аналогичные рассмотренным выше [Максимова, 2008].

На левой височной кости погребенной зафиксировано сквозное отверстие неправильно-овальной формы, размерами 5×3 см, края которого истончены, легко крошатся. Ввиду изменений костной ткани высказать однозначное суждение о механизме и прижизненном его образовании невозможно. Учитывая сквозной характер и расположение отверстия в области самой тонкой части костей свода — чешуи височной кости, можно предположить, что оно было следствием каких-либо насильственных действий, сопровождавшихся повреждением костей черепа, т.е. травмой головы (тупая травма, рубленые, колотые и т.п. повреждения), возможно явившихся причиной смерти (рис. 1). Анатомическое взаиморасположение костей скелета, за исключением нижних конечностей, не нарушено. Зафиксирован факт полного отделения костей голени и стопы левой нижней конечности, обнаруженных в районе тазовых костей и грудной клетки и обращенных к голове покойной дистальным (нижним) концом конечности. При этом верхний конец большеберцовой кости левой голени был раздроблен и имел крупнозубчатые края. Другой фрагмент данной кости расположен на своем анатомическом месте. Кроме того,

на уровне данного отделения костей голени имеется еще повреждение нижнего эпифиза левой бедренной кости, расположенное косопоперечно к длиннику кости, с ровными краями, морфологически сходными с разрубами костной ткани (рис. 1).

Все вышеописанные повреждения расположены в области левого коленного сустава, т.е. в месте сочленения бедренной кости с костями голени. К сожалению, судить о прижизненном или посмертном образовании этих повреждений в настоящее время не представляется возможным. Есть версия их появления при проникновении неизвестного лица в уже зарытый в могилу гроб. В этом случае механическое воздействие на тело могло привести к незначительному истечению крови и развитию различной биофлоры в данном месте, на что указывает обнаружение множественных куколок и личинок насекомых на трупе и одежде.

Особенности костной ткани: на всех длинных трубчатых костях в концевых отделах на границе сращения костной ткани с хрящом (эпифиза и диафиза) имеется щелевидное разъединение костной ткани, что говорит о юном возрасте погибшей, так как сращение костных эпифизов с диафизом происходит после 15–17 лет.

По данным антропологического исследования, череп с нижней челюстью принадлежит лицу женского пола монголоидной расы с признаками европеоидности. Умершая к моменту смерти еще не достигла 14 лет. Прямых данных, указывающих на то, что погребенная могла быть больна или умерла неестественной смертью, не выявлено.

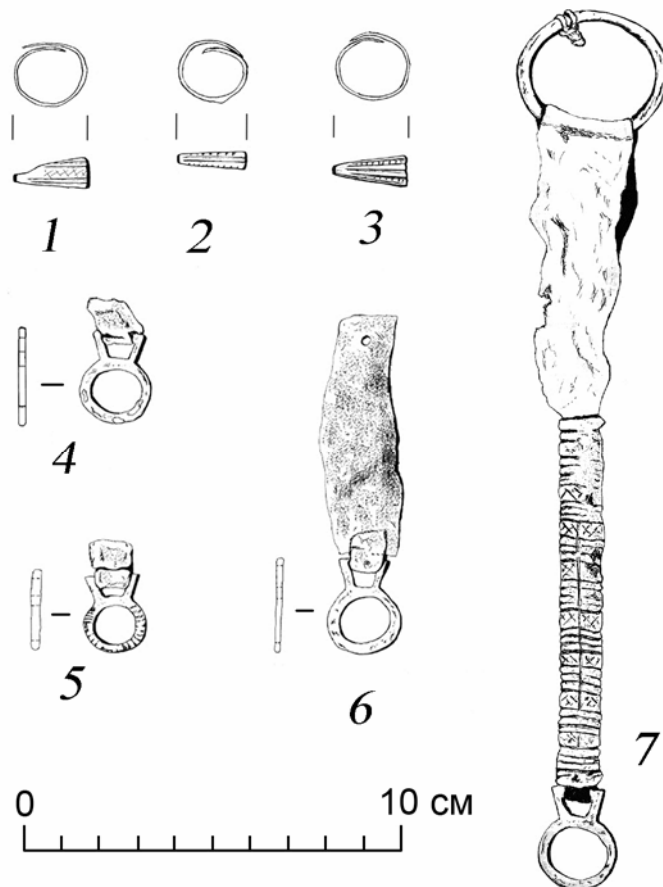

Рис. 2. Сопроводительный инвентарь:
1–3 — кольца; 4–6 — кольца от натазников; 7 — игольник.

Интерпретация

Археологическая характеристика позволяет отнести данное погребение к типу нарушенных могил и поставить вопрос о возможных причинах постингумационных действий, решение которого требует привлечения фольклорных и этнографических материалов.

К вопросу о ритуально потревоженных захоронениях якутов (XVII–XVIII вв.)

Во-первых, наличие «грабительского» лаза в виде прорубленной крышки в задней (восточной) части гроба, где в якутских могилах традиционно помещаются наиболее ценные предметы сопроводительного инвентаря, и разбросанные в беспорядке кости ног позволяют выдвинуть версию об ограблении. Судя по размерам могильного пятна, которые совпадают с параметрами основы колоды, и следам от столбов надмогильного сооружения внутри границ могильного пятна, могила была разрыта через небольшой промежуток времени после похорон, когда земля еще не просела, т.е. до сооружения надмогильной конструкции. Этой версии не противоречит расположение могилы на местности. По преданиям, на вершинах гор обычно хоронили представителей знатных родов, что подтверждается данными археологических раскопок, произведенных Е.Д. Стреловым и Г.В. Ксенофонтовым на сопках Лысая гора, Тюкэй Мыраана и Эрикэн Мыраана. Сопроводительный инвентарь этих погребений был богатым, помимо предметов утвари, вооружения включал украшения, меха и запасную одежду [Бравина, Попов, 2008, с. 216–220, 246]. По свидетельству вице-губернатора Якутской области В.Л. Приклонского, юриста по образованию, в 1840-х гг. производилось следствие о разграблении могилы. Показание обвиняемого вкратце состояло в следующем: «Умерший, могилу которого я изрыл, был мой прадед. Родные нередко говаривали о его богатстве и пышности похорон. Сам я беден, и часто задумывался, что, может, со стариком похоронены драгоценности. В крайнем случае, рассчитывал на его теплую одежду: похороненный в мерзлой земле покойник и его платье не должны были истлеть. Покойный был мне родня, а потому я был уверен, что он не будет пугать меня; одежда пропала бы даром, а я мог ею воспользоваться. Эта мысль долго преследовала меня и, наконец, я решился исполнить задуманное. Выбрав темную ночь, я раскопал могилу, нашел сруб; могила была глубока, как хоронят обыкновенно богатых. В ногах гроба, в срубе лежали: нож, ложка, медный котел с маслом и кадушка с вареным конским мясом; оно не казалось испорченным, и я, голодный, поел того и другого. Мясо было дрябло и безсочно, но масло было положительно свежее и вкусное. С трудом отбив крышку гроба, я увидал труп деда; он был большого роста, в рысьем саныяхе (доха), лицо было закрыто рысьей шкуркой, которую я и взял. Труп был свеж. Не найдя ничего кроме одежды, я встал в ногах гроба и ублажал деда не сердиться на меня, жаловался ему на свою бедность, голод, и только после этого я приблизился к нему. Тут только заметил я на его указательном пальце серебряный перстень, который решил снять... Взглянув на лицо старика, я ясно видел, что он смотрит на меня и смотрит сердито, даже что-то бормочет, чего я не мог разобрать. Испугавшись, я вылез из могилы и не помню, как прибежал домой. Наутро люди увидали разрытую могилу, донесли начальству; так я и не успел зарыть могилу и повторить свою попытку снять перстень» [Приклонский, 1891, с. 77–78].

Во-вторых, в Примечании «Устава об управлении инородцами» 1822 г. к преступлениям, рассмотрение которых отнесено к исключительной компетенции русской администрации в «присутственных местах», отнесено осквернение могил — гробокопательство [Федоров, 1991, с. 21]. Нарушение могилы как осквернение имело место в культуре многих народов с древних времен. Известны, например, факты кратковременного проникновения враждебного этноса на чужую территорию с целью нанесения предельного оскорбления — осквернения могил предков: «Во время сюннуского шаньюя Цзяньди ухуань, усилившись, раскопали курган сюннуского шаньюя, намереваясь отомстить за стыд поражения [понесенного ими] от Маодуня. Шанью Цзяньди сильно разгневался, отправил 20 000 конницы, чтобы напасть на ухуань» [Кюнер, 1961, с. 137]. В таких могилах, как полагает Ю.Н. Кузьмин, нарушения бывают наиболее значительными: разбросанные в беспорядке кости, разломанные вещи и т.п., причем отличительным признаком может быть отсутствие многих костей скелета, которые могли выбрасываться из могил [1991]. В нашем случае отсутствуют многие кости ног, в том числе ступней. По фольклорным данным, враждующие между собой якутские роды совершали акты осквернения могил, нанося обиду, приравненную к кровной мести. По материалам А.А. Саввина, якуты Соттинского наслега в Центральной Якутии враждовали из-за размежевания сенокосных угодий. Один из них перед смертью завещал сыновьям похоронить его на спорной территории для утверждения прав на данную местность. Спустя некоторое время его противник раскопал тело и сжег [Саввин, 1937]. В текстах якутских проклятий кырыыс часто присутствовала речевая формула «*кюлгюн буккуйуом*» (букв. «смешаю твою золу») со значением уничтожения врага [Нелунов, 1998, с. 256]. Герой якутского эпоса олонхо, разведя огромный костер, сжигает тела врагов, а пепел развеивает [Емельянов, 1980, с. 31, 63, 104, 134]. Особое внимание при этом уделяется полному уничтожению врага, так как из любой частицы тела он может возродиться. В нашем случае, помимо родовых разборок, одной из возможных причин

осквернения могилы могли послужить европеоидные черты погребенной. По материалам Г.Ф. Миллера, непрослительным грехом для якутской женщины считалась связь с русским, в таком случае ее переводили в положение рабыни или прогоняли без средств [Элерт, 1999, с. 156]. У верхоянских якутов если якутка вступала в связь с русским, «то ее не называли якутским именем; не позволяли пройти мимо варящейся пищи, а если она проходила мимо какой-нибудь чашки с пищей, то эту пищу уже не ели» и т.д. [Худяков, 1969, с. 118]. По традиционному представлению, человек должен жить во имя продолжения своего рода. По этой причине как женщина, вышедшая замуж за чужака, подобно человеку, преступившему обычай предков, так и дети от смешанных браков отторгались на ритуальном уровне от своего социума.

Наличие отверстия на виске не исключает вероятность насильственной смерти покойной. В этом случае образование личинок и куколок некрофильных насекомых могло произойти на стадии разложения тела. Возможно, тело похоронили, не пытаясь изменить его посмертное положение, с целью герметизации внутреннего пространства колоды завалили грунтом, что довольно часто встречается в якутских погребениях.

В якутском фольклоре есть сюжеты о том, что ноги убитых отсекали [Ксенофонтов, 1977, с. 91], возможно для того, чтобы обезножить вероятных претендентов на превращение в злых духов *юер*.

В этом случае возникает версия о нарушении целостности костей скелета, главным образом костей ног, с целью обезвреживания «опасной» покойницы. Якуты боялись людей, умерших неестественной смертью, особенно молодых, не успевших насладиться жизнью. Исходя из представлений, что души *кут* «неправильно» умерших не берут в мир предков и они остаются в мире живых в облике злых духов *юер*, таких покойников хоронили с соблюдением соответствующих мер предосторожности. Хоронили их ничком, ориентируя головой в обратную сторону, т.е. на восток, связывая с ног до головы волосяными веревками, зашивая передний разрез и рукава одежды [Бравина, 2012]. Все делалось для того, чтобы души таких умерших «не ходили» и не причиняли живым людям вреда.

Данная версия может иметь еще несколько вариантов. Уничтожение костей ног могло быть вызвано местью в отношении умершей с целью обездвигнуть и тем самым помешать ей достичь загробного мира и найти там успокоение. В мифологическом сознании якутов путь в потусторонний мир представлялся сухопутным и дальним, поэтому особое внимание уделялось обуви умершего, подошву которой шили в два-три слоя. Учитывая возраст умершей, можно предположить, что месть направлялась не конкретно против нее, а против рода. Превратившиеся в злых духов покойники причиняли несчастье и беды, прежде всего своим родным.

В якутском фольклоре встречаются также сведения о вскрытии могил для того, чтобы посредством определенных манипуляций с костями и органами умерших проводить магические действия [Саввин, 1941]. По рассказам старожилов, в 1918–1919 гг. в г. Виллюйске было возбуждено уголовное дело об эксгумации умершего от рака пищевода с целью извлечения органа [Там же, л. 83]. Вероятно, такие случаи не были единичными, подобное дело, возбужденное против жителя Ботурусского улуса, упоминается в записях Н.А. Виташевского [1908, л. 43].

Заключение

Рассмотренные выше якутские погребения Ботурусское, Тандинское-1, Сытыган Сихэ, Тымпы и Чочур-Муран исходя из археологических данных и последующей интерпретации с привлечением фольклорных, этнографических, биологических и медицинских данных можно отнести к трем типам потревоженных захоронений: перезахоронение, бальзамирование и обезвреживание разных категорий покойников. Перезахоронение в землю после разрушения первичного погребения на помосте, вероятно, применялось якутами в отношении останков не только шаманов, но и рядовых членов общества. Бальзамировались тела сакральных лиц. К таковым относились предводители элитных родов, которые после смерти переходили в ранг почитаемых предков. Погребение Чочур-Муран со следами постпогребального проникновения можно интерпретировать различным образом: 1) ограбление; 2) осквернение и 3) обезвреживание (обездвижение). В последнем случае речь идет об одном из ритуальных элементов погребения «опасных» умерших (захоронение ничком, связывание, например). Кроме того, не исключаются варианты мести, что органически стыкуется с версией осквернения и манипуляций с костями в магических действиях, не связанных с погребальной обрядностью.

К вопросу о ритуально потревоженных захоронениях якутов (XVII–XVIII вв.)

Видимо, в рассмотренных погребениях сохранились архаичные элементы ранней культуры якутов, которая формировалась под влиянием древних и средневековых культур Центральной Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература

- Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. 2002. № 3. С. 98–114.
- Алексеев А.Н. Ранние кочевники в Якутии // Вестн. СВФУ. 2013. Т. 10. № 5. С. 62–69.
- Бондаренко А.В. Практика постингумационного нарушения могил в культурах ранней и развитой бронзы Западной Сибири: Археологические факты и этнографические параллели // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПСОС СО РАН, 2014. № 3 (26). С. 25–33.
- Бравина Р.И. Ритуальные элементы в погребениях «опасных» умерших (по материалам якутских погребений XVII–XVIII вв.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5–9 сентября 2012 г.). Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. С. 505–509.
- Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.
- Геккер Н. Три якутские могилы // Изв. ВСОИРГО. 1896. Т. 26. Вып. 4–5. С. 183–197.
- Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1975. 250 с.
- Деревянко Е.И. Троицкий могильник. Новосибирск: Наука, 1977. 224 с.
- Деревянко Е.И. Племена Приамурья. Новосибирск: Наука, 1981. 225 с.
- Дьяконов В.М. Находка костяного игольника с иглами на неолитической стоянке Владимировка III (Центральная Якутия): Вопросы аналогий и феномен персистентности в культурном развитии // Вестн. Северо-Восточного НЦ ДВО РАН. 2014. № 1. С. 89–96.
- Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 375 с.
- Ксенофонтов Г.В. Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. 248 с.
- Кузьмин Н.Ю. Ограбление или обряд? // Реконструкция древних верований: Источники, метод, цель. СПб.: Гос. музей истории религии, 1991. С. 146–155.
- Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.
- Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 391 с.
- Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Максименков Г.А. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 48–58.
- Матвеева Г.И. Обряд обезвреживания погребенных в могильниках IV–VII веков в Южном Приуралье и Среднем Поволжье // Междунар. (XVI Урал.) археол. совещ.: Материалы междунар. науч. конф. 6–10 октября 2003 г. Пермь, 2003. С. 210–212.
- Мир древних якутов: Опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / Под ред. Э. Крюбези, А. Алексеева. Якутск: Издат. дом СВФУ, 2012. 226 с.
- Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 2. 182 с.
- Нелин Д.В. «Ограбление» погребений эпохи бронзы: Проблемы интерпретации // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: НТЦ, 2001. С. 317–321.
- Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. Т. 1. 287 с.
- Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 184 с.
- Окладников А.П. Якутия до присоединения к русскому государству // История Якутской АССР. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 430 с.
- Приклонский В.Л. Три года в Якутской области: Этнографические очерки // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 48–84.
- Савинов Д.Г. Дотюркский пласт в палеоэтнографии якутов // Сиб. сб. 2: К юбилею Е.А. Алексеенко. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 68–81.
- Савинов Д.Г. Археологические материалы о южном компоненте в культурогенезе якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестн. 2013. № 2 (7). С. 59–72.
- Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения / Отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1980. 240 с.

Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л., Джалл Э.Дж.Т. Интерпретации обряда и проблемные вопросы Кердюгенского погребения ымыяхтахской культуры (Якутия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 4 (52). С. 51–61.

Федоров М.М. Памятник обычного права якутов 1824 года: Учеб. пособие. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1991. 87 с.

Федосеева С.А. Дириг-Юряхский могильник: (Ограбление могил и проблема зарождения первобытного атеизма) // Археология Якутии. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1988. С. 79–98.

Флеров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: Обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимеда, 2000. 164 с.

Флеров В.С. Обряд обезвреживания погребенных Хазарии на археологическом фоне Восточной Европы в I тыс. н.э. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк: ДонНУ, 2005. Т. 4. С. 383–406.

Флеров В.С. Розыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк: ДонНУ, 2006. Т. 1. С. 55–74.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, 1969. 438 с.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г. Позднесредневековое шаманское погребение в могильнике Ортызы-Оба // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. С. 105–118.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 84–105.

Шишигина А.Н. Научное изучение Якутии в XVIII веке (по материалам Второй Камчатской экспедиции). Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2005. 299 с.

Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 239 с.

Источники

Виташевский Н.А. Якутские материалы. Отдел 1: Материалы по истории. Женева, 1908 // Архив МАЭ РАН. Ф. К-У. Оп. 1. Д. 17.

Максимова М.В. Отчет о работе Городского отряда археологической экспедиции ЯГУ на территории г. Якутска Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2007 г. Якутск, 2008 // Архив МАЭ СВФУ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 126.

Саввин А.А. Верования якутов (кэрэх, табык, духи др. материалы). Якутск, 1937 // Архив ЯНЦ СО РАН, рукоп. фонд. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 70.

Саввин А.А. Народная медицина якутов. Якутск, 1941 // Архив ЯНЦ СО РАН, рукоп. фонд. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 16.

R.I. Bravina*, V.M. Dyakonov*, E.Yu. Kolbina, D.M. Petrov***

*Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the SB RAS
Petrovskii st., 1, Yakutsk, 677027, Russian Federation

**North-East Federal university
Belinskii st., 58, Yakutsk, 677000, Russian Federation

E-mail: *bravinari@bk.ru;

*dyakonov_vm@rambler.ru;

**kolba72@mail.ru;

*dmpetrov-92@mail.ru

THE RITUALLY DISTURBED BURIALS OF YAKUTS (XVII–XVIII centuries)

Basing on the analysis of the archaeological data on medieval burials of Yakuts we raise the problems of interpretation of graves with traces of an ancient ritual penetration and violation of burial structures and of anatomical integrity of the skeletons of the buried, using ethnographic and folklore data. We give a generalized description of the main types of disturbed graves of the late Middle Ages of Yakutia: secondary burial, embalming, rendering a dangerous dead harmless, desecration, robbery, etc. We provide historical and comparative data from the ancient and medieval cultures of Central Asia, Southern Siberia and the Far East. We examine philosophical ideas about the afterlife, ritual actions of Yakuts against «dangerous» dead and sacred people.

Key words: Yakutia, Yakuts, Middle Ages, burials, disturbed graves, post-inhumation rites, ancient penetration into the grave, interpretation, ethnographic parallels, folklore data.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-086-096

REFERENCES

Aksenov V.S., 2002. Obriad obezvrezhivaniia pogrebennykh v Verkhne-Saltovskom i Rubezhanskom katakombnykh mogil'nikakh saltovo-maiatskoi kul'tury [Prophylactic rite directed against the dead in the Verkhnee Saltovo and Rubezhansky catacomb cemeteries of Saltovo-Mayatskoe culture]. *Rossiiskaia arkheologiya*, no. 3, pp. 98–114.

К вопросу о ритуально потревоженных захоронениях якутов (XVII–XVIII вв.)

- Alekseev A.N., 2013. Rannie kochevniky v Iakutii [The early nomads in Yakutia]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova*, vol. 10, no. 5, pp. 62–69.
- Bondarenko A.V., 2014. Praktika postingumatsionnogo narusheniia mogil v kul'turakh rannei i razvitoi bronzy Zapadnoi Sibiri: Arkheologicheskie fakty i etnograficheskie paralleli [The practice of post-inhumation violation of graves in the cultures of Early and Advanced Bronze Age in Western Siberia: Archaeological facts and ethnographic parallels]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3 (26), pp. 25–33.
- Bravina R.I., 2012. Ritual'nye elementy v pogrebeniiakh «opasnykh» umershikh (po materialam iakutskikh pogrebenii XVII–XVIII vv.) [Funeral elements in the burials of the «dangerous» dead (based on Yakut tombs of the XVII–XVIII centuries)]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Ulan-Bator: Izdatel'stvo Mongol'skogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 505–509.
- Bravina R.I., Popov V.V., 2008. *Pogrebal'no-pominal'naia obriadnost' iakutov: Pamiatniki i traditsii (XV–XIX vv.)* [The burial and memorial rites of Yakuts: sites and traditions (XV–XIX centuries)], Novosibirsk: Nauka, 296 p.
- Chernykh E.N., Kuz'minykh S.V., 1987. Pamiatniki seiminsko-turbinskogo tipa v Evrazii [The sites of Seima-Turbino type in Eurasia]. *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR*, Moscow: Nauka, pp. 84–105.
- Crubezy E., Alexeev A.N., 2012, (ed.). *Mir drevnikh iakutov: Opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (po materialam Sakha-frantsuzskoi arkheologicheskoi ekspeditsii)* [The world of the ancient Yakuts: An experience of interdisciplinary research (based on the Sakha-French archeological expedition)], Iakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 226 p.
- Derevianko E.I., 1975. *Mokheskie pamiatniki Srednego Amura* [The Mohe sites of the Middle Amur], Novosibirsk: Nauka, 250 p.
- Derevianko E.I., 1977. *Troitskii mogil'nik* [The burial ground of Troitsk], Novosibirsk: Nauka, 224 p.
- Derevianko E.I., 1981. *Plemena Priamur'ia* [The tribes of the Amur Region], Novosibirsk: Nauka, 225 p.
- D'iakonov V.M., 2014. Nakhodka kostianogo igol'nika s iglami na neoliticheskoi stoianke Vladimirovka III (Tsentral'naia Iakutiia): Voprosy analogii i fenomenov persistentnosti v kul'turnom razvitiy [Discovery of a bone needle case with bone needles at the Neolithic site of Vladimirovka III (Central Yakutia): Issues of analogies and the phenomenon of persistence in cultural development]. *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra DVO RAN*, no. 1, pp. 89–96.
- Elert A.Kh., 1999. *Narody Sibiri v trudakh G.F. Millera* [The peoples of Siberia in the works of G.F. Miller], Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, 239 p.
- Emel'ianov N.V., 1980. *Siuzhety iakutskikh olonkho* [The Yakut Olonkho stories], Moscow: Nauka, 375 p.
- Fedorov M.M., 1991. *Pamiatnik obychnogo prava iakutov 1824 goda: Ucheb. posobie* [An Artifact of customary law of Yakuts 1824: Textbook], Iakutsk: Izdatel'stvo IaGU, 87 p.
- Fedoseeva S.A., 1988. Diring-luriakhskaia mogil'nik: (Ograblenie mogil i problema zarozhdeniia pervobytnogo ateizma) [The burial ground Diring-Yuryakh: (Robbery of graves and the issue of origin of primitive atheism)]. *Arkheologiya Iakutii*, Iakutsk: Izdatel'stvo IaGU, pp. 79–98.
- Flerov V.S., 2000. *Alany Tsentral'nogo Predkavkaz'ia V–VIII vekov: Obriad obezvrezhivaniia pogrebennykh* [Alans of Central Fore-Caucasus in the V–VIII centuries: The rite of rendering the buried harmless], Moscow: Polimedia, 164 p.
- Flerov V.S., 2005. Obriad obezvrezhivaniia pogrebennykh Khazarii na arkheologicheskom fone Vostochnoi Evropy v I tys. n.e. [The rite of rendering the buried of Khazaria harmless on the archaeological background of Eastern Europe in the I millennium AD]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*, vol. 4, Donetsk: DonNU, pp. 383–406.
- Flerov V.S., 2006. Rozyskaniia po obriadu obezvrezhivaniia pogrebennykh v rannesrednevekovoi Vostochnoi Evrope [Researches on the rite of rendering the buried harmless in early medieval Eastern Europe]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*, vol. 1, Donetsk: DonNU, pp. 55–74.
- Gekker N., 1896. Tri iakutskie mogily [Three Yakut graves]. *Izvestiia VSOIRGO*, vol 26, no. 4–5, pp. 183–197.
- Gurvich I.S., 1980, (ed.). *Semeinaia obriadnost' narodov Sibiri: Opyt sravnitel'nogo izucheniia* [Family rites of Siberia peoples: A comparative study], Moscow: Nauka, 1980. 240 p.
- Khudiakov I.A., 1969. *Kratkoe opisaniie Verkhoianskogo okruga* [A brief description of Verkhoyansky District], Leningrad: Nauka, 438 p.
- Khudiakov Iu.S., Skobelev S.G., 1984. Pozdnesrednevekovoe shamanskoe pogrebenie v mogil'nike Ortyzy-Oba [A later medieval shaman burial in the cemetery of Ortyzy-Oba]. *Etnografiia narodov Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, pp. 105–118.
- Kiuner N.V., 1961. *Kitaiskie izvestiia o narodakh Iuzhnoi Sibiri, Tsentral'noi Azii i Dal'nego Vostoka* [Chinese reports about the peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East], Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 391 p.
- Ksenofontov G.V., 1977. *Elleida: Materialy po mifologii i legendarnoi istorii iakutov* [Elleida: The materials on the mythology and legendary history of Yakuts], Moscow: Nauka 248 p.
- Kuz'min N.Iu., 1991. Ograblenie ili obriad? [Robbery or ritual?]. *Rekonstruktsiia drevnikh verovaniy: Istochniki, metod, tsel'*, St. Petersburg: Gosudarstvennyi muzei istorii religii, pp. 146–155.
- Kuz'min N.Iu., 2011. *Pogrebal'nye pamiatniki khunno-sian'biiskogo vremeni v stepiakh Srednego Eniseia: Tesinskaia kul'tura* [The burials of Hunno-Syanbi times in the steppes of the Middle Yenisei: Tesinsk Culture], St. Petersburg: Aising, 456 p.

Lindenau Ia.I., 1983. *Opisanie narodov Sibiri (pervaia polovina XVIII v.): Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [A description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century): Historical and ethnographic materials on the peoples of Siberia and the North-East], Magadan: Knizhnoe izdatel'stvo, 176 p.

Maksimenkov G.A., 1975. *Sovremennoe sostoianie voprosa o periodizatsii epokhi bronzы Minusinskoй kotloviny* [Current state of the issue of periodization of the Bronze Age of the Minusinsk Depression]. *Pervobytnaia arkheologiya Sibiri*, Leningrad: Nauka, pp. 48–58.

Matveeva G.I., 2003. *Obriad obezvrezhivaniia pogrebennykh v mogil'nikakh IV–VII vekov v Iuzhnom Priural'e i Srednem Povolzh'e* [The rite of rendering the buried harmless in the cemeteries of the IV–VII centuries in the Southern Urals and the Middle Volga]. *Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arkheologicheskoe soveshchanie: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 6–10 oktiabria 2003 g.*, Perm', pp. 210–212.

Molodin V.I., Solov'ev A.I., 2004. *Pamiatnik Sopka-2 na reke Omi: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi srednevekov'ia* [The Sopka-2 site on the Om' river: Cultural and chronological analysis of the funerary complexes of the Middle Ages], Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, 182 p.

Nelin D.V., 2001. «Ograblenie» pogrebenii epokhi bronzы: Problemy interpretatsii [«Robbery» of tombs of the Bronze Age: Problems of interpretation]. *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: Kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiia: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «K stoletiu periodizatsii V.A. Gorodtsova bronzovogo veka iuzhnoi poloviny Vostochnoi Evropy»*, Samara: NTTs, pp. 317–321.

Nelunov A.G., 1998. *Iakutsko-russkii frazeologicheskii slovar'* [Yakut-Russian phrasebook], vol. 1, Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 287 p.

Nesterov S.P., 1998. *Narody Priamur'ia v epokhu rannego srednevekov'ia* [The peoples of the Amur region in the early Middle Ages], Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, 184 p.

Okladnikov A.P., 1955. *Iakutiia do prisoedineniia k russkomu gosudarstvu* [Yakutia before joining the Russian State]. *Istoriia Iakutskoi ASSR*, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, vol. 1, 430 p.

Priklonskii V.L., 1981. *Tri goda v Iakutskoi oblasti: Etnograficheskie ocherki* [Three years in Yakutsk region: Ethnographic essays]. *Zhivaia starina*, 3, St. Petersburg, pp. 48–84.

Savinov D.G., 2010. *Dotiurkskii plast v paleoetnografii Iakutov* [Pre-Turkic stratum in the paleoethnography of Yakuts]. *Sibirskii sbornik 2: K iubileiu E.A. Alekseenko*, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 68–81.

Savinov D.G., 2013. *Arkheologicheskie materialy o Iuzhnom komponente v kul'turogeneze Iakutov* [Archaeological materials of the southern component in the cultural genesis of Yakuts]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 2 (7), pp. 59–72.

Shishigina A.N., 2005. *Nauchnoe izuchenie Iakutii v XVIII veke (po materialam Vtoroi Kamchatskoi ekspeditsii)* [The scientific study of Yakutia in the XVIII century (based on the Second Kamchatka Expedition)], Iakutsk: Izdatel'stvo IaNTs SO RAN, 299 p.

Stepanov A.D., Kuz'min Ia.V., Hodgins G.W.L., Jull A.J.T., 2012. *Interpretatsii obriada i problemnye voprosy Kerdiugenskogo pogrebeniia ymyakhtakhskoi kul'tury (Iakutiia)* [Interpretations of the rite and problematic issues of the Kerdyugen burial of Ymyakhtakh Culture (Yakutia)]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 4 (52), pp. 51–61.

АНТРОПОЛОГИЯ

С.Г. Комаров, Е.П. Китов

Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский проспект, 32а, Москва, 119991
E-mail: snirrr@mail.ru;
kadet_eg@mail.ru

НОВЫЕ КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ТЮРКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОЙ ПОЛОСЫ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ X–XII вв.

Статья посвящена исследованию серии черепов, происходящих из пяти могильников правобережья Иртыша и характеризующих физический облик тюркского (кимако-кыпчакского) населения степной части Среднего Прииртышья X–XII вв. Краниологические комплексы изученной группы преимущественно имеют смешанные, европеоидно-монголоидные черты и в расово-диагностическом отношении могут быть определены как несколько смягченные варианты совокупности признаков южносибирской расы. Сравнительный анализ показал, что кимако-кыпчакское население левобережья Иртыша при явном преобладании европеоидных особенностей существенно отличалось от правобережной группы. Таким образом, антропологический состав тюркского населения был неоднородным и включал в себя элементы, различающиеся по степени выраженности черт монголоидной и европеоидной рас.

Ключевые слова: краниология, Казахстан, Прииртышье, тюрки, предмонгольское время, кимако-кыпчакское население, степь.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-097-111

В эпоху раннего средневековья обширная территория Казахстана вошла в орбиту влияния тюркской этнокультурной общности [История Казахстана..., 2010, с. 435]. Важнейшим фактором этнополитического развития казахстанских степей в VIII–XI вв. стало преобладание кимаков и кыпчаков в населении этого огромного региона [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 117]. Во второй половине I тыс. на территории Северо-Восточного Казахстана возник кимацкий союз племен — «крупнейшее тюркоязычное племенное объединение домонгольской эпохи» [Кумек, 1972, с. 46]. Образование ядра этого объединения, вероятно, связано с обособлением обитавшего в Прииртышье племени яньмо в результате падения Западнотюркского каганата в 656 г. Анализ сведений китайских источников позволяет отождествить яньмо с йемеками, вокруг которых происходила консолидация племен кимацкого союза (по: [Кумек, 1972, с. 40, 48]). По-видимому, именно этноним «йемек» дал название всему союзу племен [Там же, с. 40–41].

Большую роль в развитии союза сыграл разгром кыргызами Уйгурского каганата в 840 г., вследствие чего в кимацком объединении появились эймюры, байандуры и татары [Кумек, 1972, с. 46]. Важнейшим событием, способствовавшим усилению кимацкой федерации, стало вхождение в нее кыпчаков, которое произошло, по всей видимости, не ранее конца VIII — начала IX в. [Кляшторный, 2005, с. 135]. С IX в. окончательно сформировавшийся и окрепший племенной союз уже известен как государство — Кимацкий каганат. Территория, подвластная кагану, в это время охватывала земли юго-восточной части Южного Урала и Приаралья на западе, Центральный Казахстан, часть Северо-Восточного Семиречья на юге, Западный Алтай и Кулундинскую степь на востоке; на севере кимацкие владения доходили до лесостепной полосы [Кумек, 1972, с. 58].

Политическая гегемония в пределах расселения кимако-кыпчакских племен вплоть до начала XI в. принадлежала йемекам [Кумек, 1972, с. 57]. Однако уже со второй половины X в. вследствие роста численности населения и военного потенциала кыпчаков их политическая зависимость от кагана стала номинальной [Савинов, 1979, с. 60].

Кимакский каганат прекратил свое существование в 30-х гг. XI в. в результате грандиозной «цепной миграции» кочевых племен, начало которой было положено вторжением киданей в центрально-азиатские степи [Кызласов, 1984, с. 79–81; Кумекон, 1972, с. 122]. Крушение Кимакского каганата в конечном итоге привело к значительному усилению кыпчаков, которые после захвата огузских земель в бассейне Сырдарьи, Западном Приаралье и Северном Прикаспии стали наиболее могущественной силой на всей территории расселения кимако-кыпчакских племен. Йемеки потеряли власть над некогда подчиненным им населением. После распада каганата только часть йемеков удержалась в Прииртышье, другая же их часть вместе с кыпчаками двинулась в южно-русские степи [Кумекон, 1972, с. 86–87, 128–129]. Согласно заключению В.В. Бартольда, «историческое значение кимаков состоит в том, что из их среды вышел многочисленный впоследствии народ кыпчаков <...>, который первоначально был лишь одним из племен кимаков» (цит. по: [Савинов, 1984, с. 118]).

Ключевая проблема в исследованиях, посвященных кимакам, связана с характером взаимоотношений племенных массивов, которые входили в кимако-кыпчакское объединение в период его формирования, развития и распада [Кумекон, 1972, с. 31]. Один из наиболее важных аспектов этой проблемы касается «кимацкого» этапа этнической истории кыпчаков. С одной стороны, данные источников свидетельствуют об относительно обособленном положении кыпчаков в составе племенного союза, а позднее государства кимаков [Там же, с. 43]. С другой стороны, археологически фиксируется единство материальной культуры населения Центрального, Северного и Восточного Казахстана VIII–XII вв., что дает основания относить памятники этого времени к единой культуре кимако-кыпчакских племен [Там же, 1972, с. 57]. Более того, археологические памятники кыпчаков как до вхождения в кимакский союз племен, так и в период их нахождения в составе Кимакского каганата, до сих пор не выявлены в силу отсутствия надежных этнодифференцирующих признаков [Савинов, 2005, с. 300].

Считаем также необходимым обозначить перекочевавшую в сферу историографии проблему семантической нагрузки этнонима «кимак». Уже в VIII–XII вв. существовала практическая традиция, согласно которой этот этноним распространялся «на значительную часть населения средневекового Казахстана и прилегающих к нему районов Южной Сибири, а затем южно-русских степей» [Ахинжанов, 1995, с. 109–110]. Очевидно, это связано с особенностями этнических наименований у многих кочевых народов, когда название господствующего рода/племени распространяется на все население, входящее в племенное объединение [Там же, с. 100–101]. Унаследованная от средневековых арабо- и персоязычных авторов расширенная трактовка этнонима «кимак» привнесла в современную историческую науку некоторую путаницу. В ряде работ, касающихся кимакской проблематики, не всегда ясно, имеет ли в виду автор, говоря о кимаках, только йемеков или весь массив племен, входящих в союз. Отчасти это связано с отсутствием детальной разработки вопроса о соотношении этнонимов «кимак», «йемек» и «кыпчак». Такая ситуация, в частности, породила представление о будто бы царящей в историографии традиции отождествления кимаков и кыпчаков [Там же, с. 11, 15, 99] — представление, на наш взгляд, совершенно ошибочное.

С учетом обозначенного круга проблем нам представляется уместным использование этнонима «кимак» в отношении археологической атрибуции памятников тюркского населения Восточного и Северного Казахстана VIII–XII вв. только в том случае, если этот этноним употребляется, вслед за Д.Г. Савиновым, в «широком, этнокультурном» или «этнополитическом» смысле [1973, 1976, 1984]. Наиболее приемлемой нам видится формулировка «кимако-кыпчакские племена» (см., напр.: [Кумекон, 1972, с. 57; Арсланова, 1968, с. 111; 2013, с. 132, 170]), учитывающая, с одной стороны, археологически доказанное культурное единство населения VIII–XII вв., а с другой — этнополитическую ситуацию в степях Казахстана в обозначенном хронологическом диапазоне.

При реконструкции расогенетических процессов, протекавших в евразийских степях в эпоху средневековья, значительную роль играют данные палеоантропологических исследований [Исмагулов, 1970, с. 3–4]. Уже в домонгольское время у отдельных групп фиксируются смешанные европеоидно-монголоидные краниологические комплексы, ставшие во все последующие эпохи характерными для населения Казахстана в целом [Там же, с. 72, 75]. Поэтому данный период, согласно О. Исмагулову, является «узловым этапом этнического развития казахской народности» [1968, с. 146]. Между тем палеоантропологических материалов по тюркскому населению на сегодняшний день явно недостаточно для решения многих конкретных вопросов расо-, этно- и культурогенеза на территории Казахстана.

Новые краниологические данные к вопросу об антропологическом составе тюркского населения...

В частности, об антропологическом составе тюркского населения степной части Среднего Прииртышья предмонгольского времени в настоящее время можно судить только по результатам исследования единственной сборной краниологической серии, опубликованной О. Исмагуловым [1969, 1970]. Изученные им черепа большей частью происходят из могильника, расположенного на левом берегу Иртыша у с. Ждановка (современное название — Приреченское) Актогайского района Павлодарской области Республики Казахстан; кроме того, несколько черепов получены в результате раскопок правобережного могильника у с. Леонтьевка Успенского района той же области. Оба памятника на основании специфики погребального обряда и инвентаря датируются в пределах X–XII вв. и соотносятся с «тюркоязычными племенами, входившими в кимакско-кипчакское политическое объединение» [Арсланова, 1968, с. 111].

В распоряжении авторов данной статьи оказались краниологические материалы из могильников Песчаное, Кызылтан, Караколь, Григорьевка и Кенжеколь (могильник у совх. № 499), расположенных на правом берегу Иртыша в Качирском районе Павлодарской области Республики Казахстан. Погребения, из которых происходят исследуемые материалы, датированы предмонгольским временем (X–XII вв.) и атрибутированы как принадлежащие кимако-кыпчакским племенам¹. Близкое географическое положение могильников и общая археологическая атрибуция позволяют объединить все имеющиеся черепа в одну сборную серию. Таким образом, для проведения краниологического исследования сформирована выборка из 13 мужских черепов разной, большей частью очень хорошей, сохранности². В нескольких случаях осуществление ряда измерений стало возможным только после реставрации. Обработка материалов проводилась в соответствии с традиционной методикой краниометрических исследований [Алексеев, Дебец, 1964].

Следует отметить, что Ждановский могильник, из которого происходит основная часть опубликованных О. Исмагуловым черепов тюркского населения Среднего Прииртышья X–XII вв., расположен в непосредственной близости от кимако-кыпчакских могильников правого берега Иртыша (рис. 1). В этой связи предлагаемая работа за счет введения новых краниологических материалов преследует цель получить более полную картину антропологического состава тюркского населения степной полосы Среднего Прииртышья предмонгольского времени.

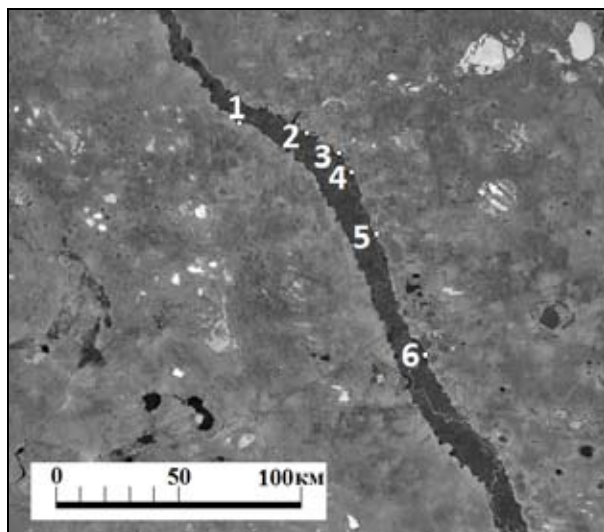

Рис. 1. Локализация могильников, из которых происходят краниологические материалы кимако-кыпчакского населения степной части Среднего Прииртышья X–XII вв.

1 — Ждановский могильник; 2 — Песчаное; 3 — Кызылтан; 4 — Караколь; 5 — Григорьевка; 6 — Кенжеколь (могильник у совх. № 499).

Примечание: на карте отсутствует Леонтьевский могильник, так как не удалось установить его точную локализацию.

¹ Выражаем благодарность директору научно-исследовательского археологического центра Павлодарского государственного педагогического института Т.Н. Смагулову, а также специалисту лаборатории археологии Павлодарского областного историко-краеведческого музея Г.Ю. Пересветову за предоставленную возможность использования неопубликованных данных.

² Крайне малое число женских черепов заставляет оставить их исследование за рамками предлагаемой работы.

Обратимся к описанию краниологических материалов. Основные статистические параметры представлены в табл. 1 и 2.

Серия суммарно характеризуется мезокранным черепным указателем. Наряду с тремя мезокранными в выборке присутствуют два долихокранных черепа и пять брахикранных. Продольный, поперечный и высотный от *ba* диаметры черепной коробки средние. Высота свода от *po* большая. Сагиттальная дуга средняя. Горизонтальная окружность через *g* и поперечная дуга *po-br-po* достигают больших величин. Длина основания черепа — в пределах средних значений. Лобная кость среднеширокая по наименьшей ширине и широкая — по наибольшей. Высота изгиба лба средняя; угол профиля лба от *n* имеет большое значение. К категории больших размеров относятся также ширина основания черепа и ширина затылочной кости.

Таблица 1

**Краниметрическая характеристика мозговой коробки черепов
из правобережных кимако-кыпчакских могильников Среднего Прииртышья**

Обозначение и название признака	<i>n</i>	<i>x</i>	min	max	σ	<i>V</i>	
1	Продольный диаметр	11	182,2	170,0	191,0	6,23	3,42
8	Поперечный диаметр	10	144,2	132,0	156,0	7,32*	5,08*
17	Высотный диаметр от <i>ba</i>	10	134,0	130,0	141,0	3,47	2,59
20	Высотный диаметр от <i>po</i>	10	117,8	115,0	122,0	2,49	2,11
5	Длина основания черепа	10	101,7	96,0	106,0	3,20	3,15
9	Наименьшая ширина лба	12	97,5	93,0	102,0	3,06	3,12
10	Наибольшая ширина лба	11	123,0	114,0	128,0	5,31*	4,32
11	Ширина основания черепа	10	132,2	122,0	143,0	5,98*	4,53*
12	Ширина затылка	10	114,0	105,0	123,0	5,14*	4,51*
23	Горизонтальная окружность через <i>g</i>	10	527,6	508,0	552,0	5,74	5,20
24	Поперечная дуга <i>po-br-po</i>	10	322,2	308,0	334,0	7,47	2,32
25	Сагиттальная дуга	10	371,9	356,0	384,0	9,47	2,55
26	Лобная дуга	11	127,4	113,0	136,0	7,50*	5,89*
27	Теменная дуга	10	124,0	112,0	135,0	7,64	6,17
28	Затылочная дуга	10	120,2	110,0	137,0	9,14*	7,60*
29	Лобная хорда	11	110,4	101,0	119,5	5,74*	5,20*
30	Теменная хорда	10	112,2	103,0	122,0	6,06	5,40
31	Затылочная хорда	10	98,7	90,0	111,5	7,25*	7,35*
32	Угол профиля лба от <i>n</i>	10	85,0	80	91	4,06	4,77
Sub N β	Высота изгиба лба	9	24,8	20,8	28,0	2,37*	9,55*
8:1	Черепной указатель	10	79,1	70,6	84,2	4,90*	6,19
17:1	Высотно-продольный указатель	10	73,5	69,6	76,5	2,35	3,19
17:8	Высотно-поперечный указатель от <i>ba</i>	10	93,2	85,3	103,7	5,61*	6,02
20:1	Высотно-продольный указатель от <i>po</i>	10	64,6	61,5	67,6	2,13	3,29
20:8	Высотно-поперечный указатель от <i>po</i>	10	81,9	75,6	89,7	4,32*	5,28

* Повышенное значение показателей дисперсии в сравнении со стандартными величинами (по: [Алексеев, Дебц, 1964]).

Лицевой скелет высокий, очень широкий в верхнем ярусе, широкий по скуловому диаметру и средней ширине. Вертикальный профиль лица ортогнатный при очень большой величине обшего лицевого угла. Средний лицевой угол также очень большой, причем в трех случаях из десяти фиксируются чрезвычайно большие значения — выходящие за верхнюю границу категории очень больших размеров. Угол альвеолярной части лица средний. Длина основания лица также средняя. Орбиты очень широкие при средней высоте; подобная комбинация параметров соответствует мезоконхному орбитному указателю. Нос мезоринных пропорций за счет большой высоты при средней ширине грушевидного отверстия. Переносье среднее как по высоте, так и по ширине. Носовые кости средне выступают по отношению к вертикальной плоскости лица. Клыковая ямка неглубокая. Горизонтальная профилировка лицевого скелета средняя в плоскости $zm'-ss-zm'$ при некоторой уплощенности на верхнем уровне.

В ряде случаев средняя характеристика может считаться лишь довольно условным отражением морфологической специфики группы из-за значительного размаха изменчивости краниметрических признаков. Величины некоторых из них варьируются в пределах четырех-пяти категорий размеров, что стало причиной завышения показателей дисперсии по сравнению со среднемировыми значениями. Из признаков мозговой коробки повышенную вариабельность демонстрируют поперечный диаметр, наибольшая ширина лба, высота изгиба лба, угол профи-

Новые краниологические данные к вопросу об антропологическом составе тюркского населения...

ля лба от l , ширина основания черепа, ширина затылка, лобная и затылочная хорды, лобная и затылочная дуги, а также три указателя — черепной и оба высотно-поперечных. Ситуация с лицевым скелетом принципиально отличается: лишь несколько признаков характеризуются высокими показателями дисперсии — ширина носа, высота орбиты, симотическая высота, общий лицевой угол, носовой указатель и — особенно — глубина клыковой ямки, коэффициент вариации которой более чем вдвое превышает верхний предел средних величин. Таким образом, при ощутимых различиях по признакам черепной коробки параметры лицевого отдела довольно однородны.

Таблица 2

Краниометрическая характеристика лицевого скелета черепов из правобережных кимако-кыпчакских могильников Среднего Прииртышья

Обозначение и название признака		n	x	min	max	σ	V
40	Длина основания лица	9	96,9	92,0	107,0	4,14	4,27
45	Скуловой диаметр	10	140,7	136,0	146,0	3,27	2,32
48	Верхняя высота лица	13	74,6	68,0	79,0	3,96	5,31
43	Верхняя ширина лица	13	110,5	106,0	115,0	2,63	2,38
46	Средняя ширина лица	11	100,5	90,5	107,0	5,00	4,98
55	Высота носа	13	53,7	48,0	56,5	2,14	3,98
54	Ширина носа	13	26,0	23,0	29,0	2,00*	7,74*
51	Ширина орбиты от mf	13	45,0	43,0	46,5	1,05	2,33
52	Высота орбиты	13	34,4	30,5	39,0	2,60*	7,54*
FC	Глубина клыковой ямки	13	3,8	0,1	7,0	2,14*	55,86*
MC	Максиллофронтальная ширина	12	19,3	15,0	22,5	2,50	12,95
MS	Максиллофронтальная высота	12	5,6	4,0	6,6	0,89	15,99
SC	Симотическая ширина	13	8,0	5,5	10,5	1,52	19,0
SS	Симотическая высота	13	3,8	2,3	6,0	1,10*	29,15*
45:8	Поперечный фациocereбральный указатель	10	97,7	93,6	103,0	3,37	3,45
48:17	Вертикальный фациocereбральный указатель	10	55,6	52,3	60,0	2,62	4,71
48:45	Верхний лицевой указатель	10	53,0	48,2	57,2	3,33	6,27
54:55	Носовой указатель	13	48,5	42,3	56,9	4,56*	9,44
52:51	Орбитный указатель	13	76,5	70,9	84,6	4,62	6,03
SS:SC	Симотический указатель	13	47,6	27,7	75,0	12,48	26,22
72	Общий лицевой угол	10	87,4	83	93	3,24*	3,71
73	Средний лицевой угол	10	91,9	87	96	2,96	3,22
74	Угол альвеолярной части	10	75,2	71	82	4,24	5,63
75(1)	Угол выступления носа	11	24,2	19	29	3,84	15,89
77	Назомулярный угол	12	145,8	139,8	151,7	4,36	2,99
< zm'	Зигомаксиллярный угол	10	135,8	122,2	143,1	5,66	4,17

* Повышенное значение показателей дисперсии в сравнении со стандартными величинами (по: [Алексеев, Дебц, 1964]).

Учитывая относительно небольшую численность исследуемой серии и выявленный широкий размах изменчивости некоторых признаков, считаем уместным индивидуальное описание краниологических материалов. Для иллюстрации почти полного спектра варибельности основных габаритных и расово-диагностических признаков приведем краткую характеристику пяти черепов, снабженную в каждом случае фотографией в трех нормах — фронтальной, латеральной и вертикальной (рис. 2–6).

Могильник у совх. № 499, к. 1, м. 3. Череп умеренно брахикранный при очень больших (максимальных в серии) значениях и продольного и поперечного диаметров мозговой коробки. Высота свода от ba средняя, от po — большая. Лицевой скелет средней высоты, очень широкий по величине скулового диаметра (значение признака является групповым максимумом). Вертикальный профиль ортогнатный. Орбиты хамэконхных пропорций за счет соотношения очень большой ширины и средней высоты. Носовые кости слабо выступают по отношению к вертикальной плоскости лица. Переносье узкое и невысокое. В горизонтальной плоскости лицевой скелет сильно уплощен в верхнем ярусе при средней профилировке на зигомаксиллярном уровне. Клыковая ямка очень малой глубины.

Рис. 2. Череп из могильника у совх. № 499 (к. 1 м. 3).

Кенжеколь 4, к. 1. Череп мезокранный при средних значениях и длины и ширины мозговой коробки. Высотный диаметр от *ba* средний, от *po* — большой. Лицевой скелет широкий и очень высокий (с наибольшим значением верхней высоты лица в рамках серии). В вертикальной плоскости лицо мезогнатное. Орбиты средней высоты, очень широкие, по указателю хамэконхные. Угол выступания носовых костей большой. Переносье среднеширокое и высокое. В горизонтальной плоскости лицо сильно уплощено в верхнем ярусе при средней профилировке в плоскости $zm'-ss-zm'$. Клыковая ямка глубокая; значение признака является групповым максимумом.

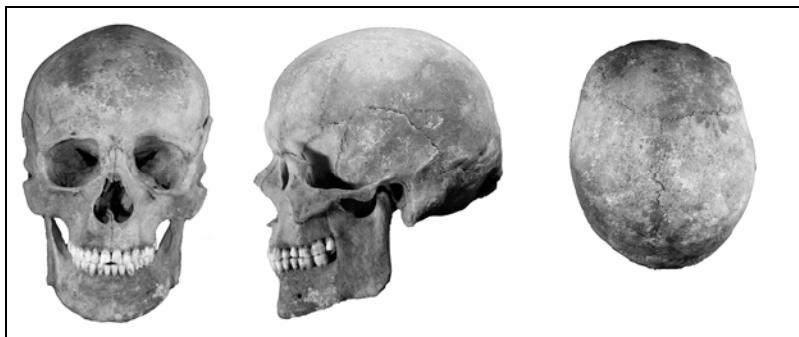

Рис. 3. Череп из могильника Кенжеколь 4 (к. 1).

Караколь, м. 3. Череп долихокраний за счет сочетания большого продольного диаметра и очень малой (минимальной в группе) ширины мозговой коробки. Таким соотношением обусловлена наименьшая в серии величина черепного указателя. Высота свода и от *ba* и от *po* средняя (значение последнего признака также является минимальным). Лицевой скелет средневысокий при среднем значении скулового диаметра, вновь представляющем собой групповой минимум. Вертикальный профиль лица ортогнатный. Орбиты широкие и низкие, хамэконхные по пропорциям. Носовые кости средне выступают относительно вертикали лица, переносье низкое и узкое. Горизонтальная профилировка средняя на обоих уровнях. Клыковая ямка средней глубины.

Рис. 4. Череп из могильника Караколь (м. 3).

Караколь, м. 2. Череп брахикранный при малом продольном диаметре и большой ширине мозговой коробки. Высота свода черепа средняя и от *ba* и от *po* (как и в предыдущем случае, величина высотного диаметра от *po* является минимальной в серии). Лицо высокое и очень широкое, в вертикальной плоскости ортогнатное с чрезвычайно большой (наибольшей в серии) величиной общего лицевого угла. Орбиты хамэконхные за счет большой ширины и очень малой высоты (значения обоих признаков минимальны в группе). Нос средневыступающий; переносье среднее и в ширину и в высоту. В горизонтальной плоскости лицевой скелет очень сильно уплощен на обоих уровнях (при максимальном значении зигомаксиллярного угла). Клыковая ямка выражена крайне слабо.

Рис. 5. Череп из могильника Караколь (м. 2).

Григорьевка (раскопки 2006 г.). При малом продольном диаметре и большой ширине мозговой коробки череп имеет брахикранные пропорции с максимальным в серии продольно-поперечным указателем. Высота свода от *ba* малая при минимальном значении признака. Высотный диаметр от *po* достигает большой величины. Лицо низкое (с минимальной в выборке высотой) и широкое, с ортогнатным вертикальным профилем. Орбиты хамэконхные — очень широкие при средней высоте. По отношению к вертикальной плоскости лица носовые кости выступают слабо (с наименьшим значением признака). При этом переносье широкое и высокое. Горизонтальная профилировка лицевого скелета средняя на верхнем уровне и слабая — в плоскости zm' - $ss-zm'$. Глубина клыковой ямки при ничтожно малой величине — наименьшая в группе.

Рис. 6. Череп из могильника Григорьевка (раскопки 2006 г.).

Что касается расовой диагностики изученной группы, то по совокупности характеристик четко фиксируются смешанные европеоидно-монголоидные краниологические комплексы, лежащие в основе морфологических особенностей большинства исследованных индивидов. Пожалуй, уместно будет говорить о смягченном варианте совокупности признаков южно-сибирской расы, учитывая некоторую условность выделения этой расы в качестве самостоятельной единицы систематики [Алексеев, Мамонова, 1988]. Однако следует подчеркнуть, что сочетание черт двух больших рас в изученной серии неодинаково; несколько черепов отличаются от остальных явным преобладанием европеоидного компонента.

При этом краниологическая серия из Ждановского и Леонтьевского могильников, исследованная О. Исмагуловым, в целом относится к кругу европеоидных форм, однако некоторые типичные черты — слабо выраженные клыковые ямки, умеренная уплощенность лицевого скелета в горизонтальной плоскости, относительно большая высота и ширина лица — указывают «на ослабленность европеоидных черт под влиянием монгольской примеси» [Исмагулов, 1969, с. 85]. Присутствие в серии монголоидного компонента при преобладании в целом европеоидных особенностей выявлено также на основании индивидуального анализа материалов: из 26 черепов 16 определены как европеоидные, 4 — как монголоидные, остальные 6 характеризуются смешанными краниологическими комплексами. Европеоидная составляющая близка к смягченному андроновскому типу, в то время как монголоидные черепа не представляют собой однородную группу и, несмотря на малую численность, дифференцируются О. Исмагуловым по величине черепного указателя на брахи- и мезокранные типы. Черепа смешанного облика «сближаются с сериями южносибирского или урало-алтайского типов» [Там же]. Согласно О. Исмагулову, кимако-кыпчакская группа, представленная выборкой из Ждановского и Леонтьевского могильников, оказалась наименее подверженной монголоидному влиянию, которое в разной степени охватило население Казахстана тюркского времени [Там же, с. 86]. Более того, в масштабе тюркского населения Казахстана жители Среднего Прииртышья представляли собой единственную группу со «сравнительно высокой концентрацией европеоидных компонентов» [Исмагулов, 1970, с. 67].

Таким образом, уже при первом приближении к проблеме соотнесения новых и опубликованных О. Исмагуловым данных становится очевидным, что в расово-диагностическом отношении две кимако-кыпчакские серии из Среднего Прииртышья заметно отличаются друг от друга. Насколько существенны эти различия, станет возможным выяснить в ходе сравнительного анализа, проведенного в несколько этапов.

На первом этапе было осуществлено сопоставление средних краниометрических характеристик обеих выборок при помощи парного t -критерия Стьюдента. Для того чтобы каждая из сравниваемых серий была четко приурочена к конкретному берегу Иртыша, из выборки, исследованной О. Исмагуловым, нами был исключен череп из правобережного Леонтьевского могильника. Кроме того, статистические параметры серии из Ждановского могильника были пересчитаны по индивидуальным данным с учетом удаления черепа индивида юношеского возраста. Следует отметить, что при анализе результатов учитывалась внутригрупповая вариабельность, поскольку малая величина t -критерия не всегда свидетельствует о близком сходстве по тому или иному признаку и наоборот — в некоторых случаях большое значение t -критерия не может считаться показателем морфологических различий между сравниваемыми группами.

В первую очередь обращает на себя внимание значительное сходство, которое наблюдается между двумя сериями по целому ряду признаков мозговой коробки (табл. 3).

Прежде всего следует особо отметить, что при чрезвычайно схожих параметрах внутригрупповой изменчивости в обеих выборках очень близки значения длины основания черепа, наибольшей ширины лба, ширины затылка, горизонтальной окружности через g и высоты изгиба лобной кости. Достоверные различия отсутствуют также в величинах продольного диаметра, наименьшей ширины лба, ширины основания черепа, поперечной дуги $po-br-po$, лобной и теменной составляющих сагиттальной дуги, лобной и теменной хорд, угла профиля лба от n , а также обоих высотно-продольных указателей.

При обозначенном сходстве между сериями также фиксируются определенные различия. Наиболее существенные из них касаются величины поперечного и обоих высотных диаметров черепа. По ширине мозговой коробки правобережная серия сильно уступает выборке из Ждановского могильника; этим обусловлены резкие отличия по поперечно-продольному указателю — исследуемые в данной работе черепа суммарно характеризуются мезокрацией в противовес брахикранный левобережной серии. По высоте свода черепа как от ba , так и от po , равно как и по значению обоих высотно-поперечных указателей, серия из могильников правого берега Иртыша, напротив, превосходит левобережную выборку. Весьма существенна разница по величине сагиттальной дуги: в правобережной серии признака гораздо больше, причем это различие обусловлено главным образом ощутимо меньшим размером затылочной дуги на черепках из Ждановского могильника. Аналогичная ситуация наблюдается в соотношении серий по величине затылочной хорды.

Сопоставление краниометрических характеристик мозгового отдела черепа кимако-кыпчакских серий с территории Среднего Прииртышья

Обозначение и наименование признака		Могильники правого берега Иртыша			Ждановский могильник			t
		n	min-max	x	n	min-max	x	
1	Продольный диаметр	11	170,0-191,0	182,2	14	171,0-187,0	179,3	1,30
8	Поперечный диаметр	10	132,0-156,0	144,2	14	145,0-161,0	151,0	2,58*
17	Высотный диаметр от <i>ba</i>	10	130,0-141,0	134,0	11	121,0-136,0	130,0	2,14*
20	Высотный диаметр от <i>po</i>	10	115,0-122,0	117,8	14	109,0-122,0	114,0	2,58*
5	Длина основания черепа	10	96,0-106,0	101,7	11	97,0-105,0	101,5	0,15
9	Наименьшая ширина лба	12	93,0-102,0	97,5	14	92,0-108,0	99,7	1,16
10	Наибольшая ширина лба	11	114,0-128,0	123,0	14	115,0-130,0	124,4	0,71
11	Ширина основания черепа	10	122,0-143,0	132,2	13	127,0-143,0	134,2	0,89
12	Ширина затылка	10	105,0-123,0	114,0	13	106,0-121,0	112,8	0,60
23	Горизонтальная окружность через <i>g</i>	10	508,0-552,0	527,6	14	509,0-550,0	526,5	0,22
24	Поперечная дуга <i>po-br-po</i>	10	308,0-334,0	322,2	14	305,0-341,0	323,3	0,31
25	Сагиттальная дуга	10	356,0-384,0	371,9	14	348,0-376,0	359,0	3,44**
26	Лобная дуга	11	113,0-136,0	127,4	14	120,0-142,0	126,9	0,19
27	Теменная дуга	10	112,0-135,0	124,0	14	112,0-126,0	119,7	1,76
28	Затылочная дуга	10	110,0-137,0	120,2	14	104,0-121,0	111,7	3,07**
29	Лобная хорда	11	101,0-119,5	110,4	14	105,0-122,0	111,6	0,61
30	Теменная хорда	10	103,0-122,0	112,2	14	99,0-116,0	108,1	1,80
31	Затылочная хорда	10	90,0-111,5	98,7	14	82,0-97,0	90,3	3,56**
32	Угол профиля лба от <i>n</i>	10	80-91	85,0	14	77-87	82,0	1,99
Sub Nβ	Высота изгиба лба	9	20,8-28,0	24,8	14	22,0-30,0	25,0	0,22
8:1	Черепной указатель	10	70,6-84,2	79,1	14	77,5-90,4	84,3	2,79*
17:1	Высотно-продольный указатель от <i>ba</i>	10	69,6-76,5	73,5	11	65,8-76,4	73,3	0,17
17:8	Высотно-поперечный указатель от <i>ba</i>	10	85,3-103,7	93,2	11	77,6-92,5	85,9	3,31**
20:1	Высотно-продольный указатель от <i>po</i>	10	61,5-67,6	64,6	14	58,3-68,2	63,6	1,04
20:8	Высотно-поперечный указатель от <i>po</i>	10	75,6-89,7	81,9	14	70,8-82,8	75,5	4,39**

* Различия достоверны при $p \leq 0,05$ (здесь и далее достоверность различий определена по: [Лакин, 1968]).

** Различия достоверны при $p < 0,01$.

По признакам, характеризующим габаритные размеры лицевого скелета: верхней, средней и скуловой ширине, верхней высоте и длине основания лица, между сериями нет статистически значимых различий (табл. 4).

Выборки также очень схожи по максилло-фронтальной ширине, высоте и ширине носа, высоте орбиты, глубине клыковой ямки. Сходство двух серий подчеркивается довольно близкими значениями общего и среднего лицевых углов. Средние величины большинства ключевых указателей лицевого скелета — вертикального фациоцеребрального, верхнего лицевого, носового, орбитного и симотического — вновь свидетельствуют о наличии определенной морфологической близости двух групп кимако-кыпчакского населения, соответствующих правобережной и левобережной сериям. Однако по целому ряду других признаков наблюдаются существенные различия. В первую очередь следует отметить отсутствие сходства в величине углов горизонтальной профилировки лицевого скелета — важных расово-диагностических признаков, играющих весьма значительную дифференцирующую роль при разграничении популяций по степени выраженности компонентов европеоидной и монголоидной рас. Население, представленное правобережной серией, отличалось от кимако-кыпчакской группы левого берега Иртыша уплощенностью лица как на верхнем уровне, так и в плоскости $zm'-ss-zm'$. Разница в физическом облике двух групп усиливается характеристиками носовой области лицевого скелета: угол выступления носовых костей, ширина и высота переносья и — особенно — максиллофронтальная высота в серии из Ждановского могильника в среднем относительно больше. Максиллофронтальная высота при чрезвычайно большом значении *t*-критерия является наиболее ярким маркером различий: максимальная величина этого признака в правобережной серии едва пересекает нижний рубеж его вариаций в выборке из Ждановского могильника. Поперечный фациоцеребральный указатель в серии из могильников правого берега Иртыша достоверно более высок. Наконец, левобережная группа отличалась относительно большим углом альвеолярной части лица.

**Сопоставление краниометрических характеристик лицевого отдела черепа
кимако-кыпчакских серий с территории Среднего Прииртышья**

Обозначение и наименование признака		Могильники правого берега Иртыша			Ждановский могильник			t
		n	min-max	x	n	min-max	x	
40	Длина основания лица	9	92,0-107,0	96,9	11	90,0-102,0	97,3	0,21
45	Скуловой диаметр	10	136,0-146,0	140,7	14	136,0-150,0	141,6	0,56
48	Верхняя высота лица	13	68,0-79,0	74,6	14	70,0-83,0	74,7	0,07
43	Верхняя ширина лица	13	106,0-115,0	110,5	14	101,0-114,0	109,6	0,70
46	Средняя ширина лица	11	90,5-107,0	100,5	14	91,0-106,0	98,5	1,12
55	Высота носа	13	48,0-56,5	53,7	14	50,0-59,0	53,6	0,21
54	Ширина носа	13	23,0-29,0	26,0	14	24,0-28,0	25,7	0,44
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	13	43,0-46,5	45,0	14	41,0-47,0	43,4	3,06**
52	Высота орбиты	13	30,5-39,0	34,4	14	28,0-37,0	33,8	0,62
FC	Глубина клыковой ямки	13	0,1-7,0	3,8	13	2,2-7,2	4,6	1,06
MC	Максиллофронтальная ширина	12	15,0-22,5	19,3	14	17,0-22,0	19,3	0
MS	Максиллофронтальная высота	12	4,0-6,6	5,6	14	5,6-9,3	7,7	5,75**
SC	Симотическая ширина	13	5,5-10,5	8,0	14	7,5-12,5	9,7	2,85*
SS	Симотическая высота	13	2,3-6,0	3,8	14	3,6-6,6	5,0	3,05**
45:8	Поперечный фациоцеребральный ук-ль	10	93,6-103,0	97,7	14	87,6-100,7	93,8	2,66*
48:17	Вертикальный фациоцеребральный ук-ль	10	52,3-60,0	55,6	11	52,6-66,1	56,8	0,78
48:45	Верхний лицевой указатель	10	48,2-57,2	53,0	14	49,0-56,6	52,8	0,17
54:55	Носовой указатель	13	42,3-56,9	48,5	14	43,9-52,9	48,0	0,34
52:51	Орбитный указатель	13	70,9-84,6	76,5	14	62,2-86,0	78,0	0,74
SS:SC	Симотический указатель	13	27,7-75,0	47,6	14	41,6-66,0	52,0	1,12
72	Общий лицевой угол	10	83-93	87,4	14	83-95	88,7	0,92
73	Средний лицевой угол	10	87-96	91,9	14	86-98	90,2	1,26
74	Угол альвеолярной части	10	71-82	75,2	13	72-94	82,5	3,18**
75(1)	Угол выступания носа	11	19-29	24,2	14	17-43	30,4	2,54*
77	Назоназальный угол	12	139,8-151,7	145,8	14	132,7-145,1	140,2	3,69**
<zm'	Зигомаксиллярный угол	10	122,2-143,1	135,8	14	121,8-139,2	128,6	3,30**

* Различия достоверны при $p \leq 0,05$.

** Различия достоверны при $p < 0,01$.

Следует отметить, что достоверная разница в суммарном значении ширины орбиты не может быть трактована как показатель морфологических различий: весь спектр величин этого признака в правобережной выборке почти укладывается в пределы его вариаций в серии из Ждановского могильника.

Сравнение двух выборок с помощью парного *t*-критерия Стьюдента свидетельствует, что, несмотря на сходство по многим признакам, взаимные различия не позволяют говорить о близости краниологических характеристик двух групп кимако-кыпчакского населения степной части Среднего Прииртышья X–XII вв.

На втором этапе сравнения серий был проведен многомерный статистический анализ на основе индивидуальных данных. Для получения как можно более объективной картины анализ осуществлен в программе Statistica 8.0 двумя разными способами — методами кластеризации и главных компонент. Выбор признаков для сопоставления краниологических комплексов тюркского населения Среднего Прииртышья был обусловлен стремлением использовать при статистической обработке как можно больше черепов, несмотря на неполную сохранность некоторых из них и, как следствие, отсутствие многих цифровых данных. Кроме того, с учетом выявленной разницы в расовой диагностике обеих групп кимако-кыпчакского населения представляется уместным провести сравнительный анализ на основе признаков только висцерального отдела черепа, в большей степени отражающих характеристику расовых особенностей по сравнению с признаками мозговой корочки. Это позволит выяснить, насколько существенны различия в строении лицевого скелета, зафиксированные сравнением двух серий с помощью парного *t*-критерия Стьюдента. Сопоставление черепов и в кластерном и в компонентном анализах осуществлено по комплексу 11 признаков: верхняя высота лица, верхняя ширина лица, высота и ширина носа, ширина и высота орбиты, ширина и высота переносья, максиллофронтальная ширина, максиллофронтальная высота и назоназальный

Новые краниологические данные к вопросу об антропологическом составе тюркского населения...

угол. Обозначенный набор признаков позволил включить в анализ 26 черепов — 12 исследуемых в данной работе и 14 из Ждановского могильника.

Перейдем непосредственно к результатам анализа. Кластеризация по методу Уорда на основе евклидовых расстояний разделяет черепа из кимако-кыпчакских могильников Прииртышья на две неравные по численности совокупности (рис. 7).

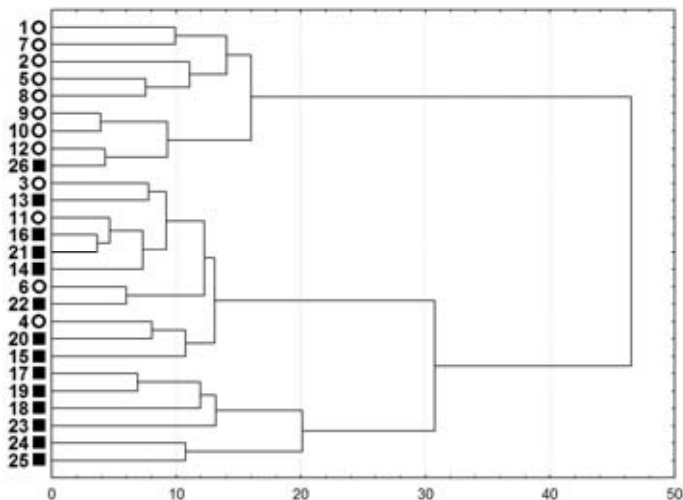

Рис. 7. Результат кластеризации кимако-кыпчакских черепов с территории степной части Среднего Прииртышья: Черепа правобережной серии (помечены ○): 1 — могильник у совх. № 499, к. 1 м. 3; 2 — Кенжеколь 4, к. 1; 3 — Кенжеколь, к. 1 м. 1; 4 — Караколь, м. 3; 5 — Караколь, м. 2; 6 — Григорьевка (раскопки 2006 г.); 7 — Григорьевка (раскопки 2003 г.); 8 — Песчаное; 9 — Кызылтан I, к. 6, м. 3; 10 — Кызылтан I, к. 6, м. 1; 11 — Кызылтан I, к. 16; 12 — Кызылтан I, к. 14, центр. мог. Черепа из Ждановского могильника (помечены ■): 13 — к. 1; 14 — к. 4; 15 — к. 5; 16 — к. 7; 17 — к. 9; 18 — к. 10; 19 — к. 11; 20 — к. 13; 21 — к. 18; 22 — к. 19; 23 — к. 20; 24 — к. 22; 25 — к. 28; 26 — к. 29.

Первую из совокупностей, меньшую по объему, составляют восемь черепов исследуемой в данной работе серии и, кроме того, один череп из Ждановского могильника. Другая совокупность образована большей частью выборки из Ждановского могильника и четырьмя черепами из правобережных погребений. Принципиально значимым является то обстоятельство, что обе серии в основном находятся в разных кластерах, демонстрируя тем самым наличие территориально приуроченных морфологических различий между двумя группами тюркского населения Среднего Прииртышья X–XII вв.

Для того чтобы выяснить, какие из выбранных для сравнения признаков наиболее существенны для отражения различий в морфологических комплексах двух групп кимако-кыпчакского населения Среднего Прииртышья, обратимся к результатам компонентного анализа. Три первые главные компоненты (далее — ГК) отражают в сумме 64 % общей дисперсии (табл. 5).

Таблица 5

Нагрузки на признаки по результатам компонентного анализа

Обозначение и название признака	ГК I	ГК II	ГК III
48 Верхняя высота лица	0,12	-0,80	0,36
43 Верхняя ширина лица	-0,09	-0,42	-0,66
55 Высота носа	0,11	-0,77	0,36
54 Ширина носа	-0,09	-0,41	-0,57
51 Ширина орбиты от <i>mf</i>	0,64	-0,35	-0,21
52 Высота орбиты	0,31	-0,54	0,11
SC Симотическая ширина	-0,83	-0,20	-0,10
SS Симотическая высота	-0,77	-0,36	0,03
MC Максиллофронтальная ширина	-0,41	-0,06	-0,56
MS Максиллофронтальная высота	-0,87	-0,04	0,19
77 Назомалярный угол	0,78	-0,01	-0,27
Собственные числа	3,37	2,18	1,50
% общей дисперсии	30,6	19,8	13,6

В ГК I при 30,6 % объясняемых морфологических различий между черепами наибольшей разграничительной силой обладают максиллофронтальная высота, симотическая ширина, назомаллярный угол и симотическая высота — признаки, в значительной степени отличающие друг от друга обе серии, как показал сравнительный анализ с помощью *t*-критерия Стьюдента. С учетом знаков нагрузок очевидно, что в масштабе включенных в сравнительный анализ черепов уменьшение максиллофронтальной высоты, ширины и высоты переноса сопровождается ослаблением профилировки верхнего яруса лицевого скелета. В ГК II (19,8 % совокупной дисперсии) значимые нагрузки приходятся на высоту носа и высоту лица. Примечательно, что при тождественных средних значениях этих признаков в двух сериях они являются достаточно важными для характеристики морфологического разнообразия кимако-кыпчакских племен Среднего Прииртышья. ГК III с максимальной нагрузкой на верхнюю ширину лица по сути не играет дифференцирующей роли.

Графический результат компонентного анализа демонстрирует определенную закономерность: черепа из правобережных захоронений преимущественно локализируются в правой части графика, имея относительно большие значения ГК I, в то время как серия из Ждановского могильника при малых координатах по оси ГК I в основном сосредоточена в левых квадрантах (рис. 8). Наблюдается практически полное совпадение результатов кластерного и компонентного анализов: черепа, составившие меньший по численности кластер (обведены овалом), занимают относительно обособленное место в пространстве двух первых ГК. В сложившейся ситуации не будет излишне смелым вывод, что выбранный для сопоставления черепов набор признаков в достаточной мере позволяет отобразить выявленную разницу в расовой диагностике левобережной (западной) и правобережной (восточной) групп тюркского населения степной полосы Среднего Прииртышья предмонгольского времени.

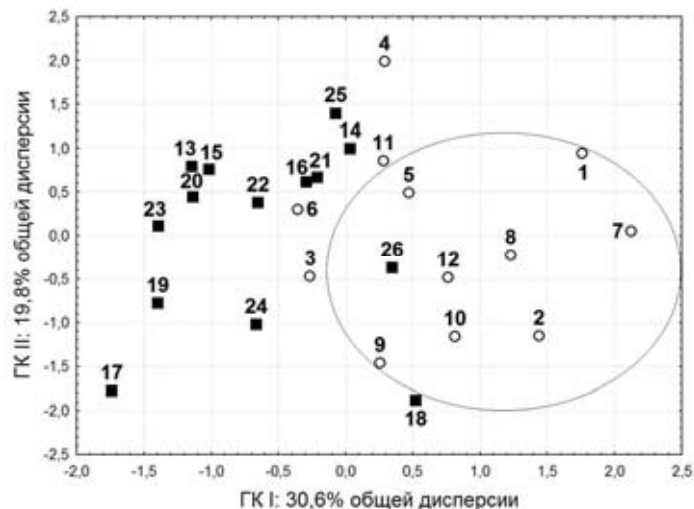

Рис. 8. Взаимное расположение кимако-кыпчакских черепов с территории степной части Среднего Прииртышья в пространстве двух первых ГК:

Черепы правобережной серии (помечены ○): 1 — могильник у совх. № 499, к. 1, м. 3; 2 — Кенжеколь 4, к. 1; 3 — Кенжеколь, к. 1, м. 1; 4 — Караколь, м. 3; 5 — Караколь, м. 2; 6 — Григорьевка (раскопки 2006 г.); 7 — Григорьевка (раскопки 2003 г.); 8 — Песчаное; 9 — Кызылтан I, к. 6, м. 3; 10 — Кызылтан I, к. 6, м. 1; 11 — Кызылтан I, к. 16; 12 — Кызылтан I, к. 14, центр. мог. Черепы из Ждановского могильника (помечены ■): 13 — к. 1; 14 — к. 4; 15 — к. 5; 16 — к. 7; 17 — к. 9; 18 — к. 10; 19 — к. 11; 20 — к. 13; 21 — к. 18; 22 — к. 19; 23 — к. 20; 24 — к. 22; 25 — к. 28; 26 — к. 29.

Высота лица и носа, определяющие сущность различий по ГК II, в обеих выборках имеют как относительно малые, так и большие значения в масштабе общего размаха вариации. Поэтому расположение черепов относительно ГК II не обнаруживает тенденции к соответствию их распределения по сериям.

На основе многомерного статистического анализа установлено, что обе серии из могильников Среднего Прииртышья в целом заметно отличаются друг от друга по признакам лицевого скелета, что, по всей видимости, непосредственно отражает различия двух групп кимако-кыпчакского населения по совокупности расовых особенностей. Таким образом, на обоих эта-

Новые краниологические данные к вопросу об антропологическом составе тюркского населения...

пах сравнительного анализа двух серий получены схожие результаты: разница в средних значениях по ряду признаков, выявленная сопоставлением краниометрических характеристик с помощью *t*-критерия Стьюдента, подчеркивается результатами сравнения черепов по индивидуальным данным.

С учетом публикуемых в данной работе краниологических материалов из могильников Песчаное, Кызылтан, Караколь, Григорьевка и Кенжеколь антропологический состав тюркского населения степной полосы Среднего Прииртышья в X–XII вв. в общем виде характеризуется следующим образом: в физическом облике левобережной группы преобладали европеоидные особенности, в то время как основу морфологических комплексов правобережной группы составляли черты смешанного типа, представлявшего собой несколько смягченный вариант совокупности признаков южно-сибирской расы. Сравнительный анализ двух краниологических серий, соотносимых с кимако-кыпчакскими племенами, позволяет говорить об Иртыше как о естественной границе, разделяющей однородные в культурном плане, но морфологически различающиеся группы тюркского населения.

Вероятно, различия в физическом облике тюркского населения Среднего Прииртышья предмонгольской эпохи могут быть трактованы как следствие сложного, многокомпонентного этнического состава кимако-кыпчакского союза племен. В этой связи уместно вспомнить мнение О. Исмагулова, согласно которому «антропологический состав населения Казахстана никогда не был столь разнообразен, как в тюркское время» [1970, с. 65]. Данные, приведенные в настоящей работе, показывают, что этот обобщающий вывод применим и к отдельным регионам Казахстана. Однако вопрос об истоках различий в антропологическом составе кимако-кыпчакских племен на данный момент не может быть решен: единственная краниологическая серия с территории степной части Среднего Прииртышья предшествующего времени (VII–IX вв.) из Трофимовского и Бобровского могильников слишком малочисленна, чтобы делать надежные выводы о преемственности морфологических комплексов. Лишь с дальнейшим накоплением палеоантропологических материалов станет возможной объективная реконструкция расогенетических процессов, определявших сущность межпопуляционного взаимодействия в регионе в тюркскую эпоху.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.

Алексеев В.П., Мамонова Н.Н. Палеоантропологические материалы последних веков до нашей эры и тюркского времени с территории Северо-Западного Алтая // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 3–21.

Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья // Материалы и исследования по археологии Казахстана. Астана: Филиал Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. Т. 3. 405 с.

Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1968. С. 98–111.

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Изд. испр. Алматы: Гылым, 1995. 296 с.

Исмагулов О. Процесс становления антропологического типа казахов в связи с проблемами этногенеза // VII Международ. конгресс антропологических и этнографических наук, Москва (3–10 авг. 1964 г.). М.: Наука, 1968. Т. 3. С. 144–148.

Исмагулов О. Антропологические данные о тюрках Прииртышья // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. С. 80–90.

Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности: (Палеоантропологическое исследование). Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1970. 240 с.

История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): В 5 т. / Ред.: Акишев К.А., Байпаков К.М., Исмагулов О.И., Кумеков Б.Е. Алматы: Атамұра, 2010. Т. 1. 544 с.

Кляшторный С.Г. Степные империи: Рождение, триумф, гибель // Степные империи древней Евразии. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2005. С. 7–180.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 378 с.

Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Издательство «Наука» КазССР, 1972. 157 с.

Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Высш. шк., 1984. 167 с.

Лакин Г.Ф. Биометрия. М.: Высш. шк., 1968. 286 с.

- Савинов Д.Г. К этнической принадлежности сросткинской культуры // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы Всесоюз. конф. 14–16 июня 1973 г. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. С. 189–192.
- Савинов Д.Г. Расселение кимаков в IX–X веках по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1976. С. 94–104.
- Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 53–72.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии // Степные империи древней Евразии. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2005. С. 181–343.

S.G. Komarov, E.P. Kitov

Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Leninsky prospekt, 32a, Moscow, 119991
E-mail: snirrr@mail.ru;
kadet_eg@mail.ru

NEW CRANIOLOGICAL DATA ON THE ANTHROPOLOGY OF THE TURKIC POPULATION OF THE STEPPE-LAND IN THE MIDDLE IRTYSH TERRITORY IN THE X–XII CENTURIES

The article investigates a cranial series originating from five burials from the right bank of the Irtysh River. The series characterizes the physical appearance of the Turkic (Kimak-Kipchak) population of the steppe part of the Middle Irtysh territory in the X–XII centuries. Craniological complexes in the group studied are predominantly mixed, having both Caucasoid and Mongoloid traits and their racial affinity can be defined as a subdued variant of a combination of South Siberian racial traits. A comparative analysis demonstrated that the Kimak-Kipchak population of the left bank of the Irtysh River with the apparent predominance of Caucasoid features is significantly different from the right bank group. Thus, the anthropology of the Turkic population was heterogeneous and included elements that varied in the degree in which Mongoloid and Caucasoid racial traits were expressed.

Key words: Craniology, Kazakhstan, Irtysh territory, Turkic peoples, pre-Mongolian time, Kimak-Kipchak population, steppe

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-097-111

REFERENCES

- Akhinzhanov S.M., 1995. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana. Izdanie ispravlennoe* [Kipchaks in the History of Medieval Kazakhstan. Revised edition], Almaty: Gylym, 296 p.
- Akishev K.A., Baipakov K.M., Ismagulov O.I., Kumekov B.E., 2010, (eds.). *Istoriia Kazakhstana (s drevneishikh vremen do nashikh dnei): V 5 tomakh* [The history of Kazakhstan (from ancient times to the present day): A work in five volumes. Vol. 1], vol. 1. Almaty: Atamura, 2010, 544 p.
- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriia: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry: Methods of anthropological investigations], Moscow: Nauka, 127 p.
- Alekseev V.P., Mamonova N.N., 1988. Paleoantropologicheskie materialy poslednikh vekov do nashei ery i tiurkskogo vremeni s territorii Severo-Zapadnogo Altaia [Paleoanthropological materials of the last centuries BC and the Turkic Time from the North-East Altai territory]. *Paleoantropologiya i arkheologiya Zapadnoi i luzhnoi Sibiri*, Novosibirsk: Nauka, pp. 3–21.
- Arslanova F.Kh., 1968. Pamiatniki Pavlodarskogo Priirtysh'ia (VII–XII vv.) [The artefacts from Pavlodar Irtysh territory (the VII–XII centuries)]. *Novoe v arkheologii Kazakhstana*, Alma-Ata: Izdatel'stvo «Nauka» Kazakhskoi SSR, pp. 98–111.
- Arslanova F.Kh., 2013. *Ocherki srednevekovoi arkheologii Verkhnego Priirtysh'ia: Materialy i issledovaniia po arkheologii Kazakhstana*, vol. 3 [Studies of the Medieval Archaeology of the Upper Irtysh Territory], Astana: Filial Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana v g. Astana, 405 p.
- Ismagulov O., 1968. Protess stanovleniia antropologicheskogo tipa kazakhov v sviazi s problemami etnogeneza [Formation of the Kazakh anthropological type in connection with the problems of ethnogenesis]. *VII Mezhdunarodnyi kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk, Moskva (3–10 avgusta 1964 g.)*, vol. 3, Moscow: Nauka, pp. 144–148.
- Ismagulov O., 1969. Antropologicheskie dannye o tiurkakh Priirtysh'ia [Anthropological data on the Irtysh Turkic peoples]. *Kul'tura drevnikh skotovodov i zemledel'tsev Kazakhstana*, Alma-Ata: Izdatel'stvo «Nauka» Kazakhskoi SSR, pp. 80–90.
- Ismagulov O., 1970. *Naselenie Kazakhstana ot epokhi bronzy do sovremennosti: (Paleoantropologicheskoe issledovanie)* [The population of Kazakhstan from the Bronze Age to Modern Times: (Paleoanthropological research)], Alma-Ata: Izdatel'stvo «Nauka» Kazakhskoi SSR, 240 p.

Новые краниологические данные к вопросу об антропологическом составе тюркского населения...

Kliashtornyi S.G., 2005. Stepnye imperii: Rozhdenie, triumf, gibel' [Steppe Empires: Birth, triumph, death]. *Stepnye imperii drevnei Evrazii*, St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, pp. 7–180.

Kliashtornyi S.G., Sultanov T.I., 1992. *Kazakhstan: Letopis' trekh tysiacheletii* [Kazakhstan: A chronicle of three millennia], Alma-Ata: Rauan, 378 p.

Kumekov B.E., 1972. *Gosudarstvo kimakov IX–XI vv. po arabskim istochnikam* [The Kimak state in the IX–XI Centuries according to Arab sources], Alma-Ata: Izdatel'stvo «Nauka» Kazakhskoi SSR, 157 p.

Kyzlasov L.R., 1984. *Istoriia luzhnoi Sibiri v srednie veka: Ucheb. posobie dlia studentov vuzov* [The history of Southern Siberia in the Middle Ages: A textbook for university students], Moscow: Vysshiaia shkola, 167 p.

Lakin G.F., 1968. *Biometriia* [Biometry]. Moscow: Vysshiaia shkola, 286 p.

Savinov D.G., 1973. K etnicheskoi prinadlezhnosti srostkinskoi kul'tury [To the problem of ethnical affinities of the Srostki culture]. *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh iazykov: Materialy Vsesoiuznoi konferentsii 14–16 iunia 1973 g.*, Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 1973, p. 189–192.

Savinov D.G., 1976. Rasselenie kimakov v IX–X vekakh po dannym arkheologicheskikh istochnikov [Dispersion of the Kimaks in the IX–X Centuries according to archaeological sources]. *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam*, Alma-Ata: Izdatel'stvo «Nauka» Kazakhskoi SSR, pp. 94–104.

Savinov D.G., 1979. Ob osnovnykh etapakh razvitiia etnokul'turnoi obshchnosti kypchakov na iuge Zapadnoi Sibiri [About the main stages of the development of the ethno-cultural Kipchak community in the South of Western Siberia]. *Istoriia, arkheologii i etnografiia Sibiri*, Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 53–72.

Savinov D.G., 1984. *Narody luzhnoi Sibiri v drevnetiurkskuiu epokhu* [The Peoples of the South Siberia in the Ancient Turkic period], Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 175 p.

Savinov D.G., 2005. Drevnetiurkskie plemena v zerkale arkheologii [Ancient Turkic tribes in the archaeological mirror]. *Stepnye imperii drevnei Evrazii*, St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, pp. 181–343.

Д.А. Кириченко

Институт Археологии и Этнографии НАН Азербайджана
пр. Г. Джавида, 115, Баку, AZ 1143, Азербайджан
E-mail: dmakirichenko@mail.ru

О СЛУЧАЯХ ТРЕПАНАЦИИ У САРМАТСКИХ ПЛЕМЕН ЕВРАЗИИ

Предпринимается попытка обобщить случаи трепанации у сарматских племен Евразии. Рассматриваются палеоантропологические материалы с территории Азербайджана, Поволжья, Подонья, Казахстана, Венгрии, Румынии. Сарматы практиковали как символическую (ритуальную), так и медицинскую трепанацию. На черепах сарматов присутствуют также следы скальпирования. Возможно, традиции трепанации у сармат возникли под влиянием античной медицины. Символическую (ритуальную) трепанацию можно связать с влиянием кочевников востока Евразии.

Ключевые слова: трепанация, сарматы, палеоантропология, скальпирование, Азербайджан.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-112-119

Введение

В статье впервые в отечественной антропологии предпринимается попытка обобщить все известные случаи трепанации у сарматских племен Евразии. Феномен трепанации черепа человека уже давно привлекает внимание исследователей. Существует обширная научная литература по этому вопросу. Под трепанацией подразумевают удаление кости из черепа человека. Выделяют прижизненную и посмертную трепанации; трепанацию, осуществляемую в медицинских и символических (ритуальных) целях [Медникова, 2001; Антропологический словарь, 2003].

Цели и задачи

В последнее время появился ряд научных публикаций, посвященных вопросам традиций трепанации черепа у кочевников Евразии [Бейсенов, Китов, 2014а; Кириченко, 2013; Китов, 2013; Китов, Бейсенов, 2015; Перерва, 2012; Чикишева и др., 2014; Murphy, 2003а, б]. Однако сведения о традициях трепанации черепа у сарматских племен Евразии в целом остались вне поля зрения исследователей. В настоящей статье предпринимается попытка восполнить этот пробел. Помимо данных российских исследователей привлечены сведения венгерских и румынских антропологов, а также материалы автора статьи по Азербайджану.

Материалы и методы

Как известно, сарматские племена в разные исторические периоды занимали обширную территорию от Венгерской пушты на западе до Казахстана на востоке, от Поволжья на севере до Азербайджана на юге [Сулимирский, 2007]. Начнем описание с западных пределов обитания сарматов.

На территории Венгрии антропологом Л. Бартуцем был впервые описан череп со следами трепанации (рис. 1) из сарматского могильника Сзентес Кистокке (Szentés Kistoke) [Bartucz, 1966]. Пригодными для антропологического исследования оказались 6 мужских и 4 женских черепа. Череп со следами трепанации происходит из погребения № 124 и принадлежал мальчику 15–16 лет. Л. Бартуц отмечает, что операция была произведена в терапевтических целях и пациент после нее выжил. Вероятно, способом трепанации было скобление и прорезание.

Второй случай трепанации черепа у сармат Венгрии описан М. Ференцем [Ferencz, 1992]. Череп из погребения № 28 принадлежал мужчине 40–45 лет, обнаружен в ходе археологических раскопок средневековой церкви Хевизгйорк (Hevizgörk). Сарматское погребение единично, остальные датированы эпохой средневековья. М. Ференц отмечает, что это была хирургическая трепанация и пациент после нее выжил (рис. 2). Способ трепанации — скобление и прорезание.

Антропологами А. Марчик и З. Берецки было описано два случая трепанации черепа у сарматов Венгрии [Bereczki et al., 2007]. Один череп со следами трепанации (рис. 3) принадлежал женщине 40–50 лет, происходил из погребения № 1 могильника Заканисзек-Заканидоло (Zákányszék-Zákánydűlő). Трепанационное отверстие овальной формы 38×28 мм. После опера-

О случаях трепанации у сарматских племен Евразии

ции человек прожил какое-то время. Способом перфорации было скобление и прорезание. Второй случай, описанный А. Марчик и З. Берецки, отмечен в погребении № 52 могильника Цзенгеле (Csengele). Череп со следами трепанации (рис. 4) принадлежал мужчине в возрасте около 60 лет. Трепанационное отверстие размерами 46х27 мм. Трепанация была совершена уже по-смертно. Здесь, как и в предыдущих случаях, операция выполнена путем скобления и прорезания.

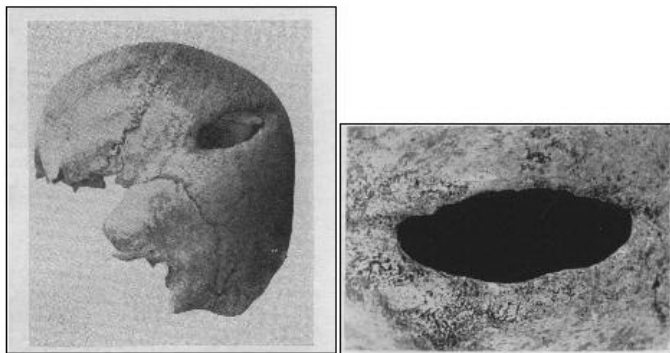

Рис. 1. Череп со следами трепанации из могильника Сзентес Кистоке (Szentés Kistoke) (по Л. Бартуцу).

Рис. 2. Череп со следами трепанации из Хевизгйорка (Hévizgörc) (по М. Ференцу).

Рис. 3. Череп со следами трепанации из могильника Заканисзек-Заканидюло (Zákányszék-Zákánydűlő) (по З. Берецки, А. Марчик, З. Тот, Л. Пайя, Т. Магацси, Г. Палфи, К. Соскути).

Антропологи Л. Йозша и Э. Фотти сообщают о трепанированном сарматском мужском черепе из Дунахарасци (Dunaharaszti) [Jozsa, Fothi, 2007, с. 15], однако сведений о способе перфорирования и его виде нет. Еще один случай трепанации, относящийся к сарматам Венгрии, происходит из могильника Мако-Ярандо (Makó-Járandó) [Bereczki et al., 2014]. К сожалению, венгерские авторы не сообщают о количестве погребений в отмеченных сарматских могильниках и не приводят детальную характеристику каждого из них. Могильники датируются в пределах II–III вв. н.э.

Рис. 4. Череп со следами трепанации из могильника Цзенгеле (Csengele) (по З. Берецки, А. Марчик, З. Тот, Л. Пайя, Т. Магацси, Г. Палфи, К. Соскути).

Суммируя данные по трепанированным черепам сармат Венгрии, следует отметить, что в трех случаях операция была совершена в терапевтических целях и закончилась удачно, пациенты после нее жили определенное время; в одном случае трепанацию произвели посмертно и она носила символический (ритуальный) характер. Что касается способов перфорирования, то преобладало скобление и прорезание. Таким образом, известно шесть случаев трепанации сармат с территории Венгрии. Можем предположить, что появление трепанации как хирургической операции у сармат Венгрии связано с влиянием античной медицины, а именно с римским врачебным искусством. Трепанация широко практиковалась врачами времен Римской империи [Germanà et al., 1992; Scattarella et al., 1996; Tullo, 2010; Кириченко, Микич, 2014]. Однако отметим также, что на территории Венгрии случаи трепанации относятся и к более ранним периодам (эпоха бронзы — ранний железный век) [Józsa, Fóthi, 2006; Czigány, Egry, 2007]. Символическая трепанация, по нашему мнению, связана с восточным влиянием у сармат. В качестве примера можно привести находки черепов со следами трепанации с территории Казахстана, Алтая, Тувы, Монголии, Восточного Туркестана, Северного Китая [Бейсенов и др., 2015; Han Kangxin et al., 2007].

С территории Румынии деформированный череп со следами трепанации на теменной кости происходит из сарматского погребения № 6 могильника Олтеница. К сожалению, румынский антрополог Н. Миритою не сообщает о виде трепанации и его способе [Mirițoiu, с. 238]. Данный случай датируется II–III вв. н.э.

Из российских исследователей первым случай трепанации у сарматов описал Д.Г. Рохлин. Им был исследован череп из погребения в Донской области (III–I вв. до н.э., раскопки М.И. Артамонова). Трепанация была выполнена успешно [Рохлин, 1965, с. 174, 195].

Е.В. Перерва изучил череп женщины со следами трепанации из сарматского погребения № 3 кургана 45 могильника Перегрузное I, оно датируется I в. н.э. [Перерва, 2012]. Операция была выполнена методом сверления и, скорее всего, не носила терапевтического характера, а, возможно, проведена посмертно [Там же, с. 129]. Наиболее вероятной причиной появления отверстий на черепе сарматской женщины из могильника Перегрузное I послужило ритуально-символическое действие [Там же, с. 131].

О трепанированном черепе савромато-сарматского времени из Западного Казахстана сообщают Е.П. Китов и А.М. Мамедов. Череп женщины происходит из погребения кургана 6 могильника Булдурта I, датируемого VI–IV вв. до н.э. Трепанационное отверстие выполнено прижизненно, вероятно, в лечебных целях [Китов, Мамедов, 2014, с. 213].

На территории Азербайджана автором статьи выявлено три случая трепанации, которые соотносятся с пребыванием здесь сармато-аланских племен. В частности, на территории Мингечаура в катакомбном погребении, датируемом I–VII вв., обнаружен череп мужчины (рис. 5) со

О случаях трепанации у сарматских племен Евразии

следами трепанации на теменной кости. Операция была совершена в ритуальных (символических) целях, скорее всего, способом прорезания. Перфорационное отверстие овальной формы. Следов заживления нет.

Рис. 5. Череп со следами трепанации из Мингечаура (Азербайджан).

На искусственно деформированном черепе (рис. 6), который хранится в археологическом музее в Шеки, имеются следы символической трепанации на теменной кости. Способ трепанации — прорезание, следы заживления отсутствуют. На этом же черепе отмечаются следы возможного скальпирования — насечки на левой стороне, выполненные, вероятно, каким-то железным предметом. Скальпирование было также выявлено Е.В. Перервой на черепах сармат Подонья [Перерва, 2005].

Рис. 6. Череп со следами трепанации и скальпирования из Шеки (Азербайджан).

На искусственно деформированном черепе женщины (рис. 7) из погребения № 39, датированного IV–V вв., могильника Сандыгтепе V (Губинский район Азербайджана) отмечены следы возможной символической трепанации на теменной кости, выполненной способом прорезания. Перфорационное отверстие круглой формы. Следов заживления нет. Во всех случаях трепанации на территории Азербайджана были проведены способом прорезания на теменной кости, следы заживления отсутствуют. Операции совершены в ритуально-символических целях.

Рис. 7. Череп со следами трепанации из Сандыгтепе V (Азербайджан).

Выводы

Таким образом, нам известно 13 случаев трепанации у сарматских племен Евразии. Подводя итог, можем констатировать, что у сарматов Евразии фиксируются два основных вида трепанации: операция, совершавшаяся в терапевтических целях, и символическая (ритуальная) трепанация, производившаяся во время каких-то религиозных или культовых действий. Первый вид трепанации у сармат, вероятно, появился под влиянием античной медицины, второй же был веянием восточных традиций.

Благодарности

Выражаю искреннюю признательность и благодарность видным венгерским антропологам из департамента антропологии Сегедского университета Антони Марчик, Зольту Берецки, Ласло Пайя и библиотекарю департамента антропологии Венгерского музея естественной истории Саболчу Макре за предоставленную мне литературу, без которой было бы невозможно написание данной статьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Антропологический словарь*. М.: Классик Стиль, 2003. 328 с.
- Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тыс. до н.э. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 188 с.
- Бейсенов А.З., Китов Е.П. Могильник Тасмолинской культуры Талды II в Центральном Казахстане: (Краниологический анализ) // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, История. 2014а. № 4 (28). С. 71–85.
- Бейсенов А.З., Китов Е.П. Посмертная трепанация черепов в элитных захоронениях сакской эпохи Центрального Казахстана // Изв. АлтГУ. 2014б. № 4–2 (84). С. 31–41.
- Кириченко Д.А. Сандыгтепе V по данным антропологии: (Предварительное сообщение) // Население юга России с древнейших времен до наших дней: (Донские антропологические чтения). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2013. С. 68–69.
- Кириченко Д.А., Микич И.Ж. Случаи трепанации черепа с территории римского мавзолея III–IV вв. г. Виминаций // Актуальная археология 2. Археология в современном мире: В контакте и в конфликте. СПб.: ИИМК, 2014. С. 80–85.
- Китов Е.П. Посмертные повреждения на черепах из могильника Берел: (Новые данные о мумификации?) // Тр. филиала Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана. Астана, 2013. С. 237–241.
- Китов Е.П., Бейсенов А.З. Черепа с трепанациями из курганов раннего железного века Сарыарки // Вестн. МГУ. Сер. XXIII: Антропология. 2015. № 1. С. 37–48.
- Китов Е.П., Мамедов А.М. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана: Издат. группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. 352 с.
- Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М.: Науч. мир, 2001. 304 с.
- Перерева Е.В. О скальпировании у сарматов (по материалам могильника Новый) // РА. 2005. № 3. С. 36–44.
- Перерева Е.В. Случай трепанации у сарматов (по антропологическим материалам из могильника Перегрузное I) // Вестн. МГУ. Сер. XXIII: Антропология. 2012. № 2. С. 123–133.
- Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. М.; Л.: Наука, 1965. 305 с.
- Сулимйрский Т. Сарматы: Древний народ юга России. М.: Центрполиграф, 2007. 191 с.
- Чикишева Т.А., Зубова А.В., Кривошапкин А.Л., Курбатов В.П., Волков П.В., Титов А.Т. Комплексное исследование трепанаций у ранних кочевников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 130–141.

О случаях трепанации у сарматских племен Евразии

Bartucz L. Palaeopathologia III. A praehistorikus trepanacio es orvostorteneti vonatkozasu sirleletek. Budapest, 1966. 606 p.

Bereczki Zs., Paja L., Madácsy T., Pálfi G., Sóskuti K. Roman medicine vs. cranial surgery of the Barbarians // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 23: Anthropologiya. 3. 2014. (19th Congress of the European Anthropological Association, Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov MSU, Moscow, Russia, 25th–29th August, 2014: Abstr.). P. 105.

Bereczki Zs., Toth Zs., Marcsik A. Sebészi trepanációk Kelet-Magyarországon — újabb esetek a szarmata és az avar korból // A Magyar Biológiai Társaság 5: Kárpát-medencei Biológiai Szimpóziuma. Budapest, 2007. P. 21–31.

Czigány J., Egry I. Egy ritka lékelt koponya a ménfőcsanakai kelta temetőből // Folia Anthropologica. 2007. № 3. P. 37–44.

Ferencz M. A trephined skull from Hevizgyork // Annals HNHM. 1992. T. 84. P. 185–188.

Germanà F., Fornaciari G. Trapanazioni, craniotomie e traumi cranici in Italia dalla preistoria all'Età moderna. Pisa: Giardini Editore e Stampatori, 1992. 191 p.

Han Kangxin, Tan Jingze, He Chuankun Trepanation in ancient China. Shanghai Shi: Fu dan da xue chubanshe, 2007. 98 p.

Józsa L., Fóthi E. A trepanáció utáni csontthiány területének védelme csontpótlással. A cranioplastica története az őskortól a huszadik századig // Magyar traumatológia, ortopédia, kézsebészet, plasztikai sebészet, 2006. № 3 (49). P. 267–274.

Józsa L., Fóthi E. Trepanált koponyák a Kárpát-medencében: (A leletek számbavétele, megoszlása és lelőhelyei) // Folia anthropologica. 2007. № 6. P. 5–18.

Mirăoiu N. Arhitectura craniană și deformarea artificială intenționată a craniului: Tez. de doctorat. București, 2006. 413 p.

Murphy E.M. Iron Age archaeology and trauma from Aymyrylg, South Siberia. Oxford: Archaeopress, 2003a. 231 p.

Murphy E.M. Trepanations and Perforated Crania from Iron Age South Siberia: An Exercise in Differential Diagnosis // Trepanation: History, discovery, theory. Lisse: Swets & Zeitlinger Publishers, 2003b. P. 209–221.

Scattarella V., Sublimi-Saponetti S., Cuscianna N., Gattulli A. A case of skull trepanation from late Imperial Rome // Journ. of Paleopathology. 1996. № 8. P. 85–88.

Tullo E. Trepanation and Roman medicine: A comparison of osteoarchaeological remains, material culture and written texts // Royal College of Physicians of Edinburgh. 2010. № 40. P. 165–171.

D.A. Kirichenko

Institute of Archaeology and Ethnography NAS Azerbaijan

H. Javid, 115, Baku, AZ 1143, Azerbaijan,

E-mail: dmakirichenko@mail.ru

ABOUT CASES OF TREPANATION AMONG SARMATIAN TRIBES OF EURASIA

In the article the author tries to generalize all cases of trepanation among Sarmatian tribes of Eurasia, he discusses paleoanthropological materials from territories of Azerbaijan, Volga region, Don region, Kazakhstan, Hungary, Romania. The first case of trepanation among Sarmatians was pointed out by D.G. Rokhlin in the Don Region of Russia. It dates back to the III-I centuries BC. The operation was luckily finished. Hungarian anthropologists studied 6 cases of trepanation among Sarmatians. All these cases are dated II–III centuries AB. The first cases were studied by a Hungarian anthropologist L. Bartucz. In three cases trepanations had been made in therapeutic purposes (Szentek-Kistoke, Hevizgörk, Zákányszék-Zákánydűlő), in one case (Csengele) it was post mortal (symbolic). Trepanation methods were grooving and cutting. From Oltenica necropolis in Romania we know about one case of perforation. We know about one case of trepanation in Peregruznoe I necropolis in the Volga Region. It was a post mortal symbolic trepanation made with boring method. One case of medical trepanation which is dated VI–IV centuries BC is known from Buldura I necropolis in West Kazakhstan. The author of this paper studied 3 cases of trepanation on the territory of the Azerbaijan Republic. One case of symbolic trepanation was found in Mingchaur in a burial of Catacomb culture of Azerbaijan, which dates back to the I–VII centuries AB. A perforation hole has an oval form. The method of trepanation is cutting. The second case of trepanation from Azerbaijan was found in the Sheki Region. It was a ritual trepanation with cutting technique which was made in an artificially deformed skull. This skull has traces of probable scalping. Scalping is found among Sarmatian tribes of the Don Region too. The third case of trepanation among Sarmatians from Azerbaijan was found in Sandigtepe V necropolis in the Guba Region and dates back to the IV–V centuries AB. An artificially deformed female skull was perforated with cutting method. The burr hole is of a circle form. All cases of trepanation from Azerbaijan have a symbolic (ritual) character. There are 13 cases of trepanation among Sarmatian tribes of Eurasia at present days in total. Sarmatians practiced both symbolic (ritual) and medical trepanation. Probably, tradi-

tions of trepanation among Sarmatians have their origins in the influence of the ancient medicine. As to symbolic (ritual) trepanation, it can be related with the influence of nomads of East Eurasia.

Key words: trepanation, Sarmatians, paleoanthropology, scalping, Azerbaijan.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-112-119

REFERENCES

- Bartucz L., 1966. *Palaeopathologia III. A praehistorikus trepanacio es orvostorteneti vonatkozasu sirleletek*, Budapest, 606 p.
- Beisenov A.Z., Ismagulova A.O., Kitov E.P., Kitova A.O., 2015. *Naselenie Tsentral'nogo Kazakhstana v I tys. do n.e.* [Population of Central Kazakhstan in the I millennium BC], Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, 188 p.
- Beisenov A.Z., Kitov E.P., 2014b. Mogil'nik Tasmolinskoi kul'tury Taldy II v Tsentral'nom Kazakhstane: (kranilogicheskii analiz) [Graveyard of Tasmola culture Taldi II in Central Kazakhstan: (Craniological analyses)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, ser. 4, History, no. 4 (28), pp. 71–85.
- Beisenov A.Z., Kitov E.P., 2014b. Posmertnaia trepanatsiia cherepov v elitnykh zakhoroneniakh saksnoi epokhi Tsentral'nogo Kazakhstana [Post mortal trepanation of skulls in elite burials of Saka time in Central Kazakhstan]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4-2 (84), pp. 31–41.
- Bereczki Zs., Paja L., Madácsy T., Pálfi G., Sóskuti K., 2014. Roman medicine vs. cranial surgery of the Barbarians. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, Series 23: Anthropologiya, 3/2014, 19th Congress of the European Anthropological Association, Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov MSU, Moscow, Russia, 25th–29th August, 2014: Abstracts, p. 105.
- Bereczki Zs., Toth Zs., Marcsik A., 2007. Sebészi trepanációk Kelet-Magyarországon — újabb esetek a szarmata és az avar korból. *A Magyar Biológiai Társaság 5: Kárpát-medencei Biológiai Szimpóziuma*, Budapest, pp. 21–31.
- Chikisheva T.A., Zubova A.V., Krivoshapkin A.L., Kurbatov V.P., Volkov P.V., Titov A.T., 2014. Kompleksnoe issledovanie trepanatsii u rannikh kochevnikov Gornogo Altaia [Complex research of trepanation practiced by early nomads of Gorny Altay]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 1 (57), pp. 130–141.
- Czigány J., Egry I., 2007. Egy ritka lékelt koponya a ménfőcsanakai kelta temetőből. *Folia Anthropologica*, no. 3, pp. 37–44.
- Germanà F., Fornaciari G., 1992. *Trepanazioni, craniotomie e traumi cranici in Italia dalla preistoria all'Età moderna*, Pisa: Giardini Editore e Stampatori, 191 p.
- Ferencz M., 1992. A trephined skull from Hevizgyork. *Annals HNHM*, vol. 84, pp. 185–188.
- Han Kangxin, Tan Jingze, He Chuankun, 2007. *Trepanation in ancient China*, Shanghai Shi: Fu dan da xue chu ban she, 98 p.
- Józsa L., Fóthi E., 2006. A trepanáció utáni csonthiány területének védelme csontpótlással. A cranioplastica története az őskortól a huszadik századig. *Magyar traumatológia, ortopédia, kézsebészet, plasztikai sebészet*, no. 3 (49), pp. 267–274.
- Józsa L., Fóthi E., 2007. Trepanált koponyák a Kárpát-medencében (a leletek számbavétele, megoszlása és lelőhelyei). *Folia anthropologica*, no. 6, pp. 5–18.
- Kirichenko D.A., 2013. Sandygtepe V po dannym antropologii: (Predvaritel'noe soobshchenie) [Sandigtepe V according to anthropological data: (Preliminary report)]. *Naselenie iuga Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: (Donskie antropologicheskie chteniia)*, Rostov-na-Donu: IuNTs RAN, pp. 68–69.
- Kirichenko D.A., Mikich I.Zh., 2014. Sluchai trepanatsii cherepa s territorii rimskogo mavzoleia III–IV vv. g. Viminatsii [Cases of skull trepanation from the territory of a Roman mausoleum of the III–IV AB in the city of Viminacium]. *Aktual'naia arkheologiya 2. Arkheologiya v sovremennom mire: V kontakte i v konflikte*, St. Petersburg: IIMK, pp. 80–85.
- Kitov E.P., 2013. Posmertnye povrezhdeniia na cherepakh iz mogil'nika Berel: (Novye dannye o mumifikatsii?) [Post mortal injuries of skulls from Berel graveyard (new data about mummification?)]. *Trudy Filiala Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana*, vol. 1, Astana, pp. 237–241.
- Kitov E.P., Beisenov A.Z., 2015. Cherepa s trepanatsiami iz kurganov rannego zheleznogo veka Saryarki [Skulls with trepanations from the burial mounds of the Early Iron Age of Sariarka]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, ser. XXIII: Antropologiya, no. 1, pp. 37–48.
- Kitov E.P., Mamedov A.M., 2014. *Kochevoe naselenie Zapadnogo Kazakhstana v rannem zheleznom veke* [Nomadic population of West Kazakhstan in the Early Iron Age], Astana: Izdatel'skaia gruppa FIA im. A.Kh. Margulana v g. Astana, 352 p.
- Mednikova M.B., 2001. *Trepanatsii u drevnikh narodov Evrazii* [Trepantions among ancient population of Eurasia], Moscow: Nauchnyi mir, 304 p.
- Mirițoiu N., 2006. *Arhitectura craniană și deformarea artificială intenționată a craniului: Teză de doctorat*, București, 413 p.
- Murphy E.M., 2003a. *Iron Age archaeology and trauma from Aymyrylg, South Siberia*, Oxford: Archaeopress, 231 p.

О случаях трепанации у сарматских племен Евразии

- Murphy E.M., 2003b. Trepanations and Perforated Crania from Iron Age South Siberia: An Exercise in Differential Diagnosis. *Trepanation: History, discovery, theory*, Lisse: Swets & Zeitlinger Publishers, pp. 209–221.
- Pererva E.V., 2005. О skal'pировании у сарматов (по материалам могил'ника Novyi) [About scalping among Sarmatians (according to materials of graveyard Novyi)]. *Rossiiskaia arkheologiya*, no. 3, pp. 36–44.
- Pererva E.V., 2012. Sluchai trepanatsii u sarmatov (po antropologicheskim materialam iz mogil'nika Peregruznoe I) [Cases of trepanation among Sarmatians (anthropological materials from graveyard Peregruznoe I)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, ser. XXIII: Antropologiya, no. 2, pp. 123–133.
- Rokhlin D.G., 1965. *Bolezni drevnikh liudei* [Diseases of ancient people], Moscow; Leningrad: Nauka, 305 p.
- Scattarella V., Sublimi-Saponetti S., Cusianna N., Gattulli A., 1996. A case of skull trepanation from late Imperial Rome. *Journal of Paleopathology*, no. 8, pp. 85–88.
- Sulimirskii T., 2007. *Sarmaty: Drevnii narod iuga Rossii* [Sarmatians: Ancient people of South Russia], Moscow: Tsentrpoligraf, 191 p.
- Tullo E., 2010. Trepanation and Roman medicine: A comparison of osteoarchaeological remains, material culture and written texts. *Royal College of Physicians of Edinburgh*, no. 40, pp. 165–171.

ЭТНОЛОГИЯ

Н.А. Лискевич*, А.Х. Машарипова**

Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, д. 86, г. Тюмень, Россия
E-mail: *povod_n@mail.ru
**esenewka@yandex.ru

ОХРАНИТЕЛЬНЫЕ РИТУАЛЫ В СКОТОВОДСТВЕ КОМИ НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЯ И ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Рассмотрены ритуалы охраны скота у коми Нижнего Притоболья и Омского Прииртышья. Источниками исследования послужили полевые материалы, полученные в ходе работ этнографических экспедиций ИПОС СО РАН в Тюменской и Омской областях в 2000-х гг. Выявлены приемы магической защиты в основном крупного рогатого скота (коров). Ритуальные действия, как правило, совершались в переходные моменты — покупка скота, перевод животных в новый дом, первый выгон, отел, подготовка к первой дойке, некоторые календарные праздники (Рождество, Крещение, день св. Власия, Вербное воскресенье, Великий четверг). Показаны способы влияния на общее благополучие скота, заживления домового (стаичного), защиты и лечения от сглаза и порчи. Обычно это были индивидуальные действия хозяев, приуроченные к определенному дню или событию. Основными атрибутами действий по магической охране животных являются предметы ухода за животными, элементы упряжи, пояс или фартук хозяев, детали домашней печи, зерно, хлеб, соль, вода, верба, богородская трава, растения с почитаемых мест, щучьи зубы. В отдельных случаях ритуалы сопровождаются произнесением заклинаний (молитв). В современных охранительных ритуалах преобладает влияние христианских обычаев.

Ключевые слова: *скотоводство у коми, защитная и очистительная магия, суседко, порча и сглаз скота.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-120-130

Введение

Животноводство имело существенное значение в крестьянском хозяйстве Западной Сибири, обеспечивая население основными продуктами питания, материалом для изготовления одежды, утвари, транспортной и тягловой силой, удобрением. В условиях натурального сельского хозяйства в XIX — первой половине XX в. личное подворье было залогом выживания, защиты от кризисов, получения доходов. Крестьяне, переселявшиеся в Сибирь, старались как можно быстрее адаптироваться на новом месте и восстановить привычную для них систему хозяйствования (см., напр.: [Адаев, 2010, с. 129–130]). Так, коми (зыряне), перебиравшиеся в южные районы Западной Сибири в первой половине XIX в. из Вологодской и Вятской губерний, выбирали для поселения высокие незатопляемые места возле реки, с лугами для покосов и возможностью вести пашенное земледелие, и в течение нескольких лет обзаводились домашним скотом «всякого рода». К примеру, в д. Александровской, образованной в 1838 г. на берегу р. Тобола, уже в 1844–1845 гг. 86 зырянских семейств имели свои дома, «производили хлебопашество», и у них было 252 коровы и 201 лошадь [ГУТО ГА в г. Тобольске, ф. 152, оп. 31, д. 79, л. 70–70 об., 123–123 об.].

Большое поголовье позволяло получать достаточное количество продуктов, а также продавать излишки. Но при этом и создавало ряд проблем, связанных с заготовкой полноценных кормов на время стойлового содержания, с обеспеченностью качественными и безопасными пастбищными площадями, с организацией охраны во время выпаса, с защитой от несчастных случаев и эпизоотий, с нехваткой ветеринарной помощи. «Заразительные болезни», сопровождающиеся «упадком скота», в прошлом были регулярными и приносили большой урон хозяйству [Туров, 2007, с. 44–48]. Ветеринарная служба в западно-сибирской деревне зарождалась очень медленно, крестьяне сами заботились о здоровье своего скота, ориентируясь на тради-

ции тех мест, откуда переселились, либо обращаясь за экстренной помощью к «специалистам» — людям, чья профессия связана с уходом за скотом [Ермачкова, 2015, с. 32]. Ветеринаров не хватало, недостаточной была работа по вакцинации животных (см., напр.: [Ермачкова, 2015, с. 35; Гончаренко, 2014, с. 51; Ямов, Гавричкин, 2013, с. 38–39]. В последующем благодаря успешному развитию ветеринарной помощи удалось значительно сократить распространение эпизоотий. Современные крестьяне вспомнили только эпизоотию ящура в Западной Сибири в конце 1970-х гг., когда в каждом населенном пункте вводили карантин (Неупокоев Д.А.).

Потенциальная опасность потерять поголовье обусловила появление в традиционной культуре комплекса охранительных и очистительных ритуалов, обеспечивающих защиту скота. Е.Н. Елеонская описала обереги скота в рамках сельскохозяйственной магии, нацеленной на привлечение и сохранение благополучия в хозяйстве [1994, с. 144]. Народные представления и некалендарные обычаи, связанные с приплодом домашних животных, куплей-продажей скота и эпизоотиями, подробно освещены в работе А.Ф. Журавлева [1994, с. 7–8]. Сопутствующие этим ситуациям «обряды, магические приемы, табу, различные предписания, поверья, приметы и т.д.» он систематизировал в рамках продуцирующей, коммерческой, профилактической и катартической магии [Там же, с. 11, 58, 99]. А.В. Черных рассматривал животноводческую магию в контексте производственного животноводческого цикла, выделив продуцирующие и апотропейные комплексы обычаев, связанных со скотом [2007, с. 135–136]. У А.А. Ярзуткиной система религиозно-магических обрядов и представлений, связанных со скотоводством, определяется как скотоводческий культ, в котором главной задачей является «убережение» скота от болезней, мора и краж и увеличение его плодовитости [2012, с. 18, 238]. Она дополняет классификацию А.Ф. Журавлева комплексом представлений, связанных с духами-хозяевами или покровителями скота и скотоводства и магическими способами лечения скота [Ярзуткина, 2012, с. 239–240]. Семантический подход в изучении оберега разработан Е.Е. Левкиевской [2002].

Наше исследование посвящено характеристике ритуалов охраны скота у коми Нижнего Притоболья и Омского Прииртышья. Основными источниками послужили материалы, собранные авторами в этнографических экспедициях 2003–2008 и 2012–2015 гг. в Заводоуковском, Юргинском, Ялуторовском, Ярковском районах Тюменской области и Горьковском, Калачинском, Оконешниковском, Тарском районах Омской области. В ходе работы были получены в основном сведения о способах магической защиты коров. Ритуальные действия, как правило, совершались в переходные моменты — покупка скота, перевод животных в новый дом, первый выгон, отел, подготовка к первой дойке, некоторые календарные праздники; кроме того, нам описывали способы задабривания домового, воздействия на общее благополучие скота, непривязанные к датам и конкретным событиям. К сожалению, не удалось собрать материалы об охранительных мероприятиях для лошадей. Возможно, это связано с тем, что нашими собеседниками в большинстве случаев были женщины, которым привычнее уход за крупным и мелким рогатым скотом, свиньями, птицей, тогда как лошадьми занимались мужчины. Не было сведений и о защите от эпизоотий или профилактике повальных болезней, не удалось записать даже воспоминаний о давних рассказах родственников, живших в XIX — начале XX в. Малое количество материалов о сглазе и порче скота можно объяснить как нежеланием очернить подозрением своих земляков (*у нас этого не было, где-то, говорят и было, а у нас — нет*), так и уменьшением роли скотоводства в хозяйстве жителей села. Ритуализированные действия, как правило, были включены в общий бытовой контекст, хотя и выделялись на фоне повседневной жизни. Охранительные ритуалы диктовались прагматическими целями и решали утилитарные задачи. В большинстве случаев не требовались услуги профессионалов либо объединения членов коллектива, обычно это были индивидуальные действия, приуроченные к определенному дню или событию.

По рассказам коми старожилов, поголовье скота зависело от достатка семьи. «В средней крестьянской семье обычно содержали 2–3 лошади, рабочие и молодняк. 2–3 коровы дойные, плюс молодняк, и бык-производитель, и бычки, телочки, 1–2 десятка овец, 1–2 свиньи, десяток кур и пару-две гусей с гусаксом, кошку, собаку, вот основной перечень» [Чуклеев, 2011, с. 58], некоторые держали пчел. Скотине старались обеспечить нормальные условия, как с кормом, так и с местом содержания. Особую заботу проявляли по отношению к лошади, а также корове, так как корова являлась главной кормилицей. К зиме часть скота забивали на мясо, чтобы легче было прокормить оставшийся. В зимнее время животных отделяли друг от друга. Коровы находились в стойке, лошади — в пригоне, свиньи — в отдельных клетках в стойках, птицу зимой

держали в избе или под сенями («под крыльцом», в *подсенках*), где специально выкапывали яму, а в полу делали западню — *лазею* (ПМА; Кутькин П.Т., Уляшева А.П., Уляшева Ф.И.). С весны животных выгоняли на пастбище; покотина была обычно за деревней. Практически во всех коми селениях пастухов не нанимали, скот пасли сами хозяева по очереди: за одну корову или три овечки пасли один день (ПМА). Свиньи летом были на свободном выпасе, гуси и курицы также ходили за оградой.

Покупка и перевод скота

При покупке или продаже скота считалось, что чем меньше людей знает о сделке, тем удачнее она пройдет: *скотину продают «втихушку»* (Болотова А.П., Мухамадиева Е.Ю). На торг нужно было идти, взяв с собой немного навоза из стайки (Подласова Е.К.). Подобный обычай, когда навоз или землю берут со двора прежнего владельца, А.Ф. Журавлев объясняет желанием сохранить плодovitость скота, предотвратить его «тоску» [1994, с. 71].

Особое внимание у коми уделялось передаче скота другому хозяину. После продажи скота соблюдали определенные меры, направленные на благополучный *перевод*. Так, запрещалось отдавать покупателю веревку, на которой держали корову, или уздечку от лошади, а *то она из пригона все выведет, скотина уйдет за ней* (Мухамадиева Е.Ю). Чтобы животное после покупки не ушло к старым хозяевам, стелили перед воротами поясок или полотенце, скотина должна была переступить через него (Там же), либо нужно было заставить животных перешагнуть через веревку, на которой их привели, а также покормить из котла, в котором готовили пищу семье (Игнатова Н.Г.). Прогон купленного животного через пояс хозяина (или замОк) для ее привыкания к новому двору известен повсеместно (см. подробнее: [Журавлев, 1994, с. 74]). Вероятно, пояс в этом случае выступает оберегом — опоясывание символизирует воздвигнутую ограду [Елеонская, 1994, с. 152–154].

Чтобы скотина прижилась на новом месте, старались задобрить *стаичного* домового, ему «представляли» новый скот: *Хозяюшка-батюшка, Хозяюшка-матушка, прими эту скотинушку, люби эту скотинушку* (Уляшева Ю.Ф.).

Скотину вот если купят, было, бабушка у нас все время кусок хлеба потом вынесет в стайку и говорит: соседушко-букамушка, вот тебя угощаю, люби мою коровушку. Вот тебе хлебушка, люби мою скотинушку. Хлеб потом в ясли положат. Чтобы соседко любил скотину, надо хлеба ему вынести. Хлеба постряпат, посолит, и отломит ему, вынесет. Хлеб для всех стряпала, но отломит кусочек, и вынесет, и в ясли положит. И так говорит, соседко-то если не любит, скотина придешь — мокрая. Даже, говорят, заганивали скотину-то, если сильно не любят. В пене она, в загоне, говорят, ей и ложиться всю ночь не дают (Шешукова М.М.).

Перевод скотины в связи с новосельем хозяев также сопровождался угощениями и договором с домовым. *Когда переводишь скотину в новый дом, в новую стайку, нужно кусочек хлеба отрезать, положить там в уголок под крышу посередине, где дырочка есть. При этом нужно сказать:*

*Суседушко-батюшко,
суседушко-матушко,
Я тебе гостинца привезу (принесу),
Как хлеб будешь уважать (принимать),
Так и моих скотин, так и меня»* (Уляшева Ю.Ф.).

Хлеб для домового могли положить в старое непригодное ведро с пожеланием: *Батюшка-домовой, люби мою скотину*. Рассказывали про случай, когда *семья переехала, а ведра для хлеба оставили на старом месте и на новом месте ведер в стаяе не повесили, в тот же год весь скот пал, кто заболел, кто потерялся. Ведра для хлеба надо повесить в каждой стаяе, в каждом строении, где находятся животные* (Кононова А.Г.).

Первый выгон скота

Первый выгон скота на пастбище был важным событием и сопровождался рядом ритуалов. Повсеместно днем первого выгона скота весной считается 6 мая (по ст. стилю 23 апреля), день св. Георгия (Егорьев день), который признается покровителем скота [Елеонская, 1994, с. 145]. У коми Европейского Севера, как и у русских, днем окончания стойлового содержания скота считали Егорьев день, но если весна запаздывала, первый выгон приурочивали к Николину дню (9 мая по ст. стилю), а у северных коми и того позже [Зырянский мир..., 2004, с. 93]. В Западной

Охранительные ритуалы в скотоводстве коми Нижнего Притоболья и Омского Прииртышья

Сибири приуроченности к определенному дню не было, смотрели по погоде, качеству травы, неблагоприятным для начала любого дела считался день недели, на который пришлось Благовещение. Тем не менее стремились выпустить скот на пастбище как можно раньше, при этом Егорьев день был своеобразной точкой отсчета. *В мае, как трава появляется, так сразу выгоняют* (Болотова А.П.); *Скотину после Егорьева дня выгоняли, когда кака погода. Всяко бывает, когда раньше, Егорьева дня, когда позже. Старались только, чтобы благовещенский день-то, когда в какой день он бывает, в такой день не выгоняли. Говорят, что сегодня «благовещенский» день, завтра уж выгоним* (Семенова А.А.), и поэтому в такой день старались ничего не начинать.

Обязательным атрибутом первого выгона скота до сих является верба. Она символизирует быстрый рост, здоровье, жизненную силу, плодородие; молодая и освященная в Вербное воскресенье верба защищает от стихийных бедствий, нечистой силы, болезней [Толстой, Усачева, 1995, с. 333].

Повсеместно *перед первым выгоном скотину вербой стегали, чтоб ее не могли слазить* (Болотова А.П.). *На Вербное воскресенье вербочками украшают дом, освящают их святой водой. А потом, кого скотина есть, так по весне из ограды выгоняют вербочками* (Карманова А.П.); *Вербы с Вербного воскресенья стояли в красном углу. И вот вербочками-то этими, когда скотину выгоняешь первый раз, этими вербочками их... Но там какой-то приговор был, чтобы приходила скотина, никуда не уходила. Какой-то приговор. А эту вербочку потом выбрасывали. Вот, выгоняют, допустим, в ограду, их похлещешь, а потом бросишь ее, возле ворот. И они так пойдут, и затопчут эти вербочки* (Подорова Г.А.).

В д. Яковлево Заводоуковского района практиковался обычай при первом выгоне насыпать на заслонку от печи зерно, чтобы скотина поела, и расстилать фартук, через который она перешагивала.

Раньше скотину первый раз выгоняли через фартук. Фартук расстилали у калитки пригона и выгоняли. Чтобы они ходили лучше домой. И на заслонку от русской печки насыпали зерна, перед фартуком подальше заслонку, и на его зерна, чтобы они поели, чтобы заходили... Ну вот допустим, три пригоршонки зерна... Расстилали фартук у калитки и со словами погоняли: «коровушка, буренушка, пошла пастись, вернись домой», также хлеба кусочек посолишь и корове дашь (Подорова Г.А.).

Похожий обряд был описан П.А. Городцовым в Тюменском уезде Тобольской губернии, когда при первом выгоне рогатого скота на подножный корм хозяин брал заслонку от русской печи, раскладывал на ней небольшие кусочки хлеба, посыпанные четверговой солью, выносил в ограду и давал съесть скотине, приговаривая, чтобы «Христовая скотинушка» не забывала бы дом и всегда возвращалась с выгона [1916, с. 39–40]. А.Ф. Журавлев отмечал, что в разных местах практиковалось подобное обрядовое кормление, сопровождаемое словами, чтобы животное было при хозяине «неотлучно, как заслонка» [1994, с. 78]. По его мнению, использование элемента печи в ритуале могло уберечь скотину от дурного глаза и было обусловлено ее центральным и постоянным положением в доме и выполняемой ею функцией местообитания домового [Там же, с. 74, 79].

Хлеб с солью обязательно давали корове в первый выгон. *Хлеб посолишь, и корове давали... Какой-то наговор был... Это давали, когда выгоняли скотину пастись, вот тогда давали хлебушка* (Подорова Г.А.). Раньше хлеб и соль специально заготавливали в Великий четверг перед Пасхой, и они считались очень сильным оберегом (Кононова А.Г.). Для охраны скот обрызгивали освященной водой («святой водой», «священной водой», «крещенской водой») — *чтоб не терялся, не болел, домой ходил; на ладошку немного нальешь, да на них потом брызжешь, куда попадешь, корову дак погладишь этой рукой со святой водой. Да и скажешь, что приходите домой, да не теряйтесь, вот и все слова* (Шешукова М.М). У коми целебными свойствами наделялась также вода, набранная с соблюдением особых условий и запретов [Ильина, 2008, с. 189]. Известно, что у коми Европейского Севера в день первого выгона могли рисовать на правом боку скотины смоляные кресты-обереги от нечистой силы [Зырянский мир..., 2004, с. 93–94]. На выходе скотину благословляли: *иди с богом, да и все* (Болотова А.П., Семенова А.А.) — или перекрещивали со словами: *Господи, благослови* (Шолопова З.Я.).

В настоящее время основными атрибутами первого выгона являются ветки вербы, хлеб с солью, освященная вода, устное благословение, ритуал сопровождается стеганием, похлопы-

ванием, кормлением, опрыскиванием («умыванием»), крестным благословением. В подборе этих предметов и действий преобладает влияние христианских обычаев.

Возвращение с выпаса

Скотина паслась на пастбище в течение дня, а затем возвращалась в стойло. Животные, как правило, хорошо знали свой дом и сами подходили к пригону. На всякий случай телятам и овцам могли ставить отметки. *Телят пятнали — насечки на ушах. В месяц-два пятнают, раньше жалко, а позже не удержать. Пятнали не только телят, но и овец. Пятнали от слова «пятно», чтобы наше было пятно. Но были случаи, когда путали телят, так дед с Большого Тихвина пригнал теленка, а он чужой, дак мимо прошел* (Болотов П.А). Чтобы корова хорошо ходила домой, ее подкармливали картошкой, комбикормом: *что лишнее, то и скоту* (Болотова А.П). Если скотина не возвращалась домой с выгона, то предпринимали рациональные действия — расспросы, поиски. К этому добавлялись краткие молитвы-заклинания:

Ангелушки, приведите мне коровушку!

Ангелушки, господи, приведите его (кличка) домой! (Уляшева Ю.Ф.).

Если пропажа долго не находилась, то потерявшийся скот звали, выкрикивая кличку в печную трубу. *У одной скотина не пришла, она в трубу кричала, звала их. И телята пришли* (Подласова Е.К.). Такой обычай был широко распространен у восточных славян, когда через трубу звали пропавший в лесу скот или заблудившего человека, в надежде, что они вернуться домой [Топорков, 2009, с. 43]. В традиционных верованиях печь воплощает идею полноты и благополучия дома, а также связь с внешним миром, в том числе с «тем светом», и именно через трубу осуществлялись контакты с иным миром [Там же, с. 39]. Использовались и предсказания посредством снов, когда на ночь загадывали знак, который предвещал бы благополучный исход: *если найдется (пропажа) — пусть увижу зелень и солнце. У сына жеребенок потерялся, загадала, если найдется — пусть приснится. И приснился луг на покосе, траву дергала* (Филимонова Ю.М.).

Отел

Отел скотины приходился на конец зимы — начало весны. Хозяйева старались заблаговременно узнать о состоявшейся случке, чтобы контролировать наступление отела. Приближающееся разрешение определяли по физиологическим признакам и старались присутствовать при этом событии (Подорова Г.А.). Молодую корову, которая не принесла приплод (*нетель*) называли «*переходница*», но и в этом видели только хорошее: *если не телилась, то через год только, то и молока в два раза будет больше* (Костина С.А.).

Если во время отела возникали трудности и корова не могла отелиться, то использовали приемы родовспоможения, помогая руками. Дополнительно животному давали вербочки, хранившиеся у иконы с Вербного воскресенья, брызгали *святой* водой (Болотова А.П.). После окончания отела совершали обряд очищения, окуривая углями с богородской травой и щучьим зубом скотину, приплод и помещение.

Скотину окуривали богородской травой, еще зуб положат от щук, у них большие зубы-то, этот зуб ложили, чтобы скотина не изурочилась, наверное. ...Вот шумовка была, на эту шумовку угли, щучий зуб-то положат, потом богородскую траву и окуривают. Когда отелятся или че да, тогда все окуривают, лучше что ли потом. Щучий зуб использовали только для скотины от уроков (Шешукова М.М.).

Окуривание отелившейся коровы являлось повсеместно распространенным ритуалом [Журавлев, 1994, с. 45–46], в Сибири очистительные процедуры для скота проводили с использованием не только богородской травы, но и навоза или сора из муравейника и муравьев [Ипполитова, 2008, с. 301–302]. Богородская трава (*Thymus serpyllum* L., другое название — тимьян ползучий, чабрец ползучий, чабрец боровой) применялась в народной медицине и в домашнем обиходе [Виноградов, 1915, с. 402]. Окуривание дымом от различных магических средств, к которым относили и щучьи зубы, широко практиковалось в лечебно-профилактических целях у коми [Ильина, 2008, с. 192]. Зубы щуки считались оберегом от порчи и болезней у многих народов (в том числе финно-угорских и славянских), их вешали над входом в жилище, использовали при лечении и в качестве амулетов [Грысык, 1992, с. 57; Гура, 1997, с. 753–754]. Щучьи челюсти, наряду с медвежьими клыками и концами лап с когтями, были действенными амулетами у зырян от порчи со стороны людей, коми хранили их в домах как апотропейные средства [Ильи-

на, 1997, с. 50; Конаков, 1983, с. 197]. Кроме того, вере в особые качества щуки могло способствовать влияние поздних христианских представлений о рыбе и кресте на ее голове [Грысык, 1992, с. 60; Гура, 1997, с. 753]. Нужно отметить, что щучьи зубы не во всех случаях были апотропеем; так, на Европейском Севере (Каргополье) щучьи зубы могли подкладывать «на зло», «чтобы порча в хлеве была» [Знатки..., 2012, с. 86].

О появлении приплода старались умолчать. *Дак к новорожденному чужих не подпускали, ни к ребенку, ни к теленку, не показывали. Еще и помолчать надо, чтобы на ноги встал, да же свои молчали, ничего не говорили* (Воробьева Т.А.). Это было продиктовано боязнью сглаза, в том числе непреднамеренного. После отела послед старались сразу убрать, его обычно закапывали в углу пригона. Но сохранились воспоминания информантов о магических действиях с последом от первого отела (*от первотелки*). Чтобы корова в последующем не бодалась и стояла смиренно во время дойки, ей последом символически перекрещивали ноги.

Когда вот обучают нетелей, то надо, когда телится первотелок, то надо именно когда послед отойдет, вот этим последом в перчатках как спутаешь корову-то. Вот так вот она стоит, и надо потихонечку, чтобы не задевало ее ноги-то, раз и спутаешь... Я сама делала сколько раз, обучала нетелей. Вот этот послед. И ты караулишь, чтоб корова не съела этот послед. А потом этот послед берешь и потихонечку ей кресь-наперекресь, стараешься, чтобы не завязывать ей, а так положить, и приговариваешь: как послед лежит, не шевелится, так и ты стой, назовешь ее по имени, стой не шевелись. Обучали нетелей (Подорова Г.А.).

Подобный обычай был отмечен в Архангельской губернии, когда корову трижды обносили последом «поперек», с заговором: «Как этот лежит, не трехнется, не шевелится, так же бы у раба Божья корова (пеструха) не трехнулась, не шевельнулась (во время доения. — А. Ж.) [Журавлев, 1994, с. 41].

Если корова в последующем все-таки к себе не подпускала, лягалась, то обращались с молитвой: *здравствуй колодец Абрам, земля Татьяна, водичка Ульян, дай водицы напитокся черной коровушке* (Костина С.А.).

Защита животного и лечение

В быту у коми были широко распространены действия и благопожелания, направленные на сохранность скота. Обычно они приурочивались к календарным праздникам. На Рождество был обычай ходить по домам с пожеланиями благополучия: *чтобы в доме удача была, и чтобы скот хорошо велся* (Боганец В.Г.). В крещенскую ночь углем или мелом рисовали кресты над дверью в стойке, на сараях, на окнах, на дверях. *Просто везде-везде крестов наставим и ложимся спать. Может, старые люди и молитвы читали... Утром встанешь, слава богу, все хорошо. Раньше говорили: святки будут уходить и могут с собой что-нибудь унести, или животину какую-нибудь, скотину* (Там же). Помимо этого, дом и хозяйственные помещения окропляли святой водой: *на Крещение святой водой все уголки обрызнула в доме, в сараях обрызнула* (Там же).

В день св. Власия (11 февраля), который считается покровителем домашних животных, нужно было отнести в стойку хлеб и соль (Подласова Е.К.). В Вербное воскресенье заготовленными ветками вербы «хлопали» в стойке, и потом их там приколачивали (Мухамадиева Е.Ю.), вербочки крепили в углах двора в тех местах, где ходила скотина, *чтобы все было благополучно* (Подласова Е.К.), либо приколачивали к скворечнику (Катаева Г.В.).

Особым днем был Великий четверг, на Страстной неделе перед Пасхой, когда заготавливали *четверговый* хлеб с солью и воду. Для этого продукты и воду оставляли перед иконами на всю ночь со среды на четверг, после чего они становились сильным апотропеем. *В Великий четверг перед иконой клали хлеб, соль и воду, а наутро помолившись, уносили скотине* (Скорикова В.А.); А.Г. Кононова укладывала к иконе две булки хлеба из старой муки для скотины, несколько кусков белого хлеба для себя и около 1 кг соли, затем зажигала свечи и читала три раза молитву, которую сложила сама. По словам Уляшевой Ю.Ф., подобный ритуал проводился и в новогоднюю ночь: *надо поставить на стол водку, положить хлеб, булки и соль в банке, утром надо дать хлеб скотине и поесть самому*.

Забота об охране скотины включала и выстраивание отношений с домовым¹. По верованиям коми, на скотном дворе обитает *суседушко, суседко, стаичный*, так называли домового.

¹ О стратегиях мифологизации представлений о домовом у коми Западной Сибири и практик, с ними связанных, подробнее см.: [Байдуж, 2015].

Этот персонаж представлялся неотъемлемой частью дома и шире — всего усадебного комплекса. Он один выполнял все функции по охране дома, двора и построек, и его владением была территория всей усадьбы. *Домовой повсюду, весь двор охраняет* (Кононова А.Г.); *Он один охраняет и скотину, и дом* (Игнатова Н.Г.). Тем не менее угощения подкладывали в разные места, в зависимости от ожидаемой помощи: *домовой, который в доме живет и который в стайке, это один считается. Один домовой, соседко зовут. В доме если не ладно, в подполье хлеб кладут на завалинку, соседку надо покормить. Скотина если худеет, или че, говорят, соседко не любит, дак надо хлебушка унести ему, в ясли положить* (Шешукова М.М.). В представлениях коми домовой может быть как добрым, так и злым. Ю.Ф. Уляшева жаловалась, что для родительского дома выбрано *нехорошее место, домовой скотину не любит*. Повсеместно считалось, что для домового имеет значение масть животных: *бывает, что скотину по-разному любят — черную любят, белую нет* (Подласова Е.К.).

По сведениям С.В. Максимова, в Вологодской губернии крестьяне использовали различные способы «договариваться» с домовым — от угощения и угождения до открытой борьбы (к примеру, с помощью навозных вил или плети) [1903, с. 45–47]. По нашим материалам, как правило, применялась тактика задабривания. При изготовлении построек для скота нужно было сразу сделать подношение для домового. *Стайку строили в купленном доме — под углы сруба положили шерсть, в передний угол — правый угол, где солнце всходит, клали хлеб. Водку пили. В том доме и овец было полным полно. А в родительском доме овечки не живут, и при родителях не жили. Рождалось мало, и приплод не выживает* (Уляшева Ю.Ф.). В последующем в стайку, где находилась скотина, регулярно *клали постряпушки дедушке-суседушке, чтобы дедушка оберегал скот от хвори* (Уляшева З.П.). Угощения подносились по праздникам и в случае болезни животных, при подозрении, что домовый *невзлюбил* скотину.

Нашей лошади соседка заплел две косы, а мужики их состригли. Прихожу, а она вся в пене, и корову загнал, теребит, щекотит быка. Остались одни овцы и свиньи лежать. Женщина мне посоветовала, оставшееся в квашенке тесто разделить на три части и испечь каральки, отнести их в пригон и положить в три угла, молитву дала. Я ее прочитала, перекрестилась, и суседушка перестал беспокоить (Пунегова Н.И.); *Если домовой корову невзлюбил, нужно каральки постряпать и по углам в хлеву положить* (Скорикова В.А.).

У коми было распространено мнение, что домашних животных, как и людей, могли легко испортить, сглазить. Считалось, что магия действует после захода солнца, поэтому вечером в стайку старались не впускать посторонних, потенциально опасными были люди с косоглазием: *если у человека глаза косые, то его нужно опасаться* (Уляшева З.П.). Сглаз предполагался в первую очередь, если в хозяйстве начинались неприятности (*болезни, не ладно, скот не ведется*) (Болотова А.П.). *Кому-то не угодили, кто от зависти, что у тебя мало-мало хозяйство ведется. Вот, к примеру, у этих хозяев прошлый год было семь голов скота, и все по какой-то причине, все пропали — кто под машину, кто, значит, отравятся, кто украдут, и ни одной головы не осталось, ревом ревели муж с женой, люди говорят, порча* (Болотов П.А., Мухамадиева Е.Ю.). Утрату скотины могли объяснять тем, что в стайку что-то подкладывали, «портили» двор. В таких случаях обращались к «знающим» людям. *Сделали так, что корова заболела. И женщина обратилась к другому колдуну, тот сказал, что тот, кто корову испортил, придет к ней и что-то попросит, а она, чтоб не давала, иначе корова сдохнет. Он пришел и попросил молока, а она не смогла отказать — и корова умерла* (Прошкевич Н.Н.).

Бывало, что у коровы *пропадало* молоко. Это связывали с действием колдунов, которые его *отбирали*. *Были такие люди, которые умели и на плохое. Корову могли выдоить. Рог снут, и крови нет, или скотину постригут, это все колдуны* (Шешукова М.М.). *У дядьки тоже корову подоили, молока не стало. Пришлось корову заколоть* (Лодыгина А.Т.). Случалось, что у коровы молоко шло с кровью, затвердевало вымя. Причину видели в том, что у коровы между ног пролетела птица и испортила ее либо пастух сильно ударил ее плетью. *Если птичка между ног у коровы пролетит, она кровью доится* (Костромина В.П.). *Бывало, что у коровы молоко с кровью шло. Это если плетью пастух ударит, а другой раз бывает, как-то птица пролетит между ног, между вымя. Дак тоже бывает, что загрузеет вымя и с кровью будет доить* (Подорова Г.А.). Подобные поверья широко распространены; на Русском Севере также верили, что молоко портится у коровы, которая наступила на лягушку или спала на змеином месте [Гура, 1997, с. 733]. При затвердевании вымени от *пролетевшей птички* утром и вечером, перед дойкой, хозяйка смазывала вымя маслом или свиным салом, делала массаж: *массажируешь с*

Охранительные ритуалы в скотоводстве коми Нижнего Приоболья и Омского Прииртышья

теплой водой: теплой водой — массаж, теплой водой — массаж (Подорова Г.А.) — либо натирала глиной: *вымя нужно красной глиной смазать* (Костромина В.П.).

В случае пропажи молока практиковался обычай лечения целебной водой, которой поили скотину [Ермакова, Крамор, 2014, с. 71]. Святая вода — крещенская, четверговая, молчанная или взятая с почитаемых источников — была средством лечения разных недугов. Такой водой брызгали на животных, омывали больной участок, давали скотине попить глотками или подливали в поило. Так, лечили водой с Криванковского колодца (Юргинский р-н Тюменской обл.): если «...скотина как-то заболела, вот, например, корова, брызнешь — кажется, помогает. На корову или там по углам стайки побрызгаешь» [Ермакова, 2010, с. 34–35]. Для лечения могли использовать и растения (ветки деревьев, траву), сорванные возле *святого* источника, или взятую оттуда землю. Так, целебной силой наделялись растения, сорванные возле Криванковского колодца в день Девятой пятницы. Травы окуривали скотину, втыкали их в стайке для охраны скота [Там же, с. 36–37]. О.В. Голубкова также отмечала особые свойства воды, земли, мха возле почитаемых крестов, которым приписывалась способность исцелять болезни [2009, с. 42–43].

Заключение

Значительная часть охранительных ритуалов в скотоводстве в настоящее время утратили актуальность. Мор, эпизоотии были взяты под контроль, и необходимость магической борьбы с ними постепенно отпала. Отсутствие практики привело к угасанию и потере знаний о ритуальных действиях в чрезвычайных ситуациях. Уклад современной деревни с конца XX в. заметно изменяется, особенно в пригородных поселениях. Это касается домашнего быта, занятости, системы потребления. Многие, особенно молодежь, отказываются от содержания скота в личном подсобном хозяйстве. Тем не менее у коми сохраняются отдельные приемы магической защиты в основном крупного рогатого скота. Ритуальные действия, как правило, совершались в переходные моменты — покупка скота, перевод животных в новый дом, первый выгон, отел, подготовка к первой дойке, некоторые календарные праздники. Практикуется воздействие на общее благополучие скота, задабривание домового, защита и лечение от сглаза и порчи. В современных охранительных ритуалах преобладает влияние христианских обычаев.

Список информантов:

Горьковский район Омской области
Костина С.А., коми, 1926 г.р., д. Кирсанова
Калачинский район Омской области
Боганец В.Г., коми, 1931 г.р., с. Лагушино
Костромина В.П., коми, 1932 г.р., д. Кибер-Спасское
Оконешниковский район Омской области
Неупокоев Д.А., коми, 1936 г.р., д. Николаевка
Тарский район Омской области
Игнатова Н.Г., коми, 1941 г.р., с. Имшегал
Карманова А.П., коми, 1929 г.р., с. Ивановка
Прошкевич Н.Н., коми, 1934 г.р., п. Имшегал
Заводоуковский район Тюменской области
Подорова Г.А., коми, 1932 г.р., д. Яковлево
Пунегова Н.И., коми, 1933 г.р., д. Каменка
Скорикова В.А., коми, 1939 г.р., д. Каменка
Шолопова З.Я., 1941 г.р., д. Каменка
Ялуторовский район Тюменской области
Болотов П.А., коми, 1928 г.р., д. Ивановка
Болотова А.П., коми, 1935 г.р., с. Ивановка
Воробьева Т.А., коми, 1937 г.р., д. Ивановка
Катаева Г.В., коми, 1968 г.р., с. Ивановка
Лодыгина А.Т., русская, 1918 г.р., д. Ивановка
Мухамадиева Е.Ю., коми, 1973 г.р., д. Ивановка
Семенова А.А., коми, 1934 г.р., д. Ивановка
Шешукова М.М., коми, 1935 г.р., д. Большое Тихвино
Ярковский район Тюменской области
Кононова А.Г., коми, 1921 г.р., с. Староалександровка
Кутькин П.Т., коми, 1928 г.р., с. Староалександровка
Подласова Е.К., коми, 1924 г.р., с. Староалександровка
Уляшева А.П., коми, 1928 г.р., с. Староалександровка

Уляшева З.П., коми, 1928 г.р., с. Староалександровка
Уляшева Ф.И., 1925 г.р., коми, с. Староалександровка
Уляшева Ю.Ф., коми, 1926 г.р., с. Староалександровка
Филимонова Ю.М., коми, 1934 г.р., с. Староалександровка

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 79.

Литература

- Адаев В.Н.* Этнолокальные модели и индивидуальные стратегии экологической адаптации (бассейн р. Демьянка, 1930–1980-е гг.) // УИВ. 2010. № 2. С. 125–135.
- Байдуж М.И.* Домовой в актуальных верованиях коми Западной Сибири // Rosja w dialogu kultur. 2015. Т. 2. С. 481–494.
- Виноградов Г.С.* Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири: (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Живая старина. Т. XXIV. Вып. IV. Пг., 1915. С. 325–432.
- Голубкова О.В.* Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 304 с.
- Гончаренко О.Н.* Специалисты ветеринарной медицины в Зауралье в конце XIX — первой половине XX века // Вестн. Гос. аграр. ун-та Сев. Зауралья. 2014. № 4 (27). С. 51–55.
- Городцов П.А.* Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодн. Тоб. губерн. музея. Тобольск, 1916. Вып. 26. С. 1–65.
- Грыськ Н.Е.* Щука в верованиях, обрядах и фольклоре русских // Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб., 1992. С. 57–61. (СМАЭ; Т. 45).
- Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. М.: Индрик, 1994. 272 с.
- Ермакова Е.Е.* Почитание Криванковского колодца в Юргинском районе Тюменской области // Антропологический форум. 2010. № 12 (online). С. 1–52.
- Ермакова Е.Е., Крамор Г.А.* Вода в бытовой культуре восточнославянского населения Тюменской области // Вестн. ТюмГУ. Гуманитар. исследования. Humanitates. 2014. № 3. С. 67–75.
- Ермачкова Е.П.* Организация ветеринарной службы в сибирской деревне (на примере Приишимья) // Приволж. науч. вестн. 2015. № 2 (42). С. 32–38.
- Журавлев А.Ф.* Домашний скот в поверьях и магии восточных славян: Этнографические и этнолингвистические очерки. М.: Индрик, 1994. 256 с.
- Знатки*, ведуны и чернокнижники: Колдовство и бытовая магия на Русском Севере / Под ред. А.Б. Мороза. М.: ФОРУМ: Неолит, 2012. 592 с.
- Зырянский мир*: Очерки о традиционной культуре коми народа / Сост., науч. ред. и рук. автор. коллектива Н.Д. Конаков. Изд. 2-е, испр. и доп. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. 432 с.
- Ильина И.В.* Народная медицина коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1997. 120 с.
- Ильина И.В.* Традиционная медицинская культура народов Европейского Северо-Востока (конец XIX — XX вв.). Сыктывкар, 2008. 236 с.
- Ипполитова А.Б.* Русские рукописные травники XVII–XVIII вв.: Исследование фольклора и этноботаники. М.: Индрик, 2008. 512 с.
- Конаков Н.Д.* Коми охотники и рыболовы во второй пол. XIX — нач. XX вв. М.: Наука, 1983. 246 с.
- Левкиевская Е.Е.* Славянский оберег: Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 336 с.
- Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. 526 с.
- Толстой Н.И., Усачева В.В.* Вербa // Славянские древности: В 5 т. Т. 1: А–Г. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 333–336.
- Топорков А.А.* Печь // Славянские древности: В 5 т. Т. IV: П (Переправа через воду) — С (Сито). М.: Междунар. отношения, 2009. С. 39–44
- Туров С.В.* Природопользование русских старожилов западной Сибири (XVII — первая половина XIX века): Очерки этнической экологии. Екатеринбург: Баско, 2007. 184 с.
- Черных А.В.* Обычаи, связанные с домашним скотом, в календарной обрядности русских Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (31). С. 135–144.
- Чуклеев Н.Т.* Каменка. История образования деревни. Описание крестьянской жизни и быта ее людей. Тюмень: Библ.-издат. комплекс «Тюменский государственный нефтегазовый университет», 2011. 127 с.
- Ямов В.З., Гавричкин А.А.* Из истории становления ветеринарии в Зауралье // Вестн. Гос. аграр. ун-та Сев. Зауралья. 2013. № 3 (22). С. 38–44.
- Ярзуткина А.А.* Ритуалы достатка: Традиционные земледельческие, скотоводческие и промысловые культы сибирских татар. СПб.: Петерб. востоковедение, 2012. 320 с.

N.A. Liskevich, A.H. Masharipova

Institute of problems of Development of the North SB RAS

Malygin st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation

E-mail: povod_n@mail.ru;

esenewka@yandex.ru

PROTECTIVE RITUALS IN THE CATTLE BREEDING PRACTICED BY KOMI PEOPLE OF LOWER PRITOBOL'E AND OMSK PRIIRTISH'E

The rituals for the protection of the cattle practiced by Komi people in Lower Pritobol'e and Omsk Priirtish'e are observed. The sources of the research are field data materials, obtained in the ethnographic expeditions of IPDN SB RAS in Tyumen and Omsk regions in the 2000s. Ways of magic defense of cattle (cows) are pointed out. The ceremonies were committed to the life changing moments — a purchase of cattle, moving cattle to a new home, the first pasture, fawning, getting ready for the first milking, some calendar holidays (Christmas, Epiphany, the feast of St. Blaise, Palm Sunday, Maundy Thursday). The ways to influence the general well-being of cattle, to coax Domovoi (staichnyi: the one who lives in a shed), to protect and treat the evil eye and magic curse are shown. Typically, they were individual actions of owners, dedicated to a particular day or event. The main attributes of the actions for the magical protection of animals are animal-care objects, elements of a harness, belt or apron of the owners, elements of domestic stoves, grain, bread, salt, water, willow, mother-of-thyme, plants from worshiped places, pike teeth. In some cases, the rituals are accompanied by spells (prayers). The influence of Christian traditions predominates in the modern protective rituals.

Key words: Komi cattle breeding, protective and cleansing magic, Susedco, a magic curse and an evil eye of cattle.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-120-130

REFERENCES

- Adaev V.N., 2010. Etnolokal'nye modeli i individual'nye strategii ekologicheskoi adaptatsii (bassein r. Dem'ianka, 1930–1980-e gg.) [Ethnolocal models and individual strategies of ecological adaptation (the Demyanka river valley, 1930–1980)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2, pp. 125–135.
- Baiduzh M.I., 2015. Domovoi v aktual'nykh verovaniyakh komi Zapadnoi Sibiri [Domovoy (house spirit) in actual beliefs of the Komi of Western Siberia]. *Rosja v dialogu kultur*, vol. 2, pp. 481–494.
- Chernykh A.V., 2007. Obychai, svyazannye s domashnim skotom, v kalendarnoi obriadnosti russkikh Prikam'ia [Customs related to the livestock in the Russian seasonal rites in Prikam'e]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, no. 4 (31), pp. 135–144.
- Chukleev N.T., 2011. *Kamenka. Istoriya obrazovaniia derevni. Opisanie krest'ianskoi zhizni i byta ee liudei* [Kamenka. The history of foundation of the village. Description of peasant life and the life of its people], Tiumen': Bibliotечно-izdatel'skii kompleks «Tiumenskii gosudarstvennyi neftegazovyi universitet», 127 p.
- Eleonskaia E.N., 1994. *Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii* [Fairy-tale, curse and witchcraft in Russia], Moscow: Indrik, 272 p.
- Ermakova E.E., 2010. Pochitanie Krivankovskogo kolodtsa v Iurginskom raione Tiumenskoii oblasti [Worship of Krivankovo well in Iurginskii district of Tiumen region]. *Antropologicheskii forum*, no. 12, online, pp. 1–52.
- Ermakova E.E., Kramor G.A., 2014. Voda v bytovoi kul'ture vostochnoslavianskogo naseleniia Tiumenskoii oblasti [Water in everyday culture of East Slavic population of Tyumen region]. *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. Gumanitarnye issledovaniia. Humanitates, no. 3, pp. 67–75.
- Ermachkova E.P., 2015. Organizatsiia veterinarnoi sluzhby v sibirskoi derevne (na primere Priishim'ia) [Organization of veterinary service in a Siberian village (Priishim'e case study)]. *Privolzhskii nauchnyi vestnik*, no. 2 (42), pp. 32–38.
- Golubkova O.V., 2009. *Dusha i priroda: Etnokul'turnye traditsii slavian i finno-ugrov* [Soul and nature: Ethnocultural Slavic and Finno-Ugric traditions], Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, 304 p.
- Goncharenko O.N., 2014. Spetsialisty veterinarnoi meditsiny v Zaural'e v kontse XIX — pervoi polovine XX veka [Specialists in veterinary medicine in Zaural'e in the end of the 19th — first half of the 20th century]. *Vestnik Gosudarstvennogo agrarnogo universiteta Severnogo Zaural'ia*, no. 4 (27), pp. 51–55.
- Gorodtsov P.A., 1916. Prazdniki i obriady krest'ian Tiumenskogo uezda [Festivals and rites of peasants in Tyumen district]. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeia*, vol. 26, Tobol'sk, pp. 1–65.
- Grysyk N.E., 1992. Shchuka v verovaniyakh, obriadakh i fol'klore russkikh [A pike in Russian beliefs, rituals and folklore]. *Iz kul'turnogo nasledii narodov Vostochnoi Evropy*, St-Petersburg, pp. 57–61.
- Gura A.V., 1997. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [The symbolism of animals in Slavic folk tradition], Moscow: Indrik, 912 p.
- Iamov V.Z., Gavrichkin A.A., 2013. Iz istorii stanovleniia veterinarii v Zaural'e [From the history of formation of veterinary medicine in Zaural'e]. *Vestnik Gosudarstvennogo agrarnogo universiteta Severnogo Zaural'ia*, no. 3 (22), pp. 38–44.

Iarzutkina A.A., 2012. *Ritualy dostatka: Traditsionnye zemledel'cheskie, skotovodcheskie i promyslovye kul'ty sibirskikh tatar* [The rituals of prosperity: Traditional farming, stock-raising and fishing cults of Siberian Tatars], St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 320 p.

Il'ina I.V., 1997. *Narodnaia meditsina komi* [Traditional Komi medicine], Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 120 p.

Il'ina I.V., 2008. *Traditsionnaia meditsinskaia kul'tura narodov Evropeiskogo Severo-Vostoka (konets XIX — XX vv.)* [Traditional medicine culture of the peoples of the European Northeast (end of the 19th — 20 century)], Syktyvkar, 236 p.

Ippolitova A.B., 2008. *Russkie rukopisnye travniki XVII–XVIII vv.: Issledovanie fol'klora i etnobotaniki* [Russian handwritten herbals of the 17–18th centuries: A study of folklore and ethnobotanics], Moscow: Indrik, 512 p.

Konakov N.D., 1983. *Komi okhotniki i rybolovy vo vtoroi pol. XIX — nach. XX vv.* [Komi hunters and fishermen in the second half of the 19th — the beginning of the 20th century], Moscow: Nauka, 246 p.

Konakov N.D., 2004. *Zyrianskii mir: Ocherki o traditsionnoi kul'ture komi naroda* [The world of Zyrians: Essays on the traditional culture of the Komi people], Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 432 p.

Levkievskaja E.E., 2002. *Slavianskii obereg: Semantika i struktura* [Slavic protective amulet: Semantics and structure], Moscow: Indrik, 336 p.

Maksimov S.V., 1903. *Nechistaia, nevedomaia i krestnaia sila* [Devilry, unknown spirits and the power of the Cross], St. Petersburg, 526 p.

Moroz A.B., 2012. *Znatki, veduny i chernoknizhniki: Koldovstvo i bytovaia magiia na Russkom Severe* [Fortune tellers, sorcerers and black magicians: Witchcraft and everyday magic in the Russian North], Moscow: FORUM: Neolit, 592 p.

Tolstoi N.I., Usacheva V.V., 1995. Verba [Willow]. *Slavianskie drevnosti*: In 5 vol., vol. 1: A–G. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, pp. 333–336.

Toporkov A.A., 2009. Pech' [Oven]. *Slavianskie drevnosti*: In 5 vol., vol. IV: P (Pereprava cherez vodu) — S (Sito), Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, pp. 39–44.

Turov S.V., 2007. *Prirodopol'zovanie russkikh starozhilov zapadnoi Sibiri (XVII — Pervaia polovina XIX veka): Ocherki etnicheskoi ekologii* [Use of natural resources among the Russian long-term residents of Western Siberia (17th — first half of the 19th century)], Ekaterinburg: Basko, 184 p.

Vinogradov G.S., 1915. Samovrachevanie i skotolechenie u russkogo starozhilogo naseleniia Sibiri: (Materialy po narodnoi meditsine i veterinarii). Vostochnaia Sibir', Tulunovskaia volost', Nizhneudinskii uezd, Irkutskaiia guberniia [Self-treatment and cattle-treatment among the Russian long-term residents of Siberia (Materials in the field of traditional medicine and animal health). Eastern Siberia, Tulunovsk volost', Nizhneudinsk district, Irkutsk region]. *Zhivaia starina*, vol. XXIV, no. IV, pp. 325–432.

Vinogradova L.N., 2000. *Narodnaia demonologija i mifo-ritual'naia traditsiia slavian* [Traditional demonology, myth and ritualistic Slavic tradition], Moscow: Indrik, 432 p.

Zhuravlev A.F., 1994. *Domashnii skot v pover'iakh i magii vostochnykh slavian: Etnograficheskie i etnolingvistichekie ocherki* [Livestock in beliefs and magic of East Slavs: Ethnographic and ethnolinguistic essays], Moscow: Indrik, 256 p.

Л.В. Иванова, А.В. Гордиенко

Тюменский государственный институт культуры
ул. Республики, 19, Тюмень, 625003
E-mail: ivalo@bk.ru;
gordienko_a_v@mail.ru

ПОЛИКУЛЬТУРНЫЕ ИСТОКИ И АНАЛОГИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА ЗАУРАЛЬЯ

Статья посвящена изучению поликультурных истоков и аналогий изобразительной системы русского деревянного зодчества Зауралья. Рассмотрена история формирования традиций деревянного домостроения. Выявлены особенности объемной, рельефной и пропиленной домовой резьбы. Проанализированы типы наличников, их конструктивная основа и декоративные элементы. Представлены изобразительные мотивы геометрического, растительного, антропо- и орнитоморфного типов орнамента наличников. Описаны историко-культурные связи Зауралья, отразившиеся в эклектике деревянного зодчества. В изобразительной системе деревянного зодчества Зауралья в конце XIX — начале XX в. мастерами-резчиками активно использовались S-образные криволинейные и сердцевидные фигуры, вихревые розетки и растительный орнамент. Наиболее широко в региональном зодчестве был распространен растительный крестообразный орнамент из перевивающихся стеблей. В домовой резьбе Зауралья встречаются образы древнего византийско-романского происхождения (парные птицы, геральдические мотивы, короны). Эти элементы декора могут быть связаны с генезисом славянской культуры, неотъемлемой частью которой является православная византийская традиция. Исследованы стилевые особенности барокко и классицизма в деревянном домостроении региона. Выявлены поликультурные аналогии в орнаментальных мотивах изобразительной системы деревянного зодчества. Обобщены традиции регионального народного зодчества, отраженные в декоративной пластике фасадов домов. Дана характеристика орнамента как исторического источника для изучения формирования культурного ландшафта. Эклектизм изобразительной системы русского деревянного зодчества региона связан с этнокультурными взаимодействиями, волнами колонизации Зауралья. Приведен обширный иллюстративный материал, представляющий аналогии в декоре деревянного домостроения и археологических артефактов с орнито-, антропоморфным и растительным орнаментами.

Ключевые слова: историко-культурные связи Зауралья, деревянное зодчество, изобразительная система, поликультурные орнаментальные аналогии, культурный ландшафт.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-131-143

Зауралье издавна являлось местом синтеза культурных традиций, сложившихся в результате длительных и сложных процессов этногенеза. Традиции племен и культур, вступающих во взаимодействие, нашли отражение в орнаменте, возраст которого измеряется тысячелетиями. Некоторые мотивы орнамента восходят к энеолитической эпохе, и определить их этническое происхождение невозможно. При этом орнамент, как устойчивый элемент, является своеобразным маркером, позволяющим выявить происхождение культурных традиций. Мотивы, образы и сюжеты несут в себе представления древнего человека о строении мира, служат важным источником для изучения архаичных мифологических представлений [Антонова, 1984, с. 200; Неключев, 1972, с. 216].

Мотивы орнамента наличников крестьянских домов Зауралья имеют аналогии в искусстве многих народов Евразии. Визуальное сходство зачастую является следствием этнокультурных взаимодействий либо отражает этногенетическое родство. Рассмотрим историю формирования и поликультурные аналогии в мотивах изобразительной системы деревянного зодчества Зауралья.

На протяжении XVIII в. деревянная резьба, характерная для украшения церковного интерьерного пространства, находит применение в городских административных и жилых помещениях [Шайхтдинова, 1984, с. 16]. Резьбой занимались местные плотники и резчики, воспроизводя в мирском архитектурном декоре технические приемы, пластику, мотивы иконостасов (виноградная лоза и гроздь, цветы, гирлянды из фруктов). Архитектурная резьба вошла в обширный круг традиционных мужских художественных промыслов и ремесел. Так, в составе группы художни-

ков, украшавших в 1713 г. вновь отстроенный дом губернатора в г. Тобольске, был «кунгурец Василий Иванович Резовщик»; прозвище, его, вероятно, возникло от вида деятельности [Копылов, 1968, с. 123]. Сохранились сведения о тобольском ямщике Косме Черепанове как об искусном резчике и зодчем [Кочедамов, 1963, с. 101].

Во второй половине XIX в. резьба по дереву появилась в экстерьере гражданской архитектуры Зауралья, традиции художественной обработки дерева продолжали развиваться. Этот процесс был связан с приостановлением церковного строительства, интенсивным развитием городов и сел, изменившим социальный состав населения. Состоятельные люди вкладывали средства в строительство двухэтажных деревянных особняков, украшенных декором в технике объемной резьбы. Эти дома представляют форму репрезентативного жилого строительства. В купеческом строительстве наблюдается стремление к пышности, импозантности и сложности архитектурного декора, большую нагрузку в системе декорирования несут не только наличники, но и углы дома (в виде пилястр), его стены (обшитые досками в «елочку» или имитирующие руст).

Конец XIX — начало XX в. — время сложения в масштабах Зауралья и Сибири трех центров монументально-декоративной резьбы по дереву: Тюмень, Томск, Иркутск [Козлова, 2000, с. 474]. Среди всего многообразия русского деревянного зодчества архитектура Тобольской губернии занимает особое место, выделяясь удивительной сочностью объемной домовой резьбы при относительной простоте самого здания. Тюмень становится центром административной, торговой, политической жизни большого региона Сибири. Через нее проходили торговые пути, связывавшие Запад, Восток и Север. Описывая основные типы домовой резьбы Тюмени, исследователи отмечали ее художественные особенности: «В резном декоре деревянных зданий Тюмени можно усмотреть самые разные влияния. Элементы, пришедшие из архитектуры классицизма, встречаются с мотивами народными, перекочевавшими из вышивок, с предметов крестьянского обихода. Народные мастера виртуозно «примиряли» элементы разных, подчас противоречащих друг другу стилей» [Шайхтдинова, 1984]. Барочная стилистика в оформлении домов (вазоны с растительностью, цветочно-плодовые гирлянды) широко применялась в старых городах Зауралья: Тюмени, Тобольске, Ишиме. Резьба была широко распространена во многих округах Тобольской губернии. В деле «О регистрации ремесленников» за 1894 г. упомянут резчик Козлов Николай Федорович, крестьянин Туринского уезда [ГБУТО ГАТО]. При сравнении народного зодчества Западной и Восточной Сибири Е.А. Ащепков отметил, что в местах первых русских поселений Тобольской губернии декор значительно богаче и живописнее, что объясняется близостью к европейской части России. «Чем дальше на восток, в глубь Сибири, тем проще как отдельные детали, так и все сооружение» [Ащепков, 1950, с. 148].

Городские особняки и усадебные комплексы Зауралья строились по периметру кварталов и равнялись фасадами по красной линии. Резными и точеными декоративными элементами акцентировались очертания основных форм провинциальной архитектуры XIX–XX вв. — ворота, венчания стен, обрамления окон и дверей, декоративные стенки над воротами и угловыми частями домов (аттики), акротерии, балюстрады балконов и лоджий, фронтоны, фризы, лестничные балясины, межкомнатные двери. В художественном оформлении большое значение уделялось крыльцу, устраиваемому с уличного или бокового фасада. Эркер и навес крыльца поддерживался оригинальными колоннами или кронштейнами. Непременной принадлежностью усадьбы являлись высокий глухой забор и ворота, решенные в простых строгих формах, украшенные накладным декором (чаще всего розетками-«солнышками»), иногда верхние части ворот делались кружевно-прорезными. Надвратная балка нередко принимала вид фронтона, сегмента, изогнутой дуги-коромысла или была прямой, защищенной широким двускатным навесом. Наиболее старые ворота имеют развитый карниз и подкарнизную часть, украшенную накладной, или глухой, резьбой. Вся композиция завершалась окаймлялась козырьком из жести (рис. 1).

Объектом особого интереса стали наличники (фигурное накладное обрамление оконного проема, которое служит для защиты от попадания влаги между стеной и рамой окна) и их типология. Исследователи деревянного зодчества отмечали строгую логику и целесообразность конструкций деревянного зодчества Зауралья и Сибири, художественное единство общего и частных, архитектуры и декора [Ащепков, 1950; Ополовников, 1977; Жученко, Заварихин, 1984; Шайхтдинова, 1984; Бубнов, 1988; Козлова, 2000].

Рис. 1. Декоративное украшение ворот и надвратной балки (г. Тюмень, Ярковский район Тюменской области) (по: [Иванова, 2015, рис. 75]).

По форме проема окна наличники Зауралья различаются на прямоугольно-вертикальные, квадратные, арочные. Весь декор концентрировался на очелье, причелинах и подоконных досках. Внушительность наличников с крупными подоконными досками усиливалась большими тяжелыми ставнями, как правило, филленчатыми, что делало окна, содержащие ставни (створки врат), сходными с дверьми. Композиция оконных наличников восходит к резному обрамлению иконостасного проема. В их конструктивной основе заложены точеные полуколонки или пилястры, поддерживающие барочный резной фронтон с завитками волют. Такой наличник выглядит торжественно: центр фронтона заполняет свиток и растительный орнамент, подоконная доска зрительно уравнивает верхнюю часть наличника. Именно эта форма имела самое широкое распространение в Тобольской губернии (рис. 2).

Рис. 2. Конструктивные особенности оконных наличников (Викуловский и Исетский районы Тюменской области) (по: [Иванова, 2015, рис. 63, 71]).

Наличники Зауралья представлены несколькими типами, характеризующимися разнообразием деталей, декоративных форм и художественных тенденций. Самый старый способ обработки оконного проема в Зауралье (XVII–XVIII вв.) — косячатые окна — не предполагал использования наличников, так как окна состояли из двух боковых косяков-стоек и притолоки, связывающей их сверху, нижними концами косяки окна врубались в горизонтальное бревно стены. Появление наличника простого типа (I тип) связано с возникновением в начале XIX в. колодного окна, состоящего из четырех частей — двух косяков, притолоки и подоконника. Подобные наличники Зауралья начала — середины XIX в. не декоративны, но абсолютно функциональны — закрывали швы между колодой окна и стеной, обеспечивали крепление ставни. Наличники второй половины XIX — начала XX в. отличались архитектурностью. Они могли иметь изогнутую лобовую доску и упрощенный карниз (II тип), завершения волютообразной (III тип) или треугольной формы (IV тип), выраженный прямой карниз и богато декорированную подоконную доску (V тип), раскрепованный или разорванный фронтон (VI тип) [Иванова, 2015, с. 162].

Выделим основные виды архитектурной резьбы и особенности техники ее исполнения: объемная (накладная), рельефная (глухая) и пропильная. Пластика объемной накладной резьбы — монументальна и эффектна. Она составлялась из отдельных деталей будущей композиции, которые выполнялись мастером по отдельности, тщательно моделировались и затем с помощью длинных тонких гвоздей без шляпок набивались на доску — основу. Иногда деталь украшения могла состоять из двух-трех частей, наложенных одна на другую: мастер, желая придать резному украшению большую сочность, наращивал его объемы. Разновысокость объемной накладной резьбы придает ей особую красоту: в пределах одной подоконной доски есть самая выпуклая точка, оторванная от фона на 15 см и более (центр композиции), и самая низкая, приближенная к фону.

Рельефная резьба выполнялась на толстой доске путем углубления фона. В целой доске с помощью резцов и стамесок вырезался или выдалбливался неглубокий рельеф рисунка по заранее намеченному углем контуру. Высота рельефного рисунка колеблется от 1 до 2 см. Края его либо остаются острыми, под прямым углом к фону, либо округло моделируются. В зависимости от индивидуального почерка мастера рельеф снабжается различными по глубине и характеру дополнительными порезками, моделирующими его форму. Часто подобная резьба существовала с объемной накладкой. В Тюмени украшались рельефной резьбой одно- и двухэтажные дома на три-пять окон по центральной фасаду, постройки имели сравнительно небольшие размеры. Примерную датировку времени бытования рельефной резьбы можно установить на основании общей картины развития архитектурного дела и опроса старожилов: дома могли быть поставлены в 1830–1840-е гг.

Богатством рельефной домовой резьбы, изобилующей изображениями львов, русалок и сиринов, характеризуется народное искусство Поволжья [Круглова, 1974]. Содержание орнаментики рельефной резьбы в Зауралье отличается, здесь она более рациональна, менее вычурна, барельефное изображение всегда заключено в строгую рамку. Немногочисленные мотивы рельефной резьбы (солнце, занавесы с кистями) дают множество вариантов, а их исполнение говорит о высоком профессионализме мастеров. Образцами домового архитектурного декора, выполненного в технике рельефной резьбы, являются наличники Исетского, Упоровского и Заводоуковского районов Тюменской области (рис. 3).

Пропильное «кружево» в архитектурном декоре появилось, когда в сооружении деревянных построек мастер стал пользоваться лобзиком и коловоротами с перками различных диаметров. Пропильная резьба легко выдерживала повторы в рисунке, ярусность построения на карнизах. В этом заключается одна из причин популярности ее в конце XIX — начале XX в. Другая причина — в быстроте, доступности и дешевизне ее изготовления в условиях быстрого роста городов и сел по сравнению с рельефной и объемной техниками, требовавшими от исполнителей художественной одаренности и кропотливого труда. Деревянные постройки, украшенные пропильной резьбой и точеными элементами декора, тяготели к усложненности архитектурных форм. Фриз зданий выполнялся из цельной доски, прорезанной орнаментом. Концы досок нависали на обшивку дома или последний незакрытый венец сруба.

По деревянным строениям и фасадам крестьянских домов можно без труда узнать географию переселенцев в Зауралье. Рельефная корабельная резьба характеризует выходцев из Поволжья. Пропильная резьба была характерна для приезжих из Костромы, а раскрашенные разным цветом наличники и фасады — для выходцев с Украины. Резные ворота — традиция,

Поликультурные истоки и аналогии изобразительной системы деревянного зодчества Зауралья

принесенная астраханскими мастерами, а пропильная буквенная резьба по карнизу — влияние Белоруссии. А.В. Ополовников подчеркивал своеобразие деревянного строительства в Сибири, его непохожесть на застройку центральных районов России и подверженность влиянию художественных традиций переселенцев из других областей России, Поволжья, Дона, Урала [1977]. Экспедиционные материалы ТюмГУ подтверждают наблюдение о влиянии локальных традиций на формирование традиции, сложившейся в результате взаимной адаптации элементов народной культуры Европейской России: «В 1940-е гг. переселились белорусы, делали наличники. Кустарь жил деревенский, мужик, он делал — ему платили. Они и мебель делали» [ТюмГУ. ПД-1991].

Рис. 3. Архитектурный декор наличников в технике рельефной и объемной резьбы (Упоровский район Тюменской области, г. Тюмень) (по: [Иванова, 2015, рис. 63, 66]).

При всем богатстве и многообразии декора русского деревянного зодчества самым активным элементом его изобразительной системы являлся наличник. Рассмотрим конструктивную основу наличника и его декоративное оформление. Наличник состоит из надоконной части (верхней «лобовой» доски), несущих боковых стоек, поддерживающих венчающую часть, и подоконной части (нижней доски).

Фронтон — надоконная, верхняя часть наличника. Ограничен сверху двумя скатами и карнизом (треугольный фронтон) или одним изогнутым карнизом (лучковый фронтон), а у основания — окном. Разорванный фронтон — треугольный или лучковый (полукруглый), его центральная часть имеет разрыв, полукруглую выемку. Раскрепованный фронтон — фронтон, усиленный выступающими деталями и карнизом, разделенным декоративными элементами. В народном зодчестве верхняя, венчающая часть наличника, имеющая особо декоративную форму, именуется очельем.

Пилястры — оформленные вертикальные боковые стойки наличника в виде полуколонн, прямоугольных в плане, выступающих из основного поля на 1/4 своей ширины. Пилястры обычно имитируют ордер, имеют базу и капитель, условно изображая колонну. Выполняют декоративную функцию, члени фасад для придания ему большей архитектурной выразительности. Капитель — украшение верхней части пилястры. Капитель уплощена, но приближена к аналогичным элементам колонны. База — украшение нижней части пилястры, может отличаться от базы колонны по высоте.

Подоконная доска — нижняя часть наличника. Консоль (кронштейн, вынос) — выступающий или свешивающийся конструктивный элемент, который служит для поддержания конструкции, карниза. В профиль имеет упруго изогнутую форму, в верхней части — большой, в нижней — малый завиток или прямой срез. Передняя часть кронштейна орнаментирована каннелюрами или акантовым листом, строго подчиненным конструктивным формам кронштейна.

Перечислим декоративные элементы наличников, часто встречаемые в Зауралье. Тимпан окна — место, обрамленное волютами в верхней части наличника. Волюты — обрамление фронтона, архитектурно-декоративная деталь в виде спиралевидных завитков; используются в кронштейнах, капителях классических ордеров. Пальметта (пальметка) — орнамент в виде веера узких листьев, пальмовая ветвь; накладывается между волютами. Каннелюры — ряд вертикальных желобков на поверхности колонны или пилястры. Карниз — выступ, профилированный верхний и подоконный край наличника; выполняет утилитарную функцию — стока дождевой воды и эстетическую — зрительно завершает композицию. Свиток — мотив, изображающий

круто завернутый рулон тисненого пергамента (папируса, шелка, кожи). До изобретения книги подобные свитки использовались для письма. Акантовый лист (акант) — орнаментальный мотив в форме листьев травянистого растения семейства акантовых. Розетка — орнаментальный мотив стилизованных цветов в виде круга, овала и т.п. Нижняя обвязка подоконной доски наличника (фартук), как правило, криволинейной симметричной формы.

Наличники Зауралья могли иметь и другие декоративные элементы. Фриз — архитектурная деталь в виде узкой декорированной полосы, вытянутой по горизонтали, подкарнизная доска с орнаментом. Вазон — токарный элемент архитектурного декора в виде вазончика на ножке. Картуш — виньетка, представляющая плоскость, по форме напоминающая полуразвернутый свиток, щит с заворачивающимися краями, в центре которого изображены герб, эмблема, надпись, цифра, вензель и т.п. Сухарики — небольшие зубчики в форме параллелепипеда, являющиеся консолями, поддерживающими карниз. Гирлянда — архитектурно-декоративная деталь, состоящая из изображений листьев, плодов и цветов, иногда перевитых лентами. Стилизованные изображения животных и птиц, реже — фантастических существ (маскароны). Плетенка — построенный по законам строгой симметрии мотив из повторяющихся узлов и петель. Геометрический орнамент: плоский, выполненный глухой (рельефной/выемчатой) резьбой или трехмерный, выполненный объемной (скульптурный/накладной) резьбой (пирамидки, ромбы, треугольники, кубики, бруски и прочие многогранники). Солярный знак («солнышко») — декоративный элемент в виде розетки, обычно помещавшийся в тимпане фронтона. Жгуты, шнуры, дорожки из зарубок, перехваты, «бусы», по строению напоминающие витой пояс, симметрично чередующиеся элементы и их сочетания. Филенка — доска, вставленная в раму панели (створок ставней); часть основного поля, обведенная рамкой, линией, углублением. Свесы подоконной доски наличника — продолжение боковых досок, зачастую имеющие форму капли.

Возвращаясь к назначению собственно окна, следует отметить, что основной его функцией является свето- и взглядопроницаемость: оно — проводник естественного света, регулятор визуального поведения, создающий условия зрительной коммуникации для субъектов разграниченных пространств. До сих пор существует обычай закрывать окно ставнями на ночь и в грозу, открывать ставни с восходом солнца. С точки зрения «посреднической» функции окна — границы между внутренним и внешним, своим и чужим (враждебным) пространством понятна семиотическая значимость наличника.

Основой изобразительной системы оконных наличников деревянных домов выступает геометрический, растительный орнамент, орнито- и антропоморфные изображения. В трактовке декора имеется своя иконография. В украшении жилищ фиксировались архаические представления о мироздании. Оформление оконного наличника представляет собой своеобразную картину мира (макрокосм). Образующие его части и нанесенные на них символы исследователи соотносят со славянской космологической системой защиты от духов зла. Верхняя часть наличника символизировала небо, которое в славянской мифологии было двухуровневым: верхнее небо называлось «небесной твердью», а нижнее — «небесными хлябями». Небесная твердь часто изображалась в виде двускатной крыши. Небесная хлябь (бездна, водные глубины) символизировала живительную влагу, плодородие и изображалась как волнистая линия. Нижняя часть наличника, воплощавшая твердь земную, часто имела изображения вспаханного (ромбики с точками внутри) и засеянного (перекрещивающиеся двойные полосы) поля. Боковые стороны наличника назывались «полотенцами» [Турчин, 1972; Рыбаков, 1975, 1987; Топоров, 1995]. В конце XIX — начале XX в. многие традиционные элементы воспроизводились без осознания их охранной значимости для бытия, при этом сохранялось их символическое содержание [Рыбаков, 1975; Ткаченко, 2011].

Исследователи подчеркивают, что иконографическая преемственность и эволюция наличника независима от назначения здания, высоты расположения окна [Турчин, 1972; Топоров, 1995]. Вычленим отдельные символы, в различных вариациях встречающиеся на наличниках Зауралья повсеместно.

Космологическая символика окна подтверждается частыми изображениями солнца и глаза (проводник света окно-око) в разных видах: солярной розетки, равностороннего креста, вписанного в круг, круга с точкой в центре («глаз» неба) или полудиска, от которого во все стороны расходятся лучи [Эрг, 2008, с. 128].

Подоконные доски наличников северной и центральной зон Зауралья (Нижнетавдинский, Ярковский, Юргинский районы Тюменской области) имеют антропоморфный орнамент, выполненный в технике рельефной резьбы. Симметричная фигурка с раскинутыми руками и ногами

олицетворяет священное женское начало (рожаница-берегиня), дарующее жизнь. Этот распространенный образ занимает важное место в традиционной орнаментике. Несмотря на условность, в орнаментальных изображениях присутствуют хорошо видимые руки-крылья, иногда заменяемые родственными по семантике растениевидными формами, во многом дополняющими древний образ (рис. 4).

Аналогии изображениям человека, птиц и их сочетаний можно найти в древности. Антропоморфные столбообразные фигуры из двух основных материалов — дерева и бронзы — имели распространение в разных культурах, в том числе у древних славян и народов Сибири [Чернецов, 1957; Федорова, 2002; Гордиенко, 2013а–с]. В силу лучшей сохранности металла подобия мотивов декора наличников крестьянских домов часто прослеживаются в предметах бронзовой металлопластики. Можно увидеть сходство изображений «человека с крыльями» на русских наличниках с медными «птицевидными идолами» иткульской культуры VII–III вв. до н.э., существовавшей на территории Среднего Зауралья [Чемякин, 2014, рис. 4–6].

Рис. 4. Личины и антропоморфные фигурки:

1 — деревянный наличник, Нижнетавдинский район Тюменской области (по: [Иванова, 2015, рис. 66]); 2–3 — бронзовые фигурки (по: [Зыков и др., 2004, рис. 62а, 63]); 4 — идол деревянный (восточные ханты) (по: [Кулемзин, 2000, рис. 1]).

Еще один распространенный мотив изобразительной системы деревянного зодчества (оконные наличники, ворота, фронтоны) — «занавесы с кистями». Мотив веревки или шнура некогда символизировал нить жизни, пуповину и образ спасения. Н.Х. Шайхтдинова считала, что мотивы «занавеса с кистями» и «солнышко» — наиболее ранние по происхождению, в них ощутимо влияние стиля ампира [1984]. Визуально выявляемые «ручки» этого мотива позволяют утверждать, что мотив «занавеса» — не что иное, как трансформированный антропоморфный орнамент (рожаница-берегиня) (рис. 5).

Маскарон наличника в виде человека с отходящими от его головы «лучами» напоминает полиморфные изображения на окуневских каменных стелах II тыс. до н.э. из Южной Сибири (район современной Хакасии) [Леонтьев и др., 2006]. В эпоху средневековья в Западной Сибири повсеместно были широко распространены орнито- и антропоморфные фигуры из бронзы. Деревянные антропоморфные фигуры в этнографических материалах схожи с изображениями наличников [Зыков, Кокшаров и др., 1994, рис. 6].

Основным и одним из древнейших мотивов, характерным для тюркских народов, является завиток-спираль. Комбинации завитков в различных сочетаниях порождают разнообразные S-образные криволинейные округлые фигуры, бордюры в виде набегающей волны, вихревые розетки, сердцевидные фигуры. Завиток-спираль генетически связан с искусством ранних кочевников евразийских степей. Подобным орнаментом декорировались элементы костюма, в том числе литые из бронзы части ремня (пряжки, накладки, наконечники). Подобные предметы поступали в качестве импорта из евразийских степей [Добжанский, 1984; Ковалевская, 1970, 1972]. Цветочно-растительные мотивы — особый орнаментальный комплекс кочевых тюркских народов Средней Азии, а также приаральских и прикаспийских степей в кыпчакскую эпоху. Появление растительного орнамента в Зауралье произошло в X в. н.э. с проникновением тюркской культуры. Подобными узорами украшались одежда и бытовой текстиль, металлические и ювелирные изделия. Эта группа орнаментальных композиций имеет аналогии в искусстве современных тюркских народов Средней Азии и Казахстана, Зауралья.

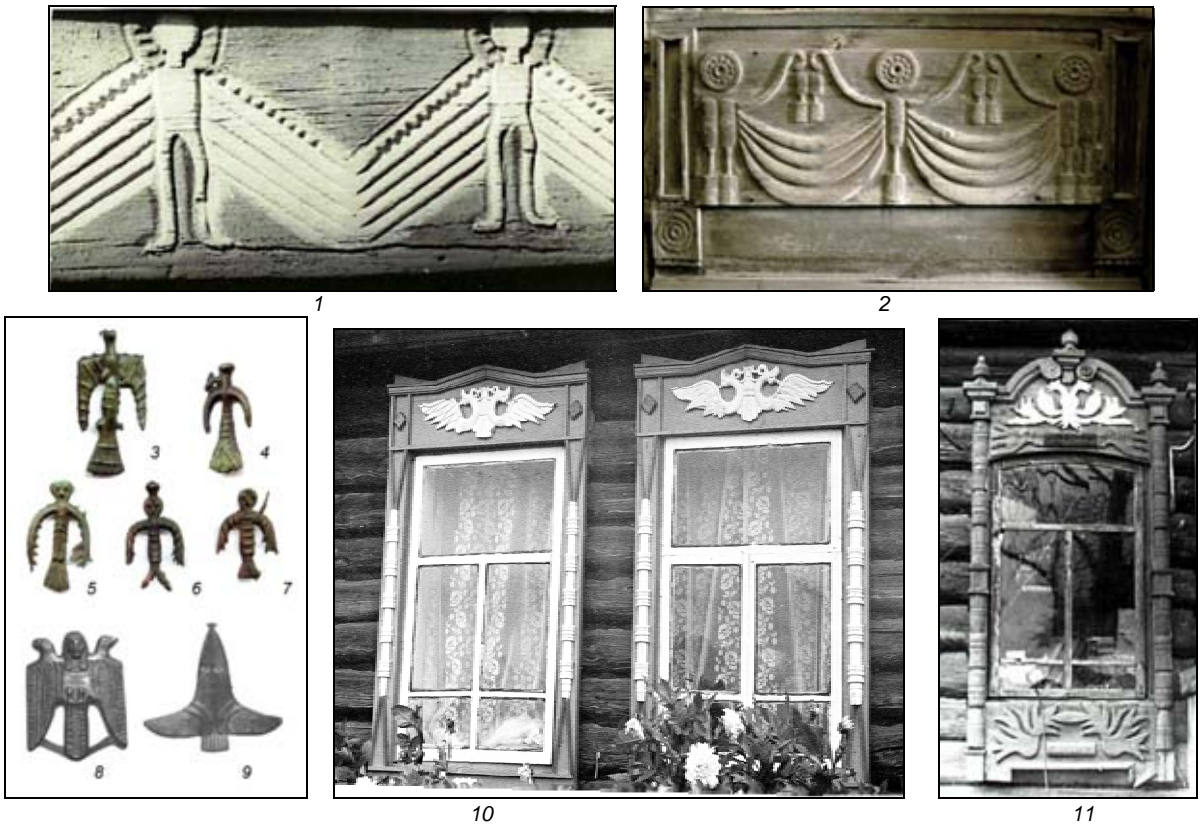

Рис. 5. Орнито-, антропоморфные изображения и фигурки:

1, 2 — деревянные наличники, Нижнетавдинский район Тюменской области, г. Тюмень (по: [Иванова, 2015, рис. 66]);
10, 11 — деревянные наличники, Упоровский и Юргинский районы Тюменской области (по: [Иванова, 2015, рис. 68]);
3–7 — медные фигурки (по: [Чемякин, 2014, рис. 4]); 8, 9 — бронзовые фигурки (по: [Зыков и др., 2004, рис. 44, 47]).

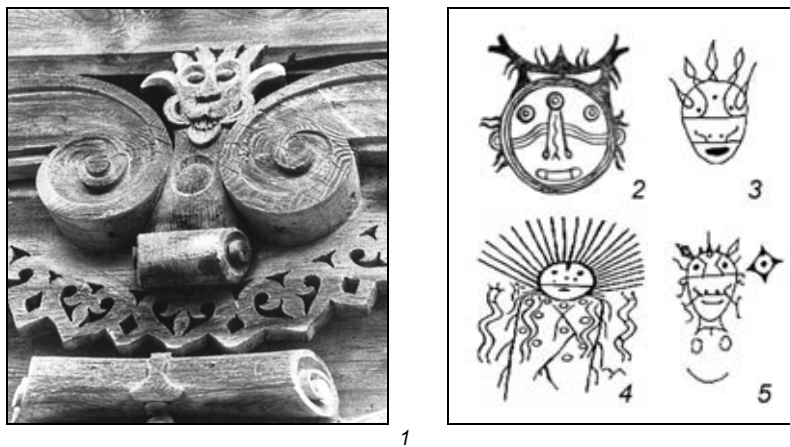

Рис. 6. Маскароны с «лучами» и полиморфные археологические изображения:

1 — деревянный наличник, Исетский район Тюменской области (по: [Иванова, 2015, рис. 74]);
2–5 — изображения на каменных стенах (по: [Леонтьев и др., рис. 15, 17, 18, 26]).

В изобразительной системе деревянного зодчества Зауралья в конце XIX — начале XX в. мастерами-резчиками активно использовались S-образные криволинейные и сердцевидные фигуры, вихревые розетки и растительный орнамент. Наиболее широко в региональном зодчестве был распространен растительный крестообразный орнамент из перевивающихся стеблей. Обратим внимание, что такие композиции близки крестовому дереву средневековой Европы и

Поликультурные истоки и аналогии изобразительной системы деревянного зодчества Зауралья

четырёхчастным композициям, применявшимся в прикладном искусстве Древней Руси X–XII вв. в украшении застёжек, височных колец, на диадемах, нашивных бляшках. При анализе семантики растительного орнамента обоснованно утверждается его тесная связь с архаическим изводом «древа жизни» [Шайхтдинова, 1984, с. 77]. Организующее влияние рамок в растительном узоре подоконных досок сказывается меньше — пышный декор покрывает почти всю плоскость доски, за исключением краев. Растительный узор обычно вырезался симметричным (рис. 7). Широко использовались местные природные мотивы: изображение шишек, стилизованные ветки елей.

Рис. 7. Растительный орнамент:

1–3 — деревянные наличники, Яркровский район Тюменской области, г. Тюмень (по: [Иванова, 2015, рис. 67]);
4–21 — бронзовые тюркские поясные накладки и наконечники ремней (по: [Добжанский, 1990, рис. 1–25]).

В домовой резьбе Зауралья встречаются образы древнего византийско-романского происхождения (парные птицы, геральдические мотивы, короны). Эти элементы декора могут быть связаны с генезисом славянской культуры, неотъемлемой частью которой является православная византийская традиция. На изобразительную систему деревянного домостроения в Зауралье оказало влияние каменное зодчество. Деревянная архитектура провинции чутко реагировала на смену вкусов и архитектурных стилей в Санкт-Петербурге и в Москве, появление псевдорусского стиля, модерна, неорусского стиля, неоклассицизма. В начале XX в. декор фасада дома становится более изобильным и сложным. Дом ставили на полуподвальном цокольном этаже, с парадным крыльцом и часто расположенными высокими окнами, украшали резьбой.

Итак, исследование изобразительной системы деревянного зодчества Зауралья показывает очевидное сходство мотивов архитектурного декора с орнаментами других культур Евразии. Аналогии в декоративно-прикладном искусстве неродственных народов, имеющих различное происхождение, существовавших в разные исторические эпохи, относящихся к различным языковым группам, обусловлены общностью их исторических судеб в пределах Зауралья, следствием этнокультурных взаимодействий.

Предпосылкой возникновения и развития архитектурного декора в Зауралье стала иконостасная резьба. Во второй половине XIX в. деревянный резной декор вышел из пространства церковного интерьера в экстерьер домов. Влияние резьбы «иконостасного» скульптурного типа проявилось в барочном сопоставлении плоскорельефных и объёмных частей домовой резьбы с акцентированием отдельных деталей. Конец XIX — начало XX в. стали временем расцвета резного убранства зданий на рассматриваемой территории.

Архитектурный деревянный домовый декор в Зауралье разделяется по характерным пластическим, орнаментальным, технологическим приемам. Композиционное решение и мотивы рельефной резьбы базируются на народном опыте, где господствует геометрический, солярный и растительный орнамент. В объемной резьбе воспринят художественный колорит народного искусства, все его традиционные орнаментальные и технологические приемы, в сочетании с архитектурными стилями: классицизмом, барокко, модерном. В Зауралье была выработана уникальная для России школа домового резьбы, характеризующаяся яркой декоративностью элементов. В целом, по традиции народного зодчества, декоративная пластика по-прежнему связывалась с фасадом дома: воротами усадьбы, дверями особняка, оконным наличником и карнизом, т.е. была функциональна и конструктивна.

Изобразительная система народного декоративно-прикладного искусства, в том числе деревянного зодчества, является важным историческим источником для изучения формирования культурного ландшафта Зауралья — культурно-исторического региона, обладающего общностью специфических исторических и социокультурных условий [Иванова, 2010, 2015]. Развиваясь в едином русле мировой культуры, это искусство соединило и переплестило традиции Европы и Азии. Домовая резьба Зауралья ярка, но при этом во многом эклектична. Эклектизм изобразительной системы деревянного зодчества связан с волнами русской колонизации Сибири, взаимопроникновением северорусской, центральной и малороссийской культур. Вместе с тем следует подчеркнуть, что исторические параллели (аналогии) и интерпретация каждого элемента изобразительной системы, прочтение и толкование древних традиционных орнаментальных символов носят относительный характер и требуют дальнейшего междисциплинарного и кросскультурного изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ГБУТО ГАТО. Ф.И-1. Оп. 1. Д. 269. Л. 32.

ТюмГУ. ПД-1991. Информатор Жукова А.С., 1916 г.р. Ишимский район Тюменской области, д. Неволино.

Литература

Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1984. 200 с.

Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 148 с.

Бубнов Е.Н. Русское деревянное зодчество Урала. М.: Стройиздат, 1988. 194 с.

Гордиенко А.В. К вопросу о развитии западносибирских культур эпохи раннего средневековья // Вестн. ТГУ. История. 2013а. № 3 (23). С. 222–226.

Гордиенко А.В. Молчановско-андрюшинская культура лесного Зауралья // Вестн. ТГУ. История. 2013б. № 2 (22). С. 31–36.

Гордиенко А.В. Святылище «Пламя Сибири» // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013с. № 2 (54). С. 120–125.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1990. 164 с.

Жученко Б.А., Заварихин С.П. Тюмень архитектурная. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984. 240 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие: (Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета). Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 160 с.

Иванова Л.В. Историко-культурный ландшафт: Концептуальные подходы, проблемы сохранения и перспективы изучения // Вестн. ТюмГУ. 2010. № 7. С. 181–189.

Иванова Л.В. Русские художественные промыслы Зауралья XIX — начала XXI вв. в контексте социокультурной динамики региона. Тюмень: Печатник, 2015. 500 с.

Ковалевская В.Б. Башкирия и евразийские степи в IV–IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 95–117.

Ковалевская В.Б. К изучению орнаментики поясных наборов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970. С. 144–155.

Козлова Е.М. Исторические условия приоритета пластики и образной идеи в архитектурной деревянной резьбе XIX в. // Материалы III Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири»: (Русские старожилы). Тобольск: Изд-во ТобГУ, 2000. С. 474–475.

Копылов А.Н. Культура русского населения Сибири в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1968. 123 с.

Кочеданов В.И. Тобольск. Тюмень: Тюм. кн. изд-во, 1963. 101 с.

Круглова О.В. Русская народная резьба и роспись по дереву. М.: Изобр. искусство, 1974. 239 с.

Кулемзин В.М. Божество // Югория: Энцикл. ХМАО — Югры. Ханты-Мансийск: Принт, 2000. Т. 1. С. 23.

Поликультурные истоки и аналогии изобразительной системы деревянного зодчества Зауралья

- Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н.* Изваяния и стелы Окуневской культуры. Абакан: Хакас. НИИ языка, литературы и истории, 2006. 256 с.
- Неклюдов С.Ю.* Особенности изобразительной системы в долитературном повествовательном искусстве: Ранние формы искусства. М.: Наука, 1972. 216 с.
- Ополовников А.В.* Русский Север. М.: Искусство, 1977. 92 с.
- Ополовников А.В.* Русское деревянное зодчество: Гражданское зодчество. М.: Искусство, 1983. 287 с.
- Рыбаков Б.А.* Макрокосм в микрокосме народного искусства // Декоративное искусство: 1975. № 3. С. 38–43.
- Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 784 с.
- Ткаченко Н.Н.* Солярная символика в культуре прошлого и настоящего // Культура в современном мире. 2011. № 1 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://infoculture.rsl.ru>.
- Топоров В.Н.* К символике окна в мифопоэтической традиции // Балто-славянские исследования. М.: Наука, 1983. С. 164–186.
- Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследование в области мифопоэтического. М.: Прогресс-Культура, 1995. 160 с.
- Турчин В.С.* Мотив окна // Декоративное искусство СССР. 1972. № 8.
- Федорова Н.В.* Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: История взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4 (12). С. 91–101.
- Чемякин Ю.П.* Иткульские древности из грабительских раскопок // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: История, методы и проблемы археологических исследований: Материалы VII науч.-практ. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). Екатеринбург, 2014. С. 207–211.
- Чернецов В.Н.* Нижнее Приобье в I тыс. н.э. Обзор и классификация материала // МИА. 1957. № 58. С. 136–245.
- Шайхтдинова Н.Х.* Деревянная резьба Тюмени. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984. 160 с.
- Эрг И.Л.* Орнаментака и символика домового декора деревянной архитектуры городов Западной Сибири // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 5 (12). С. 127–129.

L.V. Ivanova, A.V. Gordienko

Tyumen State Institute of Culture
Republic st., 19, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: ivalo@bk.ru;
gordienko_a_v@mail.ru

MULTICULTURAL SOURCES AND ANALOGIES OF THE VISUAL SYSTEM OF WOODEN ARCHITECTURE OF ZAURAL'E

The article is dedicated to the study of multicultural sources and analogies of the visual system of Russian wooden architecture of Zaural'e. The history of formation of traditions of wooden construction is overviewed. Peculiarities of volume, relief and hand carving are pointed out. Types of window casing mouldings, their structural basis and main decorative elements are analyzed. The visual motifs of geometrical, vegetal, anthropomorphic and ornithomorphic types of ornament of window casing mouldings are introduced. Historical and cultural ties of Zaural'e, which were reflected in the eclecticism of wooden architecture are described. S-shaped curves and heart-shaped figures, vortex rosaces, and vegetative ornament were actively used by carvers in the visual system of wooden architecture of Zaural'e in the late XIX — early XX centuries. The most widely distributed ornament in the regional architecture was the one of vegetable cruciform of plaited stems. Images of ancient Byzantine-Romanesque origin (paired birds, heraldic motifs, crowns) can be found in the house carving of Zaural'e. These elements can be related to the genesis of the Slavic culture, which is an integral part of the Orthodox Byzantine tradition. Manifestations of Baroque and Classicism stylistic traits in wooden construction of the region are studied. Multicultural analogies are pointed out in the ornamental motifs of the visual system of wooden architecture. Traditions of folk regional architecture related to the decorative plasticity of the facades are generalized. An ornament is characterized as a historical source for the study of the formation of the cultural landscape. The eclecticism of the visual system of the Russian wooden regional architecture is connected to ethno-cultural interactions, the waves of colonization of Zaural'e. The article contains extensive illustrative material, which represents analogies in the decoration of the wooden housing construction and the archeological artifacts from ornitho-, anthropomorphic and floral ornaments.

Key words: historical and cultural ties of Zaural'e, wooden architecture, visual system, multicultural ornamental analogies, cultural landscape.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-131-143

REFERENCES

- Antonova E.V., 1984. *Ocherki kul'tury drevnikh zemledel'tsev Perednei i Srednei Azii* [Essays on the culture of ancient farmers of Western and Central Asia], Moscow: Nauka, 200 p.
- Ashhepkov E.A., 1950. *Russkoe narodnoe zodchestvo v Zapadnoi Sibiri* [Russian folk architecture in Western Siberia], Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 148 p.
- Bubnov E.N., 1988. *Russkoe dereviannoe zodchestvo Urala* [Russian wooden architecture of the Urals], Moscow: Stroizdat, 194 p.
- Chemiakin Iu.P., 2014. Itkul'skie drevnosti iz grabitel'skikh raskopok [Itkul antiquities from looted burials]. *Problemy sokhraneniia i ispol'zovaniia kul'turnogo nasledii: istoriia, metody i problemy arkhelogicheskikh issledovaniia: Materialy VII nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sokhranenie i izuchenie nedvizhimogo kul'turnogo naslediiia Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga — lugry», posviashchennoi 90-letiiu so dnia rozhdeniia V.F. Geninga (Nefteiugansk, 14–16 maia 2014 g.)*, Ekaterinburg, pp. 207–211.
- Chernecov V.N., 1957. Nizhnee Pritobol'e v I tysiacheletii nashei ery: Obzor i klassifikatsiia materiala [The lower Tobol river region in the I millennium BC: A review and classification of the material]. *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR*, no. 58, pp. 136–245.
- Dobzhanskii V.N., 1990. *Nabornye poiasa kochevnikov Azii* [Patterned belts of Asian nomads], Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, 164 p.
- Erg I.L., 2008. Ornamentika i simvolika domovogo dekora dereviannoi arkhitektury gorodov Zapadnoi Sibiri [Ornamentation and symbolism of a house decor of wooden architecture of West Siberian cities]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 5 (12), pp. 127–129.
- Fedorova N.V., 2002. Zapadnaia Sibir' i mir srednevekovykh tsivilizatsii: istoriia vzaimodeistviia na torgovykh putiakh [Western Siberia and the Medieval world civilizations: history of interactions on the trading ways]. *Arkheologiiia, etnografiia i antropologiiia Evrazii*, no. 4 (12), pp. 91–101.
- Gordienko A.V., 2013a. K voprosu o razvitiu zapadnosibirskikh kul'tur epokhi rannego srednevekov'ia [Revisiting the development of the West Siberian cultures of the early Middle Ages]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriiia, no. 3 (23), pp. 222–226.
- Gordienko A.V., 2013b. Molchanovsko-andriushinskaia kul'tura lesnogo Zaural'ia [The Molchanovo-Andriushino culture of the forest Zaural'e]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriiia, no. 2 (22), pp. 31–36.
- Gordienko A.V., 2013c. Sviatilishche «Plamia Sibiri» [Sanctuary «The Flame of Siberia»]. *Arkheologiiia, etnografiia i antropologiiia Evrazii*, no. 2 (54), pp. 120–125.
- Ivanova L.V., 2010. Istoriko-kul'turnyi landshaft: kontseptual'nye podkhody, problemy sokhraneniia i perspektivy izucheniia [Historical and cultural landscape: conceptual approaches, issues of preservation and prospects of research]. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7, pp. 181–189.
- Ivanova L.V., 2015. *Russkie khudozhestvennye promysly Zaural'ia XIX — nachala XXI vv. v kontekste sotsiokul'turnoi dinamiki regiona* [Russian artisan craftworks of Zaural'e from the XIX till the beginning of the XXI centuries in the context of regional socio-cultural dynamics], Tiumen': Pechatnik, 500 p.
- Kochedamov V.I., 1963. *Tobol'sk* [Tobolsk], Tiumen': Tiimenskoe knizhnoe izdatel'stvo, 194 p.
- Kopylov A.N., 1968. *Kul'tura russkogo naseleniia Sibiri v XVII–XVIII vekakh* [Culture of the Russian population of Siberia in the XVII–XVIII centuries], Novosibirsk: Nauka, 123 p.
- Kovalevskaia V.B., 1970. K izucheniiu ornamentiki poiasnykh naborov VI–IX vv. kak znakovoi sistemy [A study of the belt sets ornaments of the VI–IX centuries as a sign system]. *Statistiko-kombinatornye metody v arkhologii*, Moscow: Nauka, pp. 144–155.
- Kovalevskaia V.B., 1972. Bashkiriia i evraziiskie stepi v IV–IX vv. (po materialam poiasnykh naborov) [Bashkiria and the Eurasian steppe in the IV–IX centuries (a case study of belt sets)]. *Problemy arkhologii i drevnei istoriii ugrov*, Moscow: Nauka, pp. 95–117.
- Kozlova E.M., 2000. Istoricheskie usloviia prioriteta plastiki i obraznoi idei v arkhitekturnoi dereviannoi rez'be XIX v. [Historical conditions for priority of plastic figures and imaginative ideas in architectural wood-carving of the XIX century]. *Materialy III Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri» (Russkie starozhily)*, Tobol'sk: Izdatel'stvo Tobol'skogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 474–475.
- Kruglova O.V., 1974. *Russkaia narodnaia rez'ba i rospis' po derevu* [Russian national woodcarving and painting on wood], Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 239 p.
- Kulemzin V.M., 2000. Bozhestvo [Deity]. *Iugoriia: Entsiklopediia Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga — lugry*, vol. 1, Khanty-Mansiisk: Print, pp. 23.
- Leont'ev N.V., Kapel'ko V.F., Esin Iu.N., 2006. *Izvaianiia i stely Okunevskoi kul'tury* [Statues and stelae of the Okunev culture], Abakan: Khakasskii nauchno-issledovatel'skii institut iazyka, literatury i istorii, 256 p.
- Nekliudov S.Iu., 1972. *Osobennosti izobrazitel'noi sistemy v doliteraturnom povestvovatel'nom iskusstve: Rannie formy iskusstva* [Features of the visual system in pre-literature narrative art: Early forms of art], Moscow: Nauka, 216 p.
- Opolovnikov A.V., 1977. *Russkii Sever* [Russian North], Moscow: Iskusstvo, 92 p.
- Opolovnikov A.V., 1983. *Russkoe dereviannoe zodchestvo: Grazhdanskoe zodchestvo* [Russian wooden architecture: Civil architecture], Moscow: Iskusstvo, 287 p.
- Rybakov B.A., 1987. *Iazychestvo Drevnei Rusi* [Paganism of Ancient Russia], Moscow: Nauka, 784 p.

Поликультурные истоки и аналогии изобразительной системы деревянного зодчества Зауралья

Rybakov B.A., 1975. Makrokosm v mikrokosme narodnogo iskusstva [Macrocosm in the microcosm of the folk art]. *Dekorativnoe iskusstvo*, no. 3, pp. 38–43.

Shaikhtdinova N.Kh. *Dereviannaia rez'ba Tiumeni* [Wood carving of Tyumen], Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 160 p.

Tkachenko N.N., 2011. Soliarnaia simbolika v kul'ture proshlogo i nastoiashchego [Solar symbolism in the culture of the past and the present]. *Kul'tura v sovremennom mire*, no. 1, available at: <http://infoculture.rsl.ru>.

Toporov V.N., 1983. K simbolike okna v mifopoeticheskoi traditsii [Revisiting the symbolism of windows in the mythopoetic tradition]. *Balto-slavianskie issledovaniia*, Moscow: Nauka, pp. 164–186.

Toporov V.N., 1995. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanie v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: A research in the field of mythopoetics], Moscow: Progress-Kul'tura, 160 p.

Turchin V.S., 1972. Motiv okna [Motif of a window]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR*, no. 8.

Zhuchenko B.A., Zavarihin S.P., 1984. *Tiumen' arkhitekturnaia* [Architectural Tyumen], Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 240 p.

Zykov A.P., Koksharov S.F., Terekhova L.M., Fedorova N.V., 1994. *Ugorskoe nasledie: Drevnosti Zapadnoi Sibiri iz sobraniia Ural'skogo universiteta* [Ugric heritage: (West Siberian antiquities from the Ural university's collection)], Ekaterinburg: Vneshtorgizdat, 160 p.

РУСАЛКА В НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЯХ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПЕРСПЕКТИВЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ОБРАЗА)¹

Представления о русалках — мифологических персонажах, духах в женском облике — в разных областях России существенно различаются. Русалка является одним из наиболее вариативных, полисемантических образов славянской мифологии. Неоднозначны представления о местах обитания русалок, их происхождении, внешнем облике, отличительных признаках, способностях, характерных занятиях, отношении к человеку. На основе полевых этнографических материалов были выявлены некоторые локальные особенности представлений о русалках у русских, украинцев и белорусов в Западной Сибири. Эти различия прежде всего связаны с местами происхождения предков сибиряков — сибирских старожилов или переселенцев из различных регионов России, Украины и Белоруссии. Преемственность традиционной культуры у сельских жителей способствовала сохранению народных верований, характерных для определенной местности. Традиционные верования старожилов (потомков русских переселенцев конца XVII — XVIII в.) о русалках оказались утраченными или сильно измененными. Сибирские «новоселы» (потомки переселенцев рубежа XIX–XX вв.), напротив, помнят немало историй о русалках, встречах с ними. Наиболее яркие и разнообразные сюжеты несказочной устной прозы были записаны у сибирских украинцев. В представлениях сибиряков русалка утратила способность влиять на урожай (в отличие от верований жителей западных и южных областей Европейской России). В Западной Сибири местом обитания русалок считают водоемы, однако в русальскую неделю их можно встретить в лесу, поле, на огороде или в бане. Внешне русалки существенно различаются: они бывают как привлекательные, так и страшные. Природно-географические факторы и особенности ландшафта также косвенно повлияли на возникновение сюжетов о русалках и варианты развития их образов. Использование метода картографирования для обработки данных полевых этнографических материалов позволило наиболее полно воспроизвести картину локализации мифологических представлений, отобразив специфику тех или иных региональных особенностей образа русалки: ее внешнего облика, характеристик, функций, фольклорных сюжетов.

Ключевые слова: славянская мифология, народные верования, русалки, календарная обрядность, региональная специфика, Западная Сибирь, этнографические полевые материалы.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-144-152

Введение

Представления о русалке — мифологическом персонаже, духе в женском облике — в разных областях России существенно различаются. Русалка является одним из наиболее вариативных, полисемантических образов славянской мифологии. Неоднозначны представления о местах обитания русалок, их происхождении, внешнем облике, отличительных признаках, способностях, характерных занятиях, отношении к человеку. «Известно, что одним и тем же именем в разных локальных традициях могут обозначаться разные мифологические персонажи, причем их отличия друг от друга могут касаться не только частных характеристик, но и существенных, определяющих черт. С другой стороны, под разными именами могут выступать мифологические персонажи, тождественные по сумме своих основных характеристик» [Виноградова, Толстая, 1994, с. 19–20]. Так, параллельными наименованиями русалок у русских являются: водяница (водяниха), купалка, шишига, чертовка, шутовка, лесная девушка, фараон (фараонка), лобаста, лоскотуха и др. [Зеленин, 1995, с. 142–148; Черепанова, 1983, с. 34–35; Виноградова, Толстая, 1994, с. 19–21; Власова, 1998, с. 452, 453, 508 и др.], различающиеся не только по ономаσιологическому статусу, но и по функциям, признакам, локализации персонажей.

¹ Работа написана по гранту РНФ, проект 14-50-00036.

Цель работы заключается в выявлении локальной специфики представлений о русалках и связанных с ними сюжетов устной несказочной прозы у восточно-славянского населения Западной Сибири.

Результаты статьи могут послужить источником для картографирования. В данной работе представлен первый этап междисциплинарного исследования, который представляет собой анализ полевых этнографических материалов с учетом вероятного влияния природно-географических факторов и особенностей ландшафта на развитие и изменение образов русалок, а также сюжетов о них в Западной Сибири. В дальнейшем планируется составить карты, отображающие региональную специфику народных верований о русалках; на них будут отмечены населенные пункты в Западной Сибири, где записаны рассказы об этих персонажах. На данном этапе работы представлены результаты исследований, которые выявили определенные различия мифологических воззрений о русалках у этнолокальных групп восточно-славянского населения Западной Сибири. Исследование построено на комплексе методов: сравнительно-историческом, реконструкций и картографирования.

Картографирование — один из методов анализа информации (в том числе полевых материалов) как визуального отображения любых реальных или абстрактных явлений в принятой системе условных знаков. Это метод моделирования, визуализации, графической репрезентации любой пространственно-локализованной информации в соответствии с задаваемыми параметрами с целью познания изображенных явлений. Кроме того, картографирование служит методом графического, семантического, знакового описания, систематизации любых материальных и абстрактных объектов, позволяющим через сопоставление ряда элементов последовательно описывать, группировать и обобщать исходные данные для построения моделей объектов. Картографирование дает возможность обеспечить легкость понимания конструируемых явлений. Картографические модели можно систематизировать, взяв за основу сам объект, характер того информационного массива, с которым исследователю предстоит работать, а также вид репрезентации информации [Скалабан, 2012, с. 62–65]. Таким образом, использование метода картографирования для обработки данных полевых этнографических материалов позволит наиболее полно воспроизвести картину локализации мифологических представлений, отобразив специфику тех или иных региональных особенностей образа русалки: ее внешнего облика, характеристик, функций, фольклорных сюжетов.

Объектом исследования являются сельские жители, преимущественно старшего поколения (от 60 лет и старше) — потомки переселенцев из европейской части бывшей Российской империи. Исследования проводились в Тюменской (ХМАО — Югра, ЯНАО), ряде районов Омской, Новосибирской областей и Алтайского края (этнографические экспедиции ИАЭТ СО РАН, 1999–2015 гг.: ПМА).

Происхождение и внешний облик сибирской русалки

Западно-сибирский материал представляет собой довольно разнообразную, пеструю картину народных верований о русалках, в том числе об их происхождении и внешности (о представлениях восточных славян о русалках подробнее см.: [Зеленин, 1995, с. 141–295; Померанцева, 1975, с. 17–21; Виноградова, 1986, с. 88–133; Виноградова, Толстая, 1990, с. 99–118; Агапкина, 2002, с. 340–372; и др.]). В Западной Сибири, как и в Европейской России, происхождение русалок, часто связывали с преждевременной смертью молодых девушек, умерших до замужества, в большинстве случаев — с утопленницами. Поэтому в описании информантами облика русалки практически всегда проглядывали черты покойника — демонические и пугающие (рис. 1). В совокупном описании внешности русалки можно выделить следующие характерные признаки, наиболее часто упоминаемые информантами: неестественная (для живого человека) бледность, синеватый или зеленоватый цвет кожи, распущенные длинные волосы (зеленые, светлые, рыжие, русые, золотистые, черные), страшный взгляд, свечение глаз, длинные острые ногти или когти как у животного, длинные (иногда способные растягиваться) руки, белая одежда, напоминающая саван. Появление русалки, как и покойника, могло сопровождаться ощущением холода, озноба, чувства «жуткого» страха. *Русалок боялись, они как покойники. Говорят, в них утопленницы превращаются, кто свою жизнь покончил, а ведь это большой грех, вот и нет им покоя на том свете. Шастают по ночам, людей пугают, могут и до смерти загрызть* (ПМА: Омская обл., Тарский р-н, д. Гриневицы, 2005). *Русалку видели. Вся в белое одета, сидит на камне у воды и волосы чешет, гребнем расчесывает. Повернулась, а лицо*

белое как мука и взгляд такой страшный. А вокруг как будто свечение идет, какое-то зеленое. Глянула на нас и бултых в воду. Нас как будто холодом изнутри обдало, домой скорей побежали (ПМА: Алтайский край, Первомайский р-н, с. Березовка, 2009). У нас тут один рассказывал, за ним русалка гналась от самого озера. Пошел ночью рыбачить, а она из воды выходит, страшная, вся голая, волосища длинные и глаза горят. Он побежал, она за ним, до самого дома. Говорит, не бежала, а неслась скачками, будто прыгала. Он забежал в ворота, закрылся, а она через ограду к нему руки тянет, такие длинные, прямо как змеи вытягиваются, за мужиком ползут. Когти на руках как ножи острые. Успел в дом забежать, молитву до утра читал, потом весь дом освящали (ПМА: Новосибирская обл., Здвинский р-н, с. Верх-Урюм, 2002).

Рис. 1. Русалка. Рисунок Г.М. Сангатулина.

Вместе с тем на основе полевых материалов у разных этнографических групп можно выделить различные черты облика русалки, нередко противоположные. Они могли быть как привлекательными, так и безобразными. Такое различие, вероятно, было связано с происхождением информантов и обычно соответствовало традиционным представлениям тех мест, откуда переселились в Сибирь их предки (подробнее см.: [Виноградова, Толстая, 1994, с. 22; Фурсова, 2007, с. 126–128]). Некрасивыми и уродливыми, косматыми, с большими обвислыми грудями, порой чудовищами-людоедами, русалки представлялись потомкам переселенцев с Русского Севера, из Поволжья, Приуралья, некоторых центральных областей России, Белоруссии. *Русалки — то нечистая сила. Ходят грязные, косматые. Зубы у них острые, так и клацают, а глаза как угли горят, страшно. Раньше детей русалками пугали, чтоб на речку не шли (ПМА: Новосибирская обл., Болотнинский р-н, д. Баратаевка, 2013). Россомага в огороде меж гряд сидит. Она-то и есть самая русалка. Она зверь страшной, лохматый. Полуженщина, полужверь. Детям одним нельзя в огород ходить. Утащит в омут и съест (ПМА: Новосибирская обл., Здвинский р-н, с. Лянино, 2002).* Потомки южнорусских и украинских переселенцев, напротив, представляли русалок молодыми красивыми девушками, трагически погибшими (утопившимися) из-за несчастной любви или жестокости мачехи. *Жила у нас в селе одна ведьма, воспитывала падчерицу. Хотела, чтобы та тоже сильно умной стала (научилась колдовать — пояснение информанта), послала ее в купальскую ночь искать цвет папоротника. Но девочка не хотела ночью в лес идти, пошла и в реке утопилась. Говорят, ее потом русалкой на том месте часто видали (ПМА:*

Новосибирская обл., Мошковский р-н, д. Глядень, 2000). В селах сибирских украинцев были записаны истории, напоминающие по сюжету «Майскую ночь» Н.В. Гоголя, но повествующие о событиях, якобы происходивших в данной местности и претендующие на достоверность (ПМА: Новосибирская обл.: Карасукский, Краснозерский, Здвинский, Мошковский р-ны; Омская обл.: Калачинский, Нижнеомский р-ны).

Русалками могли стать дети, проклятые родителями, а также «обещанные» или «подаренные» нечистой силе. *В речке у нас, в Ине, жили русалки. Мама рассказывала, раньше жил в нашем селе мужик, была у него жена беременная. Вот пошел он как-то рыбачить. Сидит он в лодке, рыбу удит, а нечистая сила стала лодку качать, переворачивать. Он говорит: отпустите! А они: подари, чего дома у себя не знаешь. Мужик подумал, что он дома все знает, да и согласился. Пришел домой, а жена у него девочку родила. Черти его все донимали, чтобы он ее им отдал, раз обещал. Мужик тот дочку не отдал. Сам перестал рыбачить, ей к реке подходить запретил. Исполнилось девочке десять лет, она пошла на речку и утопилась. Все говорили, что раз подарил ее отец нечистой силе, то все равно бы ей не жить* (ПМА: Новосибирская обл., Мошковский р-н, д. Глядень, 2000).

Сибирские старожилы (потомки русских переселенцев конца XVII — XVIII в.) утратили значительную часть традиционных верований, связанных с русалками. «Убежденность значительной части старожилков в невозможности обитания русалок в Сибири основана на рассуждениях о морозных зимах, во время которых реки покрыты льдом. В тех местностях, где фиксируются русалки, они представлялись лохматыми и косматыми из-за необходимости утепляться в суровых климатических условиях, где невозможно существовать голым, что их объединяет с севернорусскими традициями» [Фурсова, 2007, с. 128]. Согласно нашим полевым материалам, с одной стороны, вопросы о русалках вызывали ассоциации с образами, известными по произведениям литературы, искусства или СМИ. С другой стороны, у сибирских старожилков русалка наделялась характеристиками ведьмы-оборотня. В ряде районов Западной Сибири были записаны былички о встречах с русалками, которые превращались в животных (лошадь, жеребенка, теленка, собаку, свинью), птиц (курицу, утку, кукушку, ворону) или предметы растительного происхождения (стог сена).

Одним из признаков, определяющим вторичную сакрализацию образа русалки, который «возвращается» в сюжеты устного народного творчества из художественной литературы, может быть наличие рыбьего хвоста у данного персонажа. Необходимо подчеркнуть, что хвост не фигурировал в описаниях русалок информантами старшего поколения, относившимися к этнографическим группам русских «новоселов» (потомков переселенцев рубежа XIX–XX в.), сибирских украинцев и белорусов.

У сибирских украинцев была записана псевдобиблейская легенда о происхождении русалок-фараонок в оригинальной интерпретации. *Бабушка нам рассказывала. Раньше, совсем давно было. В какой-то стране издевались над христианами. Заставляли их босыми ногами глину месить. А туда, в глину, набьют стекла. А они босиком месили эту глину вместе с кровью. Бог пожалел их. Ладно, говорит, послал там одного от себя. Скажи, говорит, этим людям, что их через море надо перевезти. — А как же, Господи, я их переведу? Тут же море вон какое! А он (Господь-то) говорит: ты пойди, возьми палку длинную, вдарь по морю, так вода расступится. Значит, вы идите по дну морскому. Только скажи этим людям — пусть не оглядываются. Если кто оглянется — там и останется. Ладно, шли они, шли, половину пути уже прошли. Некоторым охота было оглянуться. Как так: идем по дороге, а где же вода? И вот половина народу уже перешли, а половина — как оглянулись, так и остались там, в море. Вот и стали они русалками, которые там остались. И женщины, и мужчины — все, которые оглянулись* (ПМА: Новосибирская обл., Здвинский р-н, с. Хапово, 2002). Примечательно, что Дарья Ивановна Стрельцова (1913 г.р., д.ф. Кононенко), которая рассказала эту легенду, отрицала наличие хвоста у русалок.

В то же время представления о русалках-фараонках были известны жителям Русского Севера и Северо-Запада и, кроме апокрифических сказаний, «фараонов» (полулюдей-полурыб) можно было встретить в произведениях народного изобразительного искусства: их изображения украшали оконные наличники домов, называли их *фараонами* или *берегинями* [Померанцева, 1975, с. 16–21; Власова, 1998, с. 508–511]; в западных областях России известны мифологические воззрения о *сиренах*, отличающихся от русалок рыбьим хвостом [Черепанова, 1983, с. 35]. Таким образом, присутствие хвоста в описании русалки могло быть связано как с художе-

ственно-литературным влиянием, давшим толчок для вторичной сакрализации образа данного персонажа, так и с севернорусскими традициями. Однако в Сибири традиция изображения *берегинь-фараонов* не прижилась, как и легенда о «потонувшем фараоновом войске» не получила широкого распространения, поэтому более убедительной (хотя не абсолютной) я считаю свою гипотезу о том, что наличие рыбьего хвоста в описаниях русалок сибирскими старожилками может быть своеобразным маркером вторичной сакрализации их образов.

Локализация и время появления русалок: региональные различия

Исследователи славянских народных верований неоднократно ставили задачу определить принадлежность русалок к земной или водной стихиям, которая не имела однозначного ответа [Зеленин, 1995, с. 141–295; Гринкова, 1947, с. 88–133; Померанцева, 1975, с. 16–21; Виноградова, 1986, с. с. 88–133; Дынин, 1994, с. 111–119; и др.]. На Русском Севере «образ русалки раскололся на ряд отдельных персонажей, чаще всего по месту обитания русалок — в воде и на суше. Лесные девки, красны девки <...>, с одной стороны, водяная женщина, водяница — с другой,— модификации одного персонажа...» [Черепанова, 1983, с. 35]. В центральных и южных областях России русалки могли одновременно считаться как водными, так и лесными или полевыми. Южнорусская русалка была связана с культом растений, плодородия, влаги, духом водоемов; В.Я. Пропп ее сравнивал с персонифицированной стихией природы [2000, с. 92–93]. В Западной Сибири представления о способности русалок влиять на природу и плодородие сохранились рудиментарно — в обрядах весенне-летнего периода (подробнее см.: [Любимова, 2004, с. 186–190; Фурсова, 2003, с. 5–17, 33–56; и др.]). В сюжетах несказочной устной прозы русалка чаще всего связана с водоемами. Наиболее распространенный мотив таких сюжетов — сидящая на камне у воды русалка, расчесывающая волосы. По рассказам сибирских украинцев и белорусов, русалку также можно встретить в лесу, поле, на огороде или в бане, но только в период ее особой активизации — в *русальскую* неделю. *Заглянула в четверг в баню, а там русалка сидит, вся косматая. Глазища на меня выпучила, я дверь закрыла и бежать, не оглядываясь* (ПМА: Новосибирская обл., Краснозерский р-н, с. Светлое, 2004).

Время активизации русалок — *русальская* (*русалья*) неделя — обычно неделя накануне Троицы, однако в некоторых местах этот период считается после дня Пятидесятницы. Русалки также активны в ночь на Ивана Купалу (7 июля) или накануне (на Аграфену Купальницу), в это время молодежь собиралась на гулянья — на полянах, лугах, обычно около водоемов: водили хороводы, прыгали через костер; женщины собирали травы и утреннюю росу — для использования в народной магии и медицине. Купальские гулянья проводятся в наши дни как фольклорные праздники, инсценировки (рис. 2). Девушки приносили русалкам жертвы — оставляли на березах ленты, бусы, отрезки ткани («русалке на рубашку»); пускали по воде венки (рис. 3, 4), по которым также гадали о своей судьбе.

Рис. 2. Хоровод. Праздник Ивана Купалы в музейном комплексе «Малые Корелы». Архангельск, 2009 г. Фото к.и.н. Т.Н. Золотовой.

Русалка в народных верованиях восточных славян Западной Сибири...

Рис. 3. «Пускание венков» по реке во время праздника Ивана Купалы в музейном комплексе «Малые Корелы». Архангельск, 2009 г. Фото к.и.н. Т.Н. Золотовой.

Рис. 4. Венки, пущенные по воде. Архангельск, «Малые Корелы», 2009 г. Фото к.и.н. Т.Н. Золотовой.

Некоторые локальные особенности представлений о русалках могли быть связаны с местностью: природно-географические факторы и особенности ландшафта косвенно повлияли на присутствие русалок и варианты развития их образов. Например, в местности, окруженной болотами, считали, что русалки заманивают людей в непроходимые топи, что коррелируется с традиционными представлениями белорусов о «болотных злыднях». *Русалки на болотах сидят, нельзя туда ходить вечером. По грибы или за клюквой всегда ходим с утра пораньше, чтобы вернуться засветло. Как только стемнеет, русалки из болота вылезают, могут схватить и в трясины утянуть* (ПМА: Омская обл., Тарский р-н, с. Васисс, 2005). Близость реки или озера с омутами, сильным течением могла стимулировать возникновение историй о водных духах, обитающих в этом водоеме, особенно, если там кто-нибудь утонул. *Там в речке тракторист утонул, люди говорили, будто на том месте русалку видели. Теперь там не купаются, а раньше ничего, все спокойно было, пока не было утопленника* (ПМА: Новосибирская обл., Искитимский р-н, с. Нижний Коен, 2001). *Одна девушка утопилась в озере и превратилась в русалку. Теперь в этом озере живет, ночами на берег выходит, сидит у воды, многие ее видели* (ПМА: Новосибирская обл., Карасукский р-н, д. Кукарка, 2004). То есть, возникновение быличек о русалках могло быть ситуативным.

Заключение

На основе полевых материалов были выявлены некоторые локальные особенности представлений о русалках у русских, украинцев и белорусов в Западной Сибири. Эти различия пре-

где всего связаны с местами происхождения предков сибиряков, откуда родом были их прадеды — сибирские старожилы или переселенцы из различных регионов России, Украины и Белоруссии. Преемственность традиционной культуры у сельских жителей способствовала сохранению народных верований, характерных для определенной местности. У старожилов (потомков русских переселенцев конца XVII — XVIII в.) традиционные верования, связанные с русалками, были практически утрачены или сильно изменились. Сибирские «новоселы» (потомки переселенцев рубежа XIX–XX вв.), напротив, сохранили в памяти немало историй о русалках, встречах с ними. Наиболее яркие и разнообразные сюжеты несказочной устной прозы были записаны у сибирских украинцев. В представлениях сибиряков русалка утратила способность влиять на урожай (в отличие от верований жителей западных и южных областей Европейской России), сохранились лишь рудиментарные признаки воздействия на природу в обрядах весенне-летнего календарного цикла. В Западной Сибири считалось, что русалки обитают в основном в водоемах, однако в *русальскую неделю* диапазон мест возможных встреч с ними расширялся. Внешне русалки существенно различались: иногда их представляли привлекательными девушками, иногда — безобразными. Русалки считались страшными персонажами, опасными для человека, их соотносили с нечистой силой.

Природно-географические факторы и особенности ландшафта также косвенно повлияли на представления о присутствии русалок и варианты развития их образов. Близость болота, реки или озера с омутами, сильным течением могло стимулировать возникновение историй о водных духах, особенно если в водоеме кто-нибудь утонул. Таким образом, мифологизация местности и появление сюжетов несказочной устной прозы о русалках могли быть ситуативными.

Анализ полевых материалов, проведенный на первом этапе исследования, открыл перспективы для картографирования этнографических данных, отражающих региональные особенности народных верований образа русалки в Западной Сибири (ее внешнего облика, характеристик, функций, мест обитания, фольклорных сюжетов), которое позволит наиболее полно воспроизвести и систематизировать картину локализации мифологических представлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агапкина Т.А.* Мифозэпические основы славянского народного календаря: Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.
- Виноградова Л.Н.* Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М.: Наука, 1986. С. 88–133.
- Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Мотив «уничтожения — проводов нечистой силы» в восточнославянском купальском обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд). М.: Наука, 1990. С. 99–118.
- Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М.: Наука, 1994. С. 16–44.
- Власова М.Н.* Русские суеверия: Энцикл. словарь. СПб.: Азбука, 1998. 672 с.
- Гринкова Н.П.* Обряд «вождение русалки» в селе Б. Верейка Воронежской области // СЭ. 1947. № 1. С. 178–184.
- Дынин В.И.* Некоторые особенности мифологического образа русалки у восточных славян // ЭО. 1994. № 6. С. 111–119.
- Зеленин Д.К.* Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.
- Любимова Г.В.* Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири: XIX — начало XX века. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 240 с.
- Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 192 с.
- Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). М.: Лабиринт, 2000. 176 с.
- Скалабан И.А.* Социальное картирование как метод анализа социально-территориального пространства // Журн. исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 1. С. 61–78.
- Фурсова Е.Ф.* Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX — первая треть XX вв.). Ч. 2: Обычаи и обряды летне-осеннего периода. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 268 с.
- Фурсова Е.Ф.* Антимир в мифологических образах русалок: (Севернорусские и сибирские параллели) // Рябининские чтения — 2007: Материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2007. С. 126–128.
- Черепанова О.А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: ЛГУ, 1983. 169 с.

**A MERMAID IN FOLK BELIEFS OF EAST SLAVIC PEOPLES IN WESTERN SIBERIA
(PROSPECTS OF MAPPING THE LOCAL ASPECTS OF THE IMAGE)**

Beliefs about mermaids, mythological characters, spirits in the female form, vary considerably across different regions of Russia. A mermaid is one of the most variative, polysemantic images of Slavic mythology. The beliefs about habitats of mermaids, their origin, appearance, features, abilities, specific occupations, attitudes to people are ambiguous. Some local features of the beliefs in mermaids among Russian, Ukrainian and Bielorusian population in Western Siberia have been identified on the basis of the field ethnographic materials. These differences are primarily related to the regions of origin of the ancestors of the Siberians, to places where their great-grandparents (Siberian long-term residents, or immigrants from different regions of Russia, Ukraine and Belarus) were born. The continuity of traditional culture among the villagers contributed to the preservation of folk beliefs, characteristic of a particular region. Traditional beliefs of old-timers (descendants of the Russian immigrants of the end of XVII — beginning of XVIII centuries) in mermaids were lost or heavily modified. On the other hand, Siberian «new settlers» (descendants of the immigrants of the end of XIX — beginning of XX centuries) remember a lot of stories about mermaids and meeting them. The brightest and diverse stories of oral non fairytale prose have been recorded according to the information provided by Siberian Ukrainians. The mermaids in Siberian beliefs lost their ability to affect the harvest (in contrast to the beliefs of the population of western and southern regions of European Russia). In Western Siberia the mermaids are believed to inhabit the ponds, but during a *mermaid week* they can be found in the forest, field, in the garden or in the Russian sauna. The appearance of the mermaids differs significantly: they can be attractive or terrifying. Natural and geographical factors, and landscape features also influenced indirectly the occurrence of stories about mermaids and variants of development of their images. The use of mapping method for data processing of field ethnographic materials lets us most fully reproduce the picture of localization of mythological concepts, displaying specificities of various regional features of the mermaid image: its appearance, characteristics, functions, folk stories.

Key words: Slavic mythology, folk beliefs, mermaids, seasonal rituals, regional specificity, Western Siberia, ethnographic field materials.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-144-152

REFERENCES

- Agapkina T.A., 2002. *Mifoepicheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendara: Vesenne-letnii tsikl* [Myth and epic foundations of the Slavic folk calendar: Spring-summer period], Moscow: Indrik, 816 p.
- Cherepanova O.A., 1983. *Mifologicheskaja leksika Russkogo Severa* [Mythological lexis of the Russian North], Leningrad: Leningradskii gosudarstvennyi universitet, 169 p.
- Dynin V.I., 1994. Nekotorye osobennosti mifologicheskogo obraza rusalki u vostochnykh slavjan [Some peculiarities of mermaid images in East Slavic mythology]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 111–119.
- Fursova E.F., 2003. *Kalendarnye obychai i obriady vostochnoslavjanskikh narodov Novosibirskoi oblasti kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodejstviia (konets XIX — pervaja tret' XX vv.)*. Chast' 2: *Obychai i obriady letne-osennego perioda* [Seasonal customs and rites of the East Slavic peoples of Novosibirsk region as a result of inter-ethnic cooperation (in end of 19th — the first third of the 20th centuries). Part 2: Customs and rites of the summer-autumn period], Novosibirsk: IAET SO RAN, 268 p.
- Fursova E.F., 2007. Antimir v mifologicheskikh obrazakh rusalok: (severnoruskie i sibirskie paralleli) [Inverted world in mythological images of mermaids: (Northern Russian and Siberian analogies)]. *Riabininskie chteniia — 2007*, Petrozavodsk: Karel'skii NTs RAN, pp. 126–128.
- Grinkova N.P., 1947. Obriad «vozhdenie rusalki» v sele B. Vereika Voronezhskoi oblasti [The rite «walking with a mermaid» in the village of B. Vereika of Voronezh region]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 1, pp. 178–184.
- Liubimova G.V., 2004. *Vozrastnoi simvolizm v kul'ture kalendarnogo prazdnika russkogo naseleniia Sibiri: XIX — nachalo XX veka* [Symbolism of age groups in the culture of seasonal feast of the Russian population of Siberia: 19th — early 20th centuries], Novosibirsk: IAET SO RAN, 240 p.
- Pomerantseva E.V., 1975. *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре* [Mythological characters in Russian folklore], Moscow: Nauka, 192 p.
- Propp V.Ia., 2000. *Russkie agrarnye prazdniki: (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniia)* [Russian agricultural feasts: (An effort of historical and ethnographic research)], Moscow: Labirint, 176 p.
- Skalaban I.A., 2012. Sotsial'noe kartirovanie kak metod analiza sotsial'no-territorial'nogo prostranstva [Social charting as a method of analysis of social and territorial space]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*, vol. 10, no. 1, pp. 61–78.

О.В. Голубкова

Vinogradova L.N., 1986. Mifologicheskii aspekt poles'skoi «rusal'noi» traditsii [Mythological aspect of the «mermaid» tradition in Poles'e]. *Slavianskii i balkanskii fol'klor: Dukhovnaia kul'tura Poles'ia na obshcheslavianskom fone*, Moscow: Nauka, pp. 88–133.

Vinogradova L.N., Tolstaia S.M., 1990. Motiv «unichtozheniia — provodov nechistoi sily» v vostochnoslavianskom kupal'skom obriade [The motif of «annihilation — expelling of evil forces» in East Slavic Kupala rites]. *Issledovaniia v oblasti balto-slavianskoi dukhovnoi kul'tury: (Pogrebal'nyi obriad)*, Moscow: Nauka, pp. 99–118.

Vinogradova L.N., Tolstaia S.M., 1994. K probleme identifikatsii i sravneniia personazhei slavianskoi mifologii [Problem of identification and comparison of characters in Slavic mythology]. *Slavianskii i balkanskii fol'klor. Verovaniia. Tekst. Ritual*, Moscow: Nauka, pp. 16–44.

Vlasova M.N., 1998. *Russkie sueverii: Entsiklopedicheskii slovar'* [Russian superstitions: Encyclopedic dictionary], St. Petersburg: Azbuka, 672 p.

Zelenin D.K., 1995. *Ocherki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoi smert'iu i rusalki* [Studies in Russian mythology: Those who died an unnatural death and mermaids], Moscow: Indrik, 432 p.

А.А. Богордаева

Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, г. Тюмень, 625026, Россия
E-mail: bogordaeva@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОКРОЯ И УКРАШЕНИЙ ШАПОК ДУХОВ-ПОКРОВИТЕЛЕЙ СЕВЕРНЫХ МАНСИ

Статья посвящена изучению и классификации найденных на святилищах северных манси шапок духов-покровителей. В задачи исследования входит их сравнительно-типологический анализ, а также выявление особенностей покроя и украшений. Работа опирается на материалы, полученные автором в этнографических экспедициях к северным манси, проживающим по берегам рек Северная Сосьва и Ляпин, и на данные этнографической литературы. В ходе экспедиционных исследований было сделано описание 34 шапок: 21 — из состава облачения изображений духов-покровителей, 10 — из числа даров духам-покровителям и 3 сшитых на заказ. Определено, что шапки относятся к числу главных и обязательных атрибутов духов-покровителей мужского пола у северных манси. В мифологии северных манси шапки являются элементом образа многих верховных божеств и обязательным предметом их костюма, в том числе Мир-сусне-хума, Хуль-отыра, Самсай-ойки и др. Они входят в состав облачения изображений духов-покровителей на святилищах, являются частью костюма лиц, изображающих духов-покровителей, на медвежьем празднике. Шапки духов-покровителей представлены двумя видами — меховыми и суконными. Суконные шапки относятся к наиболее распространенным. По форме тульи они делятся на конусообразные, полусферические и трапецевидные. Каждый из этих типов представлен несколькими вариантами, различающимися по количеству и форме деталей кроя. Отмечено, что форма шапки, ее покрой и украшения никак не связаны с функциями того духа-покровителя, которому она принадлежала. Меховые шапки в настоящее время на святилищах не зафиксированы, однако их применение в качестве головного убора изображения духа-покровителя засвидетельствовано многими этнографическими источниками. Очевидно, что меховые шапки отражали высокий социальный статус своего владельца, так же как и меховая опушка суконных шапок.

Ключевые слова: манси, шапки, одежда, костюм, духи-покровители, святилища, покрой, ткани, мех, сукно, типологический анализ, Северная Сосьва, Ляпин, образы божеств, этнографические исследования, Мир-сусне-хум, Хуль-Отыр, Самсай-ойка.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-153-161

Шапки относятся к числу главных атрибутов духов-покровителей мужского пола у северных манси. Они входят в состав облачения изображений духов-покровителей на святилищах, являются частью костюма лиц, представляющих их на медвежьем празднике. Однако эти головные уборы значительно отличаются от тех мужских капоров, которые бытовали в конце XIX — первой четверти XX в. у северных и западных манси. Делались капоры из оленьего меха, ткани или соболиных лапок. Они имели сшитую из затылочной и теменной частей тулью и пришитые к ней длинные, спускающиеся на грудь лопасти, которые украшались разноцветными суконными кантами или меховой мозаикой [Федорова, 1994, с. 154–155]. Шапки духов-покровителей имеют круглую тулью, которая плотно облегает голову по окружности и закрывает ее верхнюю часть. Несмотря на различия в покрое и мужские капоры, и шапки духов-покровителей называются одинаково: *kent*, *кент*, *кѐнт* — шапка; так же обозначаются фуражка, кепка, шляпа, капюшон [Афанасьева, Игушев, 2008, с. 51; Баландин, 1960, с. 193; Баландин, Вахрушева, 1958, с. 36; Ромбандеева, 2005, с. 177; Чернецов, Чернецова, 1936, с. 74]. По мнению Е.Г. Федоровой, наличие собственного термина для обозначения головного убора, его несовпадение с наименованиями шапок у соседних народов может быть свидетельством того, что в прошлом у манси существовал оригинальный головной убор, впоследствии утраченный [Там же]. Могут ли шапки духов-покровителей быть теми самыми утраченными головными уборами?

Ответ на поставленный выше вопрос напрямую связан с изучением традиций изготовления и использования шапок духов-покровителей. Поскольку сами эти традиции относятся к сакральной сфере, во многом закрытой для других, процесс накопления сведений о них был длительным. В историографии вопроса выделяется два периода, которые различаются методами

сбора информации и ее анализа. Первый период охватывает большой отрезок с XVIII в. до 70–80-х гг. XX в. К этому времени относятся и первые письменные свидетельства о шапках духов-покровителей, и их первые описания. Среди работ этого периода выделяется две группы. Первая — сочинения и отчеты путешественников и исследователей Западной Сибири с описаниями святилищ, их атрибутики и находящихся здесь изображений духов-покровителей, записями, посвященными медвежьему празднику, на котором актеры, изображавшие духов-покровителей, были одеты в специальные шапки [Глушков, 1900, с. 52; Карьялайнен, 1995, с. 59–61; Новицкий, 1999, с. 100; Носилов, 1997, с. 99; и др.]. Во всех них информация о шапках дается в тексте общего описания святилища, изображения духа-покровителя или сцен медвежьего праздника. Как правило, отмечаются форма головного убора и его цвет. В целом шапки духов-покровителей по данным материалам представляются достаточно единообразными — суконными конусообразной формы и изредка меховыми. Вторую группу составляют записи мансийских мифов, героических песен и других фольклорных текстов [Гондатти, 1888, с. 19; Kannisto, 1958; и др.]. Хотя многие тексты были записаны во второй половине XIX — начале XX в., для читателей и исследователей они стали доступны в основном после их широкой публикации во второй половине XX в.

Начало нового периода в изучении головных уборов духов-покровителей манси относится к 1970–1980-м гг. и связано с развитием отечественной школы угроведения. Этот период характеризуется системным подходом к изучению элементов культуры, появлением научных трудов, основанных на типологическом и сравнительно-историческом методах. Впервые в статье Н.Ф. Прытковой был поставлен вопрос об изучении одежды на изображениях духов-покровителей как историческом источнике [1971]. Появляются работы, в которых описываются и анализируются особенности традиционных верований и обрядов обских угров, в том числе отмечаются особенности головных уборов духов-покровителей [Соколова, 1971; Новикова, 1995].

В это же время начались планомерные исследования святилищ северных манси, которые дали массовые материалы по их атрибутике, в том числе по головным уборам духов-покровителей. В середине 1980-х гг. выходит монография И.Н. Гемуева и А.М. Сагалаева, посвященная культовым местам (в основном поселковым и родовым святилищам) северных манси [1986]. Здесь впервые приводятся достаточно подробные описания шапок духов-покровителей с указанием их материала, украшений, места нахождения. Анализируя атрибутику святилищ и изображения духов-покровителей, представленных на них, авторы отмечают большое внимание, которое уделялось головным уборам, и в особенности — имевшим «островерхую» или «шлемообразную форму» [1986, с. 147], а также, что хотя «тулья у всех головных уборов шилась из клиньев», но они «не обязательно были островерхими» [Там же]. Описания головных уборов духов-покровителей, в том числе шапок, имеются в монографии И.Н. Гемуева, посвященной домашним святилищам северных манси [1990]. Здесь впервые шапки духов-покровителей подразделяются по форме тульи на «остроконечные», «конические» и «сферические», а также сравниваются с головными уборам русских воинских и полицейских чинов [Там же, с. 31, 40–41]. Дальнейшие исследования святилищ позволили расширить знания о мансийской культовой атрибутике, в научный оборот были введены новые сведения об изображениях духов-покровителей, их облачении, головных уборах, жертвенных покрывалах и пр. [Гемуев, Бауло, 1999]. Были описаны и классифицированы «жертвенные покрывала», «жертвенные пояса» и «жертвенные шлемы», отличающиеся от остальных головных уборов особым покроем и орнаментацией [Гемуев, Бауло, 2001]. В 2013 г. был издан этнографический альбом А.В. Бауло, представляющий святилища северных манси и отражающий их состояние на начало XXI в. В альбоме наряду с прекрасными фотографиями приводятся описания святилищ и хранящихся там предметов, в том числе головных уборов.

Другая систематизация шапок духов-покровителей приводится в работах, посвященных изучению материальной культуры манси, где они рассматриваются в числе предметов обрядовой одежды [Федорова, 1994; Богордаева, 2006]. В монографии Е.Г. Федоровой костюм (включая шапки) актеров, исполняющих танцы богов и богатырей-предков на медвежьем празднике, соотносится с комплексом культуры южных кочевников скотоводов [1994, с. 206–208, 214]. На основе анализа данных этнографической литературы кратко характеризуются материал, покроем и украшения шапок духов-покровителей обских угров в монографии А.А. Богордаевой [2006, с. 211]. Дальнейшие исследования позволили автору сделать описания и опубликовать сведения о найденных на святилищах шапках, использованных во время медвежьего праздника, а

Особенности покроя и украшений шапок духов-покровителей северных манси

также шапок, входящих в комплекс одежды домашнего духа-покровителя северных манси Самсай-ойки [Богордаева, 2011, 2014].

Важное место среди трудов, посвященных истории, традиционной культуре и обрядности, занимают работы мансийских исследователей, в которых отражено собственное видение многих традиций, в том числе содержатся описания шапок духов-покровителей и высказываются версии их происхождения [Бардина, 2009; Попова, 2003; Ромбандеева, 1993].

Целью нашего исследования является систематизация шапок духов-покровителей на основе типологического анализа их материала, покроя, украшений. Исследование опирается на материалы, полученные в этнографических экспедициях, а также на данные этнографической литературы. Экспедиции проводились совместно с Приполярным этнографическим отрядом Института археологии и этнографии СО РАН на территории проживания северной группы манси в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2006–2010 гг.¹ Были обследованы домашние и поселковые святилища в бассейне рек Ляпин и Северная Сосьва. В ходе экспедиционных исследований было сделано описание 34 шапок: 21 — из состава облачений изображений духов-покровителей, 10 — отдельно найденных и 3 сшитых на заказ. Полученная устная информация по данной теме очень скудна, что связано как с определенной ее закрытостью, так и с отсутствием у информантов необходимых знаний.

Как предмет костюма шапки входят в состав облачения изображения духа-покровителя, а также являются частью его прикладов, которые хранятся в сундуках и мешках на святилищах. Особое место среди находящихся здесь предметов занимают жертвенные дары, в их число входят так называемые жертвенные покрывала, шлемы, пояса, халаты. От других предметов они отличаются специальным «священным» орнаментом, нашитыми монетами, а часто и особым способом хранения. В целом анализ данных этнографической литературы, а также полевых исследований позволяет разделить все шапки духов-покровителей северных манси по материалу изготовления на две категории — меховые и суконные или из других плотных шерстяных и хлопчатобумажных тканей.

Шапки из сукна и других плотных тканей. Этот вид головных уборов духов-покровителей относится к наиболее многочисленным и общераспространенным. Пластичность сукна и способность держать форму позволяли моделировать различного вида шапки. У северных манси все шапки имели облегающую голову тулью, верхняя часть которой могла быть различной формы. В соответствии с формой верхней части выделяется три типа шапок: конусообразные, полусферические и трапециевидные (рис. 1). По способу украшения суконные шапки можно разделить на два типа: с орнаментом, который выполнен чаще всего в технике мозаики, и без орнамента. В качестве украшений применялись также кисточки из полосок и лоскутков ткани, обшивка мехом по краю тульи.

Конусообразные шапки представлены на мансийских святилищах повсеместно. Эти головные уборы можно видеть и на голове изображения духа-покровителя, их использовали в качестве предмета костюма духа-покровителя на медвежьем празднике, встречаются они и в прикладах духам-покровителям, в том числе среди так называемых жертвенных шлемов. Шапки конусообразной формы зафиксированы в составе облачения изображений духов-покровителей *Куль-отыр'а* [Гемуев, 1990, с. 66], *Луски-ойк'и* [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 26], *Хонт-Торум'а* [Там же, с. 59], в составе даров, принесенных на святилища духам-покровителям: *Мир-сусне-хум'у* и др. [Там же, с. 73–74; Гемуев, 1990, с. 41, 59–60, 108].

В этнографической литературе существуют и другие названия этих шапок, также характеризующие их форму: островерхие, остроконечные, конические, колпак, шлемообразные [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 147; Гемуев, 1990, с. 40–41, 112]. На наш взгляд, прилагательное «конусообразный» более точно отражает особенности покроя этого типа шапки и в целом определяет его пространственную геометрию. Тулья этих шапок шилась таким образом, что макушка получалась заостренной. Несмотря на кажущееся единообразие, конусообразные шапки различаются покроем и приемами украшения. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют выделить *четыре варианта* кроя конусообразных шапок (рис. 1, 1а–1г). В *первом* и наиболее распространенном варианте тулья состоит из 4–6–8 широких вертикальных клиньев сукна (рис. 1, 1а). Часто на макушку шапки нашивается кисточка, сделанная из кусочков сукна тех же

¹ Автор благодарит д.и.н. А.В. Бауло за предоставленную возможность участия в экспедиционных исследованиях Приполярного этнографического отряда Института археологии и этнографии СО РАН.

цветов, что и шапка. Край шапки обшивается мехом соболя, белки, лисицы или просто полоской ткани. Кроме того, шапки этого варианта украшаются орнаментом, который располагается на клиньях и выполняется в технике мозаики. Такие шапки относятся к числу жертвенных предметов и обладают особым статусом.

В ходе полевых исследований такой вариант покроя отмечен у конусообразной шапки (высота тульи 24 см, окружность тульи 58 см), найденной в числе прикладов духам-покровителям в д. Кимкъясуй и, очевидно, использовавшейся на медвежьем празднике [Богордаева, 2014, с. 140]. Она сшита вручную сухожильными нитками из четырех одинаковых по размеру (23×14,5 см) клиньев черного и зеленого сукна. Край тульи обшит полосой светлой хлопчатобумажной ткани. Конусообразные шапки этого варианта зафиксированы также на изображениях Али-хум'а (д. Новинские) [Гемуев, 1990, с. 153–154, рис. 137], Евтымс-ойк'и (д. Турват-пауль), Пырищ'а и Мис-хум'а [Гемуев, Бауло, 1999, с. 16, 97–98], в составе даров-прикладов Мир-сусне-хум'у [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 74; Гемуев, 1990, с. 59–60, 108].

Второй вариант, видимо, следует считать производным от первого (рис. 1, 1б). В этом варианте также имеется сшитая из нескольких клиньев верхняя часть, к которой по нижнему краю пришита широкая горизонтальная полоса. Такой покроем имеет еще одна шапка из д. Кимкъясуй. Она сшита вручную сухожильными нитками из черного и красного сукна. Тулья (высота 23 см, окружность 54 см) состоит из четырех равных по размеру клиньев с одинаковым орнаментом криволинейного типа («всадник»), выполненным в технике мозаики. Два клина сделаны из сукна красного цвета с черным орнаментом, два — из сукна черного цвета с красным орнаментом. К нижнему краю клиньев пришита полоса сукна с орнаментом в технике мозаики.

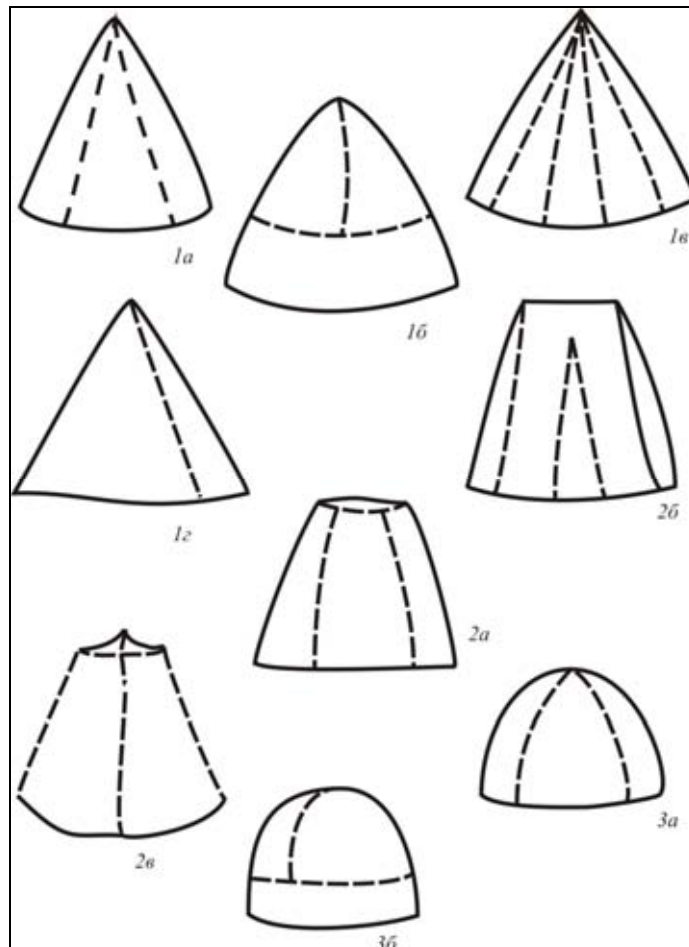

Рис. 1. Типы и варианты покроя суконных шапок духов-покровителей северных манси: 1а–1с — конусообразные; 2а–2б — трапецевидные; 3а, 3б — полусферические.

Особенности покроя и украшений шапок духов-покровителей северных манси

Нижний край тульи шапки обшит полосой рыжего лисьего меха. К макушке шапки пришита кисточка, сделанная из двух лоскутков красного сукна и одного черного. Размеры шапки позволяют причислить ее также к числу атрибутов медвежьего праздника [Богордаева, 2014, с. 140].

В *третьем* варианте тулья шапки сшита из 7–8 узких разноцветных клиньев сукна (рис. 1, 1в). К макушке часто пришита кисточка из полосок этого же сукна. Край тульи обшивается полосой меха или ткани. По данным этнографической литературы, такой покроей имели шапки *Отыр-пыг'а* (д. Хурумпауль), *Калтащ-пыг'а* (п. Анеево) [Гемуев, 1990, с. 31–32, 126].

В *четвертом* варианте кроя шапки сшиты в форме конуса из одного куска ткани с одним вертикальным швом (рис. 1, 1г). Украшением служит кисточка из полосок и лоскутков ткани, пришитая на макушке. И хотя эти шапки отличаются от других простейшим покроем, встречаются они нечасто. В 1980-е гг. на святилище среди одежды Мир-сусне-хума был обнаружен «островерхий колпак, сшитый из двух слоев ткани: внешнего — из желтой мешковины и внутреннего — из зеленого сукна. Шапка цельнокроеная, без клиньев» [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 73–74]. Одношовные шапки из темной ткани зафиксированы в составе облачения изображения Самсой-ойки [Богордаева, 2011, с. 139, 142].

Кроме этих четырех основных вариантов кроя конусообразных шапок известны и другие, которые зафиксированы в единичном экземпляре. Так, в состав облачения изображения Самсай-ойки (д. Шомы) входила конусообразная шапка (высота 14,5 см, окружность тульи 31 см), тулья которой сшита из трех деталей, выкроенных из фланели черного цвета. Одна деталь составляет переднюю часть, в то время как задняя часть тульи сшита из двух кусков ткани: верхнего, имеющего треугольную форму, и нижнего, прямоугольной формы. К макушке шапки пришита кисточка из двух полосок черной хлопчатобумажной ткани и двух полосок красного сукна, к одной из которых привязано медное кольцо. И.Н. Гемуевым описана шапка «конической формы», сшитая из желто-серого сукна с клином и каймой по краю из хлопчатобумажной ткани, с кисточкой из полосок ткани на макушке, в одну из которых была завязана монета 1896 г. [1990, с. 41].

Трапецевидные шапки также достаточно широко распространены. Как и у конусообразных, их тулья сшивается из клиньев, в том числе со слегка закругленным или прямым верхним краем (рис. 1, 2а–2в). Украшением служат кисточки из полосок и лоскутков ткани, которые пришиваются к макушке шапки и ее верхним углам, иногда — по бокам тульи. Этот тип шапок зафиксирован на изображениях Куль-отыра (д. Ясунт) [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 39], Самсай-ойки [Богордаева, 2011, с. 140].

Приемы шивания клиньев трапецевидных шапок весьма своеобразны и позволяют выделить *три варианта* их покроя. В *первом* варианте, как уже говорилось, тулья сшивается из нескольких клиньев, верхние края которых пришиваются к круглой вставке на макушке (рис. 1, 2а). Этот вариант трапецевидных шапок близок по крою к конусообразным, форма таких шапок похожа на усеченный конус. Шапка (высота 22 см, окружность 63) такого покроя была зафиксирована в д. Верхненильдина. Она сшита вручную белыми хлопчатобумажными нитками из четырех чередующихся по цвету клиньев сукна: двух — красного и двух — черного цвета. На макушке сделана круглая вставка из красного сукна. Край тульи подшит полосками также красного и черного сукна. Особенностью шапки является вырезанный из красного сукна круг, нашитый на одну из черных полос обшивки края тульи. Он располагается так, что одна его половина находится на изнаночной стороне шапки, а другая — на наружной. На верхнюю часть клиньев пришиты кисточки — полоски из красного и черного сукна (длина 10–21 см). Две шапки аналогичного покроя были зафиксированы И.Н. Гемуевым в прикладах Мир-сусне-хуму (д. Хурумпауль) [1990, с. 40–41]. Их отличительными признаками являются пришитые посередине тульи кожаные козырьки [Там же, с. 41, рис. 20]. По мнению И.Н. Гемуева, «формой они отдаленно напоминают кивер или, скорее, головные уборы, которые в конце прошлого века носили чины русской полиции» [Там же, с. 40].

Во *втором* варианте кроя тулья сшивается из двух треугольных клиньев и двух клиньев трапецевидной формы (рис. 1, 2б). При этом на каждом из трапецевидных клиньев от нижнего широкого края делается вертикальный срединный разрез, в который вставляется небольшой клинышек ткани контрастного цвета. Шапки такого покроя были обнаружены И.Н. Гемуевым в д. Верхненильдина и, по его предположению, могли использоваться на медвежьем празднике или же предназначались Мир-сусне-хуму [1990, с. 119, с. 122, рис. 107, 1, 2]. Встречаются также шапки этого варианта, у которых центральная трапецевидная деталь тульи сшита из одного целого лоскута ткани, перегнутого на макушке и образующего переднюю и заднюю часть шапки.

В ходе экспедиционных исследований две шапки такого покроя были зафиксированы в прикладе духу-покровителю в д. Шомы [Богордаева, 2011, с. 140].

В *третьем* варианте тулья сшивается из четырех широких клиньев с плоскими или слегка закругленными верхними краями (рис. 1, 2в). Верхние края клиньев соединяются до середины таким образом, что половина верхнего среза каждого клина сшита с двумя соседними, а посередине все клинья — между собой. Такой покроем имеет шапка (высота 24,5 см, окружность 60 см) из д. Хурумпауль. Тулья этой шапки составлена из четырех клиньев синего сукна: двух узких боковых и двух широких переднего и заднего — и обшита по краю полосой беличьего меха [Бауло, 2013, с. 110, рис. 124б; Богордаева, 2014, с. 140].

Шапки **полусферической формы** также сшивались из нескольких (4-6-8) широких клиньев, которые зачастую имели вид секторов (рис. 1, 3а, 3б). Часто клинья украшались орнаментом, выполненным в технике мозаики. К макушке таких шапок пришивалась кисточка из суконных полосок или лоскутков. Шапки этого типа известны в *двух вариантах*. К *первому* варианту относятся шапки, тулья которых сшита из четырех широких клиньев сукна (рис. 1, 3а). Так, шапка сферической формы из четырех красных и четырех черных клиньев, украшенных орнаментом в виде всадника и пришитыми к нему монетами, обшита по краю тульи беличьим мехом, была зафиксирована в прикладе Мир-сусне-хуму (д. Хурумпауль) [Гемуев, 1990, с. 40]. Во *втором* варианте покроя к нижнему краю клиньев пришивается широкая полоса ткани, которая также может быть украшена орнаментом (рис. 1, 3б). Такая шапка была обнаружена в прикладах духу-покровителю в д. Верхненильдина [Гемуев, 1990, с. 119, 122, рис. 107, 3]. От других шапок ее отличает и то, что все четыре ее клина были разного цвета: красного, зеленого, синего и желтого, а нижняя полоса — из зеленого сукна. И клинья и пришитая к ним полоса украшены мозаикой из сукна красного цвета [Там же].

Заканчивая обзор шапок из сукна и других плотных тканей, отметим, что для них характерен покроем тульи из вертикально расположенных клиньев треугольной, трапециевидной, прямоугольной формы. Этот крой подчеркивается использованием разноцветных клиньев и их чередованием, он придает головным уборам своеобразие и, с одной стороны, выделяет их из числа других элементов костюма, с другой — объединяет с такими предметами, как «богатырские пояса», жертвенные шлемы, суконные рукавицы.

Меховые шапки. В прошлом этот вид шапок, вероятно, был распространен более широко. На это указывают и данные этнографической литературы, и костюмы актеров медвежьего праздника. Так, по описанию Г. Новицкого, у изображения духа-покровителя юрт Нахрачевых на голове была шкура черно-бурой лисицы [1999, с. 100]. По материалам В.Н. Чернецова, еще в 1930-е гг. на медвежьем празднике актеры, исполняющие роли духов-покровителей, надевали меховые шапки или обматывали голову шкурой пушного зверя (лисы, соболя) [Источники..., 1987, с. 216, 218, 232–233, 235]. Известно, что шапка из беличьего меха является непременным элементом костюма *Полум-Торум'а*, а шапка из красной лисы (а по некоторым данным — и соболя) — *Мир сусне хум'а* [Там же, с. 216; Федорова, 1994, с. 206–207]. По материалам обследования святилищ в конце XX в. меховые шапки были зафиксированы в единичных экземплярах. На одном из святилищ среди головных уборов, предназначенных для изображения *Мир-сусне-хум'а*, была обнаружена шапка, сшитая «из куска выделанной овчины, мехом внутрь. Снаружи она покрыта мешковиной коричневого цвета, пришитой к опушке из черной овчины. Покрытие состоит из четырех клиньев. Окружность тульи 61 см, высота 25 см» [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 74]. В другое время шапка из лисьего меха была обнаружена среди прикладов, также предназначенных *Мир-сусне-хум'у* [Гемуев, 1990, с. 79], шапка из пыжика (оленьего выпоротка) была надета на изображение *Ахватас-ойк'и* [Там же, с. 113], две шапки с длинными ушами «из меха красной лисы» были зафиксированы на голове *Сат-ахт-йир-хон-аки* [Там же, с. 159]. В ходе полевых исследований последних лет меховых головных уборов на святилищах не обнаружено. Однако имеющиеся материалы позволяют выделить три вида головных убора из меха, входивших в состав облачения духов-покровителей на медвежьем празднике и святилищах. Это — конусообразные шапки, шапки-ушанки и обмотанная вокруг головы шкура пушного зверя (лисы, соболя).

До начала XX в. шкурки пушных зверей у местного населения были денежным эквивалентом, которым не только выплачивался ясак, но на который выменивались продукты питания, ткани, оружие, порох и пр. Поэтому и значение таких даров было велико. Об этом сообщает и А. Каннисто: по его данным, на верхней Лозье *Мир-сусне-хум'у* жертвовали меха лисицы, соболя, выдры, годились для него и беличьей шкурки, на Сосье для богов вывешивали лисьи меха [Kannisto, 1958, S. 306].

Особенности покроя и украшений шапок духов-покровителей северных манси

Описания святилищ показывают, что в XVIII — начале XX в. шкуры пушных животных не только составляли значительную часть прикладов духам-покровителям, но иногда и сами выступали в роли изображения духа-покровителя [Глушков, 1900, с. 52; Новицкий, 1999, с. 100].

Очевидно, что меховые шапки и меховая отделка шапок имели особое значение, именно они отражали высокий социальный статус своего владельца. Шапки, предназначенные духам-покровителям наивысшего общемансийского ранга, имели меховую отделку из более ценного меха — собольего, лисьего, иногда беличьего. Так, можно заметить, что шапки для *Мир-сусне-хум*'а в основном обшивались мехом соболя [Гемуев, 1990, с. 40–41].

Кроме меховых и суконных шапок на святилищах встречаются покупные головные уборы, а также сшитые имитации покупных или инокультурных головных уборов. Так, в 1980-х гг. в составе костюма изображений духов-покровителей северных манси были зафиксированы: «картуз» [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 39], «картонный картуз с матерчатым верхом и небольшим козырьком» [Гемуев, 1990, с. 51], среди даров-прикладов были обнаружены «кепи фабричного производства» [Там же], «самодельная фуражка с темно-синим околышем и красным кантом», «шлем из черного бархата с забралом и бармицей» [Там же, с. 51, 72, 91]. Самодельная кепка с красным козырьком была зафиксирована и на голове изображения домашнего духа-покровителя семьи Хозумовых (д. Ясунт) [Бауло, 2013, с. 107, рис. 119].

В настоящее время на святилищах северных манси в составе костюмов духов-покровителей наблюдаются современные трикотажные шапки турецкого и китайского производства [Бауло, 2013, с. 28, рис. 22–23]. Заметим, что, в отличие от картузов, кепок и фуражек, эти шапки по материалу изготовления (шерстяной и акриловый трикотаж) и вытянутой форме близки к традиционным головным уборам. В данном случае, очевидно, происходит процесс замещения традиционных головных уборов покупными на основе их сходства по форме и материалу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Афанасьева К.В., Игушев Е.А.* Русско-мансийско-коми тематический словарь: Около 4000 слов. Екатеринбург: Баско, 2008. 192 с.
- Баландин А.Н.* Самоучитель мансийского языка. Л.: Ленингр. отд-ние Учпедгиза, 1960. 247 с.
- Баландин А.Н., Вахрушева М.П.* Мансийско-русский словарь с лексическими параллелями из южно-мансийского (кондинского) диалекта. Л.: Ленингр. отд-ние Учпедгиза, 1958. 227 с.
- Бардина Р.К.* Обские и нижнесосьвинские манси: Этносоциальная история в конце XVIII — начале XXI века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 150 с.
- Бауло А.В.* Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: Этнографический альбом. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2013. 208 с.
- Богордаева А.А.* Традиционный костюм обских угров. Новосибирск: Наука, 2006. 239 с.
- Богордаева А.А.* Особенности изображения Самсай-ойки — домашнего духа-покровителя северных манси // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 135–145.
- Богордаева А.А.* Текстильная атрибутика медвежьего праздника на святилищах северных манси начала XXI в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 4 (27). С. 138–145.
- Гемуев И.Н.* Мироззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народа манси. Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.* Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 240 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.* Небесный всадник: Жертвенные покрывала манси и хантов. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 160 с.
- Гондатти Н.Л.* Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. М., 1888. 91 с.
- Глушков И.Н.* Чердынские вогулы: Этнографический очерк. М., 1900. 64 с.
- Источники по этнографии Западной Сибири.* Томск: Изд-во ТГУ, 1987.
- Карьялайнен К.Ф.* Религия югорских народов. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Т. 2. 284 с.
- Новикова Н.И.* Традиционные праздники манси. М.: ИЭА РАН, 1995. 225 с.
- Новицкий Г.* Краткое описание о народе остячком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 г. // Путешествия по Обскому Северу. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 13–116.
- Носилов К.Д.* У вогулов: Очерки и наброски. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 304 с.
- Попова С.А.* Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. 180 с.
- Прыткова Н.Ф.* Один из источников изучения одежды народов Сибири // СМАЭ. 1971. Т. 27. С. 101–112.
- Ромбандеева Е.И.* История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Сев. дом. Северо-Сибирское регион. кн. изд-во, 1993. 208 с.

A.A. Богордаева

Ромбандеева Е.И. Русско-мансийский словарь: Учеб. пособие для уч-ся 5–9 классов общеобр. учреждений: В 2 ч. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2005. Ч. 2. 185 с.

Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // СМАЭ. 1971. Т. 37. С. 211–238.

Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб.: МАЭ РАН, 1994. 284 с.

Чернецов В.Н., Чернецова И.Я. Краткий мансийско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1936. 115 с.

Kannisto A. Materialienzur Mythologie der Wogulen // MSFOu. Helsinki, 1958. Vol. 113. 444 S.

A.A. Bogordayeva

Institute of the problems of Northern development SB RAS
Malygin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: bogordayeva@mail.ru

THE SPECIFICS OF CUTTING AND DECORATIONS OF THE GUARDIANS SPIRIT CAPS OF THE NORTHERN MANSI

The article deals with a study and classification of guardian spirit caps found in Mansi sacred places. The study aims to conduct a comparative and typological analysis of the caps and to reveal special features of their cutting and decorations. The research is based on data of the author's own fieldwork records (collected during several expedition trips to the communities of Northern Mansi living along the Northern Sosva and Lyapin rivers) and on published ethnographic sources. In the course of the expeditions, the author made descriptions of 34 caps, 21 of them were parts of guardian spirit vestments, 10 were gifts to the guardian spirits and 3 were tailor-made. It is pointed out that the caps are one of the principal and necessary attributes of the male guardian spirits of Northern Mansi. According to Northern Mansi mythology, caps are part of the image and an indispensable attribute of clothes of many Mansi supreme deities, including Mir-Susne-Hum, Kuly-Otir, Samsaj-oyka, etc. The caps are included in the costume kits of the figures of the guardian spirits that are kept in sacred places; they are also a part of the vestments of those people who perform a role of the guardian spirits at the Bear festival. There are two types of the guardian spirit caps: made of fur and of woolen cloth. The caps made out of woolen cloth are the most common. Depending on the shape of the crown, the caps can be divided into three main groups: cone-shaped, semi-spherical and trapezoidal. Each of these groups is represented by several variations which differ in quantity and shape of details of their cutting. It was noted that the shape, cutting of caps and decoration of a cap are not related to the duties of the corresponding a guardian spirit. Today there is no evidence of use of the fur caps in the Mansi sacred places, though there are many references to their previous use as a head-dress of the guardian spirits in ethnographic sources. Obviously, fur caps, as well as fur-trimmed woolen caps, indicated high social status of their owners.

Key words: Mansi, caps, clothes, costume, guardian spirits, sacred places, cutting, fabric, fur, woolen cloth, typological analysis, Northern Sosva river, Lyapin river, images of deities, ethnographic research, Mir-Susne-Hum, Kuly-Otir, Samsaj-oyka.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-153-161

REFERENCES

Afanas'eva K.V., Igushev E.A., 2008. *Russko-mansiisko-komi tematicheskii slovar': Okolo 4000 slov* [Russian-Mansi-Komi thematic dictionary: About 4000 words], Ekaterinburg: Basko, 192 p.

Balandin A.N., 1960. *Samouchitel' mansiiskogo iazyka* [Teach Yourself Mansi language], Leningrad: Leningradskoe otdelenie Uchpedgiza, 247 p.

Balandin A.N., Vakhrusheva M.P., 1958. *Mansiisko-russkii slovar' s leksicheskimi paralleliami iz iuzhno-mansiiskogo (kondinskogo) dialekta* [Mansi-Russian dictionary with lexical parallels of the Southern Mansi (Kondinsky) dialect], Leningrad: Leningradskoe otdelenie Uchpedgiza, 227 p.

Bardina R.K., 2009. *Obskie i nizhnesos'vinskije mansi: Etnosotsial'naja istorija v kontse XVIII — nachale XXI veka* [The Mansi of Ob river and Lower Sosva river: Ethnosocial history at the end of the 18th and the beginning of the 21st century], Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 150 p.

Baulo A.V., 2013. *Sviashchennye mesta i atributy severnykh mansi v nachale XXI veka: Etnograficheskii albom* [Sacred places and attributes of the Northern Mansi in the beginning of the 21st century: An ethnographic album], Khanty-Mansiisk; Ekaterinburg: Basko, 208 p.

Bogordayeva A.A., 2006. *Traditsionnyi kostium obskikh ugrov* [The traditional costume of the Ob-Ugrian peoples], Novosibirsk: Nauka, 239 p.

Особенности покроя и украшений шапок духов-покровителей северных манси

Bogodayeva A.A., 2011. Osobennosti izobrazheniia Samsai-oiki — domashnego dukha-pokrovitelia severnykh mansi [Image details of Samsaj-oyka — a domestic guardian spirit of Northern Mansi]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 1, p. 135–145.

Bogodayeva A.A., 2014. Tekstil'naia atributika medvezh'ego prazdnika na sviatilishchakh severnykh mansi nachala XXI v. [Textile attributes of the Bear festival at holy places of Northern Mansi in the early 21st century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4, p. 138–145.

Gemuev I.N., 1990. *Mirovozzrenie mansi: Dom i Kosmos* [The Mansi worldview: House and Space], Novosibirsk: Nauka, 232 p.

Gemuev I.N., Sagalaev A.M., 1986. *Religiia naroda mansi* [The religion of the Mansi people], Novosibirsk: Nauka, 192 p.

Gemuev I.N., Baulo A.V., 1999. *Sviatilishcha mansi verkhov'ev Severnoi Sos'vy* [The sacred places of Mansi of the Upper Northern Sosva river], Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 240 p.

Gemuev I.N., Baulo A.V., 2001. *Nebesnyi vsadnik: Zhertvennye pokryvala mansi i khantov* [Sky Horseman: Sacred shawls of Mansi and Khanty], Novosibirsk: IAET SO RAN, 160 p.

Gondatti N.L., 1888. *Sledy iazycheskikh verovanii u inorodtsev Severo-Zapadnoi Sibiri* [Traces of pagan beliefs of the peoples of North-Western Siberia], Moscow, 91 p.

Glushkov I.N., 1900. *Cherdynskie voguly. Etnograficheskii ocherk* [Voguls of Cherdyn river: Ethnographic essay], Moscow, 64 p.

Kannisto A. 1958. Materialien zur Mythologie der Wogulen. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, Helsinki, vol. 113, 444 p.

Karjalainen K.F., 1995. *Religiia iugorskikh narodov* [Religion of the peoples of Yugra], vol. 2, Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 284 p.

Novikova N.I., 1995. *Traditsionnye prazdniki mansi* [Mansi Traditional festivals], Moscow: IEA RAN, 225 p.

Novitsky G., 1999. Kratkoe opisanie o narode ostiatskom, sochinennoe Grigoriem Novitskim v 1715 g. [Brief description of the Ostyak people written by Grigory Novitsky in 1715]. *Puteshestviia po Obskomu Severu*, Tiumen': Izdatel'stvo Yu. Mandriki, pp.13–116.

Nosilov K.D., 1997. *U vogulov: Ocherki i nabroski* [Among Vogul.: Essays and sketches]. Tiumen': SoftDizain, 304 p.

Popova S.A., 2003. *Obriady perekhoda v traditsionnoi kul'ture mansi* [Rituals of transition in the traditional culture of Mansi], Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 180 p.

Prytkova N.F., 1971. Odin iz istochnikov izucheniiia odezhdy narodov Sibiri [One of the sources for the study of clothing of the Siberian peoples]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, vol. 27. pp. 101–112.

Rombandeyeva E.I., 1993. *Istoriia naroda mansi (vogulov) i ego dukhovnaia kul'tura (po dannym fol'klora i obriadov)* [History of the Mansi people (Voguls) and their spiritual culture (according to folklore and ritual data)], Surgut: Severnyi dom: Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izdatel'stvo, 208 p.

Rombandeyeva E.I., 2005. *Russko-mansiiskii slovar': Uchebnoe posobie dlia uchashchikhsia 5–9 klassov obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii: V 2 chastiakh. Chast' 2* [Russian-Mansi dictionary: A textbook for pupils of the grades 5–9 of general educational institutions: In two parts. P. 2], St. Petersburg: Filial izd-va «Prosveshchenie», 185 p.

Sokolova Z.P., 1971. Perezhitki religioznykh verovanii u obskikh ugrov [Remnants of religious beliefs among the Ob' Ugrians]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, vol. 37, Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 211–238.

Fedorova E.G., 1994. *Istoriko-etnograficheskie ocherki material'noi kul'tury mansi* [Historical-ethnographic essays on Mansi material culture], St. Petersburg.: MAE RAN, 284 p.

Chernetsov V.N. i Chernetsova I.Ia., 1936. *Kratkii mansiisko-russkii slovar' s prilozheniem grammaticheskogo ocherka* [Concise Mansi-Russian dictionary with a grammatical sketch], Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 115 p.

Е.В. Перевалова

Институт истории и археологии УрО РАН,
ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990
E-mail: Elena_perevalova@mail.ru

ТУЗЕМНАЯ ЭЛИТА БЕРЕЗОВСКОГО КРАЯ В РИСУНКАХ И ФОТОГРАФИЯХ

Рисунок и фотография, воспринимаемые не как статичный образ, а как визуальный текст, создают особое информативное поле, позволяющее наглядно представить героя и его эпоху. С начала XIX в. «портрет» (рисунок, фотография) и его исполнение (рисование, фотографирование) становятся статусными для туземной элиты. Этнополитический аспект визуальных представлений остяцких, вогульских и самоедских «князей» и старшин Березовского края проявляется в определенной регламентации сюжетов (персональные и групповые ранжированные изображения, клятва на шкуре медведя, Обдорская ярмарка), выборе костюма (парадные одежды), присутствии символов и атрибутов власти (жалованные грамоты и другие царские дары).

Ключевые слова: *визуальный текст (рисунок, фотография), туземная (остяцкая, вогульская, самоедская) элита, «князья», старшины, символы и атрибуты власти, Березовский уезд.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-162-172

Запечатление людей и событий на рисунках и фотографиях, составляющих визуальную научную документалистику, по емкости и эффективности передачи антропологической информации не уступает текстовым описаниям в письменных (архивных документах) и устных (фольклоре, биографических нарративах) источниках. Предлагая для исторических реконструкций метод «крупного плана», А.В. Головнев отмечает, что не слово (письменный текст), а образ (визуальное изображение, видеоряд) «нацеливает на воссоздание ценностей и атмосферы исследуемой эпохи in situ» и в историко-антропологическом повествовании важна не столько прорисовка портрета исторических деятелей или этнографических персонажей, сколько «погружение в индивидуальность» и рассмотрение жизненной ситуации, культуры, политики глазами героя (персонификация истории) [2007, 2010]. Рисунок и фотография, воспринимаемые не как статичный образ, а как визуальный текст, создают особое информативное поле, позволяющее наглядно представить явление и действие, рассмотреть детали, атмосферу и настроение сцены, считать эмоциональной контекст диалога изображаемого и изображающего.

В одном из записанных статистиком-этнографом С.К. Паткановым «Сказаний о поездках остяцких князей к русским царям» сибирские гости прибыли в столицу «ко крыльцу дворца» и, принимая визитеров «в своих хороммах», государь «первым делом снял с них портрет» [Патканов, 1999, с. 119]. В публикациях путешественников и исследователей XIX–XX вв., фондах столичных и сибирских музеев представлены рисунки и фотографии остяцких, вогульских и самодийских «князей» и старшин (этнографические портреты с натуры), дающие возможность расставить дополнительные акценты в этнополитическом диалоге российской метрополии и туземной элиты.

Самое раннее из имеющихся изображений представителей остяцкой и самоедской элиты Северо-Западной Сибири встречается на так называемых сибирских шторах (акварельных панно) из фондов Музея антропологии и этнографии [МАЭ РАН, № 5753/1–6]. «Шторы» представляют собой писанные на сшивных прямоугольных полотнищах миткала тушью с акварельной раскраской многокомпозиционные рисунки. Стилистический анализ рисунков был сделан К.А. Большевой, отметившей связь творчества Н. Шахова с картографией XVIII в. (см.: [Большева, 1949]). В.Н. Чернецов датировал «шторы» первой половиной XIX в. (не позднее 1845–1848 гг.) и отметил исключительную ценность и высокую информативность изображений [1949]. А.И. Терюков допустил, что «шторы» могли быть привезены в Санкт-Петербург участниками Уральской экспедиции РГО под руководством К.Э. Гофмана (1849–1850) [2004]. Авторские подписи указывают, что они выполнены сибирским художником-самоучкой Николаем Шаховым, принадлежавшим к одному из старейших казачьих родов г. Березова. Исследуя родословную Шаховых,

В.К. Белобородов отметил, что в XVII–XVIII вв. среди представителей старейшего рода Березова были в основном служилые казаки и таможенные подъячие, занимавшиеся объяснением земель, обороной русских острогов и усмирением туземцев, сбором ясака и таможенных пошлин, и предположил, что автором «штор» мог быть урядник Николай Леонтьевич Шахов [2004]. Ссылаясь на архивные источники, Е.В. Вершинин сообщал, что в 1811 г. березовский казак Николай Шахов ездил в Обдорск «для незаконной торговли с инородцами» [2000, с. 273–274].

Пять из шести панно Н. Шахова имеют авторские названия. В протоколе «Известий Русского археологического общества» отмечалось, что на присланных в 1849 г. в Русское географическое общество «сибирских шторах» изображены различные занятия инородцев, острожки и обдорские «князья» в жалованных Екатериной II кафтанах [Изв. РАО, 1884, с. 227]. В XVII–XIX вв. парадные одежды составляли главные монаршие дары туземной элите за усердную службу государям; наличие знаков высочайшего внимания (жалованных грамот, кафтанов, медалей, кортиков, кубков) подчеркивало особое положение «князцов» и старшин (подробнее см.: [Перевалова, 2004, с. 41–44; 2008]).

Судя по названиям и сюжетам, рисунки Шахова¹ — исторически детально-точный взгляд российской власти на западно-сибирскую государеву вотчину (Березовский уезд Тобольской губернии) и систему управления ею. В верхней части шторы «Обдорской князь и самоедские старшины» (рис. 1) изображены горные вершины Полярного Урала и лесотундра с амбарами-лабазами и нартами, в нижней — Обь с протоками, лодками и рыбаками. В центре полотна нарисовано большое жилище с двускатной крышей и нарами вдоль стены. Очевидно, это резиденция обдорского князя. Внутри помещения — фигуры женщины с ребенком, мужчины-просителя и подростка, трех облаченных в длинные красные халаты и шапки мужчин. Двое мужчин в одинаковых шапках и халатах с кортиками на поясах — самоедские старшины. Третий мужчина в расшитом золотом халате с большим воротником и шапке с золотым околышком — сам обдорский князь Матвей Яковлевич Тайшин. Штора «Обдорской князь и самоедские старшины» вкупе со шторами «Губа Морская» и «Обдорская крепость» представляют Обдорию (северный район Березовского уезда) первой половины XIX в. — обширные земли долины р. Оби, впадающей в Луку моря, парусные и беспарусные суда, бороздящие ее воды; русскую крепость на р. Полуе; туземные племена, занимающиеся промыслом рыбы и оленеводством. Обдория выглядит как административное ядро Нижнего Приобья, где интересы коренного населения представляет туземная элита — «князья» и старшины.

Штора «Казымский городок» и безымянная штора составляют диптих, знакомящий с обитателями Казымской волости (восточный район Березовского уезда). На поименованном полотне в верхней части изображен Казымский (Юильский) городок в верховьях р. Казыма, в нижней части — Полноватский погост на притоке Оби р. Полноватке. Казымский городок от прочих селений отличают башни и частокол, избы с трубами, «собачьи домики» и виселица неподалеку от крепости. На безымянном полотне помимо прочего нарисован мужчина в красном с золотом халате и зеленой шапке, рядом с ним — мужчина с шапкой в руках. Вероятно, так художник пытался изобразить местного старшину и челобитчика-просителя. Значительную часть обоих полотен занимают сюжеты о жизни туземного населения. На шторе «Волости Сосьвинская и Ляпинская. Промыслы» представлен самоедо-вогульско-зырянский край (западный район Березовского уезда). В нижней части полотна изображены Сартыннинский погост на р. Сосьве и Ляпинская крепость на рр. Сыгве и Щекурье. Ляпинский форт аналогичен Казымскому городку, но без «собачьих домиков» и виселицы. Верхняя и средняя части полотна заняты сценами охоты на дикого оленя и лося, пушного зверя и медведя, изображениями стойбищ с чумами, юрт с хозяйственными строениями и изб с печными трубами.

К первой трети XIX в. относятся литографические рисунки из книги «Поездка к Ледовитому морю» члена врачебной управы Франца Белявского, состоявшего в течение трех с половиной лет на службе в Западной Сибири. Имена представителей остяко-самоедской элиты названы в подписях к иллюстрациям — «Остяцкой Князь Тайшин» и «Старшина Пайвол» [Белявский, 1833, цв. вклейки]. Символично, что поясной портрет обдорского князя Матвея Тайшина помещен на титульную страницу книги. Князь изображен в парадном облачении — рубахе с голубым

¹ Кроме «штор» известно по крайней мере еще о двух работах Николая Шахова: рисунке с условным названием «Битва остяцких племен» с монограммой художника «Ри. Ни. Ша» из фондов Тобольского губернского музея [ТИАМЗ, ТМ-17609] и картине «Ярмарка в Березове», датированной 1855 г. и подписанной Н. Шаховым, из библиотеки РГО (местонахождение неизвестно. — Е. Л.) (см.: [Чернецов, 1949, с. 7]).

шейным платком, малиновом кафтане и шапке-конфедератке, за поясом заложен кортик с рукоятью, увенчанной головой хищной птицы. Наряд соответствует описанию парадного костюма обдорского князя, подаренного ему Екатериной II. Художественный образ князя не противоречит авторскому текстовому представлению. «Нынешний князь Тайшин,— пишет Белявский,— роста хотя малого, но статен, лицом не так дурен... белокур, бороды не носит, сложения довольно крепкого, природного ума имеет очень много, чрезвычайно горд, самолюбив и скуп до крайности» [1833, с. 84]. Под портретом князя помещен рисунок «Обдорская крепость», на котором изображен разрезанный двумя обскими притоками высокий берег Оби на фоне Полярного Урала; на одном из берегов-возвышенностей стоит русский город-крепость с церквями, а по окрестностям рассыпаны юрты. В отличие от остяцкого князя Тайшина самоедский старшина Пайгол (Пайвол Нырмин) изображен в полный рост в меховых одеждах — накидке (?), малице с поясом, расшитым металлическими бляшками, кисах и с костяной трубкой в руке. Текстовое описание главного самоедского старшины не в полной мере соответствует портрету, на котором изображен сравнительно молодой человек с усами и бородкой: «Пайгол... роста среднего, ему с лишком 90 лет, сед, но, несмотря на лета, очень крепок и здоров» [Белявский, 1833, с. 171].

Рис. 1. Н. Шахов. «Обдорской князь и самоедские старшины» (рис. опубл.: [Терюков, 2004, с. 56]).

С середины XIX в. написание портретов, а позже и фотографирование туземной элиты становится устойчивой традицией, которой сама туземная элита придавала немалое значение. Итальянский натуралист и антрополог С. Соммье отмечал, что, когда князь Иван Тайшин пред-

Туземная элита Березовского края в рисунках и фотографиях

принял путешествие в Санкт-Петербург (1854) и удостоился чести быть принятым при дворе императора Николая I, с него был написан портрет (местонахождение неизвестно. — *Е. П.*). Во время личной встречи исследователя с обдорским князем последний не позволял ни рисовать себя, ни даже сделать антропологические измерения в обыденном костюме, а предпочел переодеться в «княжеские» одежды (рис. 2) [Соммье, 2012, с. 304, 305]. Три литографии, представляющее туземную элиту Западной Сибири XIX в., включены в немецкое издание трудов М.А. Кастрена. На одной из них изображен сидящий в кресле обдорский князь в парадном камзоле («Iwan Taischin»), на двух других — самоедские и североостяцкие старшины (групповые портреты «Noje Kobulin. Iwan Chudin. Lakurei. Tajundoma Chudin» и «Iwan Chudin. Nain Chudin. Kilim Malikow») [Castren, 1856].

Рис. 2. Князь Тайшин (рис. опубл.: [Соммье, 2012, с. 303]).

Более десятка портретов и сюжетных рисунков с изображением туземной элиты принадлежат кисти известного тобольского художника Михаила Степановича Знаменского. На севере Западной Сибири Знаменский побывал дважды: зимой 1863/1864 г. он посетил Березов и Обдорск, а в 1866 г. по приглашению тобольского губернатора А.И. Деспот-Зеновича в составе губернаторской свиты совершил поездку в Обдорск и Надым. В 1889 г. на открытии Тобольского губернского музея была организована выставка его рисунков серии «От Тобольска до Обдорска» [Некролог, 1892].

В поездках на Север М.С. Знаменский имел возможность лично познакомиться с остяцкими и самоедскими «князьями» и старшинами. Выполненные им портреты и рисунки — яркая иллюстрация русско-угорско-самодийских отношений. Вероятно, с натуры художником был сделан рисунок «Князь Тайшин и тобольский губернатор А.И. Деспот-Зенович»², где запечатлена встреча представителей туземной и губернской власти, а под изображением воспроизведены печать князя и факсимиле росписи губернатора [ГИМ, 23780щ/ип 3658]. Тот же сюжет воспроизведен на рисунке «Тобольский губернатор А.И. Деспот-Зенович разговаривает с остяцким князем Тайшиным (на палубе парохода)» из альбома «Дорожные виды» [ОМИИ, Гр-280].

На переднем плане акварельного рисунка Знаменского «Князь Тайшин и старшины» изображены Иван Тайшин в парадном бордовом кафтане, трое старшин в синих и красных кафта-

² Из серии работ, подготовленных для Московской политехнической выставки 1872 г. [Михаил Степанович Знаменский..., 1984, с. 23, 24].

нах и шапках (у одного нагрудный знак) и один старшина в малице³ [ТИАМЗ, ТМ-8369]. На рисунке «Зимовье князя Тайшина близ Обдорска» нарисованы родовые юрты обдорских князей на берегу Оби (Горнокнязевск) [ТИАМЗ, ТМ-844]. На акварельном рисунке «Самоеды» (рис. 3) представлен самоедский старшина Пайвол Нырмин в парадном халате с кортиком за поясом и трубкой в руке, рядом с ним самоедка в *ягушке* (шубе из оленьих шкур) и шапке, в ногах мужчина в *малице* с музыкальным инструментом⁴ [ТИАМЗ, ТМ-8154]. Изображение туземной элиты при полном параде становится своеобразным канон.

Рис. 3. М.С. Знаменский. «Самоеды» [ТИАМЗ, ТМ-8154].

Часть работ, написанных по мотивам нижеобской одиссеи М.С. Знаменского, вошла в альбом «От Тобольска до Обдорска» [ОРК РГБ, Н-277]. Рисунки, характеризующие жизнь сибиряков и быт инородцев, заинтересовали цесаревича Николая Александровича, посетившего Тобольск в ходе знаменитого путешествия на Восток (1890–1891). Он приобрел альбом для своей сибирской коллекции. Альбом включает 32 работы, выполненные на отдельных листах бристольского картона в технике акварели. Они вложены в кожаную папку-футляр, украшенную берестой и тисненой виньеткой с наименованием. Излюбленная художником серия неоднократно дополнялась и тиражировалась (см.: [Неизвестный альбом..., 2008]).

Тема управления сибирскими инородцами отражена по крайней мере в трех рисунках из альбома: «На Обдорской ярмарке», «Присяга самоедов-язычников на медвежьей шкуре» и «Остяки и самоеды». Рисунок «На Обдорской ярмарке» (рис. 4) — одна из ярких страниц взаимодействия пришедшего и коренного населения: среди разноликой толпы самоедов, остяков, русских и зырян, изображенных на фоне православной церкви, выделяются фигуры одетых в парадные костюмы Ивана Тайшина и Пайвола Нырмина [От Тобольска до Обдорска..., 2008]. К теме обдорской ярмарки художник обращался неоднократно: в пояснительной записке к выставке 1889 г. фигурирует рисунок «Сцены из Обдорской ярмарки»; рисунки «Обдорская ярмарка» и «Зимняя ярмарка в Обдорске» включены в книги Ю.И. Кушелевского [1868, с. 65] и

³ Среди них, вероятно, помощник обдорского князя, остяцкий старшина Юрий Ранымов (в красном халате), старшины Анико (в малице) и Калиев (в синем халате с медалью) (см.: [Кушелевский, 1868, с. 77]).

⁴ Музыкальный инструмент явно не самодийский, а остяцкий, как и изображенные на рисунке берестяные сосуды.

Туземная элита Березовского края в рисунках и фотографиях

С. Соммье [Соммье, 2012, с. 281]; варианты рисунков с ярмарочными сюжетами сохранились фондах музеев [ГИМ, 23780щ/ип 3644; ИОХМ, Г-3303; ТИАМЗ, ТМ-16799].

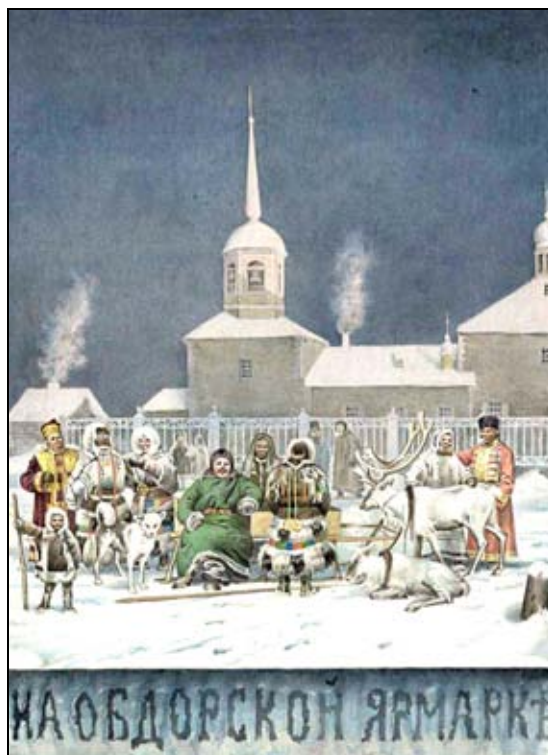

Рис. 4. М.С. Знаменский. «На Обдорской ярмарке» (опубл.: [От Тобольска до Обдорска..., 2008]).

Рисунок «Остяки и самоеды» (рис. 5) — собирательный образ, отражающий структуру туземного управления Обдорией [От Тобольска до Обдорска..., 2008]. В верхней части композиции размещен поясной портрет Ивана Тайшина⁵ в кафтане, шапке, с медалью на шее, дополненный личной печатью. Слева и справа от портрета две остячки: одна в рубаше и халате с меховым мешком в руках (среднеобские остячки), другая — в суконном халате-сахе (нижнеобские остячки). В средней части композиции помещен портрет мужчины в длинном парадном халате с кортиком и женщины в самоедской ягушке; в нижней — групповой портрет самоедов в меховых одеждах. Рисунок дополняют вставки-гравюры с изображением «диких народов» из книг западно-европейских путешественников. Очевидно, верхнее изображение написано с фотографии из экспедиции И.С. Полякова, среднее — с фотографии «Остяцкий князь и сыны» из фондов Тобольского губернского музея [ТИАМЗ, ТМ-15655], нижнее выполнено по мотивам рисунка «Самоеды». В аннотации к рисунку указано, что это «портрет самого князька Тайшина и его сына с женой», внизу изображены самоеды по рисункам 1693 и 1796 гг. и «типы современных самоедов» (см.: [Неизвестный альбом..., 2008, с. 9]). На рисунке «Присяга самоедов-язычников на медвежьей шкуре» изображены чиновник и туземцы, а между ними на столе разложена медвежья шкура (традиция произнесения клятвы перед медведем вошла в административные практики управления сибирскими инородцами (подробнее см.: [Перевалова, 2013])).

На 2 из 17 рисунков М.С. Знаменского, включенных в книгу Ю.И. Кушелевского, также изображена туземная элита. «Типы кочующих Остяков, оленеводов в самоедских тундрах» представляют старшин Анико и Калева, помощника обдорского князя Юрия Ранымова (крестника Кушелевского), жену самоедина Нячи и работника Уйно. На рисунке «Самоедский и остяцкий князь Тайшин приводит к присяге самоедов, не сознавших в краже оленей» в юрте перед облачен-

⁵ Возможно, изображение скопировано с фотографии И.С. Полякова «Тайшин, князь хантов района Обдорска» [МАЗ РАН, 106А-40].

ным в парадный халат и меховую обувь князем совершается клятва на лапе медведя. В иллюстративный ряд включен также рисунок «Обдорская ярмарка» [Кушелевский, 1868, с. 4, 63, 77, 107].

Рис. 5. М.С. Знаменский. «Остяки и самоеды» (рис. опубл.: [От Тобольска до Обдорска..., 2008]).

Портрет 70-летнего обдорского князя Ивана Тайшина опубликован в книге А. Алквиста. Рисунок выполнен с фотографии, сделанной на рыболовном стане спутником финского исследователя студентом Эмилем Бозмом. Сам Алквист, встречавшийся с князем в 1858 и 1877 гг., утверждал, что Тайшин являлся «самой большой и почти единственной достопримечательностью Обдорска» [1999, с. 47–49, 111, 151, 153], что, по-видимому, в значительной мере объясняет стремление путешественников и исследователей, добравшихся до низовий Оби, непременно познакомиться с туземной знатью.

На фотографиях конца XIX — начала XX в.⁶ остяко-самоедская элита также предстает в парадном облачении: в жалованных кафтанах и с атрибутами власти. Из экспедиции на Обь (1876) зоолог И.С. Поляков помимо этнографических и антропологических коллекций привез серию фотографий⁷ [Поляков, 1877, с. 1–2]. Среди них несколько снимков североостяцких «князей» и самоедских старшин [Фотофонд МАЭ РАН, 106А, № 18–21, 40–41, 72]: «Портрет князя северных остяков Артанзиева» — поясной снимок куноватского князя Назара Артанзеева в бархатном кафтане, халате и шапке, с медалью на груди. Кафтан с большим отложным воротни-

⁶ Визуальные материалы, и прежде всего фотографии, в последнее время все активнее используются этнологами в исследованиях разных аспектов этносоциальной истории и реконструкциях (см., напр.: [Богордаева, 2014].

⁷ Подробнее о фотоколлекции И.С. Полякова см.: [Прищепкова, 2011]. Фотоснимки представлены на сайте Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера): <http://www.kunstkamera.ru/kunst-catalogue/index.seam?path=675%3A1055%3A3-526582&c=PHOTO&cid=322939>.

ком, по подолу и полам расшит золотым шитьем, тулья шапки также обшита шитьем. На снимке «Князь Артанзиев (старший)» тот же Назар запечатлен в полный рост, опирается на костыль. Хорошо виден надетый под кафтан халат, европейского варианта штаны и обувь. На снимке «Портрет князя северных остяков Артанзиева с семьей» вместе в Назаром запечатлены его жена, сын Семен со снохой и три дочери, все в меховых одеждах и обуви. На фотографии «Остяки» сняты в полный рост Семен Артанезеев и его жена в меховых одеждах и ровдужной обуви. Контраст между обыденной жизнью и парадными нарядами туземных «князей» явно притягивал взгляд исследователя с фотокамерой.

На двух снимках из коллекции Полякова с одинаковым названием «Тапшин (Тайшин. — *Е. П.*), князь хантов района Обдорска» снят князь Иван Тайшин. На одном снимке он сидит на стуле в парадном облачении (бархатный кафтан с парчовым полукафтаньем, на голове бархатная шапка, обувь и штаны европейского варианта, на шее — медаль на ленте) и придерживает лежащую на маленьком столике подтверждающую наследственные права жалованную грамоту; на краю столика стоит жалованный кубок. На другом снимке (погрудный портрет в овальной рамке) князь Тайшин в обыденной одежде, без каких-либо знаков отличия. Групповой портрет «Самоеды и их старшина Павоило Нармин» (Пайгол Нырмин. — *Е. П.*) сделан в административном помещении или фотосалоне: старшина стоит, опираясь рукой на плечо молодого самоеда, перед ними, скрестив ноги, сидит еще пара самоедов. Пайгол одет в длинный кафтан-халат, на голове папаха, на поясе кортик, сопровождающие его самоеды в меховых одеждах.

Рисунки М.С. Знаменского и фотографии из экспедиции И.С. Полякова послужили исходниками для иллюстраций к книге Стефано Соммье «Un estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirieni, Tatarì, Kirhisi e Baskiri» («Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир»), изданной в 1885 г. во Флоренции [Sommier, 1885]. С акварелей Знаменского были выполнены гравюры «Зимняя ярмарка в Обдорске» (один из персонажей — мужчина в мундире с кортиком) и «Зимние юрты князя Тайшина на правом берегу Оби, в 25 верстах от Обдорска», а с фотоснимков «спутника Полякова» — «Князь Тайшин» (вероятно, этот снимок в коллекции Полякова не сохранился) и «Сын остяцкого кунуватского князя Артанзеева и его жена». В аннотации к портрету Тайшина итальянский ученый, лично встречавшийся с обдорским князем, заметил, что «на самом деле Тайшин не выглядел так величественно и достойно», как на рисунках и фотографиях [Соммье, 2012, с. 211, 281, 303, 347].

Несколько фотографий остяцких, вогульских и самоедских «князей» и старшин сохранились в архиве ТИАМЗ. На снимке А.А. Дунина-Горкавича «Старшины Ляпинской волости Степан Ляпин и Нил Шешкин» (январь 1895 г., Обдорск) из коллекции «Типы остяков, вогулов, самоедов разных районов Тобольского Севера» запечатлены два представителя вогульской элиты в лицах (рис. 6) [Фотофонд ТИАМЗ, ТМ-17119/8]. На фотографии начала XX в. У.Ф. Сирелиуса сняты их потомки — братья Дмитрий и Михаил Степановичи Сескины (Шешкины) в дарованных Екатериной II и тобольским губернатором кафтанах, с жалованной грамотой Ивана и Петра Романовых и «похвальным листом» [Фотоархив Музейного ведомства Финляндии, SUK36:76].

Фотографии «Остяки и князь Тайшин в Обдорске» и «Стадо оленей у чума Тайшина около Обдорска» из коллекции ихтиолога Н.А. Варпаховского были сделаны во время экспедиции на р. Обь и Обскую губу зимой 1885/1886 г. [Фотофонд ТИАМЗ, ТМ-15539/90, 92]. На первом снимке князь Тайшин в парадном наряде и в окружении туземцев сфотографирован у здания Обдорской остяцкой и самоедской инородной управы, на втором сняты представители рода Тайшиных на стойбище (два чума и олени упряжки, дети, женщины и мужчины в меховых одеждах). В фотофонде ТИАМЗ имеется еще пара снимков чума князя Тайшина близ Обдорска [Фотофонд ТИАМЗ, ТМ-15568/1 (2), 3]. На малоизвестной фотографии «О. Пуйко. Остяцкий старшина Ким Тайшин на волостном каюке» из фотоколлекции Л.Е. Луговского «Виды и типы р. Оби и острова Пуйко» запечатлены старшина и толмач [Фотофонд ТИАМЗ, ТМ-15541/26].

На «салонной» фотографии «Остяцкий князь Тайшин» представитель княжеского рода (если верить записи М.С. Знаменского, сын Ивана Тайшина) снят в длинном парадном халате с кортиком на поясе. По обе стороны от него сидят, вероятно, его жена, два сына и кто-то из российской администрации [Фотофонд ТИАМЗ, ТМ-15655]. Последний из дореволюционных снимков туземной элиты — фотография гласных Первой сессии Тобольского губернского земского собрания, среди которых названы князь Тайшин «от низовых остяков», Хему Хороля «от бродячих самоедов», Тазю Юганпелик, «самоед влиятельного рода», и два переводчика. Фотография сделана в 1910 г. в фотосалоне М.М. Уссаковской в Тобольске [Фотофонд ТИАМЗ, ТМ-15656].

Рис. 6. Старшины Ляпинской волости Степан Ляпин и Нил Шешкин. Фото А.А. Дунина-Горкавича, январь 1895 г. [ТИАМЗ, ТМ-17119/8].

Рисунок и фотография — не выхваченный из потока времени миг, а целостное визуальное повествование, запечатленный в котором диалог российской власти (казаков, чиновников, ученых) и туземной элиты (князей, старшин) оказывается не менее яркой и информативной страницей взаимоотношений метрополии и сибирской колонии, чем писаная история. С начала XIX в. «портрет» (рисунок, фотография), как и его исполнение (рисование, фотографирование) становятся статусными для представителей туземной элиты⁸. Этнополитика визуализирована в позах и расположении «князей» и старшин (персональные и групповые ранжированные изображения), сюжетном контексте (клятва на шкуре медведя, Обдорская ярмарка), выборе костюма (парадные одежды), символах и атрибутах власти (жалованные грамоты и другие царские дары).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- ГИМ. 23780щ/ип 3658. Знаменский М.С. «Князь Тайшин и тобольский губернатор А.И. Деспот-Зенович» (47×32,5, картон, акварель).
- ГИМ. 23780щ/ип 3644. Знаменский М.С. «Обдорская ярмарка» (30,6×47,5; картон, акварель).
- МАЭ РАН. № 5753/1-6. Шахов Н. Рисунки на ткани (1315×780; 1305×800; 1305×740; 1300×805; 1305×770; 1335×79; ткань, акварель).
- ИОХМ Г-3303. Знаменский М.С. «Ярмарка в Обдорске», серия «Остяки Тобольской губернии» (22,6×30,3; бумага, карандаш).
- Некролог* // Сиб. листок. Тобольск, 1892. 12 марта. № 20.
- ОМИИ. Гр-280. Знаменский М.С. Альбом «Дорожные виды». Лист № 29. «Тобольский губернатор А.И. Деспот-Зенович разговаривает с остяцким князем Тайшиным» (*на палубе парохода*) (42,5×26,5; бумага, карандаш).
- Отдел редких книг РГБ. Н-277. Альбом рисунков М.С. Знаменского «От Тобольска до Обдорска».*
- ТИАМЗ. ТМ-8154. Знаменский М.С. «Самоеды». Вторая половина XIX в. (25,5×31,5; картон, акварель).

⁸ Несмотря на негативное отношение к любому изображению (особенно фотографии), что связано с представлениями обских угров о душе (изображение-хор — одна из 4–5 душ человека).

Туземная элита Березовского края в рисунках и фотографиях

ТИАМЗ. ТМ-8369. Знаменский М.С. «Князь Тайшин и старшины» [Остяцкие старшины]. Вторая половина XIX в. (22×14,5; бумага, акварель).

ТИАМЗ. ТМ-844. Знаменский М.С. «Зимовье князя Тайшина близ Обдорска». Вторая половина XIX в. (26,9×41,7; бумага, акварель).

ТИАМЗ. ТМ-16799. Знаменский М.С. «Обдорская ярмарка» (бумага, карандаш, акварель). 1870-е гг.

ТИАМЗ. ТМ-17609. Шахов Н. «Битва остяцких племен» (91×65; бумага, тушь, акварель).

Фотоархив Музейного ведомства Финляндии. SUK36:76. Коллекция У.Ф. Сирелиуса. Начало XX в.

Фотофонд МАЭ РАН. 106А. Фотоколлекция И.С. Полякова. Экспедиция в низовья р. Обь, 1876 г.

Фотофонд ТИАМЗ. ТМ-15539/90, 92. Фотоколлекция Н.А. Варпаховского. Экспедиция на р. Обь и Обскую губу, зима 1885/1886 г.

Фотофонд ТИАМЗ. ТМ-15541/26. Фотоколлекция Л.Е. Луговского «Виды и типы р. Оби и острова Пуйко». 1896 г.

Фотофонд ТИАМЗ. ТМ-15655 (из старых фондов музея, ИФ 391, акт № 98 1984 г.).

Фотофонд ТИАМЗ. ТМ-15656 (из старых фондов музея, ИФ 390, акт № 98 1984 г.). 1910 г.

Фотофонд ТИАМЗ. ТМ-15568/1 (2), 3. Серия «Березовский уезд Тобольской губернии». Конец XIX в.

Фотофонд ТИАМЗ. ТМ-17119/8. Фотоколлекция А.А. Дунина-Горкавича «Типы остяков, вогулов, самоедов разных районов Тобольского Севера». 1895 г.

Литература

Алквист А. Среди хантов и манси: Путевые записи и этнографические заметки / Пер. с нем. и публ. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 179 с.

Белобородов В.К. Шаховы в Березове. След рода в истории города // Славянский ход: 1991–2002. Материалы исследования. Сургут; Ханты-Мансийск, 2004. Вып. 1. С. 67–71.

Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. 274 с.

Богордаева А.А. Традиционная одежда обских угров в 1930–1970-е гг. (по фотоматериалам Р.К. Бардиной) // Портреты обских угров (из семейных фотоархивов обских и нижнесосьвинских манси и хантов). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 235–251.

Большева К.А. Стилевые основы композиций панно Н. Шахова из коллекций МАЭ // СМАЭ. 1949. Т. X. С. 34–38.

Вершинин Е.В. Русские старожилы Березова (XVII–XVIII вв.) // Русские старожилы: Материалы III Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 дек. 2000, г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2000. С. 271–274.

Головнев А.В. О киноантропологии // Антропол. форум. 2007. № 7. С. 21–32.

Головнев А.В. Крупный план в антропологии // УИВ. № 4 (29). 2010. С. 14–20.

Известия Русского археологического общества. 1884. Т. X. Вып. 2.

Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ялмал. СПб., 1868. 156 с.

Михаил Степанович Знаменский (1833–1892): Каталог. Тюмень, 1984. 52 с.

Неизвестный альбом Михаила Знаменского «От Тобольска до Обдорска». Тобольск: Изд-во Общественного фонда «Возрождение Тобольска», 2008. 23 с.

Патканов С.К. Соч.: В 2 т. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 2: История колонизации Сибири.. 320 с.

Перевалова Е.В. Северные ханты: Этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.

Перевалова Е.В. «Белый царь» в угорско-самодийской традиции // Народонаселение Сибири: Стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX века). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 155–185.

Перевалова Е.В. Шерть, медвежья присяга и пляска с саблями // УИВ. 2013. № 4 (41). С. 120–131.

Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии Наук. Приложение к XXX-му тому Записок Имп. Академии Наук. СПб., 1877. № 2. 187 с.

Прищелова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб.: Наука, 2011. 452 с.

От Тобольска до Обдорска: Рисунки М.С. Знаменского. Репринт. изд. 1862 г. Тобольск: Изд-во Общественного фонда «Возрождение Тобольска», 2008. 32 л.

Соммье С. Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир. Томск: Изд-во ТГУ, 2012. 640 с.

Терюков А.И. Материалы к иконографии населения Тобольского Севера // Славянский ход: 1991–2002. Материалы исследования. Сургут; Ханты-Мансийск, 2004. Вып. 1. С. 50–66.

Чернецов В.Н. Быт хантов и манси по рисункам XIX в. // СМАЭ. 1949. Т. X. С. 7–33.

Castren M.A. Reiseberichte und briefe aus den jahren 1845–1849. St. Peterburg, 1856.

Sommier S. Un estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirieni, Tatars, Kirhisi e Baskiri. Firenze: Ermanno Loescher; Torino; Roma, 1885. 637 p.

NATIVE ELITE OF BEREZOVSKY DISTRICT THROUGH THE PAINTINGS AND PHOTOS

The paintings and photos, perceived not as a static image, but as a visual text, create a specific informative field that allows us to visualize the character and his or her epoch. Since 19th century a «portrait» (a painting, a photo), as well as a manner of working (painting, taking photos) had been becoming a sign of high status for the native elite. An ethnopolitical aspect of visual representations of Ostyako-Vogulsky and Samoyed «lords» and foremen of Berezovsky district is manifested through a certain rulemaking of subjects (personal and group graded images, bear skin oath, an Obdorskaya Fair, etc.), the choice of clothes (dressing up), the presence of power symbols and attributes (patents and other tzar gifts).

Key words: visual text (paintings, photography), native (Ostyak, Samoyed) elite, «lords», foreman, symbols and attributes of power, Berezovsky district

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-162-172

REFERENCES

- Alkvist A., 1999. *Sredi khantov i mansi: Putevye zapisi i etnograficheskie zametki* [Among Khanty and Mansi: Traveling records and ethnographic notes], Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 179 p.
- Beloborodov V.K., 2004. Shakhovy v Berezove. Sled roda v istorii goroda [The Shakhov in Beryozovo: A family trace in the history of the city]. *Slavianskii khod: 1991–2002. Materialy issledovaniia*, no. 1, Surgut; Khanty-Mansiisk, pp. 67–71.
- Bogordaeva A.A., 2014. Traditsionnaia odezhda obskikh ugrov v 1930–1970-e gg. (po fotomaterialam R.K. Bardinoi) [Traditional clothing of the Ob-Ugrian peoples, 1930–1970 (based on photographs by R.K. Bardina)]. *Portrety obskikh ugrov (iz semeinykh fotoarkhivov obskikh i nizhnosov'vinskikh mansi i khantov)*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, pp. 235–251.
- Bol'sheva K.A., 1949. Stilevye osnovy kompozitsii panno N. Shakhova iz kolleksii MAE [Stylistic foundations of composition of a panel by N. Shakhov from the MAE collections]. *Sbornik MAE*, vol. 10, pp. 34–38.
- Castren M.A., 1856. *Reiseberichte und briefe aus den jahren 1845–1849*, St. Petersburg.
- Chernetsov V.N., 1949. Byt khantov i mansi po risunkam XIX v. [Life of Khanty and Mansi according to the drawings of the 19th century]. *Sbornik MAE*, vol. 10, pp. 7–33.
- Golovnev A.V., 2010. Krupnyi plan v antropologii [Close up view in anthropology]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 4 (29), pp. 14–20.
- Golovnev A.V., 2007. O kinoantropologii [About film anthropology]. *Antropologicheskii forum*, no. 7, pp. 21–32.
- Patkanov S.K., 1999. *Istoriia kolonizatsii Sibiri* [History of colonization of Siberia], vol. 2, Tumen: Izd-vo lu. Mandriki, 320 p.
- Perevalova E.V., 2004. *Severnye khanty: Etnicheskaia istoriia* [Northern Khanty: Ethnic history], Ekaterinburg: UrO RAN, 414 p.
- Perevalova E.V., 2008. «Belyi tsar»' v ugorsko-samodiiskoi traditsii [«The white tsar»' in the Ugrian-Samoyed tradition]. *Narodonaselenie Sibiri: Strategii i praktiki mezhekul'turnoi kommunikatsii (XVII — nachalo XX veka)*, Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 155–185.
- Perevalova E.V., 2013. Shert', medvezh'ia prisiaga i plianska s sabliami [Shert', the bear oath and dancing with sabers]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 4 (41), pp. 120–131.
- Prishchepova V.A., 2011. *Illustrativnye kolleksii po narodam Tsentral'noi Azii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka v sobraniakh Kunstkamery* [Illustrative collections about the peoples of Central Asia of the second half of 19th — the beginnings of the 20th century in the Kunstkamera collections], St. Petersburg: Nauka, 452 p.
- Sommier S., 1885. *Un estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirieni, Tatari, Kirhisi e Baskiri*, Firenze: Ermanno Loescher; Torino; Roma, 637 p.
- Sukhorukova N.V., 1999. «Bitva ostiatskikh plemen»: (Graficheskii pamiatnik nachala XVIII v. iz fondov TGIAMZ) [«Fight of Ostyak tribes»: (A graphic significant site of the beginning of the 18th century from the funds of TGIAMZ)]. *Obskie ugry: Materialy II Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri» (12–16 dekabria 1999, g. Tobol'sk)*, Tobolsk; Omsk, pp. 249–250.
- Teriukov A.I., 2004. Materialy k ikonografii naseleniia Tobol'skogo Severa [Materials for an iconography of the population of the Tobol'sk North]. *Slavianskii khod: 1991–2002. Materialy issledovaniia*, no. 1, Surgut; Khanty-Mansiisk, pp. 50–66.
- Vershinin E.V., 2000. Russkie starozhily Berezova (XVII–XVIII vv.) [Russian long-term residents of Berezovo (the 17–18th centuries)]. *Russkie starozhily: Materialy III Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri» (11–13 dekabria 2000, g. Tobol'sk)*, Tobolsk; Omsk, pp. 271–274.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология», «Палеоэкология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде одного файла Word, озаглавленного по фамилии автора, а также дополнительных файлов с иллюстрациями.

Рукопись должна включать:

а) сведения об авторе (авторах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи;

в) аннотацию, в которой необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы (**объемом 2000–2500 знаков**);

г) ключевые слова;

д) основной текст работы (рекомендуется выделять цель работы; методику или методологию проведения исследований, если присутствует определенная новизна или оригинальность; результаты работы; основные выводы);

е) библиографический список;

ж) иллюстрации и подрисовочные подписи, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями). Иллюстрации высылаются в графических файлах, желательно в векторном формате, в одном слое, с разрешением более 300 dpi;

з) список сокращений.

В конце рукописи авторы представляют переведенные на английский язык:

— фамилии, имена авторов;

— место работы авторов (данные об аффилировании авторов author affiliation);

— адрес организации (улица, № дома, город, почтовый индекс);

— e-mail авторов;

— заглавие статьи;

— аннотацию, написанную качественным английским языком (2000–2500 знаков с пробелами);

— ключевые слова.

Кроме того, в конце рукописи должен быть представлен список литературы («References») в романском алфавите (латинице) в хорошем качестве, с тем чтобы эти ссылки могли быть учтены при цитировании публикаций авторов и журналов. Для этого нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. После названия на латинице цитируемой статьи, монографии, сборника в квадратных скобках дается название на английском языке. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/rics/va>. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ИПОС СО РАН, редакция журнала. Между автором (соавторами) и главным редактором журнала «Вестник археологии, антропологии и этнографии» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список, транслитерацию) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 4–5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л.

4. **Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей, неадекватным переводом на английский язык не рассматриваются.**

5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

6. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

7. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), фотографии, а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т. д.).

В подрисовочных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисовочных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

8. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовков. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

9. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

10. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: а, в, с, d** и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.**

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984d, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

- Анисимов А.Ф.* Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.
- Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др.* Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.
- Древние культуры Бертексской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др.* Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.
- Зах В.А., Скочина С.Н.* Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2. С. 4–11. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.
- Квашин Ю.Н.* К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. / Под ред. Н.В. Яблонской. Тюмень, 2000. С. 235–238.
- Ковалева В.Т., Варанкин Н.В.* Новые памятники на озере Андреевском // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 204–205.
- Кузьмина Е.Е.* Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.
- Морозов В.М.* Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.
- Шилов С.Н., Рябинина Е.А.* Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.
- Budd P.* Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.
- Radojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al.* On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journ. of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

Плата за публикацию статей не взимается.

Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан каждым из авторов.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ИПОС СО РАН

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68.

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ — Академия наук Республики Татарстан
АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВСОИРГО — Восточно-сибирский отдел Императорского РГО
ГБУТО ГАТО — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»
ГИМ — Государственный исторический музей
ГУТО ГА в г. Тобольске — Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ИА КН МОН РК — Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИОХМ — Иркутский областной художественный музей
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОМИИ — Омский музей изобразительных искусств
ОРК РГБ — Отдел редких книг Российской государственной библиотеки
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
РАО — Русское археологическое общество
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СМАЭ — Сборник МАЭ РАН
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СЭ — Советская этнография
ТИАМЗ — Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
УИВ — Уральский исторический вестник
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ХМАО — Югра — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ

Электронный журнал

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 2 (33)

2016

Редактор

Верстка

Художник

Перевод на английский

и редактирование

Е.М. Зах

М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова

С.А. Иларионова

Р.О. Поплавский

ЛР ИД № 03056 от 18.10.2000. Подписано в печать 30.05.2016.

Уч.-изд. л. 19,3.

Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН.
625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86.

Архитектурный декор наличников
в технике объемной
и рельефной резьбы
(г. Тюмень, Ярковоцкий р-н
Тюменской обл.)

Институт проблем освоения Севера СО РАН

ISSN 1811-7465

9 771811 746005 >